

Феликс
Кандель

Книга времен и событий

51

Феликс
Кандель

Книга времен и событий

5 история евреев Советского Союза

(Уничтожение еврейского
населения 1941–1945)

*Los vom Elend!
Los vom Juden!*

Der Zutritt
Zydams
Вход
евреям
запрещен

ste
ulsozialisten

CHARITABLE FOUNDATION

ספר זה הוענק ע"י
המשרד לקליטת עליה
ועיריית חיפה

Феликс
Кандель **5** история евреев
Советского Союза

уничтожение еврейского населения
(1941–1945)

Феликс
Кандель

Книга
времен и событий
5 история евреев
Советского
Союза

уничтожение еврейского населения
(1941–1945)

Научный редактор
Марк Кипнис

Г Е Ш А Р И М
ИЕРУСАЛИМ
5766

МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2006

Феликс Кандель

Книга времен и событий. История евреев Советского Союза. Уничтожение еврейского населения (1941–1945). Том 5. М.: Мосты культуры, 2006. – 416 с.

В этой книге автор цитирует во множестве свидетелей той Катастрофы, выживших и погибших, которые оставили свои сообщения, письма, дневники, записи на стенах камер и на клочках бумаги. Порой автор не называет имен этих людей: общая их судьба – общая им память, признательность потомков, благодарность и скорбь.

Книга издана при поддержке Благотворительных фондов
«Феникс» и «Российский Еврейский Конгресс»

CHARITABLE FOUNDATION

Издатель
Михаил Гринберг

Художник серии
Наташа Григорьева

Оформление
Григорий Златогоров

Художественный редактор
Даниэль Менделевич

Зав. редакцией
Инна Аблина

העמותה לקליטת עליית בוגרים
רח' 5 פרק 33041

ספרות
8546 / מס'
6597/5

ISBN 5–93273–221–0

© Феликс Кандель, 2006

© Издательство «Мосты культуры», 2006

נחיש («Шоа») – бедствие, гибель, катастрофа.
«И придет к тебе беда – не сможешь
замолить ее, и падет на тебя несчастье –
не сможешь откупиться от него,
и гибель (נחיש) внезапно придет на тебя –
не предвидела ты...»

Из Книги пророка Исаяи

Для чего мы всё время вспоминаем? Для чего запоминаем, помним, записываем? Кто нас услышит, кто задумается, кто поймет? Или это наш долг – передавать свою память следующим за нами? Или надоедливая привычка от дурного воспитания, вроде той, когда останавливают человека на улице, крутят пуговицу его пиджака и заставляют выслушивать то, чего он не желает знать?..

Считанные годы отделяли нас когда-то от тех страшных событий. Десятилетия отделяют теперь. Но всё так же пишут об этом и говорят, исследуют и спорят, доказывают и опровергают. Та же страстность, та же потрясенность, полнейшее непонимание случившегося, невольный дилетантский вопрос посреди научного спора: «Как же могло случиться такое?!» Как же могло случиться, что цивилизованный, культурный народ в центре Европы планомерно и хладнокровно уничтожал народ другой – не в порыве гнева, не в истеричном беспамятстве толпы, а обдуманно, педантично, по графику, с применением новейших средств науки и техники, и преуспел в этом, и уничтожил шесть миллионов жизней, – а мог бы и больше, если бы не остановили, а хотел бы и всех... Пройдут еще десятилетия, пройдут сотни лет, и весь материал будет опубликован, все архивы исследованы, но останется, очевидно, как и теперь, полное непонимание случившегося, невольный вопрос посреди научного спора: «Как же могло случиться такое?!» Как же оно могло?..

Даниил Кловский, узник гетто и лагерей уничтожения: «После войны меня неоднократно посещала мысль, что я живу как бы не своей жизнью. Что меня, настоящего, давно нет, я исчез вместе с остальными. А живет под моим именем кто-то другой, кто не видел, не пережил ужасную

трагедию двадцатого века, не испытал на себе всю жестокость и низость, на которую, оказывается, способны люди. Ведь после такого жить нельзя. Но я всё-таки живу! Всё-таки это я, а не другой – живу. И значит, я должен рассказать людям о том, что видел и пережил. Обо всем...»

«В 1942 году нас загнали в гетто. Мы не могли оттуда выйти. Там многие умерли от голода. Потом выгнали на стадион, молодых убили, а стариков и детей погнали в лес. Нас окружили там цепью, кричали «юде», начали убивать. Детей кидали в яму. Я убежал. За мной погнался немец. Я влез на дерево, и он меня не заметил. Я видел, как убивали всех евреев, и три дня шумела кровь в земле. Мне было тогда десять лет, а теперь мне двенадцать. Нюня Докторович...»

Осмыслить это невозможно. Понять – тем более. Остаются только скорбь, глухая тоска, содрогания души. Ужас тех дней, отчаяние, одиночество посреди народов в годы Катастрофы – кому под силу изложить это на бумаге?

Со стесненным сердцем начинает автор очередной рассказ. Со стесненным сердцем. Со смятенными чувствами...

Иерусалим, 2005 год

Часть девятая

Антисемитизм в Германии. Приход Гитлера к власти

Очерк сорок третий

Расовая теория

1

Немцы вошли в Киев 19 сентября 1941 года. «Они шли в строгом порядке по Крещатику, мытые, начищенные, веселые. Офицеры ехали верхом. Двигались машины...»

В тот день уже задерживали евреев на улицах, избивали, увозили на грузовиках. На улице Ленина собрали мужчин, били прикладами по ногам, заставляли танцевать; назавтра взяли десять стариков-евреев, велели надеть молитвенные облачения, в кузове грузовика возили по городу – прохожие смеялись. На улицах проверяли документы, евреев уводили в полицию, а ночью расстреливали; в пятницу и субботу многие не вернулись из синагог, по Днепру плавали трупы, течением реки прибывало к берегу молитвенные принадлежности.

28 сентября на стенах киевских домов появилось объявление на грубой синей бумаге, напечатанное на русском, украинском и немецком языках: «Все жида города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниково и Дегтяревской улиц...»

29 сентября, с раннего утра, тысячи киевских евреев пошли в последний путь в сторону еврейского кладбища. Шли с чемоданами, мешками,

узлами. Ехали на подводах, заваленных вещами. Стариков поддерживали под руки. Больных несли на носилках и одеялах. Младенцев везли в колясках. Инвалиды опирались на палки и переставляли костыли. Бесконечный поток вливался на Львовскую улицу, за ней начиналась улица Мельника, по обеим сторонам которой стояли вооруженные полицейские, а затем пыльная дорога, овраги с крутыми склонами – Бабий Яр...

2

В середине девятнадцатого века появилась теория, которая провозглашала борьбу между людьми и народами как биологическую неизбежность. Английский философ Г. Спенсер, один из создателей учения о «выживании более приспособленных», утверждал, что у слабых представителей общества нет права на существование: «Все усилия Природы направлены на то, чтобы избавиться от подобных элементов, очистить от них мир и освободить место для лучших».

В 1859 году Ч. Дарвин ввел в научный обиход понятие «естественный отбор» для объяснения эволюционного процесса в природе: выживают лишь организмы, приспособленные к жизни в данной среде, а неприспособленные организмы вымирают и не дают потомства. Теорию естественного отбора подхватили сторонники нового учения – социального дарвинизма и распространили это понятие на всё человеческое общество. Приверженцы социального дарвинизма признавали естественный отбор между людьми наилучшим способом общественного прогресса и считали, что не следует искусственно сохранять слабых, плохо приспособленных к жизни, оказывая им социальную помощь: «Если они недостаточно совершенны для того, чтобы жить, они умирают, и это для них самое лучшее». Новое учение вело к переоценке нравственных ценностей: если общество начнет жить по принципу «борьбы за существование» и «выживания наиболее приспособленных видов», для чего нужны милосердие с состраданием, кто окажет помощь голодным и обездоленным?..

М. Нордау, еврейский писатель и философ (1889 год): «С тех пор, как была предана огласке теория эволюции, можно было прикрывать именем Дарвина свою естественную дикость и дать волю кровожадным инстинктам в качестве последнего слова науки».

Затем появилась теория, которая на основании физических данных человека – строения черепа, цвета кожи, волос и глаз – давала оценку качеств различных человеческих групп: будут ли они храбрыми или

трусливыми от рождения, ленивыми или трудолюбивыми, станут ли обладать творческой энергией и эстетическими наклонностями. Французские ученые утверждали, что галльские широкоголовые народы (брахицефалы), низкорослые и темноволосые, выделяются среди прочих народов высокоразвитым интеллектом: «Цивилизация Европы обязана расе брахицефалов»; немецкие ученые признавали наиболее одаренной нордическую расу долихоцефалов (длинноголовых) – высокорослую, белокурую и голубоглазую. Во Франции и Германии разгорелся спор по поводу того, какой из этих народов является потомком древних арийцев. Немцы утверждали, что в давние времена «благородная раса и голубоглазых людей победила и подчинила себе расу темноволосых и низкорослых»; французы доказывали обратное: «древние арийцы были народом низкорослых брюнетов, которые привили арийские принципы рослой белокурой расе».

О «кристальной чистоте тевтонского духа» и необходимости его сохранения говорили в Германии и прежде; свой вклад в расовую теорию внес немецкий композитор Р. Вагнер, который потребовал «насильственного устранения» евреев из жизни европейских народов, – идеи знаменитого композитора развивали впоследствии совершенствователи этой теории. Вагнер провозглашал: «Евреи воспользовались силой денег, чтобы захватить искусство в свои проворные руки... Еврей может лишь повторять, подражать, но создавать, творить – он не в состоянии...»

И далее: «Евреи – демоническая сила, стремящаяся к гибели человеческого рода...» – «Для еврея сделаться человеком значит прежде всего перестать быть евреем...»

К восьмидесятым годам девятнадцатого века евреи получили равные права с прочим населением во всех странах Центральной Европы. Одни из них богатели и становились промышленниками, банкирами, купцами, а другие работали на фабриках и заводах, были ремесленниками, грузчиками, извозчиками, мелкими лавочниками. Евреи стали преподавать в университетах, появились врачи-евреи, адвокаты, ученые, издавали книги и газеты, актеры, музыканты, художники, писатели и журналисты, которые играли видную роль в жизни своих стран. Среди крупных банкиров Германии выделялся еврей А. Варбург, среди промышленников – Э. Ратенау, основатель Всеобщей компании электричества и компании «Телефункен», и А. Баллин, создатель гигантского грузопассажирского пароходства «Гамбург-Америка-Линия». Но вскоре европейские евреи обнаружили, что фабриканты, банкиры, торговцы и ремесленники, представители свободных профессий без особого энтузиазма встретили появление равноправных конкурентов. Заговорили

о «еврейском засилье», начали подсчитывать процент евреев в промышленности и торговле, в науке и искусстве, но внедрение в христианское общество продолжало нарастать, и реакцией на это стал рост антисемитизма в странах Европы.

Неприязнь к еврею, к «чужаку» – известное явление в истории, у разных народов, со своими спадами в благополучные времена и подъемами в годы смут, разброда и экономических трудностей. Эта неприязнь укоренилась с первых веков христианства, ибо все евреи во всех поколениях – живущие, умершие, еще не родившиеся – несли на себе коллективную вину за распятие Христа: так постановили отцы церкви. Однако новейший антисемитизм отличался от традиционного юдофобства прежних веков. Раньше еврею достаточно было переменить веру, чтобы избавиться от приписываемых ему пороков; теперь же появилась расовая идеология, которая противопоставила арийской сущности сущность еврейскую, «неисправимую», с ее особыми отличительными признаками.

Иррациональный, инстинктивный, «животный» антисемитизм прошлых веков, взращенный в поколениях, получил отныне научное обоснование – расовую теорию. Ее проповедники объявились во Франции, что привело к процессу А. Дрейфуса и вспышке антисемитизма в стране; эту модную теорию подхватили немецкая интеллигенция, ученые, писатели, журналисты. Е. Дюринг – один из теоретиков расизма – проповедовал, что переход еврея в христианство ничего не меняет: «Я утверждаю, что еврейский вопрос есть вопрос расовый, и евреи не только нам чуждая, но и врожденно и бесповоротно испорченная раса». Так возникло в Германии движение для борьбы с семитской расой, которой противопоставлялась высшая арийская раса с ее культурой и этическими нормами; мрачным предостережением прозвучало высказывание одного из антисемитов девятнадцатого века: «С микробами не спорят – их уничтожают».

Сравнение евреев с паразитами и микробами, которых «следовало уничтожить», готовило почву для их будущего истребления...

3

Арон Нанкин из Ставрополя:

«Я хочу сказать о моей матери. Она вырастила семь детей. У нее были правнуки. Последние два года она болела, почти не выходила из дома, готовила у плиты обед. К ней приходили внуки, приносили ей цветы. Она сидела среди них слабая и радостная. Ее видели, когда она шла в гестапо. Она шла сгорбленная, в потертом капоте, прикрыв черной косынкой седые волосы. Каким пустым и страшным должно быть сердце человека, который толкнул ее в могилу!

Мои родные жили мирной жизнью, чинили часы, шили платья, делали заготовки для обуви. Дети ходили в школу, ездили на полевые работы... Немцы убили всю мою семью: старика-отца, мать, брата с женой и детьми, четырех сестер с детьми, среди которых были грудные...

Одну мою племянницу мать не взяла с собой. Девочка пряталась у соседей. Об этом узнали гестаповцы. Целый вечер солдаты с автоматами искали двенадцатилетнюю девочку. Ее не нашли. На следующий день, несмотря на уговоры соседок, она сама пошла в гестапо, сказав: «Хочу к маме». Убили и ее...»

4

Термин «антисемитизм» родился в Берлине в 1879 году; там же была основана Антисемитская лига «для спасения германского отечества» от «вторжения» евреев, которых объявили инородным элементом, паразитирующим за счет коренного народа. Немецкий историк Г. Трейчке, идеолог антисемитизма, призывал евреев ассимилироваться, «стать немцами и чувствовать по-немецки» – в противном случае им следовало покинуть Германию. Снова заговорили об употреблении евреями христианской крови; Антисемитская лига призывала бойкотировать еврейских промышленников и торговцев, популярным стал лозунг: «Евреи – наше несчастье!»

В 1881 году прошли антиеврейские выступления в немецких городах; 300 000 немцев подписали петицию с требованием ограничить в правах еврейское население Германии и запретить иммиграцию евреев из Восточной Европы. Затем собрался в Дрездене Интернациональный антиеврейский конгресс, который принял «Манифест к правительствам и народам христианских государств, гибнущих от еврейства». Участники конгресса одобрили антиеврейские ограничительные законы Российской империи; выдвинули даже предложение изгнать всех евреев в Египет, однако этот вариант отклонили: «Пусть евреи идут, куда хотят. Мы их к себе не звали, и нам незачем заботиться о новом месте их поселения».

В 1886 году, по примеру Германии, появилась в Австрии Партия христиан-антисемитов, выходили в свет газеты с антиеврейской пропагандой, объявились священники, которые доказывали, что расовая теория не противоречит учению католической церкви.

В 1871 году в Германии было 512 158 евреев – 1,25% населения страны. В 1890 году насчитали 567 884 еврея – 1,15%. В 1910 году – 615 021 (0,95%). В 1925 году – 564 379 евреев (0,9%).

Евреи составляли в стране около одного процента населения, однако их количество в журналистике, адвокатуре, медицине, науке и искусстве было велико и подогревало антисемитские настроения. Статьи в газетах и книги про «засилье» евреев расходились огромными тиражами и находили сочувствие у читателей. Видные интеллектуалы в Германии выступали против «травли евреев», однако нашлись политические деятели, которые – для привлечения избирателей – подыгрывали предрассудкам и понятиям, сложившимся в христианском обществе в течение веков. Они воспользовались антисемитскими лозунгами и провозгласили себя защитниками «маленького христианского человека» от «еврейского капитала». На выборах в 1893 году антисемитские партии Германии получили 250 000 голосов и провели в рейхстаг 16 депутатов. К концу девятнадцатого века евреи практически уже не могли стать офицерами в немецкой армии; их не допускали на судебные должности и не назначали преподавателями в учебных заведениях, на государственной службе им преграждали пути к продвижению, а в университетах – к научной карьере.

В 1898 году в Германии вышла в свет книга «Основы девятнадцатого столетия». Ее написал Х. Чемберлен, зять композитора Р. Вагнера; он утверждал: «Всемирная история свидетельствует, что существует лишь одна историческая раса, носитель культуры – это арийская раса». В противоположность арийцам живут на земле евреи, представители семитской расы, которые не создали ничего выдающегося в истории, и лишь германская раса может гордиться своими исключительными достижениями. История человечества – это борьба между расами, высшей арийской, созидательной, и низшей семитской, разрушительной. Христианство, проникнутое семитским духом, уничтожило древний мир; арийской – германской – расе предстоит обновить его, очистить от семитских примесей.

«Ничто не является столь непреложным, – провозглашал Чемберлен, – как сознание принадлежности к определенной расе... Раса возвышает человека и наделяет его необыкновенной, можно даже сказать, сверхъестественной силой, делая столь непохожим на тех, кто произведен на свет в результате хаотического смешения особей со всего мира».

«Ари» в переводе с языка санскрит означает «возвышенный». Согласно расовой теории, арийцы – высшая раса господ – относятся к индоевропейской группе народов; самые высокоразвитые представители арийцев – это германцы, призванные внести в мир изначальный «естественный порядок».

Расовая теория противоречила основным принципам христианской морали, а потому ее сторонники утверждали, что христианство, являясь порождением иудаизма, подавляет природные жизненные инстинкты.

Расисты желали создать «истинное» христианство и в начале двадцатого века провозглашали в антисемитском журнале «Der Hammer» («Молоток»): «Что общего у нас с Христом, царство Которого не от мира сего?.. Христос утешает отверженных, слабых и больных... а они только вредят тому, что мы считаем наивысшим, – вредят сильным, здоровым, жизнерадостным, тем, кто нам нужен. Дайте отверженным царствие небесное, а здешний мир пусть будет нашим».

В 1905 году появилось в Германии Международное общество расовой гигиены, чтобы способствовать развитию белой расы. Затем возникли Общество немецкого обновления и Немецкий Союз, участники которого посвятили себя «искоренению низших элементов населения» и «борьбе против еврейской и славянской крови». К тому времени все народы мира были уже распределены по разным ступеням человеческого развития; ниже всех – на основании новой теории – оказалась «порочная» семитская раса.

Расовая идеология набирала силу, принимала обостренные формы, подпитывалась поражениями на фронтах или спадами экономики, использовалась политиками для сиюминутных целей. Подошло время, когда открыто заговорили о том, что нет необходимости добиваться счастья для всех. В человеческом обществе идет борьба за существование между сильными и слабыми расами; слабые неминуемо потерпят поражение, и, как бы предсказывая грядущие события, один из антропологов утверждал: «Я убежден в том, что в следующем столетии миллионы человеческих существ будут уничтожать друг друга из-за отклонения на один-два градуса в черепном различии».

5

Бася Пикман из Мозыря, Белоруссия:

«Было шесть или семь часов вечера. Вдруг я увидела: по улице ведут евреев. У некоторых были лопаты, и я сначала подумала, что людей ведут на работу. Их было около двухсот. Впереди шли бородатые, сгорбленные старики, за ними мальчишки двенадцати–пятнадцати лет, потом несколько мужчин, которые тащили больных и калек...

Их подвели к отвесному склону горы, заставили вскарабкаться. Старики срывались, падали вниз. Их штыками подталкивали наверх. Затем я услышала пулеметную очередь. Полчаса спустя немцы уже ушли с горы. Они пели...

Потом я увидела, как два солдата тащили наверх двух евреев. Немцы торопились, подгоняли стариков прикладами. Как только они взобрались, раздались выстрелы. Этих не закопали – солдаты побежали догонять своих, и они тоже пели...»

Германия потерпела поражение в Первой мировой войне, был свергнут кайзер Вильгельм II, и в стране установилось демократическое правление. В 1919 году в городе Веймаре собралось Учредительное собрание, приняло конституцию Германии, а потому новое государство стали называть Веймарской республикой. Ее конституция устранила всякую дискриминацию; внедрение евреев в немецкое общество усилилось, число смешанных браков значительно возросло; евреи занимали высокие посты в государственных учреждениях республики и в правительствах германских земель – противники демократического государства называли его «Юденреспублик» (еврейская республика). Немецкий еврей Г. Прейс стал министром внутренних дел Германии и разработал проект Веймарской конституции. Министр иностранных дел еврей В. Ратенау подписал мирный договор с советской Россией и был убит в 1922 году членами подпольной организации «Консул».

После убийства Ратенау А. Эйнштейн написал некролог, который заканчивался таким образом: «Я сожалел, что он стал министром. При той позиции, которую значительная часть образованных слоев Германии заняла по отношению к евреям, наиболее естественной, по моему убеждению, должна быть гордая сдержанность евреев в общественной жизни. Но я всё же не ожидал, что ненависть, ослепление и неблагодарность могут зайти так далеко...»

Впоследствии Гитлер распорядился поставить памятник убийцам Ратенау с такой надписью: «Делай то, что ты должен сделать».

По окончании Первой мировой войны немецкая экономика оказалась в катастрофическом состоянии. По Версальскому договору побежденная Германия потеряла в Европе обширные территории, лишилась своих колоний и обязалась выплачивать победителям огромные репарации. Невероятная инфляция поглотила сбережения миллионов семей; тысячи демобилизованных офицеров бывшей немецкой армии очутились на улице, в нищете, в поисках грошового заработка, – эти люди мечтали о реванше, грезили превосходством германской расы и создавали тайные общества в надежде захватить власть. Народным гимном стало «Deutschland über Alles» – «Германия превыше всего», а отсюда один шаг до призыва к немецкому народу распространить свое могущество на весь мир.

Чтобы привести расовую теорию в действие, из отвлеченных рассуждений обратить в практику, требовалась организация, партия, политическое движение единомышленников, во главе которой стоял бы лидер, вождь, наделенный в избытке признаками высшей расы. В 1919 году группа пра-

вых националистов основала в Германии малочисленную Немецкую рабочую партию. В пивной города Мюнхена собрались несколько десятков человек; каждый из них записал свое имя в списке участников встречи, и одно из имен гласило – «Адольф Гитлер, ефрейтор». Сотрудник мюнхенской полиции вспоминал: «Гитлер начал свою политическую деятельность в мюнхенских пивных, где сперва выступал как агитатор-одиночка... Идеи реванша, воинственные призывы к походам на Запад и на Восток, погромные выкрики, заклинания, начинающиеся словами: «Мы, немцы» или «Мы, солдаты», имели особенный успех в возбужденной атмосфере пивных... В тот период «этот крикливый парень из пивной», как называли его в нашей полицейской среде, доставлял нам немало хлопот».

Адольф Шикльгрубер родился в Австрии, жил в Вене, пытался поступить в Академию искусств, чтобы стать профессиональным художником, голодал, спал в ночлежках, – этот период, по его свидетельству, стал для него решающим в принятии идеологии антисемитизма. Во время Первой мировой войны он пошел добровольцем в немецкую армию, был ранен, заслужил на фронте Железный крест 1-й степени, жил затем в Мюнхене, вошел в состав Немецкой рабочей партии и вскоре ее возглавил, переименовав в Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Так появился фюрер Адольф Гитлер.

Ш. Визенталь, узник концлагерей: «Мы недооценили Гитлера, приняв его при первом появлении за смехотворного и закомплексованного недоучку... Мир не принимал Гитлера всерьез, мир рассказывал о нем анекдоты. Мы были так влюблены в прогресс нашего столетия, в гуманность общества, в растущее согласие в мире, что не распознали вовремя опасность. Наше поколение дорого заплатило за свой оптимизм...»

7

Малколм Хэй, шотландец, христианин, историк (из книги «Кровь брата твоего»):

«Люди не рождаются с ненавистью в сердце. Они заражаются ею от других людей. Микроб ненависти нередко внедряют сознательно, а иногда и бессознательно, родители или учителя. У взрослых, если их не спасает интеллект или сильно развитое нравственное чувство, мало шансов избежать заражения. Болезнь может поразить страну подобно эпидемии, и тогда какой-либо класс общества, религия или народ могут стать объектом всеобщей ненависти. При этом никто толком не сумеет объяснить, откуда она возникла...»

Весной 1945 года три грузовика, каждый из которых вез по восемь-девять тонн человеческого пепла, выехали из концентрационного лагеря Заксенхаузен и сбросили свой груз в канал, чтобы скрыть масштабы уничтожения евреев в этом лагере. Когда на Нюрнбергском процессе немецкого генерала спросили, как могли совершаться подобные вещи, он ответил: «Если годами и десятилетиями проповедовать доктрину, что евреи, в сущности, не люди, подобный результат неизбежен». Этот ответ поразительно точен, но требует некоторого дополнения. Доктрина, которая привела к таким результатам, проповедовалась не годами и даже не десятилетиями – она проповедовалась не одно столетие и на протяжении Средневековья много раз грозила истреблением еврейскому народу...

Вчитайтесь в слова одного из бывших узников Освенцима: «Немецкая ответственность за эти преступления, как бы велика она ни была, – лишь вторичная ответственность. Она является чудовищным следствием общепринятой традиции, сформированной христианством. Разве можно забыть, что христианская церковь, особенно с одиннадцатого века, проводила политику унижения евреев, политику еврейских погромов... Гитлеровская система – лишь копия этой политики, доведенная до жестокого совершенства...»

Миллионы детей всех национальностей впервые услышали о евреях из рассказа о порочных людях, убивших Христа, который был осужден евреями, распят евреями. Потом они узнавали, что Бог покарал этих порочных людей и навсегда проклял их народ, поэтому они стали изгоями и не могут жить вместе с христианами. Когда дети выросли... для кого-то из них христианство могло стать лишь формальностью, но большинство продолжало исповедовать его в такой степени, которая была достаточна для того, чтобы сохранить ненависть к вероломному еврейскому народу, народу христопродавцев и богоубийц...

На протяжении многих столетий евреев преследовало эхо слов, сказанных Иоанном Златоустом: «Бог ненавидит вас».

Я. Тальмон, израильский историк и философ: «Дарвинизм сломал один из самых сильных барьеров на пути к нарушению заповеди «Не убий»... Дарвинизм лишил человека уникальности в порядке мироздания. Человек более не был сотворен Богом... Слабые не только обречены на смерть, прогресс Вселенной требует их уничтожения, – лишь самый приспособленный сохраняется для использования силы, данной ему природой... Хотя и нельзя отождествлять дарвинизм с расизмом, однако было бы невозможным представить расовую теорию без Дарвина».

Ч. Дарвин (1881 год): «Глядя на мир в совсем недалеком будущем, можно сказать, что бесчисленное количество низших рас будет уничтожено по всему миру более высокими расами...»

В 1912 году группа ученых, писателей и общественных деятелей Германии отвечала на вопросы о будущих отношениях между немцами и евреями. «Евреи должны войти в нашу культуру, а не стараться сделать нас евреями или захватить над нами власть с помощью своего капитала и политической силы...» – «Я полностью уверен в превосходстве моей расы... Но единственная раса, которую я вынужден признать равной моей расе, это еврейская. Поэтому их ассимиляция мне кажется очень желательной как для нас, немцев, так и для евреев...» – «Я решительно утверждаю, что напряженность между евреями и немцами уменьшается...» – «Слава Богу, расовые выдумки антисемитов пользуются всё меньшим доверием...»

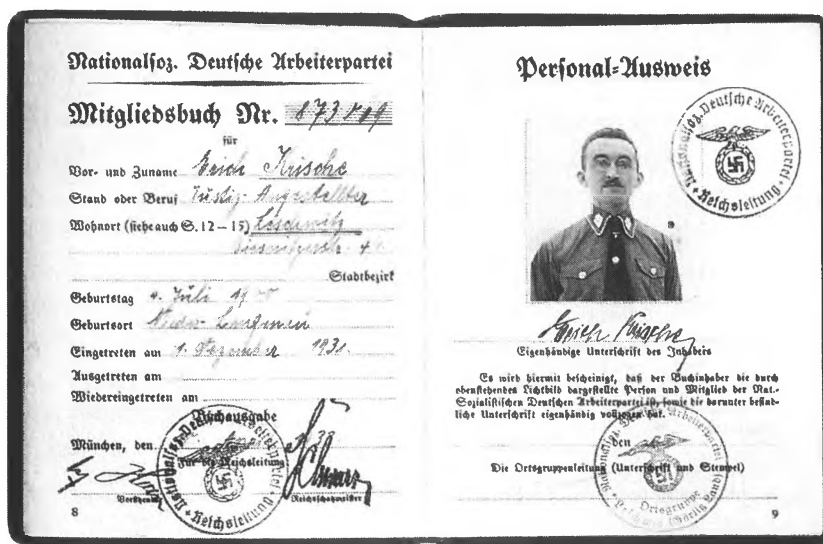
В 1919 году, по окончании Первой мировой войны и поражения Германии, А. Эйнштейн сообщал, что в Берлине среди «образованных» царят «сильный антисемитизм и неистовая реакция».

В ноябре 1918 года, после свержения кайзера Вильгельма II, была создана в Мюнхене Баварская республика, которая существовала несколько месяцев. Правительство республики возглавлял еврей К. Эйсер – писатель, социал-демократ, убитый в начале 1919 года. В апреле того года была провозглашена Баварская советская республика, не продержавшаяся и месяца. В первую неделю ее существования во главе правительства стояли два еврея – независимый социалист Э. Толлер и анархист Г. Ландауэр; последующие две недели правительство возглавлял еврей-коммунист Э. Левине, уроженец Петербурга. После разгрома Баварской советской республики Ландауэр и Левине были расстреляны.

В январе 1919 года лидеры коммунистической партии Германии К. Либкнехт и еврейка Р. Люксембург возглавили восстание берлинских рабочих; после его подавления Либкнехта и Люксембург арестовали и убили по дороге в тюрьму. Влияние коммунистов среди еврейского населения Германии было невелико, но заметное участие евреев в революционном движении тех лет также способствовало росту антисемитизма в стране.

Очерк сорок четвертый

Приход Гитлера к власти. Первые концлагеря на территории Германии

1

Экономическое положение в Германии продолжало ухудшаться, и бургомистр Берлина сообщал в 1923 году: «Многие дети, включая самых маленьких, не получают даже капли молока и приходят в школу без горячего завтрака. Чтобы как-то поддержать их в течение целого дня, им выдают в школе кусок хлеба или немного картофельного пюре... Нищета разрушает всякое представление о порядке, чистоте и правилах поведения, она не оставляет места ни для каких иных побуждений, кроме забот о пище и обогреве».

Это подтверждал в том же году и историк С. Дубнов: «Население так измучено, что оно жаждет какого бы то ни было переворота... По всей Германии катится волна голодных демонстраций и бунтов... Вчера цена одного хлеба подскочила с 25 до 140 миллиардов. И вот толпа громила хлебные лавки, а в еврейских районах били прохожих евреев...»

Й. Геббельс, из дневника: «Пусть немецкая нужда усиливается... Чем глубже Германия погрязнет сегодня в позоре, тем выше мы потом поднимемся...» – «Нам в Германии не хватает сильной руки... Германия тоскует об Одном, о Мужчине, как земля летом

тоскует о дожде... Спасет лишь чудо. Господь, яви Германии чудо!
Чудо!! Мужа!!!..»

В ноябре 1923 года Гитлер попытался захватить власть в Мюнхене (так называемый «пивной путч»). Незадолго до этого Б. Муссолини провел марш своих сторонников на Рим, после чего стал диктатором Италии; по его примеру Гитлер задумал двинуться из Мюнхена на Берлин для свержения правительства Веймарской республики. Затея не удалась, суд приговорил его к пяти годам заключения за государственную измену, а нацистскую партию объявили вне закона. Через год Гитлера освободили досрочно «под честное слово», и он тут же призвал своих соратников к борьбе: «Либо враг перешагнет через наши тела, либо мы пройдем по его трупам!» В тюремной камере Гитлер написал первый том книги «Майн кампф» («Моя борьба») – программный документ нацистской партии, в основу которого были заложены антисемитизм и теория расовой исключительности немецкого народа.

Из книги «Майн кампф»: «Вся человеческая культура, все достижения искусства, науки и техники, завещанные нам, созданы почти без исключения арийцами. Этот факт приводит нас к выводу, что лишь ариец представляет собой то, что мы понимаем под словом «человек»... В столкновении с неполноценными он покорил и подчинил их своей воле...» – «Поскольку еврейский народ не способен к продуктивной деятельности, он оказался не в состоянии создать государство на собственной территории. Поэтому, чтобы поддержать свое существование, он использует творческую энергию других народов...» – «Сегодня я верю, что мои действия отвечают желаниям Творца. Охраняя мир от евреев, я защищаю творение Господа...»

Собственно говоря, Гитлер ничего не выдумал. Он повторял лишь на более популярном уровне сказанное его предшественниками, и только захват власти в Германии позволил ему довести до практического исполнения те теории, которые ученые разрабатывали в своих кабинетах. Неэффективному «эмоциональному» антисемитизму Гитлер противопоставлял антисемитизм «рациональный» – последовательную государственную политику, борьбу с евреями законодательным путем, а затем их «устранение». Идея «устранения» претерпевала изменения: на первых порах это означало изгнание евреев из Германии, а на последнем этапе – физическое уничтожение во всех странах «демона упадка человечества». По мнению Гитлера, марксизм был главным идеологическим оружием евреев в борьбе за мировое господство, а потому следовало уничтожить марксизм и его вдохновителей, создать «новый порядок» в мире под руководством арийской расы, которая призвана господствовать над «неполноценными» народами и расами.

Парад национал-социалистов. 1924 год

Фюрер утверждал, что «слышит голоса свыше», верил в свое «особое предназначение» и считал себя спасителем человечества, который явился на землю для защиты ее от «еврейского засилья». Он написал о себе в начале политической карьеры: «В редкие моменты человеческой истории иногда происходит так, что в одном человеке соединяются практический политик и политический философ... Такой человек стремится к целям, которые постижимы только для избранных».

Очевидец отметил впоследствии: «В то время трудно было себе представить, что из всего этого скоро возникнут печи для сжигания людей...»

2

Свидетельствует Ривка Иоселевская (Западная Белоруссия):

«Мой отец не захотел снимать нижнее белье... Мы умоляли его раздеться, но отец стоял на своем. Он не хотел оставаться голым. Они сорвали белье со старика и убили его. Я видела это своими глазами. Потом они схватили мою мать... и тоже убили. Потом шла моя бабушка, мать отца; ей было восемьдесят лет, на руках у нее было двое детей. Потом была сестра отца... ее убили с младенцами на руках...»

Моя младшая сестра подошла к немцам со своей подругой; они стояли обнявшись и просили отпустить их. Немец застрелил их, глядя прямо в глаза. Они упали вместе, не разомкнув объятий, две девушки: моя сестра и ее подруга. Потом убили мою вторую сестру, и подошла моя очередь...

Мы уже стояли лицом к могиле, и немец спросил: «Кого убить первым?» Я не ответила, только почувствовала, что он забирает у меня из рук ребенка. Ребенок закричал и был тут же убит... На меня сверху падали тела... Я слышала выстрелы и молилась о пуле, которая положила бы конец моим страданиям. Мне было душно, я задыхалась, но пыталась спастись, пробиться к воздуху, чтобы вздохнуть. Потом поняла, что пробираюсь наверх сквозь трупы... почувствовала, как тела хватают меня руками, бьют по ногам, тащат вниз. Последним усилием я выбралась наверх...

Я ходила среди трупов и искала свою дочь, я звала ее... Вокруг рва бегали дети. Я видела их, видела детей. Они бегали за мной и цеплялись за меня. Тогда я села на землю и сидела в окружении детей, которые выбрались из-под груды трупов... Немцы вернулись... дали несколько залпов, и все дети погибли...

Я рыла землю ногтями, пытаясь присоединиться к мертвым... Я кричала и плакала, обращаясь к матери и отцу: «Почему они не убили меня? Чем я согрешила?» Мне некуда было идти, у меня никого не осталось. Я видела, как всех их убили. Почему же я спаслась? Почему меня не убили?

И я оставалась там, лежа ничком на могиле, три дня и три ночи...»

3

В 1925 году появились отряды СС, которые охраняли фюрера, обеспечивали проведение нацистских собраний, а затем стали отвечать и за ликвидацию «внутренних и внешних врагов нации». Была создана также служба разведки и контрразведки нацистской партии – СД, объединенная с СС под общим командованием. Это был «Черный корпус», элита национал-социалистической партии, отличавшаяся дисциплиной, беззаветной преданностью фюреру, готовностью выполнить любое приказание командира; их называли новым поколением арийской расы, а потому эсэсовцем мог стать лишь физически здоровый немец высокого роста – метр восемьдесят сантиметров и выше.

Членство в СС было добровольным, многие желали вступить в его ряды, однако отбор производили чрезвычайно строго: следовало пройти проверку на чистоту расы вплоть до середины восемнадцатого века.

Перед женитьбой ээсовца выясняли родословную его невесты и получали разрешение высшего командования; однажды обнаружили, что у одного из командиров СС была в роду еврейка за много лет до его рождения, – он вынужден был подать в отставку.

В 1929 году в СС было 280 человек, в 1933 году – 52 000, в 1939-м – 240 000 с подразделением на полки и дивизии.

К 1927 году участились нападения на евреев Берлина, и еврейский боксерский клуб «Макаби» совместно со спортивной организацией «Бар-Кохба» создали отряды самообороны, которые негласно поддерживала полиция. В 1928 году нацисты сумели провести в рейхстаг лишь 12 депутатов, но вскоре разразился экономический кризис, который охватил практически весь мир; в Германии это привело к небывалому количеству безработных – 5–6 миллионов человек. Тогда-то и окрепли националистические партии, которые утверждали, что в экономическом кризисе виноваты еврейские банкиры и промышленники, «нажившиеся на поражении немцев».

Так случалось не раз в истории народов, когда инстинкты и предрасудки подменяли здравый смысл: общество вновь нашло виновников своих неудач и назвало евреев причиной послевоенных проблем. Иностранцев, посещавших Германию в те годы, поражала атмосфера ненависти в стране; обнищавшее и полуголодное население чувствовало себя униженным и оскорбленным, условия Версальского договора со странами-победителями воспринимались немцами как способ наказать и ослабить Германию, а потому миллионы людей жадно прислушивались к голосам национал-социалистов, которые возложили на евреев вину за бедствия народа, обещали расторгнуть Версальский договор, называли этих отчаявшихся людей представителями высшей расы, обещали «истинным арийцам» избавление от безработицы и хорошую жизнь после захвата власти.

Во главе Национал-социалистической рабочей партии Германии стоял фюрер – Адольф Гитлер. Он стал популярным оратором; его речь и жесты во время митингов были театральными, страстными, неистовыми, порой на грани истерики; на его выступления сходились тысячи людей. Из свидетельства очевидцев: «Душа-парень, как любой из толпы. Простой коричневый плащ, черные ботинки и носки, черный костюм и черный галстук, в петличке золотой партийный значок, прилизанные черные волосы и «чаплинские» усы – вот облик Адольфа Гитлера...» – «Военные оркестры играют салют и поднимается вождь. С минуту он стоит молча. Потом говорит. Час. Два часа. Четыре часа. Толпа затаенно слушает. Он кричит и умоляет, если нужно – плачет, но он никогда не

анализирует, не рассуждает, он утверждает, нападает, успокаивает, ограничивается общими фразами, формулами, бесконечными повторениями. Богатым он обещает повышение прибыли. Крестьянам – дешевые удобрения. Батракам – землю. Безработным – службу. Девушкам – мужей. Он говорит то, что аудитория хочет услышать. У стариков выпрямляются спины, у молодежи загораются глаза...»

Л. Троцкий: «Гитлер смог выдвинуться лишь за счет своего неукротимого темперамента, громкого голоса, самоуверенности и выступлений, звучащих то как молитвы, то как приказы. Невежество и национализм нашли отклик у обездоленных, сломленных, отчаявшихся людей, которым он обещал лучшую долю и величие...»

Из инструкции агитаторам нацистской партии: «Ваше оружие – атака, нападение. Никогда не ставьте себя в положение защищающихся. Не давайте врагу ни секунды покоя...»

Й. Геббельс и номер газеты национал-социалистов «Der Angriff» («Атака»)

4

Из книги «Майн кампф»: «Искусство действительно великого народного вождя во все времена состоит в том, чтобы не распылять внимание народа, но постоянно концентрировать его на единственном противнике... Это усиливает веру в собственную правоту и озлобленность против тех, кто на нее покушается». Нацистской идеологии требовался конкретный образ врага, и основным противником стал еврей –

«величайший подстрекатель полного уничтожения Германии». «Анти-семитизм – удобное революционное средство... – утверждал Гитлер. – Вне всякого сомнения, это самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале».

Пропаганда дала свои результаты, и выборы 1930 года принесли национал-социалистам первый крупный успех: за них проголосовали более 6 миллионов избирателей, они провели в рейхстаг 107 депутатов и стали второй по величине партией в парламенте. Один из депутатов отметил их появление в рейхстаге: «Это была самопровозглашенная «элита арийской расы» – шумная, кричащая, одетая в военную форму... Многие с лицами преступников и дегенератов. Какая деградация находится рядом с такой бандой!»

На улицах немецких городов маршировали штурмовики в коричневых блузах со свастикой на рукаве и пели песню о тех временах, когда «еврейская кровь брызнет с ножа». Союз слепых – инвалидов войны исключил из своего состава евреев, и современник восклицал с изумлением: «Можно ли представить себе более готескную картину, чем этих людей с пустыми глазницами или белыми и мертвыми глазами, кричащих из своей ночи таким же слепым: «Евреи, уберитесь!..» В 1931 году, в праздник Рош га-Шана, разразился еврейский погром в центре Берлина под крики: «Проснись, Германия! Пусть еврей подохнет!» – и это было только начало.

Безработица в стране росла, биржу лихорадило, банки объявляли себя банкротами, раскол в обществе углублялся, государственная власть слабела, правительства менялись одно за другим; на улицах городов развешивали плакаты «Гитлер – наша последняя надежда!», и сотни тысяч нищих, голодных, обездоленных прислушивались к речам фюрера, который обещал навести порядок в стране, чтобы немцы вновь почувствовали «радость в своих сердцах». Летом 1932 года за нацистов проголосовали на выборах почти 14 миллионов человек; они провели в рейхстаг 229 депутатов и стали самой многочисленной партийной фракцией. Однако на следующих выборах, в ноябре того же года, нацисты потеряли 34 места в рейхстаге; Гитлер был в отчаянии: «Я оставил все надежды. Ничто уже не исполнится из моих планов», – однако судьба распорядилась иначе.

Лидеры правых консервативных партий опасались роста коммунистического движения, а потому пошли на временную – как они полагали – коалицию с нацистами. Главу национал-социалистической партии поддержали крупнейшие финансисты и промышленники Германии; 30 января 1933 года президент Германии П. фон Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером (премьер-министром) и поручил ему сформировать коалиционное правительство, в котором министры от нацистской

партии оказались в меньшинстве. Вечером того дня штурмовики прошли по улицам городов с зажженными факелами; нацистские пропагандисты возглашали по радио: «Адольф Гитлер – канцлер рейха! Миллионы сердец воспламенились! Ликование и благодарность выплескиваются наружу!»

В то время назначение Гитлера рассматривалось в обществе, как незначительное политическое событие: он выделялся эксцентрическими выходками, демагогией, чрезмерной патетикой, и лидеры прочих партий, входивших в коалицию, не принимали всерьез нового главу правительства. Когда вице-канцлера Ф. фон Папена предостерегли от союза с Гитлером, он ответил с пренебрежением: «Вы ошибаетесь. Мы его просто наняли». В ответ на это Гитлер заявил: «Они думают, что смогут держать меня на поводке... Но мы не будем ждать, пока они начнут действовать... Мы – варвары! Мы хотим ими быть. Это почетное звание».

Из письма немецкого генерала Э. Людендорфа президенту Германии П. фон Гинденбургу: «Назначив Гитлера канцлером рейха, вы отдали нашу священную германскую отчизну одному из величайших демагогов всех времен... Этот человек погрузит рейх в пучину и причинит нашему народу необъятное горе. Будущие поколения проклянут вас в гробу».

Многочисленная фракция немецких коммунистов могла составить в рейхстаге коалицию с социал-демократами и не допустить Гитлера к власти, – но Москва настояла на том, чтобы коммунисты Германии не объединялись с «социал-предателями» и «передовым отрядом фашизма». Во время чрезвычайного заседания Прусского государственного совета один из социал-демократов подошел к лидеру коммунистической фракции и сказал: «Двенадцатый час пробил! Не пора ли взяться за ум и действовать сообща?» Тот ответил: «Это абсолютно исключено! Нацисты захватят власть недели на три-четыре, а потом всё это закончится, и рабочий класс пойдет за нами».

Гейбельс в восторге записывал в дневнике (февраль 1933 года): «Нация отдается нам почти без борьбы... Раньше нас били дубинками, теперь мы – господа страны!»

5

В феврале 1933 года в Берлине сгорело здание рейхстага. Поймали поджигателя – молодого голландца М. ван дер Люббе, и хотя он утверждал, что действовал в одиночку, нацисты обвинили коммунистическую

партию Германии в поджоге рейхстага, объявили ее вне закона, арестовали председателя компартии Э. Тельмана и прочих лидеров. «Теперь мы можем пойти на всё», – ликовал Геббельс, и на следующий день после пожара – во избежание «коммунистического мятежа» – Гитлер предложил чрезвычайный «Декрет о защите народа и государства», который подписал президент страны Гинденбург.

Декрет отменил большинство конституционных прав граждан Германии и ввел «ограничения свободы личности, свободы выражения мнений, включая свободу печати, союзов и собраний»; полиция получила право на прослушивание телефонных разговоров, просматривание почтовых отправлений и могла проводить предупредительные аресты без предъявления каких-либо обвинений. Запретили коммунистическую и социал-демократическую прессу. Разогнали профсоюзы, всех рабочих объединили в Немецкий трудовой фронт без права на забастовки, а земледельцев – в Крестьянский фронт. Территорию Германии разделили на области, области – на районы, городские кварталы поделили на ячейки, ячейки – на блоки; во главе каждой административной единицы были поставлены местные фюреры, которые несли перед нацистской партией личную ответственность.

Председатель высшей судебной инстанции Германии заявил: «Для восстановления немецкой чести и достоинства необходимо полное уничтожение внутреннего врага. Участие в этом деле немецкого судьи может выразиться в умелом толковании статей уголовного кодекса».

Весной 1933 года создали возле Мюнхена первый концентрационный лагерь Дахау для противников нового режима – коммунистов, социал-демократов, членов профсоюзов. Следом за Дахау появились и другие лагеря; тысячи инакомыслящих попали за решетку – среди них было немало евреев. В лагеря отправляли граждан, «проявивших себя паразитами на теле германского народа», слушателей иностранных радиопередач, распространителей слухов, религиозных сектантов, гомосексуалистов и прочих лиц, «изменения образа мыслей которых пока что не предвидится». На концлагеря не распространялось германское законодательство; попав туда, заключенный становился бесправным, и начиналось его «перевоспитание»: карцер «на хлебе и воде», тяжелые физические работы, штрафные маршировки, палочные удары, лишение пищи и переписки, привязывание к столбу на многие часы. При планировке очередного концентрационного лагеря учитывали не только условия мирного времени, но и «повышенные требования, которые может предъявить война».

Р. Гуль, русский писатель-эмигрант (1933 год, свидетельство очевидца):
 «С пламенем пожара в рейхстаге у нас в Фридрихстале, как во всей стране, всё сместилось в людском сознании... «Рукастые» коричневые выволакивают из домов «врагов народа»: социал-демократов, демократов, коммунистов, тащат в единственный деревенский ресторан «К трем липам». Их там «допрашивает», весь в гакенкрейцах (свастиках), полубандит штурмфюрер Волькенштейн. Допрашивает битьем до тех пор, пока «враг народа» не запоет национал-социалистический «гимн», песню Хорста Весселя – «Знамена ввысь! Ряды сомкнуты крепко!»...

Я видел, как перед отрядом коричневых рубах, в ноги начальнику отряда упала простоволосая немка и, в беспамятстве обнимая его сапоги, умоляла не избивать, не пытаться, не увозить ее сына (двадцатилетнего социал-демократа), которого они забирают на допрос «К трем липам».

Деревеньки Фридрихсталь и Мальц сковал террор...»

«Фюрер – орудие божественной воли...» – «Противника надо заставить замолчать либо убить...» – «Мы нация господ. Мы должны править, а не заключать договоры...»

Предвыборный плакат
 нацистской партии:
 «Избавиться от несчастья!
 Избавиться от евреев!»
 1933 год

В марте 1933 года в Германии проходили очередные выборы в рейхстаг. Предвыборный плакат нацистов призывал: «Избавиться от несчастья! Избавиться от евреев!», – нацистская партия получила более 17 миллионов голосов и провела в рейхстаг 288 из 647 депутатов. Гитлер не случайно провозгласил перед выборами: «Там, где есть мы, нет места никому другому». Чтобы создать послушный рейхстаг, нацисты запретили в стране все партии и издали специальный закон: «Национал-социалистическая рабочая партия является единственной политической партией в Германии». «Партия стала государством», – заявил фюрер, вождь «тысячелетнего» Третьего рейха, «Третьей империи германской нации» (Первый рейх – Священная Римская империя Средних веков до 1806 года; Второй рейх – Германия, объединенная канцлером О. Бисмарком в 1871 году и просуществовавшая до окончания Первой мировой войны).

6

Нацисты отвергали ценности «упадочной» европейской цивилизации, «проникнутой семитским духом»; они отрицали свободу слова, печати, собраний и основные права человека, считая это порождением еврейского индивидуализма. «Совесть – это еврейское измышление, предназначенное для закабаления других рас... – говорил Гитлер. – Лидер освобождает преданные ему массы от тяжести свободной воли». Вслед за фюрером то же самое утверждал и Геббельс: свобода мысли не нужна, существуют лишь правильные мысли и мысли, подлежащие искоренению. «Права человека упразднены», – заявил он во Дворце спорта, и – по свидетельству современника – «тысячи одураченных болванов выразили ревом свое одобрение».

Так началось формирование «нового человека», гражданина «Великой Германии», которому надлежало думать и поступать по канонам национал-социализма в семье, на работе, в обществе. Фюрер провозглашал: «Мальчики и девочки вступают в наши организации в десятилетнем возрасте... Через четыре года они переходят в Гитлерюгенд, где проводят еще четыре года, после чего никогда уже не смогут быть такими, какими были прежде, никогда!»

В школьные программы ввели изучение расовой теории. От университетских преподавателей требовали, чтобы они «обладали качеством вождя и солдатской выправкой». Использовали во множестве символы и ритуалы новой религии: форму, свастику, присягу, факельные шествия молодежи под трубы и барабаны военных маршей, обязательное фашистское приветствие – вскинутая кверху рука с возгласом «Хайль,

Гитлер!», неперенные призывы на многотысячных митингах: «Сорвем заговор евреев!», «Германия, пробудись!»

Закладывали эстетику национал-социализма со стремлением к величю и грандиозности, прообразом будущих свершений германской нации. В Нюрнберге – городе партийных съездов – возводили спортивную арену на сотни тысяч человек, гигантские здания для собраний, плац для проведения парадов на миллион участников. Опубликовали указ о «вырожденческом искусстве», изъяли из музеев картины Гогена, Ван Гога, Сезанна, Матисса, Пикассо, Шагала; в моду входили художники, которые создавали картины «Факельное шествие 30 января» или «Мать фюрера». Нацисты распоряжались: «То, что можно продать, – за границу; остальное – на выставку ужасов или уничтожить»; во дворе берлинской пожарной команды сожгли пять тысяч произведений «дегенеративного» искусства, которые – по выражению Гитлера – «невозможно понять».

Образец «арийского» искусства

По всей стране насаждался «праведный фанатизм». Культ силы и повиновения. Прославление арийского «сверхчеловека», жестокость и безжалостность к расовому врагу. Молодежь вступала в отряды штурмовиков, чтобы шагать в общих колоннах, выступать против общего врага, ощущать свою причастность к «великой идее» и беззаветно присягать фюреру: «Я – немец, арийского происхождения, не принадлежу ни к одной масонской ложе, клянусь молчать обо всем, что я вижу и делаю, и всеми силами способствовать движению». Промывание мозгов

и страх делали свое дело, и студенты Берлинского университета скандировали хором: «Мы плюем на свободу!» Миллионы немцев с восторгом приветствовали новый режим, который – по их понятиям – восстановил национальную гордость страны, попранную поражением в Первой мировой войне. С трибун многочисленных митингов призывали: «Станем более совершенными немцами, отдадим свою жизнь на службу нашей великой эпохе, чтобы фюрер из нашего послушания и нашей верности сумел сотворить вечную Германию!»

Газеты, радио, театры, книги, кино создавали культ Гитлера, выразителя чувств и желаний всего народа, пробуждали фанатическую веру в мудрого, непогрешимого вождя с его сверхчеловеческим предвидением, восхваляли его заслуги в экономике, благодаря которым улучшилось экономическое положение в стране, уменьшилась безработица и началось возрождение Третьего рейха. Фюрер смотрел на каждого немца с плакатов на улицах, с первых страниц газет и киноэкранов страны, с портретов в школьных классах и учреждениях. Вот он размышляет о будущем страны. Едет в открытой машине по улицам Берлина. Летит на партийный съезд в Нюрнберг. Произносит речь на переполненном стадионе. Ликующие толпы. Женщины в экстазе. Мальчики и девочки, подготовленные заранее и прорывающие ряды штурмовиков, чтобы приблизиться к «другу детей». Бой барабанов, черные мундиры, ввысь вознесенные штандарты, грохот сапог по брусчатке... Инструкция штурмовым отрядам разъясняла: «Масса людей, одетая в униформу, дисциплинированная, марширующая в ногу, произведет более глубокое впечатление на каждого немца и заставит его сердце биться сильнее, чем написанное или сказанное кем-либо».

Некий французский интеллектуал, побывав в Германии, сообщал в восторге: «Увиденное мною превосходит всё, что я ожидал, опьяняет и повергает в трепет... Марш отборных отрядов, с головы до ног одетых в черное, – нечто роскошное и надменное. Со времен русских балетов я не испытывал подобного художественного потрясения...»

Геббельс: «Если мы хотим сохранить партию в целости, то должны обратиться к примитивным инстинктам масс...» Гиммлер: «Кто заставляет нас выполнять обещания, которые мы даем?..» Популярным стал афоризм, высказанный немецким генералом: «Имеет значение не то, что истинно или лживо, но лишь то, во что верят».

Биографы Гитлера не скупались на комплименты: «выдающийся оратор», «гениальный стратег и дипломат», «человек фантастической воли», который «по-немецки сентиментален», сочувствует горю ближнего

и очень любит детей. Говорили, что он был аскетом, совершенно не заботился о себе, воздерживался от вина, мяса, табака и от общения с женщинами; уверяли, что власть тяготила его, а своим призванием он считал архитектуру и мечтал о тех временах, когда сможет уйти в отставку и заняться любимым делом.

Летом 1934 года провели закон о слиянии постов президента и канцлера – с этого момента Гитлер стал неограниченным диктатором; каждый военнослужащий немецкой армии произносил теперь клятву, которая заменила прежнюю форму присяги времен Веймарской республики: «Клянусь перед Богом, что буду полностью подчиняться Адольфу Гитлеру, вождю рейха и германской нации, верховному главнокомандующему вермахта...» Нацистская свастика появилась на флагах Германии и на полковых знаменах; пряжки солдатских ремней украшал традиционный германский орел, который держал в когтях свастику. Военный министр Германии свидетельствовал: «Именно армия, далекая от политических конфликтов, заложила фундамент, на котором мог строить ниспосланный Богом архитектор. И этот человек пришел, человек, который силой своей воли и духовной мощью положил конец нашим разногласиям и исправил всё, что не смогло сделать целое поколение».

Гитлер предрекал: «Даже если мы не сможем победить, мы увлечем за собой в небытие половину мира и не оставим никого торжествовать над Германией... Мы никогда не сдадимся, нет, никогда! Нас могут уничтожить, но, уничтоженные, мы увлечем за собой в пламени этот мир».

У. Черчилль (1935 год): «Что за человек – эта мрачная фигура, совершившая столь великие дела и вызвавшая к жизни такие страшные силы зла?..» Характерными чертами Гитлера Черчилль назвал «ненасытное честолюбие, нечеловеческую ненависть и вражду», а в новом режиме усмотрел «демонический потенциал», способный принести миру неисчислимые бедствия.

7

В тридцатые годы двадцатого века фашизм победоносно двигался по миру, завоевывая умы многих и многих, а вместе с фашизмом набирал силу и антисемитизм. Ни одна страна в Европе не избежала этого; в октябре 1936 года по улицам Лондона впервые маршировали фашисты-чернорубашечники, а англичане наблюдали за ними с тротуаров, с балконов домов и не принимали всерьез. В Англии, считали они, не может

случиться того, что случилось в Германии, но в лондонском квартале Ист-Энд, населенном евреями, воспринимали это иначе.

Э. Литвинов, английский писатель (из книги «Путешествие по малой планете»):

«А потом появился Мосли со своими фашистами, и в Ист-Энде произошла пугающая перемена. Курносые парни, с которыми мы обменивались довольно безобидной руганью, неожиданно облачились в высокие сапоги и черные мундиры с портупьями и стали выглядеть уже не забияками-мальчишками; они маршировали по улицам нашего района и орала: «Долой жидов! Долой жидов!..»

Антисемитизм... поднял голову у нас на глазах, и если нам было страшно – как, по крайней мере, было страшно мне, – то прежде всего потому, что раньше мы были убеждены: в Англии – стране свободы, справедливости и терпимости – такого быть не может.

Фашисты из отрядов Мосли смертельно оскорбляли меня тем, что отвергали мой юношеский патриотизм. Они говорили мне, что я чужак, еврей, незваный гость в стране, где мое присутствие нежелательно. Именно тогда я начал понимать, что одни люди – в большей степени англичане, чем другие».

9 ноября 1923 года, день «пивного путча», ежегодно отмечали в гитлеровской Германии с пышной торжественностью. В тот день устраивали в Мюнхене многотысячное факельное шествие во главе с Гитлером, вслед за которым маршировали шеренги «старых борцов», а затем фюрер зачитывал на митинге имена своих сторонников, убитых в уличных схватках с идеологическими противниками. В 1935 году в Мюнхен привезли извлеченные из могил останки нацистов, погибших во время «пивного путча»; в их честь произвели артиллерийский салют – газеты назвали эту церемонию «воскрешением из мертвых».

В 1922 году было зарегистрировано 6000 членов нацистской партии Германии, в 1929 году – около 100 000, в январе 1933 года, к приходу Гитлера к власти – 850 000, к началу 1934 года – 2,5 миллиона. Каждый член нацистской партии должен был доказать арийское происхождение своих предков до 1800 года.

Т. Манн, немецкий писатель (об отличительных чертах характера Гитлера):

«Затаенная обида, гноящаяся где-то в глубинах мстительность никчемного, невыносимого, не единожды терпевшего поражение человека, патологически не способного ни к какой работе, хронического обитателя ночлежек и отвергнутого, обойденного жизнью третьесортного художника...

Как он, никогда ничему не учившийся и не желавший учиться из-за какой-то неясной, но упрямой заносчивости, не владеющий никакими навыками и немощный физически, не умеющий ничего из того, что умеют делать мужчины, – ни ездить верхом, ни управлять автомобилем или самолетом, ни даже сделать ребенка, – каким образом он сумел воспитать в себе... самое низкосортное, но зато действующее на массы красноречие... которым он берedit раны народа... одурманивает его посулами и превращает уязвленное национальное чувство в средство продвижения к собственному величию...

Всё это поистине неслыханно, ново и поражает своим размахом; невозможно взирать на это явление без некоторого восхищения, смешанного с омерзением».

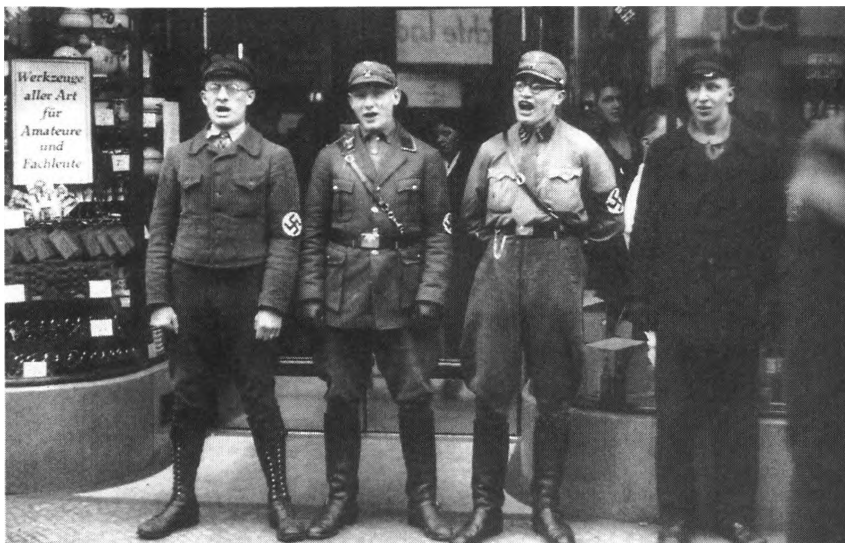
Некоторые российские эмигранты, оказавшиеся на Западе после победы большевиков, приветствовали приход Гитлера к власти и стали «экспертами по русским делам». В Берлине была создана организация «Российское национальное и социальное движение», один из лидеров которой заявлял: «Мы преклоняемся перед личностью вождя германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем... духовного лидера мировых сил света, спасающих человечество от кромешной тьмы большевизма». Небольшая фашистская партия во главе с А. Восняцким существовала в США; в Маньчжурии создали Русскую фашистскую партию «для ликвидации еврейского владычества на русской земле» – ее лидером был К. Радзаевский.

Депутат третьей и четвертой Государственных дум России, монархист и черносотенец Н. Марков 2-й, провозглашал в эмиграции после прихода Гитлера к власти: «Я чувствую громадное удовлетворение тем, что наконец-то поставлено в государственном масштабе разрешение еврейского вопроса, притом правильно поставлено, так именно, как мы столько лет пропагандировали, начиная с 1903 года... События в Германии я рассматриваю как... благоприятные для русского дела...» Марков 2-й служил в Берлине в русском отделе информационного центра «Мировая служба», занимался антисемитской пропагандой до конца Второй мировой войны.

Геббельс, из дневника (1937 год): «Пастор Нимеллер наконец посажен. Получит такой приговор, что у него в глазах потемнеет. Больше он не выйдет...» М. Нимеллер, священник берлинской церкви: «Когда наци в Германии пришли за коммунистами, я промолчал, потому что не был коммунистом. Потом они пришли за евреями, и я промолчал, потому что не был евреем. Потом они пришли за членами профсоюза, и я промолчал, потому что не был членом профсоюза. Потом они пришли за католиками; я был протестантом и потому промолчал. Потом они пришли за мной... Но к тому времени говорить уже было некому».

Очерк сорок пятый

Антиеврейские законы. Положение евреев в Германии

1

В марте 1933 года нацисты организовали в Берлине антиеврейские выступления, а в городе Бреслау штурмовики ворвались в здание суда и выгнали оттуда евреев-судей, прокуроров и адвокатов. Еврейские организации во всем мире проводили антигерманские митинги и демонстрации протеста; в еврейских газетах печатали крупно на первых страницах: «Помните, что сделали нам в Германии!»; бойкот немецких товаров объявили евреи Литвы, Польши, Англии, Франции, США, Румынии, Югославии, Латвии, Египта, Эрец Исраэль. В ответ на это нацисты назначили день ответного бойкота – 1 апреля 1933 года и заранее разослали «указания» по его проведению, в которых было сказано среди прочего: «Бойкот должен быть всеобщим... и поразить евреев в их самое чувствительное место».

В тот день возле еврейских магазинов выставили плакаты «Не покупайте у евреев!»; у входов в конторы адвокатов-евреев и кабинеты врачей встали штурмовики и не пропускали клиентов; в Берлине громили еврейские магазины и кафе, избивали продавцов и официантов, а также тех, кто был похож на евреев. Министр пропаганды Геббельс пометил в дневнике в тот день: «Я ходил по улицам, чтобы наблюдать за происходящим...

Публика везде ведет себя сочувственно и оказывает поддержку. Царит строжайшая дисциплина. Впечатляющее зрелище!»

День бойкота пришелся на субботу; многие еврейские магазины и конторы не работали, а потому материальный ущерб оказался невелик – огромным был ущерб психологический, чувство незащищенности по-среди враждебного или запуганного нацистами населения, которое опасалось выразить свой протест.

После бойкота в сионистской газете Германии напечатали статью «Носите с гордостью вашу желтую звезду»: «Мы сами виноваты. Мы не откликнулись на призыв Герцля и пренебрегли сионизмом. Неправда, что евреи предали Германию. Если они и предали кого-либо, то только самих себя».

Антиеврейский бойкот
1 апреля 1933 года.
На плакатах написано:
«Немцы, защищайтесь!
Не покупайте у евреев!»

Расовая идеология раздувала массовый психоз в стране и оправдывала вековой антисемитизм, придавая ему «научное» обоснование. В сознание немцев внедряли демонизацию чужака, сатанинство «недочеловека», желающего захватить весь мир, чтобы многие поверили – высшая привилегированная нация обладает природным правом ликвидировать слуг дьявола, наносящих вред обществу.

Теперь уже еврею не могли помочь образование, профессия, знание языка коренного народа, неотличимый от других образ жизни или переход в иную веру; еврей от рождения наследовал дурные качества своей расы и ни при каких обстоятельствах не мог их изменить, ибо расовые признаки – по утверждению сторонников этой теории – остаются неизменными независимо от окружающей среды. Даже смешанные браки не могли изменить положение, ибо у потомков будут преобладать свойст-

ва низшей расы. Ничего не значили и внешние признаки: темноволосый немец небольшого роста считался арийцем, а высокий белокурый голубоглазый еврей оставался семитом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это было идеальное учение для слабых, нерешительных, страдавших комплексами людей: даже самый последний тупица-ариец относился к высшей расе и мог свысока смотреть на прочее население земного шара.

Т. Манн: «Антисемитизм обращен к тем ничтожным людям, которые должны почувствовать под своим каблуком других, чтобы предстать более значительными в собственных глазах. Такие люди говорят себе: «Может быть, я никто, но, по крайней мере, не еврей! Следовательно, я кое-что значу...» Для маленького человека антисемитизм – эрзац аристократизма».

В апреле 1933 года появились первые законы о «неарийцах». Евреев-чиновников увольняли с государственной службы, профессоров – из университетов, адвокатов – из адвокатских гильдий, актеров – из театров, служащих – из городских магистратов, врачей – из больниц. В газете «Дер штюрмер» предостерегали: «Тот, кто пользуется услугами еврейских врачей, не просто изменяет своему народу и своей расе, он еще подвергает опасности свою жизнь».

Ограничили прием еврейских детей в немецкие школы, а для студентов-евреев ввели в университетах норму – не более одного процента от общего числа учащихся. Запретили убой животных по еврейскому закону, лишив религиозных евреев возможности пользоваться мясными продуктами. Не разрешали евреям или лицам, состоявшим в браке с евреями, редактировать немецкие газеты; офицерам германской армии не позволяли вступать в брак с женщинами «неарийского» происхождения; в кино-театрах появились окрашенные в желтый цвет скамейки для зрителей «неарийцев». Изгнали евреев из «арийских» спортивных клубов, из Ассоциаций шахмат, бокса, конного спорта, и рейхспортфюрер заявил: «В принципе, ариец, а не еврей определяет лицо германского спорта».

Власти на местах составляли адреса еврейских торговцев, ремесленников, врачей и адвокатов для проведения постоянных бойкотов; на ярмарках распространяли листовки: «Кто владеет золотом? Еврей! Кто сделал тебя безработным? Еврей! Кто лишил тебя куска хлеба? Еврей! Поэтому тот, кто покупает у еврея, – негодяй, место которому в тюрьме, предатель родины, изменивший своей семье и немецкому народу!» В деревне под Мюнхеном бургомистр издал категорическое распоряжение: «Коровы и телята, купленные у евреев непосредственно или через посредников, не будут допускаться для случки с общинными быками».

В гестапо составили список запрещенных книг, «отравляющих Германию»; более 12 000 наименований подлежали уничтожению. Среди «красноязычных» писателей оказалось немало евреев – Ш. Аш, Ф. Кафка, Л. Фейхтвангер, А. Цвейг, С. Цвейг, З. Фрейд, А. Эйнштейн, И. Эренбург и другие. В ночь на 10 мая 1933 года на площадях городов жгли книги, созданные писателями разных национальностей; на кузове одного из грузовиков, заваленного книгами, было написано: «Немецкие студенты против чуждого Германии духа!» Нацисты провозглашали с удовлетворением: «Эти костры не только означают конец старой эпохи; они освещают новую эпоху блеском своего пламени». Среди прочих бросили в костер книги поэта Г. Гейне, который предрекал в девятнадцатом веке: «Тот, кто начинает с сожжения книг, может закончить сожжением людей».

В Берлине эта «церемония» проходила на площади Оперы, напротив здания университета. Р. Гуль, из воспоминаний:

«На тротуарах к домам жметя толпа. А по мостовой густыми колоннами маршируют, идут на Унтер-ден-Линден – коричневые рубахи с гагенкрейцами на рукавах, с дымными, красноватыми факелами в руках. Ногу отбивают, как чугуны. В унисон поют национал-социалистическую песню с припевом: «Кровь потечет! Кровь потечет!...»

Бой барабанов, взвизги флейт, гром военных маршей. В темноте мечутся снопы сильных прожекторов. И вдруг, подняв правую руку к огнедышащему небу, толпа запела: «Знамена ввысь!» А когда песня Хорста Весселя замерла в темноте, от костра в красноту ночи необычайной мощности громкоговоритель прокричал:

– Я предаю огню Эриха Марию Ремарка!

По площади прокатился гул одобрения, хотя, думаю, вряд ли «площадь» читала «На Западном фронте без перемен». Под этот многотысячный гул чьи-то красноватые (от огня) руки – множество рук! – стали сбрасывать с грузовиков в пылающий костер книги, и пламя внезапным прыжком поднялось в ночную тьму, и, как живые, закружились горящие страницы книг.

Общее ликование. И – с точки зрения зрелищной – это, пожалуй, захватывающе, как океанская буря, землетрясение, потоп, как извержение лавы темных человеческих страстей...

– Я предаю огню – еврея Альфреда Керра!

Крики ликования! За Керром – Генрих Манн, Франц Верфель, Леонард Франк, громкоговоритель не успевал оповещать о сожженных. Из русских подверглись сожжению – Зощенко, Кузмин, Сологуб.

В небе, освещенном заревом костра, над площадью, как стая птиц, летали огненные страницы...»

Сожжение книг в Берлине

На следующий день после сожжения книг немецкий писатель М. Оскар опубликовал протест под заголовком «Сожгите меня»: «Мое имя помещено в белом списке авторов новой Германии... Итак, я призван быть представителем «нового» немецкого духа! Напрасно спрашиваю я себя, чем заслужил этот позор... Вся моя жизнь и мое творчество дают мне право требовать, чтобы мои книги были преданы чистому пламени и не попали в обгаренные кровью руки и в извращенные мозги коричневых бандитов».

3

Из книги Гитлера «Майн кампф»: «Черноволосый молодой еврей нахально вертится около нашей невинной девушки, а на его наглом лице можно прочесть сатанинскую радость по поводу того, что он сможет безнаказанно испортить кровь этой девушки и тем самым лишить наш народ еще одной здоровой матери...»

В сентябре 1935 года депутаты рейхстага собрались в Нюрнберге и единогласно приняли «расовую конституцию», печально знаменитые нюрнбергские законы: «Закон об имперском гражданстве» и «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести». Первый из них устанавливал, что только человек «немецкой или родственной ей крови» достоин обладать «политическими правами» в Германии; с этого момента все немецкие евреи перестали быть гражданами той страны, в которой их

предки жили многие сотни лет, они не могли занимать государственные должности и лишались права голоса на выборах.

Второй нюрнбергский закон – для защиты «чистоты немецкой крови» – запретил «брачные союзы евреев с гражданами государства немецкой или родственной ей крови», объявил недействительными уже заключенные браки, воспретил внебрачные связи между евреями и немцами, не позволил евреям нанимать в домашние работницы немецких женщин моложе сорока пяти лет (этот возраст считался предельным для деторождения), а также не разрешил еврейскому населению «вывешивать флаг рейха или национальный флаг» и использовать «цвета рейха для иных целей». Нарушение нюрнбергских законов каралось тюремным заключением или каторжными работами.

В категорию «неарийцев» попали не только верующие или ассимилированные евреи, но также крещеные и потомки крещеных евреев, даже те, чьи отцы или матери породнились с немцами путем смешанных браков. Были созданы научно-исследовательские институты по вопросам наследственности. В германских судах начались процессы об «осквернении расы»; в юридическую практику вошли понятия «полный еврей», «еврей-метис», «четверть еврея», «чистокровный немец», «кровь, родственная немецкой». Появился термин – «степень загрязнения арийской крови», которую определяли в процентах по установленной методике, и каждый житель страны при приеме на работу должен был заполнить «Свидетельство о чистоте германской крови».

Современница тех событий: «После длительных подсчетов оказалось, что у меня есть две шестнадцатых еврейской крови по материнской линии. Это уходило далеко в прошлое, и предков не надо было указывать... Меня очень задело признание отца, что он не женился бы, если бы знал о еврейских предках мамы».

Распадались смешанные семьи; мужья разводились со своими женами-еврейками, чтобы не уволили с государственной службы; перед вступлением немцев в брак тщательно обследовали их дедов, прадедов и прапрадедов. В газете национал-социалистов «Дер штюрмер» изо дня в день сообщали о ритуальных убийствах, о том, как евреи портили арийскую кровь смешанными браками, совращали и насиловали немецких женщин; газету издавали огромными тиражами, рассылали по школам, печатали отклики детей, которые давали клятву ненавидеть евреев.

Школьница из города Гельзенкирхен написала в сочинении (опубликовано в «Дер штюрмер»): «К сожалению, даже сейчас многие продолжают утверждать, что евреи тоже «Божьи творения» и поэтому их надо уважать. Но ведь мы говорим, что и мухи тоже творения, но при этом

уничтожаем их. Еврей – это гибрид. Он унаследовал признаки арийцев, азиатов, негров и монголов. Гибридом движет зло... Мы были на краю гибели, когда пришел Адольф Гитлер. Теперь заморские евреи агитируют против нас, но мы не дадим провести себя и позаботимся о нашем фюрере. Каждый грош, который мы даем евреям, убивает кого-нибудь из нас... Хайль Гитлер!»

Студент-еврей Гельмут Хирш намеревался взорвать здание газеты «Дер штюрмер», которая раздувала антисемитизм; его арестовали и казнили в 1936 году.

В журнале «Здоровье германского народа» предупреждали немцев: «Достаточно одного случая сожительства еврея с арийской женщиной, чтобы навсегда отравить ее кровь... Она уже никогда больше не сможет рожать чисто арийских детей». На улице выставили на всеобщий позор немецкую девушку и еврейского юношу с плакатами на груди; на ее плакате было написано: «Я самая большая свинья, потому что делаю это только с евреями», на его – «Я еврейский парень, который постоянно за-таскивает в свою комнату немецких девушек». В суде города Гильдесгейма слушалось дело еврея, поцеловавшего арийскую девушку. И хотя она заявила, что еврей поцеловал ее «не против желания», его присудили к тюремному заключению, так как он своим поцелуем «оскорбил не только девушку, но и весь немецкий народ».

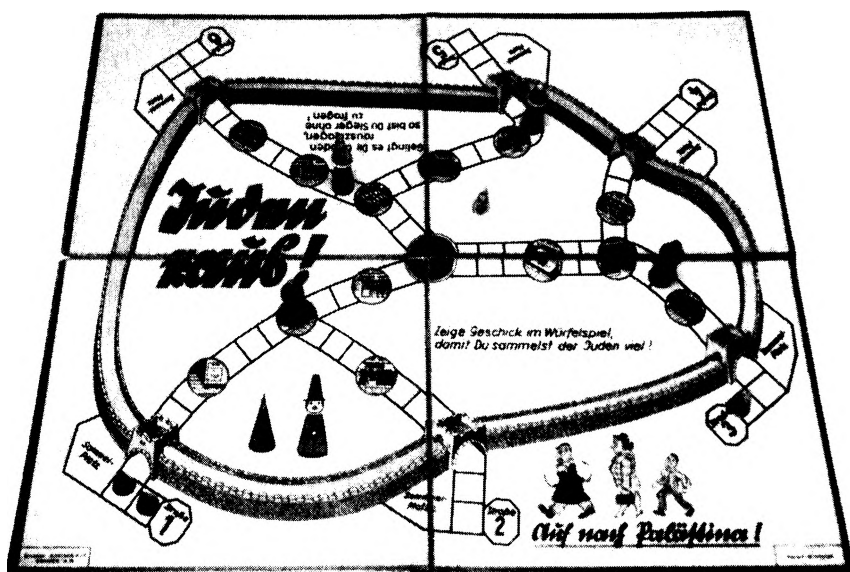
4

Антисемитизм в Германии стал неотъемлемой частью государственной политики. Это было планомерное, хорошо организованное, непрерывное и беспощадное давление на евреев во всех сферах жизни, чтобы любыми способами изгнать их из страны. Ненависть к «врагам нации» внедрялась во все слои общества гигантским пропагандистским аппаратом; кампанию о «расовой исключительности немецкой нации» и «защите» ее от «расово неполноценного» народа проводили правительство, нацистская партия, полиция и гестапо, учителя в школах, профессора в университетах, Союз гитлеровской молодежи Гитлерюгенд, муниципальные власти в городах и деревнях, а также тысячи блокляйтеров, местных фюреров, ответственных за сорок–пятьдесят окрестных семейств, которые доносили властям о малейших нарушениях расовой политики.

Многие, очень многие в Германии – мелкие торговцы и ремесленники, купцы, промышленники, представители свободных профессий – приветствовали ограничительные законы против конкурентов-евреев.

Союзы аптекарей, издателей, скотопромышленников, объединения химиков, инженеров, архитекторов, коммивояжеров, даже объединения профессиональных сватов исключали евреев из своих рядов; в некоторых муниципалитетах запретили врачам-евреям не только лечить христиан, но и анатомировать их трупы. Если евреи жаловались в суд на нарушение торгового или арендного соглашения, судьи оправдывали нарушителей-арийцев, ибо «в широких слоях населения господствуют убеждения в том, что деловое отношение с евреем безнравственно и недопустимо для арийского сознания».

Евреи стали мишенью для национальной и классовой ненависти. Антисемитизм на местах дополнял официальную ограничительную политику, а порой и предварял ее. На стенах домов появились плакаты с надписями «Евреи – наше несчастье» и «Евреи, убирайтесь!», на вокзалах расклеивали объявления – «Евреи посещают наш город на свой страх и риск» или «Евреи здесь нежелательны». В Магдебурге евреям запретили ездить в трамваях, в Эстрихе – на парходах; в Кведлинбурге им закрыли доступ в музеи, а в Дрездене, Мюнхене и Рейхенгале – доступ в общие бани. Газеты сообщали (1935 год): «В Тильзите запретили лавочникам продавать неарийцам хлеб, фрукты и овощи, а в Мюнхене – чинить их обувь и одежду. В том же городе пригрозили безработным лишением всяких пособий за малейшую связь с неарийцами... В Верхней Силезии девушек, заподозренных в связи с неарийцами, вымазали дегтем и облили чернилами...»

Детская игра «Выгони еврея» (Германия, 1930-е годы). На игровом поле указано: «Если вам удалось изгнать шесть евреев, вы одержали полную победу»

Из немецких газет (1935 год): «Если еврей заговорит с тобой, сделай вид, что ты его не замечаешь. Если он всё же не отстанет, взгляни ему в глаза, но не отвечай. Если это окажется для него недостаточным, посмотри на него сверху вниз, точно на причудливого зверя...» – «Если чужая армия переступит границы Германии, она будет шагать по еврейским трупам...»

В солидном немецком журнале провозгласили в редакционной статье: «Гитлер – это Германия, а Германия – Гитлер! Воля фюрера – воля народа и слово канцлера – голос нации. Наша внутренняя разрозненность прошла. Теперь нет места сословиям, группам, классам. Здесь только Немцы: товарищи и братья!»

5

Раввин Меир Симха из Двинска (Даугавпилса) предрекал в конце девятнадцатого века: «Уже более тысячи лет евреи пребывают в изгнании. Это долгий срок, а человек всегда хочет чего-то нового... Еще немного, и скажут: «Ложь то, что передали нам отцы». Евреи начнут забывать свое происхождение, оставят учение своей веры, начнут учить чужие языки и сочтут Берлин Иерусалимом. Еврей забудет, что он пришелец в чужой стране, и назовет ее родиной... Но не радуйся, еврей, радостью других народов. Грянет внезапно страшная буря... вырвет тебя с корнем и зашвырнет далеко...»

Евреям-оптимистам казалось сначала, что нацизм в Германии – это временное явление в политической жизни страны: немцы – духовно здоровая нация с многовековой культурой и гуманными традициями; следует только переждать, и антисемитская волна непременно спадет, как это случалось уже не раз. В еврейских газетах провозглашали: «Германия – наша страна, мы всегда здесь были и проливали кровь за кайзера; бегство – проявление слабости: станем бороться за право, за закон, за землю, которую мы любим и на которой останемся, несмотря ни на что!»

Евреи Германии считали себя органической частью немецкого общества, отдавали своей родине знания, деловые способности, жертвовали жизнью во время войны в рядах немецкой армии; они гордились своим вкладом в экономику, науку, культуру Германии и полагали, что ничем не отличаются от прочих. Немецкие евреи всё чаще порывали с иудаизмом и вступали в брак с представителями других религий; вставшие на путь ассимиляции называли себя «немцами Моисеева закона» и в дни праздников шли в синагоги – точно так же, как другие граждане страны, католики и протестанты, шли в свои дома молить.

«Немецкие евреи, – утверждал один из оптимистов, – должны считать своей родиной лишь Германию... Любое стремление создать совместно со своими единоверцами еврейскую нацию за пределами Германии – это неблагодарность по отношению к народу, в среде которого они живут».

Центром еврейской жизни Германии был Берлин, где жило более 150 000 евреев. В городе выходили книги и газеты на идиш и иврите, существовали благотворительные, спортивные, студенческие еврейские общества, детские дома, школы, больницы. В Берлине работали евреи – знаменитые на весь мир писатели, художники, режиссеры и ученые, не мыслившие себя вне немецкой культуры и науки. Существовал Центральный союз немецких граждан иудейского вероисповедания, чтобы «укреплять чувство укорененности в немецкой почве и связь с немецкой культурой»; даже после апрельского бойкота 1933 года газета Центрального союза призывала евреев Германии «неуклонно придерживаться немецкого образа мыслей». Участники Первой мировой войны объединялись в Союз евреев-ветеранов, называли себя патриотами Германии и с гордостью заявляли, что 12 000 немецких солдат-евреев погибли на полях той войны; в 1934 году евреи-ветераны написали Гитлеру письмо и попросили о дозволении участвовать в восстановлении величия Третьего рейха, а если потребуется, то и отдать за это свои жизни. Существовал в Берлине и малочисленный Союз евреев – национал-социалистов, которые объявили себя сторонниками нового режима и «национального пробуждения» Германии, однако нацисты не нуждались в их поддержке, и этот Союз вскоре ликвидировали.

Главный раввин Берлина Л. Бек предсказал в 1933 году: «Тысячелетней истории немецкого еврейства пришел конец». В том же году историк С. Дубнов записывал в своем дневнике: «Нужно было собраться в одной из синагог Берлина, сесть на пол и оплакивать разрушение германского еврейства, которое только началось и будет продолжаться еще годы». Неожиданно, за очень короткий срок, появились десятки ограничительных законов, дополнений к законам, ведомственных инструкций, предписаний и разъяснений; сотни тысяч евреев потеряли гражданские права, а их жизнь изменилась до неузнаваемости. Еврейскому населению объявили с трибуны рейхстага, что они – существа низшей расы, которые оскверняли немецкую культуру; евреи Германии восприняли это как катастрофу и стали обороняться доступными им способами.

По всей стране появились благотворительные общества, которые оказывали помощь нуждающимся за счет местных пожертвований и поступлений из американского Джойнта. Разносили по домам продовольствие и одежду, опекали стариков и больных, создавали курсы перекова-

Арестованные евреи на улице Берлина. 1933 год

лификации для тех, кому нацисты не позволяли работать по специальности. «Культурбунд» – Культурное объединение немецких евреев – создавал симфонические оркестры, хоры, камерные ансамбли, театральные труппы, устраивал концерты и литературные вечера, предоставляя работу актерам и музыкантам, которые могли теперь выступать только перед еврейскими зрителями. В 1933 году открылся в Берлине еврейский театр – его актеры, режиссеры, художники и гримеры, осветители и капельдинеры, его зрители были евреями, а немцам запрещалось посещать их спектакли.

В Высшей школе иудаизма занимались студенты, изгнанные из университетов, и преподавали уволенные профессора. Философ М. Бубер стал директором Центра еврейского образования для взрослых, где читали лекции по еврейской культуре и традициям народа. Был создан Народный еврейский университет, в Берлине работала раввинская семинария; евреи шли в синагоги, даже те, кто позабыл туда дорогу, – там можно было найти поддержку, почувствовать себя среди своих. Молодежные сионистские организации устраивали экскурсии, фестивали песен, сборы у костра, спортивные соревнования и театральные представления, отмечали еврейские праздники. Молодежь обучалась на фермах сельскохозяйственным работам, готовясь к переезду в Эрец Исраэль; в многочисленных кружках слушали лекции по еврейской истории и изучали язык иврит.

В особом положении оказались еврейские дети, которые столкнулись с ненавистью сверстников. Их унижали в школах, усаживая за отдельные парты, выставляли на обозрение перед классом, демонстрируя характерные черты «неполноценной» расы, выводили крупными буквами на классной доске: «Еврей – наш самый главный враг! Остерегайтесь евреев!»

Из воспоминаний: «От дружелюбной атмосферы не осталось и следа... Никто не хотел со мной дружить. А многие даже боялись разговаривать...» – «Мальчики и девочки, с которыми мы были в самых теплых отношениях, отвернулись от нас. Вдруг выяснилось, что мы другие...»

Затем еврейских детей исключили из общих школ, из спортивных обществ и клубов, не допускали на праздники, парады и театрализованные представления; даже площадки для игр стали для них недоступны. Детская психика не могла справиться с такими мгновенными изменениями образа жизни, и, чтобы им помочь, создали сеть еврейских школ и всевозможные молодежные организации, в которых дети получали не только знания – им помогали сохранять достоинство и самоуважение в атмосфере ненависти, охватившей страну.

В 1939 году распустили еврейскую общину Берлина, ее имущество конфисковали, а в здании правления общины разместилась организация Гитлерюгенд. После начала Второй мировой войны еще можно было уехать из Германии и Австрии, но с октября 1941 года эмиграцию с территорий рейха полностью прекратили; евреев Германии обязали носить на одежде желтую шестиконечную звезду, запретили пользоваться общественными телефонами, держать домашних животных, посещать «арийские» парикмахерские. Осенью 1941 года, в праздник Суккот, в единственной оставшейся синагоге Берлина прочитали последнюю молитву и под звуки шофара вынесли из здания свитки Торы. В октябре того года увезли в лагеря уничтожения первую группу берлинских евреев, более пятисот человек, а вскоре подошла очередь остальных.

Главный раввин Берлина Л. Бек отказался уехать из Германии, «пока хоть один еврей остается в стране»; незадолго до депортации в гетто Терезина он прочитал последнюю лекцию в Высшей школе иудаизма – его слушали три студента.

В апреле 1935 года министерство внутренних дел Германии выпустило циркуляр «Количество чистокровных, полу- и четверть-евреев в Германии». Насчитали примерно 475 000 «чистокровных

евреев иудейского вероисповедания», 300 000 «чистокровных евреев неиудейского вероисповедания» – евреев-христиан и атеистов, а также 750 000 евреев со «смешанной кровью» первой и второй степени. Итог был таков: «Всего неарийцев – 1 525 000».

Геббельс: «Мне дороже немка – уличная проститутка, чем замужняя еврейка».

Из инструкции к «Закону об имперском гражданстве» (1935 год): «1. Евреем является тот, у кого в роду насчитывается по меньшей мере три предка еврейской крови... 2. В качестве еврея рассматривается также... имеющий в роду двух предков полностью еврейской крови: а) который к моменту принятия настоящего закона принадлежал к еврейской религиозной общине или будет принят в нее после принятия настоящего закона; б) который к моменту принятия настоящего закона состоял в браке с евреем или вступит в брак с евреем после принятия настоящего закона...»

В конце 1937 года в газете «Берлинер тагеблатт» написали по поводу евреев «второй степени» (евреев на одну четверть): «В интересах здоровья нации мы не можем допустить, чтобы эти люди дали жизнь новому зараженному потомству. Наше подлинное уважение могут заслужить те настоящие патриоты своей родины, которые в ее интересах пойдут на суровую жертву и добровольно подвергнут себя стерилизации. Этой жертвы немецкий народ никогда не забудет».

Нацистская расовая теория ставила выше всех германскую расу, «расу господ», сильный, высоконравственный народ, который остается нравственным при любых обстоятельствах. Англичан называли неполноценными «ублюдками», французов – «одряхлевшими негроидами»; негров поместили между человеком и обезьяной – ими следовало командовать, и если они будут послушными, то с неграми не предвидели никаких проблем.

С 1933 года в Германии начали проверять книги записей гражданского состояния и церковные архивы, чтобы выявить смешанные браки и случаи крещения евреев. Неожиданно выяснилось, что предок «короля вальса» И. Штрауса крестился в Вене, и Геббельс записал в дневнике: «Какой-то мудрец докопался, что Иоганн Штраус на одну восьмую еврей. Я запретил это разглашать. Во-первых, это не доказано, во-вторых, я не позволю снять все сливки с немецкой культуры». Нацисты уничтожили запись в церковном

архиве, ибо «арийских граждан нельзя лишить удовольствия слушать вальсы Штрауса».

Реформатор церкви М. Лютер предложил в шестнадцатом веке программу «сурового милосердия» по отношению к евреям, «чтобы спасти их от геенны огненной»: «Их синагоги надо начинить серой и смолой и поджечь... Надо разрушить их дома и согнать их в хлевы, как цыган, дабы до них дошло, что они не хозяева на своей земле, а пленники в изгнании. Их молитвенники, их Талмуд и Библию следует изъять у них... Их раввинам надо под страхом смерти запретить поучения...»

Осенью 1941 года ввели для евреев Германии отличительный знак на одежде. Несколько лютеранских церквей опубликовали заявление, одобряющее «клеймение евреев как естественных врагов человечества и рейха, – по примеру Лютера, который потребовал самых суровых мер против евреев и их изгнания из немецких земель... Крещение ни в коей мере не может изменить расовых черт еврея, его национальности и его биологических особенностей».

В нацистском законодательстве существовал термин «мишлинге» (смешанные, нечистокровные): «мишлинги» первой степени – наполовину евреи и «мишлинги» второй степени – четвертьевреи. Высокий пост в Германии занимал Э. Мильх, мать которого была еврейкой. Главнокомандующий военно-воздушными силами Г. Геринг ценил его организаторские способности, а потому Мильх стал генерал-фельдмаршалом, начальником вооружения авиации Германии, главным инспектором авиации в годы войны с Советским Союзом. Чтобы обойти расовые законы и продвигать по службе своего протеже, Геринг потребовал и получил от его матери свидетельство о том, что Мильх не ее ребенок, а внебрачный сын ее мужа-немца (Герингу приписывали такое выражение: «В своем ведомстве я сам определяю, кто у меня еврей, а кто нет»). После войны Мильха приговорили к пожизненному заключению, освобожден досрочно в 1954 году.

Во время Второй мировой войны «мишлинги», солдаты и офицеры, служили в немецкой армии и погибали на фронтах; их награждали Железными крестами за участие в боевых действиях, около двадцати из них заслужили высший военный орден Германии – Рыцарский крест (будущий канцлер Германии Г. Шмидт, лейтенант немецкой армии, скрывал, что его дед был евреем). В начале 1944 года

Гитлеру представили перечень 77 офицеров – майоров, полковников и генералов, «мишлингов» первой и второй степени, или женатых на женщинах, обладавших тем же «недостатком». В самый разгар войны «мишлингов» первой степени демобилизовали и отправили в рабочие лагеря; часть из них не дожила до окончания войны. «Пока я служил в вермахте, – сказал после войны один из них, – мою мать-еврейку убили в Освенциме. Кто же я: убийца или жертва?»

Из воспоминаний врача ГУЛАГа (1953 год): «Среди больных в моем отделении лежит некий немец... И однажды он вдруг открывается: «Знаете, господин доктор, я ведь тоже еврей». Я был поражен. Оказывается, он еврей-австриец из Вены. И весь гитлеровский период пробыл в Германии как христианин, нееврей, по подложным документам... Он рассказал мне о пластической операции, которую ему сделал хирург, заметая следы ритуальной операции на коже полового органа... и продемонстрировал результат пластической операции, которая стерла следы обрезания».

Очерк сорок шестой

«Хрустальная ночь»

1

1 августа 1936 года в Берлине, в торжественной обстановке, Гитлер открыл Всемирные олимпийские игры. На них допустили спортсменов любых национальностей, в том числе негров и евреев из других стран, но спортсменов-евреев исключили из сборной команды Германии. Евреи, участники той Олимпиады, получили четырнадцать медалей, из них девять золотых; американский спортсмен негр Джесси Оуэнс завоевал четыре золотые медали в легкой атлетике, и Геббельс с раздражением записывал в дневнике: «Мы, немцы, сегодня получили одну медаль, американцы три, из них две – негры. Это позор. Белое человечество должно стыдиться», – поражения немецких спортсменов на тех соревнованиях, где судьями были евреи, газеты приписывали «еврейскому заговору».

Антиеврейская политика нацистов немного смягчилась перед Олимпийскими играми, но это не могло обмануть тех, кто не желал быть обманутым. Незадолго до Олимпиады проходило в Женеве очередное заседание Лиги Наций – всемирной организации, которая по замыслу ее создателей должна была укреплять мир между народами, предотвращать будущие вооруженные конфликты, защищать интересы малых

стран и национальных меньшинств. Делегаты слушали речь представителя Испании, но неожиданно поднялся с места некий человек, что-то прокричал и выстрелил себе в грудь. Его подняли, положили на диван; он прижимал к груди портфель и сквозь хрипы шептал по-немецки: «Мой портфель... Мои письма... Авеноль... Авеноль...»

Пришел Ж. Авеноль, генеральный секретарь Лиги Наций, и вынул из портфеля несколько писем – в Лигу Наций, британскому королю, в редакции европейских газет. В письмах говорилось о том, что их автор решил покончить самоубийством, чтобы привлечь внимание к судьбе евреев Германии: «Я отдаю свою жизнь в надежде, что моя смерть напомнит руководителям Лиги Наций об их долге в отношении евреев, национальных меньшинств и малых народов. Я верил в Лигу Наций. Но я глубоко ошибся!» – «Господа, – сказал Авеноль, – я хочу, чтобы это событие не получило никакой огласки, ибо оно может нанести ущерб Лиге Наций».

Расследование установило, что выстрел произвел еврей Стефан Люкс, фотокорреспондент, представлявший в Лиге Наций пражскую газету. Это был заранее запланированный акт: утром он оплатил счета в гостинице и посоветовал хозяину проследить за важным событием, которое должно произойти в тот день. Владелец гостиницы принял это за шутку. «Вас собираются выбрать президентом Чехословакии?» – спросил он. «Нет, – серьезно ответил Люкс, – но это событие будет сенсационным». В больнице он твердил, что не хочет больше жить, и к вечеру скончался от внутреннего кровоизлияния.

В тот день Геббельс пометил в своем дневнике: «В Женеве ничего нового... Только чешский еврей попытался покончить с собой, чтобы привлечь внимание мира к положению евреев в Германии».

Вскоре все забыли про Стефана Люкса и про выстрел в зале заседаний Лиги Наций. Его смерть ни на что не повлияла, никому не помогла – события в Германии неумолимо вели к трагическому финалу.

2

В ноябре 1937 года Гитлер созвал на совещание руководителей нацистской партии, крупных чинов армии и познакомил их со своей программой на будущее – захватить Австрию, затем Чехословакию с Польшей и открыть путь на Восток. В преддверии будущей войны следовало как можно скорее изгнать из Германии «внутреннего врага»: в тот период нацисты еще не ставили вопрос об уничтожении евреев, но только об их изгнании – в любую страну, которая согласится принять беженцев.

С 1935 по 1937 год было издано в Германии 358 антиеврейских законов, постановлений, разъяснений с уточнениями, а в 1938 году – более тысячи. Тот год стал поворотным в расовой политике нацистов. Отменили права, которые были у еврейских общин. Переименовали улицы, названные в честь евреев. Запретили гражданам «арийской расы» лечиться у врачей-евреев и пользоваться услугами похоронных обществ, принадлежавших евреям. Провели регистрацию еврейского имущества для последующей конфискации. Запретили евреям давать своим детям «исконно немецкие имена»; отныне к имени каждого еврейского ребенка следовало прибавлять в документе второе имя – для мальчика «Израиль», для девочки «Сарра».

В марте 1938 года немецкие войска вошли в Австрию, и Гитлер провозгласил «аншлюс» – воссоединение этой страны с Третьим рейхом. Некий австрийский либерал утверждал в те дни: «Нацисты Австрии, впитавшие в себя дух Вены, никогда не будут жестокими», – однако действительность оказалась иной. В Австрии было почти 200 000 евреев, на которых немедленно распространили нюрнбергские законы. Сразу же начались погромы, оскорбления с побоями; в парках Вены появились надписи на скамейках: «Только для арийцев»; евреев-интеллигентов посылали на уборку улиц и прочие грязные работы, заставляли чистить тротуары зубными щетками и маршировать с метлами наперевес.

Очевидец свидетельствовал: «Из дома вывели семидесятилетнего старика, закутанного в талес. Ему тоже дали ведро и тряпку. Старик встал на четвереньки рядом с депутатом мэрии и сказал: «Доброе утро, господин депутат». Тот ответил: «Доброе утро, господин раввин». Гитлеровцу это не понравилось, и он наступил ногой на талес раввина. Обнажилась голова

Евреи Вены. 1938 год

с тфилином на лбу. Послышались негромкие возгласы удивления и смешки. Нацист наклонился и спросил раввина: «Ну, рабби, вы довольны?» Раввин, продолжая усердно тереть асфальт, поднял голову и ответил: «Главное, чтобы был доволен наш Отец Небесный, я лишь Его слуга».

Евреев Австрии увольняли из университетов и выселяли из квартир, арестовывали и отправляли в концентрационный лагерь Дахау, угрозами и арестами заставляли передавать мастерские и магазины в «арийские руки» за малую часть их стоимости, а то и безвозмездно. Из письма двенадцатилетнего еврейского мальчика (Вена, 1938 год): «Всех вывели из дома в шесть часов утра. До полицейского участка за нами бежали молодые и не очень молодые люди и кричали: «Чтоб ты сдох, еврей!» Швыряли в нас камни и всякую дрянь. Множество евреев согнали во двор полиции. Невозможно описать, что там творилось. Избиения, стоны женщин и детей. Потом нас загнали на грузовики. Всю дорогу за нами бежала толпа, ругая и проклиная. Жители Вены вдруг превратились в диких зверей... Дядю Артура выслали. Тетя Рита утопилась. Говорят, кто-то видел, как она бросилась в Дунай, но ее не удерживали...»

Антиеврейские преследования в Германии набирали силу в течение нескольких лет; в Австрии это произошло мгновенно, грубо и безжалостно, как кошмарное пробуждение из приятного сна, а потому сотни евреев покончили жизнь самоубийством.

С. Дубнов: «В Вене среди евреев настоящая эпидемия самоубийств: люди, потерявшие возможность существования, убивали себя, иногда целыми семьями. На венских еврейских кладбищах часто бывало около ста погребений в день, причем прессе запрещалось сообщать об этом».

Затем подошла очередь Чехословакии. В сентябре 1938 года главы правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии подписали Мюнхенское соглашение, на основании которого Германия забрала у Чехословакии Судетскую область, населенную в основном немцами. В марте 1939 года Словакия вышла из состава Чехословакии, провозгласила себя независимой республикой, подписала договор с Германией и попала под полный ее контроль. На следующий день немецкие войска оккупировали Богемию и Моравию, объявив их протекторатом Германии, – с этого момента Чехословакия перестала существовать.

На евреев Богемии и Моравии распространили расовые законы и лишили их гражданских прав; они не могли пользоваться общественным транспортом и телефоном, учиться в общих учебных заведениях; еврейские газеты, издательства и общественные организации были ликвидированы. Осенью 1941 года евреев Богемии и Моравии заставили носить

отличительный знак и согнали в гетто разных городов, откуда был один путь – в лагеря уничтожения.

Евреев Словакии также лишили гражданских прав, а с лета 1942 года начали вывозить в лагеря смерти.

3

В 1938 году на центральной площади Нюрнберга проходил многолюдный митинг по поводу разрушения синагоги, так как она «нарушала сложившийся архитектурный ансамбль города», в котором проходили съезды нацистской партии. В том же году разрушили Главную синагогу в Мюнхене.

В конце октября 1938 года нацисты арестовали более 17 000 евреев, выходцев из Польши, которые жили до этого в Германии многие годы. Забирали деньги и ценности, оставляли по несколько марок и издевательски говорили: «У вас было не больше, когда вы пришли в Германию». Один из высланных вспоминал: «Поезда шли со всех концов Германии; я слышал названия Лейпциг, Кельн, Берлин... Когда приехали к границе, в вагоне оказалось много мертвых, а еще больше лежало на полу без сознания». Их привозили в товарных вагонах к польской границе и гнали пешком на другую сторону; поляки отказывались их принимать, а потому голодные люди с детьми и стариками долгие зимние месяцы ютились в приграничной полосе, пока им не позволили остаться в Польше.

В то время жил в Париже семнадцатилетний юноша Гершл Гриншпан. Его родителей, польских евреев, тоже изгнали из Германии, и Гершл решил за них отомстить. 7 ноября 1938 года он зашел в немецкое посольство в Париже и выстрелил в сотрудника посольства Э. фом Рата, который вскоре скончался. Гитлер назвал покушение Гриншпана «одним из ударов мирового еврейства»; выстрел отчаявшегося одиночки давал повод предпринять жестокие меры против всех немецких евреев, чтобы напугать, посеять страх и отчаяние, заставить уехать из Германии. Но нацисты в то время еще прислушивались к общественному мнению в других странах; они не желали, чтобы инициатива исходила от правительства, а потому было решено, что реакцией на убийство в Париже станет «нерегулируемая священная месть», «взрыв стихийного народного возмущения» немецкого населения.

Руководитель гестапо направил секретное указание в местные отделения полиции (с пометкой «доставить немедленно, кратчайшим путем»): «1. В ближайшее время по всей Германии будут предприняты выступления против евреев, в особенности против их синагог. Этим выступлениям

не следует чинить препятствий... 2. Если в синагогах находятся важные архивные материалы, следует принять немедленные меры для обеспечения их сохранности. 3. Необходимо подготовить арест 20–30 тысяч евреев по всей Германии. Следует выбрать в первую очередь богатых евреев. Более подробные указания будут даны в течение этой ночи...»

Погром начался в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года и продолжался весь день на территории Германии и присоединенной к ней Австрии. Нацисты в городах и деревнях, сочувствовавшие им, просто желавшие пограбить вышли на улицы под руководством местных фюреров – бить евреев, разрушать их дома и магазины, поджигать синагоги. Пожарные команды не вмешивались в происходящее и действовали лишь в тех случаях, когда огонь перекидывался на дома, в которых жили арийцы. Это событие получило название «Kristallnacht» – «Хрустальная ночь»: возможно, потому, что улицы городов были засыпаны битым стеклом. Свидетель тех событий вспоминал: «В тот день я проходил по улицам Берлина. На фешенебельной Курфюрстендам я увидел, как через разбитые витрины шикарных магазинов входят внутрь хорошо одетые люди, чтобы чем-нибудь там пожить. В другом месте я увидел на тротуаре рояль, выброшенный из окна еврейской квартиры. Вокруг стояли люди и смотрели. Солидный мужчина подошел к роялю и дотронулся до клавиш, которые в ответ зазвучали (это было всё равно что калечить труп). Мужчина засмеялся. «Еврей еще поет!» – воскликнул он...»

«Хрустальная ночь». Синагога в Баден-Бадене

Окончательный итог «Хрустальной ночи» – 91 убитый еврей (26 из них в Нюрнберге), сотни избитых и раненых; разгромлены или сожжены 267 синагог (42 из них в Вене), разграблены и разрушены тысячи

еврейских магазинов, домов, предприятий и мастерских; не менее 20 000 евреев отправили в концентрационные лагеря Заксенхаузен, Бухенвальд и Дахау.

Комендант лагеря Заксенхаузен сказал заключенным: «Вы помещены сюда во искупление низкого убийства, совершенного Гриншпаном... Здесь вам не санаторий, а крематорий. СС имеет право расстрелять вас, когда пожелает. Наши ребята делают это прекрасно... Чтобы есть, вы должны работать. Мы позаботимся о том, чтобы ваши жирные животы отошали».

Через два дня после «Хрустальной ночи» проходило совещание министров и высокопоставленных чиновников, на котором фельдмаршал Г. Геринг категорически потребовал «быстро и повсеместно вытеснить евреев из всех сфер немецкой экономики». Министр пропаганды Й. Геббельс говорил: «Почти во всех городах Германии синагоги сожжены... Те, что остались нетронутыми, надо ликвидировать силами самих евреев. Пусть они еще и заплатят за это... В этих местах можно разбить стоянки для машин или построить дома... Пришло время издать правила, запрещающие евреям посещение театров, кино и немецких цирков... Нельзя, чтобы евреи находились в одном купе с немцами... Должен выйти строгий запрет на посещение евреями пляжей, курортов и мест отдыха для немцев... Нам надо решить, запретить ли евреям ходить в немецкие леса...»

На том совещании приняли решение – «всеми возможными способами поощрять эмиграцию евреев из Германии» и предприняли для этого соответствующие меры экономического и психологического воздействия. На всех евреях Германии наложили гигантский коллективный штраф – один миллиард марок за «враждебное отношение еврейства к германскому народу и империи». Каждого еврея обязали за его счет восстановить внешний вид улицы и поврежденный при погроме дом, которым – как было сказано – нанесли ущерб в результате «народного возмущения происками мирового еврейства». Возмещение за застрахованное имущество не выплачивалось пострадавшей еврейской семье, а шло в государственную казну, так как «евреи сами спровоцировали народное возмущение против себя». Завершая совещание, Геринг сказал: «Не хотел бы я быть теперь евреем в Германии...»

После «Хрустальной ночи» началась новая волна ограничений: еврейских детей изгнали из общих учебных заведений, еврейские общественные организации были распущены и печатные издания запрещены, еврейские дома отключили от телефонной сети; немецким евреям не позволяли посещать театры, кинотеатры и культурные центры, запретили пользоваться местами общественного купания, спальными вагонами

и вагонами-ресторанами; в парках евреи могли сидеть только на отведенных для них скамейках, на общественном транспорте им отводились специальные места.

«Хрустальная ночь». Разрушенная синагога в Берлине

События «Хрустальной ночи» стали первым случаем, когда нацисты перешли от законодательного преследования евреев к массовому физическому насилию. По всему миру прошли демонстрации протестов. Президент США Ф. Д. Рузвельт отозвал американского посла из Германии. В московской газете «Правда» опубликовали передовую статью «Фашистские погромщики и каннибалы». В Москве состоялся митинг деятелей культуры, который транслировали по радио: «Фашисты избивают, режут, насилуют, убивают и жгут живых людей только потому, что они принадлежат к еврейскому народу...»

В ответ на многие протесты Гитлер сказал с трибуны рейхстага: «В течение своей жизни я часто выступал пророком, за что меня обычно осмеивали... И сегодня я опять буду пророком: если международные еврейские финансисты в Европе и за ее пределами сумеют еще раз втянуть народы в мировую войну, то ее результатом будет не большевизация мира и победа еврейства, но уничтожение еврейской расы в Европе».

4

Еще в начале своей политической карьеры Гитлер потребовал «объявить негодным для спаривания» хронически больного человека или человека с плохой наследственностью, а также «выделить внутри народа

наиболее расово ценные элементы и особо позаботиться об их умножении». Вторил ему и Гиммлер: «Солдаты СС должны довести количество детей в своих семьях минимум до четырех; если двое из них погибнут в боях, оставшиеся в живых будут нести оружие». Аборты в Германии были объявлены вне закона, врачам грозило за это серьезное наказание; мужья без особых трудностей могли развестись с бесплодными женами, а для многодетных матерей учредили особый орден.

В Германии существовало эсэсовское объединение под названием «Лебенсборн» («Источник жизни») – каждый из его участников брал на себя обязательство произвести на свет не менее четырех «чистокровных арийцев». Для этой цели создали специальные заведения, где незамужние женщины встречались с «расово полноценными» мужчинами. Эта программа проходила под лозунгом «Дайте ребенка фюреру!»; для ее осуществления подбирали женщин без наследственных заболеваний и телесных изъянов, с безукоризненной чистотой крови. Мужчины – солдаты СС, предпочтительно голубоглазые блондины – приезжали на ночь в одно из таких заведений для воспроизводства «господствующей расы», а после родов ребенка забирали у женщины и отдавали на воспитание в «арийскую» семью.

Подобные центры появились и на завоеванных территориях – в Норвегии, Франции, Бельгии и Люксембурге; последний ребенок по программе «Лебенсборн» родился уже после капитуляции Германии.

Из стран Восточной Европы привозили в Германию похищенных детей до двухлетнего возраста, проверяли по многим параметрам, близки ли они к арийской расе, и отдавали затем на усыновление, чтобы их воспитали «настоящими арийцами», – не пригодных к этому уничтожали.

В 1939 году Гитлер распорядился, чтобы «из гуманных соображений неизлечимо больным... обеспечивалась легкая смерть», и с 1940 года начали в Германии ликвидировать немцев – душевнобольных, слабоумных, эпилептиков и страдавших неизлечимыми болезнями. Их выискивали по всей стране и перевозили в специальные заведения «эвтаназии» – «легкой смерти»; там их убивали в газовых камерах и сжигали в печах, чтобы избавиться от «бесполезных едоков» и улучшить арийскую расу, освободившись от «неполноценных» ее представителей.

Автобусы с закрасненными окнами и эмблемой почтового ведомства везли на уничтожение пациентов из немецких больниц. Газовые камеры были обложены кафелем и имели вид душевых. Служащий открывал кран для подачи газа. Врач свидетельствовал о наступлении смерти. Печи в крематории дымили. Пепел в урне отправляли родственникам,

и отдел по подготовке «писем соболезнования» сообщал о кончине близкого им человека: «С прискорбием извещаем вас о том, что... все попытки сохранить больному жизнь, к сожалению, были тщетны».

Геббельс записывал в дневнике (январь 1941 года): «Вчера: восемь лет как мы у власти... Мы идем в гору, и жизнь того стоит... Обсуждал проблему тихой ликвидации душевнобольных. 80 000 уже убраны, надо убрать еще 60 000. Трудная, но необходимая работа».

Акцию по ликвидации держали в секрете от немецкого населения, однако вскоре всё стало известно; жители окрестных поселений видели автобусы с закрашенными окнами и дым из труб крематория, а когда ветры дули в их сторону, ощущали отвратительные запахи. Действия властей вызвали волну протестов родственников убитых и священнослужителей; епископы евангелической и католической церкви писали в министерство внутренних дел: «Автобусы с обреченными приходят несколько раз в неделю. Школьники их узнают: «Опять машины смерти приехали»... Дошло до того, что маленькие дети, ссорясь друг с другом, отпускают такие замечания: «Ты тупой. Тебя тоже сожгут в печи...» – «Неужели немецкий народ должен быть первым культурным народом, который в обращении со слабыми возвращается к обычаям первобытных племен? Знает ли фюрер об этом?..»

Гитлер приказал прекратить убийства в газовых камерах, однако «недостойных существовать» продолжали тайно уничтожать, впрыскивая им смертельные дозы ядовитых веществ. Обязали даже врачей и акушеров сообщать о новорожденных, родившихся с признаками уродства, однако до ликвидации младенцев дело не дошло. Предполагают, что число жертв «эвтаназии» – «легкой смерти» составило не менее 200 000 человек; примерно столько же людей стерилизовали, чтобы они не могли стать родителями «неполноценных» детей.

Опыт, накопленный во время «эвтаназии», пригодился впоследствии для создания газовых камер и крематориев в лагерях уничтожения, где работали те же самые «специалисты»...

5

Нацистская пропаганда – при участии видных немецких ученых – провозгласила существование «арийской науки», которую «загрязняли» создатели «еврейской физики, химии» и других наук. Многих евреев уволили из университетов и лабораторий, что нанесло огромный ущерб научным исследованиям в Германии и Австрии. Были изгнаны

или эмигрировали из страны выдающиеся ученые-евреи – лауреаты Нобелевской премии химии Р. Вильштеттер и Ф. Габер, физиолог О. Лёви, биохимик О. Майерхоф, физик Дж. Франк, будущие лауреаты Нобелевской премии – биохимики Х. Кребс и Э. Чейн, химик Г. Хевеши, физики М. Борн и О. Штерн. Нацисты разгромили в Вене квартиру психолога З. Фрейда, арестовали его дочь, и он, смертельно больной, уехал в Англию (Фрейд говорил: «Мои родители были евреи, я остался евреем, и мои друзья были евреями»; его сестры погибли в Освенциме).

Из немецкого «Библиотечного журнала»: «Мы тщательно проверяем расовое происхождение лиц, принимающих участие в немецкой культурной жизни... для ликвидации ссылок на еврейских писателей, редакторов и ученых».

В Германии работал физик Альберт Эйнштейн, о котором современники и биографы отзывались с огромным уважением: «Эйнштейн потряс основы прежнего мышления...» – «С Эйнштейна начинается современная физика, да и не только физика – новая наука...» – «Его внешность была столь же узнаваема и любима, как и облик Чарли Чаплина...» – «В нем была простота и достоинство великого человека... С ранних лет он испытывал отвращение к любой форме «стадности». Он писал: «Чтобы стать безукоризненным членом стада баранов, надо прежде всего самому быть бараном».

В 1933 году Эйнштейн эмигрировал в США, а в Германии вышла книга, в которой группа немецких профессоров громила его теорию относительности и называла ее «еврейским обманом». Нобелевский лауреат ответил на это с усмешкой: «Будь я не прав, для этого достаточно было бы одного профессора». И он же, Альберт Эйнштейн, сказал однажды: «Я глубоко презираю тех, кто может с удовольствием маршировать в строю под музыку; эти люди получили мозги по ошибке».

Эйнштейн постоянно подчеркивал свою связь с «еврейским обществом», с симпатией относился к сионистскому движению, ездил в США для сбора денег на нужды поселенцев Эрец Исраэль и на строительство Иерусалимского университета. Он утверждал: «Главное назначение сионистской деятельности – в упрочении достоинства и самоуважения евреев рассеяния. Меня всегда коробили недостойные стремления и потуги к ассимиляции, которые я замечал у многих своих друзей...» – «Если мы, евреи, можем чему-либо научиться на опыте этих мрачных лет, так это тому, что мы связаны единой участью, – а этот факт мы так легко забываем во времена покоя и безопасности...»

Высказывания знаменитого ученого в поддержку сионистского движения вызывали беспокойство среди немецких евреев; они опасались,

что подобные действия усилят неприязненное к ним отношение. Жена Эйнштейна сообщала в 1933 году: немецкие евреи «так напуганы, так растеряны, что публикуют декларацию за декларацией, в которых – как ни в чем не бывало – утверждают, что с ними обращаются хорошо, никто им не причиняет зла и что они не хотят иметь ничего общего с Эйнштейном».

А. Эйнштейн: «Стремление к знанию ради самого знания, любовь к справедливости, граничащая с фанатизмом, тяга к личной независимости – таковы духовные традиции еврейского народа, заставляющие меня рассматривать свою принадлежность к нему, как подарок судьбы».

С 1933 по 1940 год скрывалась в Берлине, а затем выехала из страны поэтесса Н. Закс, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе (всех ее родственников отправили в концлагеря). Не смогли работать в нацистской Германии еврей-писатели и поэты Ф. Верфель, Э. Ласкер-Шюлер, Л. Фейхтвангер, А. Цвейг, С. Цвейг, философ М. Бубер, композиторы К. Вейль, А. Шенберг, О. Штраус, дирижеры Б. Вальтер, К. Зандерлинг и О. Клемперер, которому нацисты запретили выступать.

Реформатор театрального искусства режиссер М. Рейнхардт написал в открытом письме: «Я знаю, что представителям той нации, к которой я открыто и безоговорочно принадлежу, нет теперь места в Германии». Художника М. Либермана нацисты называли «символом объевреивания немецкого искусства»; его лишили звания почетного президента Академии художеств, и незадолго до смерти он признал: «Мы должны отказаться от мечты об ассимиляции. К сожалению, я слишком стар, чтобы переселиться в Палестину, но это – единственный выход» (вдова Либермана приняла яд перед депортацией в концлагерь).

В Третьем рейхе существовал особый термин *Wertvoller Wirtschaftsjude* (W.W.J.) – «экономически полезный еврей». Лауреата Нобелевской премии физика Г. Герца (по-видимому, полуеврея) нацисты признали W.W.J.; он работал в Германии до 1945 года, а затем его вывезли в СССР, где Герц принимал участие в секретных исследованиях.

6

В 1940 году в Германии вышли на экраны антиеврейские художественные фильмы «Ротшильды» и «Еврей Зюсс», а также документальный

фильм «Вечный жид». «Еврей Зюсс» был снят по одноименному роману Л. Фейхтвангера, однако сценарий настолько переработали, что от романа осталось совсем немного; в финальных сценах фильма еврея Зюсса – совратившего белокурую христианскую девушку – приговаривали к повешению за нарушение закона о чистоте расы.

В фильме играли знаменитые актеры того времени; в нацистской газете написали: «Фильм раскрывает истинное лицо еврейства, его злоешие приемы и разрушительные цели»; на кинофестивале в Венеции «Еврей Зюсс» получил золотую медаль. Этот фильм пробуждал в зрителях антисемитские настроения, и после выхода его на экраны Гиммлер распорядился: «Все служащие СС и полиции обязаны увидеть фильм «Еврей Зюсс» в течение зимы. Члены семей могут присутствовать на демонстрации фильма».

Этот фильм показывали затем по всей Европе, а на оккупированных территориях СССР его просмотрели к весне 1943 года 24 миллиона человек.

В 1941 году Фейхтвангер опубликовал открытое письмо создателям фильма «Еврей Зюсс», которые «сократили две трети книги, а из остатка состряпали свой мерзкий антисемитский провокационный фильм»: «Придет время, и мы встретимся с вами в Берлине, господа, и, вероятно, очень скоро. Возможно, мы не откажем себе в удовольствии и заставим вас посмотреть с нами фильмы, подобные вашему шедевру «Еврей Зюсс». К этому и сведется возмездие».

Погромы «Хрустальной ночи» не вызвали протеста у немецкого населения Германии, и лишь единицы осмелились выразить свое несогласие с политикой нацистской партии. Настоятель костела в Берлине католический священник Бернгард Лихтенберг в день погрома прошел по улицам города, всё увидел, а затем вернулся в костел и стал молиться «о евреях и всех несчастных узниках концлагерей». Он повторял эту молитву публично каждый день, три года подряд; затем его арестовали, и на суде Лихтенберг сказал: «Когда я увидел разрушения и бездействие полиции, то... спросил себя: если всё это возможно в упорядоченном государстве, что же сможет помочь? И я решил, что помочь сейчас может только одно – молитва». Судья установил, что Бернгард Лихтенберг «не обнаружил признаков раскаяния или перемены образа мыслей»; его отправили в лагерь Дахау, и он вскоре скончался.

Один из заключенных сказал другому: «Сегодня похоронили святого...»

Гершл Гриншпан был арестован после покушения, а когда немцы заняли Париж, его увезли в Германию. Намеревались провести показательный судебный процесс, чтобы доказать, что «мировое еврейство» запланировало новую войну и выстрел в немецкого дипломата – сигнал к ее началу. Но суда не было; Гриншпан исчез, и судьба его неизвестна.

Из инструкции полицейским властям Саарской области и Эльзаса о депортации евреев: «Перед тем как покинуть жилища, задержанные обязаны: а) сдать домашних животных (собак, кошек, птиц)...; б) передать скоропортящиеся продукты в распоряжение национал-социалистической благотворительности; в) загасить огонь; г) перекрыть воду и газ; д) выкрутить электропробки; е) привязать к связке ключей бирку с именем хозяина и указанием города или деревни, улицы и номера дома...»

В годы нацистского правления арестовывали немцев, которые отказывались служить в армии, – одних из них казнили, других отправляли в концлагеря. В Германии существовали молодежные группы «Пираты Эдельвейса», участники которых не желали вступать в Гитлерюгенд; в их гимне было сказано: «Они могут нас согнуть и надеть оковы, но придет день, и мы разобьем цепи... Мы воспеваем свободу, любовь и жизнь, мы – «Пираты Эдельвейса...»; перед концом войны многих из них арестовали и повесили. В 1942–1943 годах в Мюнхене действовала подпольная студенческая группа «Белая роза»; ее участники призывали студентов к борьбе с нацизмом – их тоже казнили.

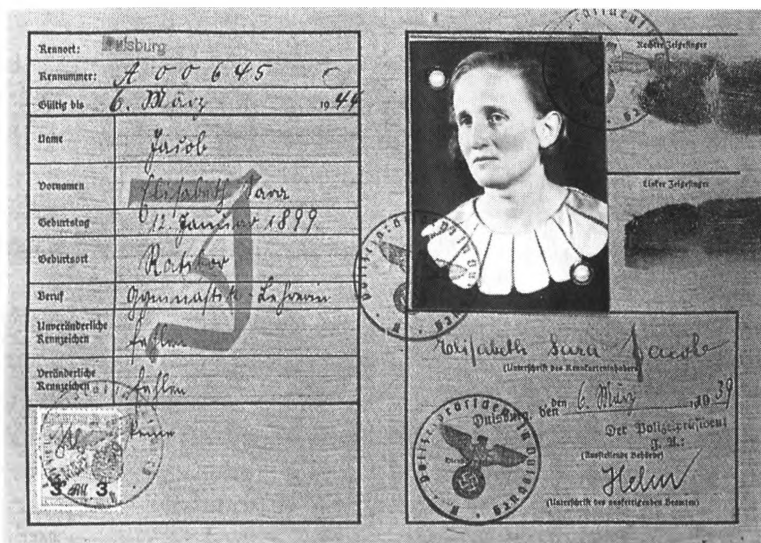
Маляр Лоис Бирке из Висбадена заявил публично, что наступит день, когда нацисты будут собственными руками восстанавливать разрушенные синагоги; его приговорили к смертной казни в 1943 году.

В тюрьмах Германии казнили «за участие в подготовке государственной измены», «за разложение вооруженных сил» и прочие преступления. Министерство юстиции получало ежемесячные

секретные отчеты: «Казнены 114 человек палачом Реттгером в берлинской тюрьме...» – «Казнены 121 человек палачом Реттгером...» – «Казнены 324 человека...»; подобные сообщения присылали из тюрем разных городов. Палачи получали вознаграждение: за первого казненного 60 марок, за каждого последующего – по 30. Родственникам казненного предъявляли счет для оплаты – расходы по содержанию под стражей, плата адвокату, стоимость приведения приговора в исполнение, пошлина с приговора о смертной казни, а также 12 пфеннигов – почтовые расходы по пересылке счета.

Очерк сорок седьмой

Бегство евреев из Германии. Конференция в Эвиане

1

Бегство из Германии началось сразу после прихода Гитлера к власти, и к осени 1933 года за границей оказались десятки тысяч беженцев – в основном это были евреи, которые ушли в соседние страны. Неожиданная перемена привычного образа жизни, безработица, нищета, бездомность привели к тому, что многие кончали жизнь самоубийством. «Если умирать, так умирать дома», – решали отчаявшиеся, и тысячи беженцев вернулись обратно.

Но это была уже не та Германия. Бойкот еврейской торговли, врачей и адвокатов, увольнение с государственной службы и прочие ограничительные меры привели к экономическому разорению еврейского населения; к 1936 году многие оказались безо всяких средств к существованию, а вытеснение из экономики страны набирало силу из месяца в месяц. Запретили евреям покупать и арендовать участки земли. Ограничили поставки сырья для еврейских фабрик и мастерских и отменили для них налоговые льготы. Торговые лицензии для евреев выдавало теперь гестапо, и было почти невозможно открыть новый магазин или кафе. Путем всевозможных угроз заставляли продавать за гроши еврейские предприятия, и в газетах с удовлетворением отмечали их переход

в «арийские руки». Кое-кто пытался скрыть свою национальность, чтобы не уволили с работы, однако «патриоты-арийцы» посылали доносы о «неарийском происхождении» соседей, сослуживцев, даже родственников. Жизнь для немецких евреев стала невыносимой, оставался один способ спасения – бегство в соседние страны, а оттуда в США, Канаду, Австралию, Южную Африку, Палестину.

Нацисты оказывали постоянный нажим, чтобы принудить евреев к эмиграции, но выпускали из страны с незначительными суммами денег – имущество и ценности запрещали вывозить. После захвата Австрии открыли в Вене Центральное бюро еврейской эмиграции под руководством А. Эйхмана: еврей входил туда обладателем денег и недвижимого имущества, а выходил оттуда нищим, но с разрешением на выезд. По австрийскому примеру создали в Берлине Имперский центр эмиграции евреев, чтобы любыми способами заставить их покинуть страну. Таким образом, двери были пока что открыты; проблема заключалась в том, чтобы получить разрешение на въезд в какую-либо страну.

В Швеции и Швейцарии опасались наплыва немецких евреев. Чтобы полиция могла выявлять нежелательных беженцев, власти этих стран попросили немцев ввести особый штамп в паспортах у евреев, – так появилась отметка J красным цветом, первая буква слова Jude.

Евреи Вены
в очереди
за разрешением
на выезд
из Австрии.
1938 год

Положение становилось катастрофическим: покидать Германию еще разрешали, но получить визу в какое-либо государство было почти невозможно. Многие страны не оправились от экономического кризиса и безработицы, а потому не соглашались на массовую иммиграцию евреев; лишь немногим удалось осесть на время в странах Европы или попасть в Соединенные штаты Америки, где существовали ограничения на въезд. Страны Южной Америки не впускали беженцев, и лишь кое-кому удавалось за большие деньги купить у консулов этих стран транзитные визы, чтобы остаться там нелегально. В немецких газетах даже печатали объявления, как приобрести право на въезд в какую-либо страну, к кому обратиться за посредничеством, сколько стоит, к примеру, виза на Кубу.

Евреи бежали разными путями в поисках страны, которая впустила бы их на свою территорию. Ловкие дельцы фрахтовали корабли на еврейские деньги, чтобы вывозить беженцев в Латинскую Америку; иногда это у них получалось, но порой корабли плавали из порта в порт, из страны в страну, пока на одном из островов Карибского моря предоставляли наконец убежище. Бывало и так, что корабли с беженцами приплывали обратно в Германию, где они были уже нежелательными пришельцами. Чтобы предотвратить возвращение евреев, в гестапо подготовили специальный циркуляр, который предписывал: «Эмигранты, пересекающие границу рейха... подлежат заключению в концентрационный лагерь Заксенхаузен возле Ораниенбурга... в концентрационный лагерь Дахау... и в лагерь в Заксенбурге (земля Саксония). Лица женского пола подлежат заключению в концлагерь Моринген».

Ограничительные законы удушали всякую деятельность евреев Третьего рейха, лишая возможности достойного существования, а потому еврейские общественные деятели посылали прошения германскому правительству: «Значительная часть престарелых евреев неспособна к переселению и вынуждена окончить свои дни в Германии... Нужно дать им возможность хоть как-то зарабатывать... и мы просим правительство приостановить дальнейшее ограничение евреев в добывании средств к существованию».

2

В июле 1938 года – по инициативе американского президента Ф. Д. Рузвельта – была созвана конференция по еврейскому вопросу. Она проходила во французском городке Эвиане; Советский Союз в конференции не участвовал, и делегаты тридцати двух стран решали единственный вопрос: что делать с беженцами из Германии и Австрии, как им помочь?

Представитель каждой страны выражал сочувствие евреям, однако тут же приводил причины, по которым его страна не могла их принять. Франция, Голландия и Бельгия заявили, что они впустили уже достаточное количество беженцев. США не желали увеличивать въездную норму для их приема. Польша и Румыния попросили забрать у них излишек евреев. Австралия – гигантский, малонаселенный континент – могла бы разместить многих, однако ее представитель заявил: в Австралии нет расовой проблемы и мы не желаем ее создавать. В обширных колониях Великобритании также не нашлось места для массового расселения беженцев, а ежегодную въездную норму в подмандатную Палестину англичане не хотели увеличивать. Отказали все государства, включая страны Латинской Америки, лишь Голландия и Дания разрешили временный въезд ограниченному числу беженцев, направлявшихся в другие страны. И только представитель Доминиканской Республики торжественно заявил от имени диктатора Трухильо, что его страна готова принять 100 000 евреев и предоставить им земли для расселения. Доминиканская Республика прославилась на весь мир своим «человеколюбием», однако приняла в конце концов лишь полторы тысячи беженцев.

На конференцию в Эвиан приехала Голда Меир, «еврейский наблюдатель из Палестины». Она вспоминала впоследствии: «Страшное это было дело – сидеть в роскошном зале и слушать, как делегаты тридцати двух стран поочередно объясняют, что они хотели бы принять значительное число беженцев, но, к несчастью, не в состоянии этого сделать. Человек, не переживший этого, не сможет понять, что я испытывала в Эвиане – смесь горя, ярости, разочарования и ужаса... В Эвиане я поняла: если народ слаб, то, как ни справедливы его требования, этого всё равно мало...». «Только одно я хочу увидеть, прежде чем умру, – сказала я журналистам, – чтобы мой народ больше не нуждался в выражениях сочувствия».

Германия не принимала участия в той конференции, и в немецких газетах с удовлетворением отметили: «Вся конференция – огромный провал, чего, собственно говоря, и следовало ожидать с самого начала...» – «Если бы они беспокоились о судьбе евреев Германии, они могли бы их получить...» – «Нас не интересуют принятые там решения, поскольку у нас выработан свой подход к еврейскому вопросу и вопрос этот решается последовательно, шаг за шагом...»

На той конференции присутствовал некий еврей из Вены; он приехал по поручению нацистов, которые желали избавиться от еврейского населения, очевидно, за определенную плату. Так и осталось неизвестным, что немцы хотели получить за евреев – деньги или политические уступки.

Иллюстрация к антисемитской книге для детей: уход евреев из Германии.
Издательство «Дер штюрмер»

В мае 1939 года отплыл из Гамбурга на Кубу комфортабельный корабль «Сент-Луис». На его борту находилось более 900 немецких евреев; они заплатили большие деньги за билеты и за перевозку багажа, однако в последний момент багаж на корабль не погрузили, и он остался в Гамбурге. У каждого пассажира «Сент-Луиса» имелась въездная виза на Кубу, приобретенная за доллары у директора эмиграционной службы Кубы, но когда корабль приплыл в Гавану, оказалось, что визы были аннулированы незадолго до этого, и никому не позволили сойти на берег. В тот момент на Кубе шла предвыборная кампания; местные жители опасались конкуренции еврейских иммигрантов, и правительство закрыло им въезд в страну. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала: «Родственники и друзья беженцев требовали с пристани, чтобы их пропустили на борт корабля, но их отгоняли. Рыдая, беженцы просили, чтобы им дали возможность сойти на берег, но на трапе стояла охрана... Не было никаких признаков смягчения нового постановления. Каждая просьба отклонялась. Один человек всё-таки достиг берега. Его извлекли из воды с перерезанными венами на руках и поместили в госпиталь... Когда «Сент-Луис» уходил из Гаваны, вслед ему неслись печальные возгласы: «До свидания!..»

Корабль отправился во Флориду, но в США существовали ограничения на прием иностранцев, страна испытывала экономические трудности, и беженцам не позволили высадиться на берег, несмотря на хлопоты местных еврейских общин; береговая охрана получила приказ возвращать на корабль даже тех, кто попытается прыгнуть за борт и добраться

до берега вплавь. «Сент-Луис» вернулся в Европу, беженцы получили временное убежище в Англии, Бельгии, Франции и Голландии, большинство из них погибло затем в немецких лагерях смерти.

После эвианской конференции Гитлер заявил: «В Эвиане был разоблачен миф о всемирной мощи и влиянии евреев». Нацисты поняли, что все страны наглухо закрыты для евреев, никто их не защитит, никто не спасет. И выводы из этого были просты: если нельзя выслать евреев из Германии и оккупированных территорий, значит, следует найти иной путь. А отсюда уже один шаг до «окончательного решения еврейского вопроса»...

3

В апреле 1920 года международная конференция в итальянском городе Сан-Ремо передала Великобритании мандат на управление Палестиной, признав «историческую связь евреев с Палестиной как основу для воссоздания их Национального Дома в этой стране». Затем этот мандат утвердила Лига Наций, потребовав от Великобритании облегчить еврейскую иммиграцию в Палестину и поощрять заселение евреями государственных и незанятых земель. В мандате был заложен план постепенного создания еврейского государства; оптимистам казалось, что это уже не за горами, однако в 1930-е годы британские власти начали уменьшать количество сертификатов – разрешений на въезд в Палестину.

Х. Вейцман, первый президент государства Израиль: «Мне довелось быть в Палестине, когда туда начали прибывать первые эмигранты из Германии... Всего несколько лет назад эти люди чувствовали себя в полной безопасности, они представляли собой огромную моральную, социальную и интеллектуальную силу. Теперь они были лишены всего; они прибыли в страну, к которой не испытывали почти никакой привязанности, были вынуждены строить новую жизнь (некоторые – в пожилом возрасте) в условиях климата, который многим из них не подходил, при отсутствии удобств, к которым они привыкли. Глядя на этих людей, я задумывался: справятся ли они?.. Или же закончат свою жизнь изгнанниками, вечно оплакивающими прошлое и неспособными примириться с настоящим?..»

Среди беженцев из Германии было много ученых, врачей, лиц свободных профессий; они работали официантами, водителями такси, на полях, в коровниках и на стройках, – в те времена можно было услышать на строительных лесах их обращения друг к другу: «герр доктор», «герр профессор». Однако израильский филармонический оркестр был создан в те годы лучшими музыкантами из Германии; они подняли уровень научных исследований в Иерусалимском университете, из их сре-

ды вышли знаменитые судьи и адвокаты; немецкие евреи основали поселения нового типа, среди них – Нагарию и Кирьят-Бялик.

В 1933 году приехало в Эрец Исраэль 32 000 репатриантов – в основном из Германии и Польши, в 1934 году – 42 000, в 1935-м – 61 000 переселенцев. На каждую тысячу старожилов-евреев пришлось в те годы по 350 новых репатриантов.

Количество сертификатов – разрешений на въезд в Палестину было недостаточным, чтобы обеспечить всех евреев, желавших покинуть европейские страны, а потому пришлось прибегнуть к нелегальной репатриации. В 1934 году кибуцник Й. Кадмон поехал в Европу и зафрахтовал греческий корабль «Велос», который мог взять на борт 180 пассажиров. Корабль отплыл из Греции, на его палубе и в трюмах разместилось 350 человек, еврейская молодежь из Польши, Литвы и Латвии; рейс проходил под названием «экскурсия студентов по Средиземному морю». В июле того года «Велос» подошел к берегам Эрец Исраэль; высадка происходила в течение нескольких ночей, каждый раз в другом месте, чтобы не попасть на глаза английской полиции, а под утро корабль уходил в море. В сентябре «Велос» вышел во второй рейс, теперь уже из Болгарии – на его борту находилось более 300 пассажиров. На этот раз полиция была наготове; удалось высадить лишь 50 человек, и «Велос» ушел обратно в Европу. В том же году на корабле «Унион» приплыли и высадились на берег 117 беженцев.

В 1937 году крохотное моторное судно привезло из Греции в Хайфу 15 человек. Затем приплыла вторая группа – 54 человека. Третья – 95 беженцев. Следом за ними приплыли на трех кораблях 380 человек: их лозунгом было «Вопреки всему!» Последняя группа уезжала из Вены, когда там были уже немцы, и ее успех вызвал надежды у австрийских евреев, которые начали понимать, какая судьба их ожидает. Нелегальная репатриация считалась прежде приключением молодежи, теперь же в этом увидели путь к спасению.

В 1938 году посланцы из Эрец Исраэль зафрахтовали в Греции корабль «Посейдон» и привезли на нем нелегально 65 человек. Затем на корабле «Артемизия» доставили за два рейса почти 300 беженцев. Высадка производилась организованно и быстро – ночью, в заранее условленном месте. На берегу их уже ожидали, в темноте горели сигнальные огни, к кораблю подплывали лодки, переправляли новоприбывших на берег и развозили по еврейским поселениям, а корабль с рассветом уходил в море. Летом 1938 года быстроходный корабль греческих контрабандистов «Аtrato» перевез из Италии под панамским флагом еще 300 человек.

Под давлением британского правительства Италия и Югославия закрыли свои границы; срочно стали искать обходные пути – беженцев из Германии и Австрии везли теперь по Дунаю в румынские порты, а оттуда в Эрец Исраэль. Корабль «Драга» высадил возле Нетании 500 беженцев, на корабле «Эли» приплыли 540 человек, на «Джипо» – 743, на «Дельфе» – 250: за два месяца вывезли через Румынию более 2000 евреев.

Жулики и контрабандисты брали с беженцев большие деньги, чтобы доставить в Эрец Исраэль, но их не интересовала судьба этих людей, они не заботились о высадке их в безопасном месте, и пассажиры часто попадали в руки английской полиции или ожидали своей участи в портах Средиземного моря. Современник свидетельствовал в 1939 году: «Мы видели эти утлые суденышки, покачивающиеся на волнах под плящим летним солнцем. Их трюмы были забиты беженцами, которые находились там в нечеловеческих условиях... На обветшалом грузовом корабле было 650 беженцев из Чехословакии... – 42 юриста, 40 инженеров, 26 врачей, хирургов, гинекологов; среди них можно было обнаружить профессиональных писателей и одаренных музыкантов, фармацевтов и медицинских сестер... Ни один посол, ни один консул не выступил, чтобы добиться для них прав и привилегий, которыми пользуются самые последние граждане самой крошечной страны».

Это было время, когда бегство от нацистов стало массовым явлением. Это было время, когда немецкое правительство еще поощряло выезд, и следовало спасать еврейское население Европы. Десятки тысяч евреев Германии, Австрии, Польши, Румынии, Венгрии можно было вывезти в безопасное место, но англичане закрыли ворота в Палестину. Разведывательные самолеты летали над прибрежными водами, миноносцы и сторожевые катера с пулеметами патрулировали вдоль береговой полосы, работал специальный штаб; за помощь нелегальным репатриантам ввели наказание до двух лет тюрьмы или огромный штраф – 1000 палестинских фунтов.

Х. Вейцман: «Попытки найти спасение в Палестине привели к появлению «плавающих гробов», непригодных к плаванию кораблей, переполненных мужчинами, женщинами и детьми... Одни из них утонули в Черном и Средиземном морях. Другие достигли берегов Палестины, но им не дали причалить. С третьих пассажиров сняли и отправили на остров Маврикий...»

В марте 1939 года приплыл из Румынии корабль «Сандо», на борту которого было 269 беженцев; английская полиция захватила корабль, и всех отправили назад. Такая же участь постигла «Астию» – 700 человек не смогли высадиться на берег. Приплыл «Агиос Николаос» с беженцами

из Чехословакии; британские катера обстреляли корабль из пулеметов, убили одного пассажира, и корабль уплыл в Грецию. В июле 1939 года «Патрия» прорвалась через блокаду, села на мель возле Тель-Авива, и 856 репатриантов сошли на берег под радостные приветствия жителей города. Через двадцать дней после этого корабль «Дрора» тоже сумел прорвать блокаду и высадил 480 беженцев из Голландии и скандинавских стран. Затем приплыл «Тайгер Хилл» – на его борту находилось 1417 беженцев из Румынии. Патрульный катер открыл по нему огонь, двое пассажиров были убиты, и капитан посадил корабль на мель возле Тель-Авива. 400 человек успели добраться до берега, смешались с местными жителями, а затем прибыла полиция, и остальных пассажиров с корабля отправили в специально созданный лагерь под Хайфой.

Корабль «Патрия» с нелегальными репатриантами в прибрежных водах Тель-Авива

С 1934 по 1939 год приехало в Эрец Исраэль до 20 000 нелегальных репатриантов; затем началась Вторая мировая война, десятки тысяч евреев можно было еще спасти, но даже во время войны англичане не распахнули ворота в подмандатную Палестину.

4

А. И. Хешель, еврейский религиозный философ (из книги «Израиль – эхо вечности»):

«В некоторых странах Европы мы жили почти две тысячи лет. Трудились, молились, учились, терпели, строили, проливали свою кровь за

свободу и независимость разных народов, вносили свой вклад в науку и литературу, создавали ценности духовной жизни. И вот мы оказались взаперти, в заключении, в окружении гнева, ненависти, презрения и такой сатанинской злобы, какой мир никогда не знал. Ураган ненависти разбушевался во многих странах. Немцы вопили: «Смерть евреям! Смерть евреям!» – и некуда было бежать.

Лишенные дома, мы толпились в чужеземных посольствах, стучались во все двери, посылали протесты. Ответ, который мы получали, гласил: «Нет!» Не было убежища, не было даже дорог, чтобы бежать из ада... Нелегальные корабли. Нелегальные евреи. Все страны закрыты перед ними. Все сердца закрыты...

И ворота лагерей уничтожения широко распахнулись перед обреченными...»

В 1934 году еврейское издательство в Берлине выпустило книгу одесского врача Л. Пинскера «Автоэмансипация», впервые увидевшую свет в 1882 году. Автора книги назвали в предисловии «гордым евреем с развитым чувством национального самосознания», и цензоры из гестапо усмотрели в этой фразе «презрение евреев к окружающим их народам». Пинскер считал антисемитизм «разновидностью психоза»; власти конфисковали весь тираж, ибо «еврейская по духу и содержанию книга противоречит национал-социалистической оценке еврейства как мирового зла».

В то же время цензура разрешила книгу о еврейских поселениях в Эрец Исраэль, так как призыв автора к евреям «объединиться на Земле Обетованной» способствовал еврейской эмиграции из Германии. Более того, на первых порах нацисты содействовали профессиональной подготовке еврейских юношей и девушек, которые желали уехать в Эрец Исраэль.

В 1934 году была создана международная организация «Алиат га-ноар» («Репатриация молодежи») для вывоза еврейских детей и молодежи в Эрец Исраэль. С 1934 по 1939 год «Алиат га-ноар» переправила из Европы 5000 детей, с 1939 по 1945 год – более 9000, а в первые послевоенные годы – 16 000 детей, выживших в годы Катастрофы.

В Великобритании, Голландии и других европейских странах удалось разместить более 10 000 еврейских детей из Германии. После событий «Хрустальной ночи» два американских сенатора

предложили проект закона, который позволил бы привезти в США 20 000 еврейских детей сверх ежегодной нормы приема иммигрантов. Многие предлагали усыновить этих детей, чтобы государство не тратило деньги на их воспитание; дети не могли стать конкурентами местным рабочим и увеличить безработицу, однако закон не был принят, и еврейские дети из Германии не попали в Америку.

Берлинская молодежь уезжает в Эрец Исраэль по программе «Алиат га-ноар». 1936 год

Японские оккупационные власти не требовали визы для приезда в китайский город Шанхай; беженцыплыли морем или ехали на поездах через Сибирь, немецкими марками можно было оплатить билет от Вены до Владивостока, и Советский Союз разрешал это ради получения валюты, – не менее 15 000 евреев Германии и Австрии успели выехать в Шанхай до конца 1939 года. По официальным данным Лиги Наций, в 1933–1939 годах эмигрировали 329 000 евреев Третьего рейха.

В конце 1934 года на Западе возникло предложение – направить поток беженцев-евреев в Биробиджан за счет еврейской благо-

творительной организации Джойнт. В то время лидеры СССР противопоставляли советский гуманизм гитлеровскому антисемитизму, а потому летом 1935 года Политбюро разрешило разместить в Биробиджане 1000 еврейских семей. Впускали только с территорий, которые до Первой мировой войны входили в состав Российской империи; в СССР уже начинался «большой террор», страну охватила «шпиономания», и органам НКВД поручили тщательно проверить беженцев при выдаче разрешения на въезд. Деятели Джойнта составили план по перемещению в Биробиджан еще нескольких тысяч евреев, однако им сообщили, что СССР сможет принять не более двухсот семей.

Ф. Раскольников, советский дипломат-невозвращенец (сентябрь 1939 года, из открытого письма И. Сталину): «Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов».

В начале 1940 года в Москву поступило предложение из переселенческих бюро Берлина и Вены – переправить евреев Германии в Биробиджан и в Западную Украину. Ответственный сотрудник в Москве дал такое заключение: «Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты».

В 1937 году польское правительство рассматривало вопрос о переселении миллиона «лишних евреев» из Польши на остров Мадагаскар у восточного побережья Африки. Специальная комиссия определила, что климатические условия на острове не годятся для выходцев из Европы, и план остался нереализованным. Летом 1940 года подобное предложение возникло в Германии – создать на Мадагаскаре особые резервации и переселить туда европейских евреев, финансируя этот проект за счет экспроприации еврейской собственности. Из «секретного документа государственной важности» (1940 год): «Я надеюсь, что понятие о евреях целиком изгладится в памяти людей благодаря... массовой эмиграции всех евреев в Африку или еще в какую-либо колонию». Гитлер сразу же поддержал этот план, но немцы не располагали такими возможностями – переправить на далекий остров миллионы евреев; затем началась война с СССР, и мадагаскарский вариант был отвергнут – подошло время «окончательного решения еврейского вопроса».

Часть десятая

Уничтожение евреев на территории СССР – 1941–1942 годы

Очерк сорок восьмой

Начало войны и эвакуация населения. Методы уничтожения на оккупированных территориях

1

22 июня 1941 года.

Ранним утром немецкие войска пересекли советскую границу и начали стремительное наступление. 24 июня они заняли столицу Литвы Вильнюс, 28 июня – столицу Белоруссии Минск, 1 июля – столицу Латвии Ригу, 7 июля – Бердичев, 9 июля – Псков и Житомир, 11 июля – Витебск, 13 июля – Бобруйск, 16 июля – столицу Молдавии Кишинев. К восемнадцатому дню войны немцы захватили Литву, Латвию, Белоруссию, значительную часть Украины, Молдавии, Эстонии и продолжили продвижение на восток.

Воспоминания первых дней войны (Витебск): «Немецкие самолеты налетали так внезапно, что зачастую воздушная тревога объявлялась вслед за взрывом бомбы. Предлагалось уйти в укрытие, но где можно укрыться, никто не знал. Город не был готов к нападению...»

Эвакуация населения из приграничных районов была практически невозможной; даже те, кто пытался бежать, вскоре оказывались в тылу наступающих немецких войск и вынуждены были вернуться в свои дома.

Чем ближе к границе, тем беспорядочнее происходила эвакуация: толпы растерянных людей на вокзалах штурмовали поезда, пытались уехать на автомобилях, велосипедах, подводах, уходили пешком, везли в колясках грудных детей, несли вещи. Немецкие самолеты бомбили поезда, расстреливали людей из пулеметов на бреющем полете, танки и парашютные десанты отсекали беженцев, а потому количество населения, сумевшего эвакуироваться из западных областей СССР, зависело от расстояния населенных пунктов до границы и от быстроты передвижения немецких частей.

Советская власть не доверяла жителям территорий, присоединенных к СССР в предвоенные годы, хотя они и считались гражданами страны Советов. Беженцев из Западной Украины и Западной Белоруссии задерживали на границе, существовавшей до сентября 1939 года, беженцев из стран Прибалтики – на границе 1940 года. Из воспоминаний евреев, пытавшихся спастись:

«В поезда пропускали только тех, кто показывал билет члена партии. Тысячи шли пешком по дорогам и тропинкам. Немецкие танки обгоняли их. Часть бежавших была уничтожена, и трупы неделями валялись в лесах и на полях. Другие вернулись в Вильнюс, разбитые, голодные, измененные...»

«Мы прожили у границы двенадцать страшных дней и ночей. За это время тут скопились тысячи беженцев. Толпы людей, большей частью евреев... умоляли, чтобы им позволили бежать дальше, но их не пускали. Пропускали только коммунистов, членов партии с «кашерными» документами. Мы, остальные, «трейф», у нас нет права на спасение, хотя мы уже более года советские граждане...»

«Когда немцы подошли на десять–двенадцать километров, пограничная стража внезапно исчезла. Только тогда мы могли двинуться дальше, – но далеко ли убежишь, когда враг так близко?..»

«Немцы продвигаются молниеносно. Непрерывно бомбят дороги. Путь усеян трупами беженцев и красноармейцев, разбитыми танками и автомобилями. Непрекращающиеся разрывы. Вонючая гарь. Агония умирающих...»

Анатолий Рубин:

«Я пошел вместе с людским потоком на восток. Шли весь вечер, всю ночь. Изнемогавшие люди бросали свои жалкие пожитки, которые они захватили из дома... Всё время нас обстреливали немецкие штурмовики, и мы бросались врассыпную в поле или в лес и ложились на землю. Некоторые так и не поднялись... Идти дальше на восток было невозможно, и мы... отправились назад в уже оккупированный Минск...»

Навстречу нам двигался из Минска поток крестьянских телег, нагруженных награбленным имуществом бежавших. Одна еврейская семья опознала свою мебель и пришла в негодование. В ответ мужики набросились на эту семью, избили, а потом еще и насмехались: «Вам это уже не понадобится...»

Наконец мы добрались до Минска. Город лежал в развалинах. Весь центр был разрушен. Пахло гарью. Стоял смрад от разлагавшихся трупов...»

2

Евреи были наиболее уязвимой частью населения страны, но планов их эвакуации не существовало, не существовало вообще эвакуационных планов, подготовленных заранее, – И. Сталин не верил, что немцы нападут на СССР в 1941 году, да и военная доктрина Красной армии предполагала быстрый разгром противника «в его собственной берлоге». За неделю до начала войны центральные газеты опубликовали официальное заявление: «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз», слухи о намерении Гитлера напасть на СССР «лишены всякой почвы». Население страны психологически не было подготовлено к войне, тем более к войне на своей территории, и это сыграло свою роль в первые месяцы после начала боевых действий.

Из сообщений в газетах и по радио трудно было понять, где находится линия фронта, а потому при неожиданном подходе немецких войск многое зависело от расторопности местных властей, от их способности принимать самостоятельные решения, не ожидая указаний сверху, в атмосфере хаоса, охватившей прифронтовые районы. Порой местное начальство утверждало, что эвакуации не предвидится, город не сдадут ни при каких обстоятельствах, требовало «не паниковать, не нарушать государственную дисциплину», угрожало наказанием за дезертирство – самовольный уход с рабочего места, а через день-два спешно покидало военный ему населенный пункт.

Почти все автомобили были переданы для нужд армии, железнодорожный транспорт предназначался в основном для военных грузов; организовано уезжали со своими семьями советские и партийные деятели, занимавшие достаточно высокие посты, а также работники крупных промышленных предприятий, которых вместе с оборудованием вывозили на восток. Когда Красной армии удавалось задержать немецкое продвижение, количество эвакуированных возрастало, но если при отступлении взрывали мосты через реки, бегство становилось невозможным.

Предвоенная фотография учеников 5 класса «А» в украинском местечке. За партами немало еврейских детей, дни которых сочтены

В западных районах СССР многие евреи жили в местечках и в небольших городках, откуда не было практически никакой организованной эвакуации. Мужчины ушли в армию в первые дни войны, оставались женщины, старики и дети, которые не решались тронуться в путь. Еврейские семьи были многодетными, что также не способствовало передвижению, а вид беженцев из приграничных районов «наводил на мысль, что лучше оставаться на своем месте, чем ехать куда-то голодать и сидеть на холоде». Одни не хотели покидать дома, где они родились, состарились, нажили имущество за долгие годы; другие считали, что война продлится недолго – следует переждать несколько дней, придут русские танки и прогонят немцев; третьи не знали за собой никакой вины: «Мы политикой не занимаемся. Работали и дальше будем работать. Никто нас не тронет: не за что». Было и немало фаталистов, которые отказывались принимать какое-либо решение: «Что станет с людьми, то и с нами». И еще одно, немаловажное. Еврейские общины прежних времен со своими руководителями и духовными лидерами, отличавшиеся солидарностью в трудные моменты жизни, уже не существовали, и каждый был предоставлен самому себе, собственному выбору – уходить или оставаться на месте.

«Одни были за то, чтобы немедленно бежать из горящего города, а другие не хотели трогаться и доказывали, что всё обойдется. Мне запомнилась фраза, сказанная на идиш: «Бросить хлеб и идти искать объедки? Нет, я на это не согласна!» Такие же сборища были и у соседей. Все волновались и спорили...»

«Не раз я собиралась уходить, но мне сразу представлялась такая картина: вот я сажусь в вагон, не успеваю посадить детей, поезд трогается и на перроне остается мой ребенок. Он плачет, а поезд меня увозит. При этой мысли я теряла силы и волю – лучше умереть, но умирать вместе со своими детьми...»

Большинство еврейского населения Советского Союза не догадывалось, что их ожидало. После подписания пакта с Германией в СССР замалчивали преследования евреев нацистами, не упоминали даже о положении еврейского населения в соседней Польше, где их содержали в гетто в невыносимых условиях. Офицер СС докладывал из Белоруссии в июле 1941 года: «Поразительно, как плохо евреи осведомлены о нашем отношении к ним, о том, как мы обращаемся с ними в Германии и в не столь далекой от них Варшаве... Если евреи и не ожидали, что при немецком правлении будут пользоваться теми же правами, что и русские, они всё же думали, что мы оставим их в покое, если они станут прилежно работать».

В первые недели войны, когда германские войска стремительно продвигались вперед, Сталину уже докладывали, что немецкая агитация «идет под флагом борьбы с жидами и коммунистами». Этот факт повлиял, быть может, на отношение Москвы к проблеме эвакуации евреев, к той проблеме, которую власти не могли (или не желали) разрешить. Предоставить евреям первоочередность для выезда на восток – означало подхлестнуть антисемитские настроения и дать немецкой пропаганде дополнительные «доказательства» того, что советская власть является «жидовской» властью. Не предпринять никаких мер, не предупредить еврейское население о надвигавшейся опасности – значило обречь на гибель тех евреев, которые оставались на своих местах, надеясь пережить оккупацию. К осени 1941 года уже уничтожили десятки тысяч советских евреев, но в тылу мало кто знал об этом.

Люди старшего поколения помнили немцев со времен Первой мировой войны, когда они оккупировали западные районы Российской империи, и прежние впечатления о «культурной, порядочной нации» влияли на решение оставаться на своих местах. Из свидетельства очевидцев: «Немного отъехав от села, дедушка остановился и категорически отказался ехать дальше, ссылаясь на то, что немцы в 1918 году хорошо относились к евреям. И мы вернулись...» – «Отец помнил события Первой мировой войны, когда немцы были настроены к евреям куда менее враждебно, чем российские казаки...» – «Я настаивал на эвакуации. Мама была против. Решил вопрос дедушка. Он сказал, что в Первую мировую войну был в плену у немцев и остался жив. Немцы евреев не убивают. И мы остались...» – «Жители нашего местечка были уверены, что

немцы – народ культурный, что они не могут унижать и причинять зло евреям. За эту уверенность они дорого заплатили...»

На территориях Советского Союза, оккупированных немцами, проживало перед войной не менее 4 миллионов евреев, около 80% еврейского населения страны. В первые месяцы войны мужчины призывного возраста ушли в армию и избежали оккупации, участь остальных евреев зависела от множества причин. По очень приблизительным подсчетам можно предположить, что из районов, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах, успела эвакуироваться примерно десятая часть евреев. Из районов СССР в границах 1939 года ушла на восток половина еврейского населения; около 3 миллионов евреев оказались под немецкой властью и подлежали уничтожению.

Ида Критман из Ямполья: «20 июня 1941 года я с отличием окончила десять классов украинской школы, и мой соученик, Грейс Люсик, отвез свои и мои документы в Киевский медицинский институт. А 3 июля у нас были уже немцы...»

3

«К обеду в город вошли немцы. Они были веселые, играли на губных гармошках...»

«Они шли в строгом порядке, мытые, начищенные, веселые. Офицеры ехали верхом. Двигались машины...»

«В машинах сидели молодые, здоровые парни в светло-зеленых кителях, рукава закатаны, воротники расстегнуты. Они весело переговаривались... На пряжках их поясов было написано: «Gott ist mit uns» («С нами Бог»)...»

«Большие упитанные лошади жевали овес. Ароматный запах щей и каши исходил из походной кухни. Солдаты разговаривали, смеялись, ели. Я полностью понимал их язык. Повар в белой шапочке и фартуке подозвал меня, положил в тарелку каши и велел есть. Я поел с большим аппетитом, запил галеты компотом, поблагодарил. Немецкий солдат посмотрел на меня и громко закричал: «Юде!..»

«Это были фронтовики, которые не трогали мирное население; заняв населенный пункт, они уходили дальше. Потом приходили специальные войска СС, гестапо, и наводили новый порядок...»

«На рассвете по улице едет мотоцикл. Серый шлем, очки, шинель, винтовка... Шлем блестит холодно и зловеще...»

«Только позже мы начали различать, кто просто солдаты, а кто эсэсовцы, и значит, кто – враг, а кто – смертельный враг...»

Г. Франк, генерал СС, президент Академии германского права:
«Евреи – раса, которая должна быть истреблена...»

Ю. Штрайхер, издатель и редактор газеты «Дер штюрмер»: «На земле не будет светить солнце до тех пор, пока не умрет последний еврей...»

Запугивания и аресты инакомыслящих начались в Германии после прихода Гитлера к власти. Сначала подразделения СС лишь охраняли концентрационные лагеря, но в 1938 году в их журнале уже напечатали статью «Евреи – что дальше?»: «Мы больше не будем прислушиваться к воплям мира, и никакая сила не способна нам помешать. План ясен: окончательное решение, полное отсечение...»

В 1939 году было создано Главное управление имперской безопасности Германии, включавшее в свой состав тайную государственную полицию (гестапо), внешнюю разведку и уголовную полицию. Во главе Главного управления стоял Р. Гейдрих, родившийся в семье директора консерватории, руководитель программы по ликвидации евреев Европы; в своих приказах он не любил употреблять слова «уничтожение» или «казнь», предпочитая более нейтральные – «меры по оздоровлению», «фильтрация», «чистка», «особое обращение». Гейдриху подчинялся Г. Мюллер – начальник управления тайной государственной полиции (гестапо). Мюллеру подчинялся А. Эйхман – начальник еврейского отдела гестапо, который занимался конкретной работой по уничтожению еврейского народа.

С первых дней войны на территории Советского Союза начали осуществлять на практике «окончательное решение еврейского вопроса». Для выполнения этой задачи потребовались специалисты массового уничтожения, профессиональные убийцы; перед началом войны они обучались на специальных курсах, где им разъяснили, что принадлежность к еврейству являлась достаточным основанием для ликвидации. Это были эсэсовцы, «высшие существа», идейные и безжалостные фанатики без угрызений совести, у которых устранение «недочеловеков», «представителей низших рас» считалось делом гордости, священным долгом перед фюрером и отечеством «очистить мир от заразы».

Во главе этой организации стоял выходец из католической семьи Г. Гиммлер – рейхсфюрер СС, глава полиции Третьего рейха, по характеристике исследователя нацизма, «педантичный, бесцветный человек с внешностью мелкого банковского служащего». Гиммлер требовал от своих подчиненных быть «грубыми и безжалостными»; когда миллионы евреев были уже уничтожены, он заявил на встрече с высшими офицерами СС: «Большинство присутствующих здесь знает, что это такое – увидеть сто, или пятьсот, или тысячу уложенных в ряд трупов. Выдержать

это, за исключением отдельных проявлений человеческой слабости, и остаться порядочными людьми – вот испытание, которое закалило нас... Вдохновленные любовью к нашему народу, мы справились с этой труднейшей задачей. При этом мы не нанесли никакого вреда нашему внутреннему миру, нашей душе, нашему характеру».

Из приказа Гимmlера (август 1941 года): «Все евреи должны быть расстреляны. Еврейских женщин надо загонять в болота». Из рапорта командира полка СС (Припятские болота, Белоруссия): «Практика загонять женщин и детей в болота не дала ожидаемого результата, потому что болота не настолько глубоки, чтобы человек мог в них утонуть...»

Гитлер говорил на встрече со «старой гвардией» в мюнхенской пивной (1942 год): «Над моими пророчествами всегда смеялись. Из тех, кто тогда смеялся, очень многие сегодня уже не смеются. А те, кто продолжает смеяться, возможно, скоро смеяться не будут...»

4

Город Дубно, Украина (из показаний свидетеля-немца на Нюрнбергском процессе):

«Я собственными глазами видел груды ботинок... огромные кучи одежды и нижнего белья. Люди раздевались без рыданий и криков, а потом собирались семьями, обнимались и прощались в ожидании команды... Я не слышал ни единой жалобы или мольбы о пощаде...

Пожилая женщина с седыми волосами держала на руках годовалого ребенка, пела и играла с ним. Ребенок ворковал от удовольствия. Родители смотрели на него со слезами на глазах. Отец держал за руку десятилетнего мальчика и что-то мягко говорил ему. Мальчик старался справиться со слезами. Отец указывал на небо, гладил сына по голове и, казалось, что-то объяснял.

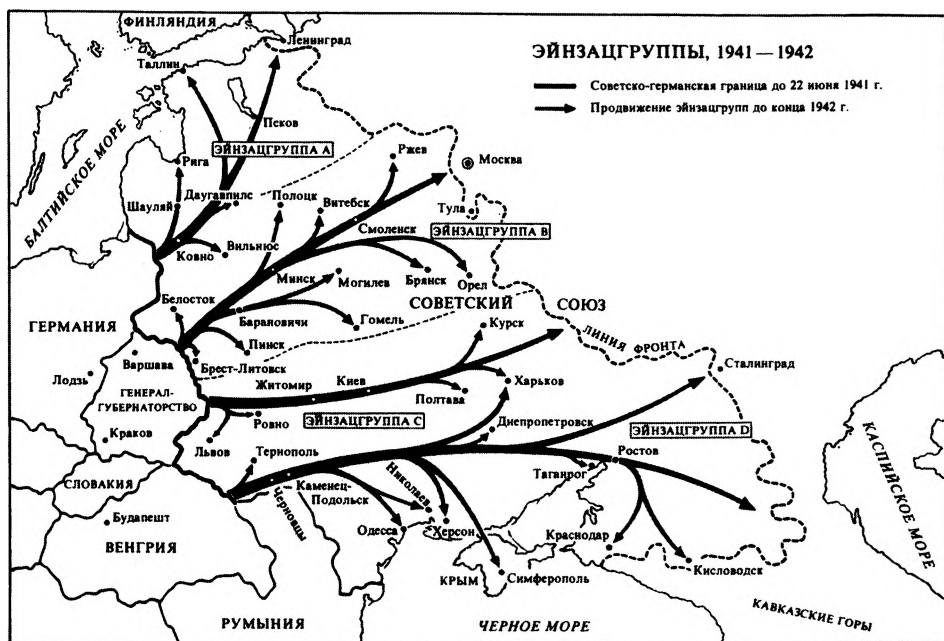
В этот момент эсэсовец, стоявший у ямы, позвал своего напарника. Тот отсчитал двадцать человек и приказал им идти за насыпь...»

5

Шла война. Немцы упивались победами на фронтах. Авторитет фюрера в Германии был чрезвычайно высок, на грани обожествления, и его указания выполнялись неукоснительно «на благо Великого рейха». Гит-

лер считал, что евреи Советского Союза захватили власть в стране на пути к будущему мировому господству, а потому от них следовало избавиться в первую очередь, – уничтожение евреев СССР стало началом «окончательного решения еврейского вопроса» во всем мире.

Захваченные территории СССР делились на две части. В областях, примыкавших к фронтовой линии, командовала военная администрация; там действовали передвижные оперативные группы СС: эйнзац-группа «А» в Прибалтике и под Ленинградом, «В» – в Белоруссии и на московском направлении, «С» – на территории Украины, «D» – на юге Украины, в Крыму, Молдавии, на Северном Кавказе. В составе эйнзац-групп насчитывалось от 600 до 900 человек, разделенных на зондер- и эйнзацкоманды, которые двигались вслед за наступающими немецкими частями, выискивали и уничтожали партийных активистов, комиссаров и евреев.

Продвижение эйнзацгрупп по территории СССР

Командовали карательными соединениями высокообразованные офицеры, порой с учеными степенями; были среди них доктора прав и философии, архитектор, певец, даже бывший протестантский пастор. Доктор философии О. Олендорф, командир эйнзацгруппы «D», сообщил после войны: «В течение года моего пребывания на этой должности эйнзацгруппа «D» уничтожила приблизительно 90 000 мужчин, женщин и детей. Большинство уничтоженных были евреи, но среди них имелись также партийные работники-коммунисты...» К лету 1942 года

в зоне военной администрации еврейское население было почти полностью уничтожено.

Тыловые области – Латвия, Литва, Эстония, Западная Белоруссия с Минском, часть Украины до Днепра – подчинялись немецкой гражданской администрации. На этих территориях уничтожали прежде всего «малопользных» евреев, создавали гетто и рабочие лагеря в Минске, Риге, Вильнюсе, Каунасе, Львове и в других местах, чтобы временно – до неизбежного уничтожения – использовать специалистов и рабочую силу.

Командование регулярными немецкими войсками оказывало техническое и организационное содействие отрядам СС в ликвидации еврейского населения. Издавали приказы о регистрации евреев, изолировали их перед неминуемым уничтожением, обеспечивали охрану гетто, предоставляли транспорт для перевозки евреев к месту расстрела, – в карательных акциях нередко принимали участие и солдаты армейских частей. Приказы высшего германского командования недвусмысленно подчеркивали: «Неоправданная гуманность по отношению к коммунистам и евреям неуместна. Их следует беспощадно расстреливать...» – «Борьба против большевизма требует принятия безжалостных и энергичных действий, в первую очередь против евреев, главных носителей большевизма...» – «Солдат должен ясно понимать необходимость сурового, но справедливого наказания еврейского недочеловека...»

«Нашу колонну остановила группа эсэсовцев. Все высокие, стройные, грудь нараспашку, и у всех длинные резиновые нагайки со свинцом на конце... Они в первую очередь старались уничтожить нетрудоспособную часть населения – детей, стариков, больных...»

Из показаний пленного немецкого офицера (Каменец-Подольский): «В яме «работали» два палача попеременно: когда один из них уставал... его место занимал другой... Время от времени к машине... подходил тот или иной участник казни, влезал в кузов, съел бутерброд,пил водку, закуривал сигарету и снова возвращался «работать»...»

Вырвавшийся наружу садизм, жестокость и безжалостность, наслаждение от убийства беззащитного человека не могли возникнуть вдруг, на пустом месте, по первому указанию даже самого высокого начальства. Эти качества были запрятаны в глубинах сознания того или иного солдата и офицера германской армии – приказы командиров позволили им вырваться наружу. Немецкий солдат записывал в дневнике в 1941 году: «28 июня. Этот еврейский сброд!.. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов. Кри-

ки, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали... Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы...»

6

Сарра Глейх из Мариуполя:

«Фаня не верила, что это конец: «Неужели я уже никогда не увижу солнца и света?» – говорила она. Лицо у нее сине-серое, а Владя всё спрашивал: «Мы будем купаться? Зачем мы разделись? Идем домой, мама, здесь нехорошо»...

Когда я пришла в себя, были уже сумерки. Трупы, лежавшие на мне, вздрагивали; это немцы, уходя, стреляли на всякий случай, чтобы раненые ночью не смогли уйти... Где-то под трупами плакали дети; большинство из них, которых матери несли на руках (а стреляли нам в спину), падали невредимыми, прикрытые телами матерей, и были засыпаны и погребены под трупами заживо...

Старческий голос напевал: «Лайтенахт, лайтенахт...» («Светлая ночь, светлая ночь...»), и в этом слове, повторяющемся без конца, было столько ужаса! Из глубины кто-то кричал: «Паночку, не убивай меня...»

Рахиль Воробьева из Каховки:

«Весь день мы пролежали среди мертвцев, чувствуя под собой конвульсии умирающих, стоны раненых, плач младенцев, призывы о помощи: «Мамочка, вытащи меня отсюда! Мне нечем дышать...»

7

Уничтожение евреев Советского Союза началось с первых дней оккупации и было повсеместным, планомерным и массовым. Для убийств использовали овраги, противотанковые рвы, заброшенные шахты и каменоломни, глубокие колодцы, скотомогильники, силосные ямы, глиняные карьеры кирпичных заводов; обреченных на смерть расстреливали, вешали, замуровывали в штольнях, топили в реках, морях и болотах, сжигали в синагогах, бараках и свинарниках, травили выхлопными газами в «душегубках». В Западной и Центральной Европе преследования евреев занимали несколько лет – от лишения гражданских прав до депортации в лагеря уничтожения, где их ликвидировали без свидетелей; в Советском Союзе евреев уничтожали открыто, поблизости от места проживания, в течение считанных дней и недель, практически на глазах соседей – по отработанной системе.

Командир эйнзацгруппы «D» свидетельствовал: «Их собирали в одно место под предлогом переселения, а оттуда перевозили к месту казни. Чаще всего для казни использовался противотанковый ров или яма... Евреев привозили на грузовых автомобилях. Столько, сколько можно было немедленно уничтожить... Всё это проводилось достаточно быстро, чтобы промежуток между осознанием того, что может произойти, и самой казнью был незначительным».

Карта из отчета эйнзацгруппы «А». Цифрами указано количество уничтоженных евреев в Прибалтике, Белоруссии и РСФСР

В составе эйнзацгрупп, действовавших на территории СССР, было менее 4000 эсэсовцев, которым помогала немецкая жандармерия, тоже в ограниченном количестве. Они не смогли бы справиться в столь короткий срок с уничтожением сотен тысяч военнопленных, коммунистов, евреев, цыган, если бы не помощь местных полицейских, представителей разных национальностей – подобное происходило повсеместно. Германское командование всячески привлекало коренное население и поощряло тех, кто соглашался сотрудничать, надевал форму полицейского, брал в руки оружие, – им раздавали имущество, одежду и деньги уничтоженных, да они и сами грабили опустевшие дома и квартиры.

Начальник полиции города Борисова в Белоруссии (из протокола допроса): «Лично мною было взято: дамская доха, дамское

пальто, овчинная шуба, две пары белья, патефон, этажерка. Из ценностей: 55 рублей золотой монетой и кипа советских ассигнаций...»

На территориях СССР в границах до 1939 года советская власть существовала два десятилетия. В газетах и по радио провозглашали дружбу народов СССР; песни и стихи на эту тему заучивали в школах и детских садах – и тем не менее в полицейские отряды вступала молодежь, которая родилась и воспитывалась при советской власти. Одни шли в полицию из корысти, чтобы улучшить свое материальное положение, другие мстили большевикам за репрессированных или раскулаченных родственников, кто-то служил, быть может, из страха и по принуждению, – полицейскими становились и бойцы Красной армии, чтобы спастись от голодной смерти в лагерях для военнопленных. Это не были одиночки или неорганизованные группы людей, которые действовали по сиюминутной прихоти; в уничтожении комиссаров, партизан, еврейского населения принимали участие военизированные полицейские части, участники которых добровольно пошли на службу и выполняли приказы немецкого командования.

Из газет Харькова времен оккупации (в переводе с украинского языка): «Бодро гремят звуки оркестра. Бодро и уверенно маршируют стройные юноши с винтовками и желто-синими повязками на рукавах... Это украинская молодежь, которая прошла сегодня по улицам Харькова, это первое воинское формирование в борьбе против жидовского большевизма...» – «Над молодежными колоннами добровольцев Украины взвывается ударная маршевая песня: «С нами в ряд солдат немецкий, С нами Гитлера призыв...» – «Созданная под руководством немецкой полевой жандармерии, украинская полиция за короткий срок смогла перенять традиции, бодрость и мужество, которыми славятся немецкие вооруженные силы...»

Винницкая область (1941 год): «Бабушка Рейзя была больна, не могла передвигаться. Когда евреев стали сгонять на расстрел... местные полицейские погрузили ее в телегу, посадили рядом с ней тетю Голду, соседку по дому... а старика Шлойму и мужа Голды впрягли вместо лошадей и заставили везти эту колесницу смерти в поле... Полицай шел рядом... стегал кнутом по старческим больным телам, пока они не доехали до последней точки своего пути».

Херсонская область: «Вторую партию вывезли на расстрел полицейские Кучерявый, Степура, Слюзько, Выбрык и Куриленко. В этой партии были Фрида Патент, Патент Рива, Компанеец Роза, Кукуй с женой.... Их перед расстрелом раздели, а затем расстреляли. Одежду разделили между собой полицейские...»

Война затягивалась. Всё больше немецких тыловых частей отправляли на фронт, а потому возрастала роль местных карателей. Полицейские сторожили евреев в гетто и рабочих лагерях, выгоняли из домов во время очередной акции, сопровождали к месту казни, участвовали в расстрелах, обслуживали «душегубки»; в деревнях немцев, как правило, не было – издевались над евреями, грабили и убивали местные полицейские, которые жили рядом с ними многие годы, учились в одной школе, вместе играли в футбол, танцевали, пели песни и ходили в кино. Немецкие каратели передвигались по незнакомой территории и не всегда могли распознать еврея среди неевреев – роль полицейских в этом деле была незаменима. В больших городах кое-кому удавалось спастись: одни убежали, других прятали местные жители. В маленьких городках и деревнях жизнь проходила на виду у всех; местные полицейские прекрасно знали окрестные поля и леса, вылавливали избежавших уничтожения, а потому во многих местах не удалось спастись никому.

На оккупированных территориях действовали 170 подвижных полицейских отрядов, сформированных из местных жителей и военнопленных. К осени 1942 года в полиции на территории Латвии, Литвы и Эстонии служили 4428 немцев и 55 562 полицейских из местных жителей; на Украине к тому времени насчитывали в полиции 10 194 немца и 70 759 местных полицейских (один из них признался на исповеди священнику, что за одну ночь убил 75 евреев); в Белоруссии к 1943 году было в полиции около 50 000 местных жителей.

Из свидетельских показаний:

«Скрыться от местных полицейских, знающих леса и болота, почти невозможно... Был октябрь 1941 года, эйфория охоты за уцелевшими евреями только началась. Роскошью считалось погибнуть от пули...»

«Недолго прожили Исраил Шумов и Мотя Шамес... Полицаи напились до звериного состояния и буквально разорвали свои жертвы на куски... Полицаи были хуже немцев. Во-первых, их труднее было обмануть, чем немцев; во-вторых, они были злее...»

«Подвижные полицейские отряды из литовских и латышских головорезов разъезжали по всей Белоруссии и принимали непосредственное участие в погромах. Были единицы, которые спасали евреев, – честь им и вечная память. Подонков, проливших море еврейской крови, было гораздо больше...»

Слуцк, Белоруссия (1941 год, из рапорта коменданта города о действиях литовского полицейского батальона): «Способ проведения акции... граничил с садизмом... После того как могилы были

засыпаны, оставшиеся в живых в течение долгого времени пытались из них выбраться...»

В августе 1941 года местной полиции поручили массовый расстрел маленьких детей в Белой Церкви под Киевом, и офицер СС сообщил на допросе после войны: «Особенно врезалась в память маленькая белокурая девочка, которая схватила меня за руку. Ее тоже расстреляли... В некоторых детей стреляли по четыре-пять раз, пока те не умирали». В сентябре того года полицейским приказали уничтожить в Житомирской области, возле Радомышля, 561 ребенка; в октябре немецкое командование докладывало с юга Украины: «Украинская полиция хорошо себя зарекомендовала при исполнении служебных заданий».

Жертвами полицейских были не только евреи. Их использовали в карательных акциях против партизан; они устраивали облавы на молодежь, уклонявшуюся от отправки на принудительные работы, сжигали дома и целые деревни, расстреливали мужчин и женщин своего народа, заподозренных в сочувствии к партизанам. Порой полицейским поручали выполнять самую «грязную» работу по уничтожению, за которую не брались даже эсэсовцы из зондеркоманд, и они делали ее – за пачку махорки, за бутылку самогона, за удовольствие потешиться над беззащитными жертвами.

В военные и послевоенные годы в газетах и журналах утверждали, что советское правительство предпринимало специальные меры по эвакуации еврейского населения, чтобы спасти его от уничтожения, и лишь впоследствии выяснилось действительное положение.

Из газеты Еврейского антифашистского комитета «Эйникайт» (декабрь 1942 года): «Эвакуация спасла преобладающее большинство евреев Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии. По сведениям, поступающим из крупных центров, оккупированных фашистами, из Витебска, Риги и других, к приходу немцев там оставалось небольшое число евреев. Это означает, что большинство евреев Витебска и Риги советское правительство заблаговременно эвакуировало...»

Из сборника «Еврейский мир» (Нью-Йорк, 1944 год): «Советские власти полностью отдавали себе отчет в том, что евреи являются наиболее угрожаемой частью населения, и несмотря на острую нужду армии в подвижном составе, тысячи поездов были предоставлены для их эвакуации...»

Из журнала «За рубежом» (Москва, 1977 год): «Советское правительство, узнав о зверствах нацистов в оккупированных областях и руководствуясь высокими гуманными целями, решило в первую очередь эвакуировать из пограничных областей граждан еврейской национальности...»

Из книги статей военных историков «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне» (С.-Петербург, 1995 год): «Не предусматривалось какое-либо преимущество той или иной нации в отношении перемещения в тыл, что представляется вполне демократичным и справедливым. Правда, существует мнение, что следовало бы предоставить право для эвакуации в первую очередь евреям и цыганам, поскольку в отношении их гитлеровцы осуществляли в оккупированных районах особые зверства, ничем не прикрытый массовый геноцид. Но предоставление такого преимущества могло бы вызвать только обратную реакцию среди простых людей, спасавшихся от угрозы фашистского ига...»

Из книги историка Г. Костырченко «Тайная политика Сталина» (Москва, 2001 год): «Все разговоры о попытках Кремля в годы войны предпринять специальные акции по спасению советских евреев от гитлеровского террора можно однозначно квалифицировать как политическое мифотворчество».

Секретарь ЦК компартии Белоруссии П. Пономаренко тайно покинул Минск за три дня до его оккупации, не позаботившись об эвакуации жителей. Вскоре после этого он сообщал Сталину: «Настроение белорусов исключительно патриотическое... Как вывод, должен подчеркнуть бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу колхозников – в отличие от некоторой части служащего люда городов, ни о чем не думающих, кроме спасения собственной шкуры. Это объясняется в известной степени большой еврейской прослойкой в городах. Их объял животный страх перед Гитлером, а вместо борьбы – бегство...»

Поселок Лениндорф, Украина (2000 евреев, 200 украинцев и русских): «Евреи и неевреи трудились вместе, никакого «национального вопроса» не было... Но достаточно было немецкому офицеру угостить водкой несколько здоровых молодых мужиков, как они с великим удовольствием согласились стать палачами своих вчерашних учителей, товарищей и добрых соседей...»

Из распоряжения немецкого командования (Пинск, Белоруссия): «Тарасюку Николаю в порядке награждения выданы следующие вещи из еврейской одежды и белья: 2 жен. халата, 2 нижних рубашки, 2 пары кальсон, 2 верхних рубашки, 4 детских платья, 2 женских платья, 3 головных платка, 4 полотенца, 2 шерстяных свитера. Выдано дополнительно: 1 муж. пальто, 1 муж. пиджак, 1 шерстяной платок».

Из протокола допроса Олейника П. Е. (1944 год): «С приходом немцев вступил в полицию. Получал зарплату 830 рублей в месяц... Сопровождал и расстреливал евреев. Участвовал в боях с партизанами. Вопрос: «Грабил ли людей?» Ответ: «Нет, но жидив...»

Очерк сорок девятый

Первые месяцы войны. Латвия, Литва, Эстония

1

В 1939 году в Западной Белоруссии, в первые дни после присоединения к СССР, когда польская администрация на местах уже не существовала, а советская еще не установилась, происходили погромы польского населения с грабежами и убийствами, так как поляки этнически принадлежали к представителям свергнутой власти. Житель Пинской области вспоминал: когда «увозили в ссылку местного помещика, наш сосед Филипп Копа... под шумок перетащил к себе из дома помещика всё что мог... Мама тогда говорила: сейчас можно грабить помещика, и Филипп грабит его; завтра можно будет грабить евреев, и Филипп первым придет грабить нас».

Так оно и произошло. В 1941 году в тех же местах громили евреев в первые дни войны, в период безвластия – им припомнили привилегии, которые они получили от советской власти, забыв про ограничения, которым они подвергались наравне со всеми. Тот же Филипп Копа сказал соседям-евреям: «Хватит батрачить на других, теперь другие будут батрачить на меня», после чего забрал у них перины с подушками. В другой деревне Пинской области крестьяне заявили местному еврею: «Всё, нет больше твоих Советов. Ваша власть кончилась... Теперь мы твоя власть.

Хватит, поиздевались над мужиком». Еврейские погромы с грабежом и убийствами проходили также в Западной Украине, в Бессарабии и Северной Буковине; число жертв в местечках исчислялось десятками, а в городах сотнями человек; на рынках торговали мебелью из еврейских домов, одеждой и посудой, при желании можно было приобрести золотые коронки от зубов.

Местечко Едвабне Белостокской области. Немцы предложили местным жителям оставить в живых евреев-ремесленников с семьями, но в ответ услышали, что у них хватает своих специалистов, а потому следует уничтожить всё еврейское население. Поляки выгнали евреев из домов, построили в колонну во главе с престарелым раввином и повели на окраину Едвабне. Там их загнали в сарай, облили стены керосином, купленным на муниципальные нужды, сожгли всех, а затем разграбили опустевшие дома. Немцы не вмешивались и лишь фотографировали этапы жестокой расправы.

После войны одного жителя Едвабне приговорили к расстрелу, еще нескольких к разным срокам заключения и поставили памятник с надписью: «Место уничтожения еврейского населения. Гестапо и гитлеровская жандармерия заживо сожгли 1600 человек 10 июля 1941 года».

К началу войны с Германией оказалось немало граждан СССР, недовольных сталинским режимом, которые опасались выразить открыто свои чувства. Были среди них потерявшие имущество и доходы после октябрьского переворота, были пострадавшие от голода во время коллективизации, лишившиеся родных и близких в годы террора, не желавшие смириться с всеобъемлющей пропагандой, которая подчиняла себе мысли и поступки граждан страны Советов, – всё это подпитывало антисоветские настроения, сохраняемые тайно, под спудом, до наступления иных времен. Тому способствовали и государственное крепостничество в деревне без права выхода из колхоза, нелегкий труд на фабриках и заводах за нищенскую зарплату, скудная жизнь в перенаселенных квартирах и общежитиях, вечная нехватка продовольствия и товаров – приход немцев позволял выплеснуть наружу те чувства, которые таили десятилетиями, давал возможность выявить и наказать виновников всех несчастий.

Этими виновниками в который уж раз стали евреи, а антисемитская пропаганда нацистов и массовые убийства еврейского населения только убеждали в правильности выбора ненавистного врага. Скрытый антисемитизм, взращенный столетиями, переходивший по наследству от родителей к детям, стал в годы оккупации антисемитизмом открытым,

действенным, безнаказанным, поощряемым новой властью, которая освободила от необходимости скрывать свои чувства и намерения по отношению к соседу-еврею, а то и ко всему еврейскому населению.

Нельзя сбрасывать со счета и опыт жизни в Советском Союзе, который не прививал терпимость и уважение к иным убеждениям, когда повсюду выискивали и репрессировали «классовых врагов» и членов их семей – только теперь, с приходом немецкой армии, «врагами народа» оказались евреи. Немаловажным стал и тот факт, что к началу войны еще было много свидетелей, а порой и участников кровавых погромов времен Гражданской войны, когда насилия над евреями и их убийства были дозволены и поощрялись разными властями, – это также повлияло на результаты «окончательного решения еврейского вопроса». Вновь, в пределах одного поколения, возникла возможность пограбить, поиздеваться, потешить душу на фоне серой, однообразной скуки бытия, испытать пьянящее чувство власти, вседозволенности, обладания жизнью незащищенных людей. И застарелая, запрятанная в глубины ненависть получила право на открытое существование с одобрения новых правителей.

2

Особое положение сложилось на территориях, которые отошли к Советскому Союзу в 1939–1940 годах: в Западной Украине и Западной Белоруссии, в Бессарабии и Северной Буковине, в Латвии, Литве и Эстонии. После многих лет ограничений евреи появились в советских наркоматах и учреждениях, в судах, адвокатуре и милиции, куда доступ для них был прежде практически недоступен. Евреи-врачи стали заведующими отделениями в больницах, евреи-учителя пошли в государственные школы, журналисты – в газеты, рабочие и инженеры – в цеха национализированных фабрик и заводов; еврейская молодежь устремилась в институты и техникумы, офицерские училища открыли двери для еврейских юношей, которые прежде не могли мечтать о военной карьере.

Евреи оказались среди тех, кто выиграл от установления советской власти, они получили все права наравне с другими – это, в сущности, и поставили им в вину, заговорили о том, что «евреи пригласили» Красную армию, «советская власть – это жидовская власть, теперь в каждом учреждении сидят евреи, что хотят, то и делают». При этом не обращали особого внимания на тысячи прочих жителей – инженеров, врачей, адвокатов, деятелей науки и культуры, которые работали в советских учреждениях и занимали там высокие посты. Не желали принимать

в расчет, что еврейские предприятия были национализированы одновременно с другими, синагоги закрывали вместе с костелами, а евреев арестовывали наравне со всеми. Забыли (или не хотели вспоминать) многолюдные приветственные демонстрации местных жителей в день вторжения советских войск. Присутствие евреев на руководящих постах раздражало местное население, их выделяли среди прочих, еврей-чужаки вызывали наибольшее озлобление. Антисемитизм прежних веков, бытовой антисемитизм подпитывался теперь новым содержанием: «Придет немец – всех жидов передавит...» – «Вот Гитлер – единственный человек на белом свете, который всю заразу уничтожит...» – «Когда придут немцы, я первым пойду на большевиков...»

В антисемитизме нашло выражение недовольство советским режимом, что привело к чудовищным результатам в годы Катастрофы. Особенно запомнилась депортация населения за неделю до начала советско-германской войны, когда на территориях, присоединенных с 1939 года, прошли массовые аресты «социально опасных элементов» – это были купцы, промышленники и банкиры разных национальностей, сионисты и бундовцы, религиозные лидеры, «буржуазные националисты», беженцы из Польши. Из воспоминаний: «Длинные эшелоны, битком набитые высылаемыми, – в одних вагонах женщины с детьми, в других мужчины... Вагоны были крест-накрест заколочены досками, из маленького четырехугольного отверстия, вырезанного в нижней части двери, стекали нечистоты. Стояло жаркое лето. Арестованные, набитые в душные вагоны, как скот, изнемогали от тесноты, от жажды, от голода, но солдаты НКВД, охранявшие эшелоны, не подпускали к ним тех, кто желал подать высылаемым хлеба, молока или воды. Картина была страшная...»

Эшелоны с высланными двигались на восток; «наш поезд остановился ночью на одной из железнодорожных станций Москвы... Мы слышали шум моторов и звуки взрывов: Москву бомбили с воздуха. Многие латыши не могли сдержать своей радости».

Из Молдавии и Черновицкой области отправили в Сибирь и Среднюю Азию более 20 000 жителей – среди них было немало евреев. Из Латвии, Литвы и Эстонии выслали 60 000 жителей, в том числе около 12 000 евреев – 20% от общего количества, и тем не менее именно евреев обвинили в массовых арестах и высылке. «Эта депортация... повлияла на поведение местного населения после прихода немцев... Без всяких усилий немцы приобрели себе новых друзей, а в скором будущем и ревностных исполнителей предпринимаемых ими акций».

«Ревностные исполнители» сыграли свою страшную роль после прихода германских войск. Подавляющее большинство евреев не имело

никакого отношения к репрессивным мерам советской власти, но кто с этим считался в атмосфере вседозволенности? Евреям приписали все прошлые притеснения – коллективизацию в деревне, национализацию промышленных и торговых предприятий, преследования религии и репрессии НКВД. Многие ответственные работники успели эвакуироваться, а еврейское население осталось и должно было заплатить за всё.

3

Перед началом советско-германской войны в Литве было примерно 250 000 евреев, в Латвии – 95 000, в Эстонии – менее 5000. Евреи Прибалтики знали о расовых законах в Германии, опасались прихода нацистов, а потому в 1940 году многие с облегчением встретили Красную армию, которая несла на своих знаменах столь обнадеживающий лозунг – «равенство и дружба народов мира». Для латышей, литовцев и эстонцев потеря независимости, завоеванной за двадцать лет до этого, стала национальной трагедией; это разожгло ненависть к тем, кто приветствовал советскую власть, это усилило ненависть к евреям.

Из воспоминаний: «Латыши в целом никогда не отличались особой симпатией к еврейскому населению. Радостная встреча русских многими евреями и их принятие советского режима на фоне национального бедствия латышей сильно подогрели антисемитизм. Вступление немцев в Латвию стало для латышей часом возмездия...» В период безвластия, когда советская власть уже не существовала, а немецкая еще не установилась, в городах и селах Латвии появились «отряды самообороны» из местных жителей, которые нападали на отступавших красноармейцев, обстреливали тех, кто пытался эвакуироваться, грабили и убивали соседей-евреев.

Из воззвания к латышскому населению (июль 1941 года): «Отношение к жидам может быть только одно: их следует уничтожать, как делают это наши освободители – немцы... Времена жидов закончились».

Немцы вошли в Ригу на десятый день войны, и сразу же началась запись добровольцев, желающих «принять участие в очищении страны от опасных элементов». Так появилась сформированная из местных жителей «команда Арайса» под руководством бывшего офицера полиции В. Арайса – она и начала первые уничтожения рижских евреев.

4 июля были сожжены более двадцати синагог и молельных домов Риги с запертыми в них евреями. Среди прочих сгорели хасидская

и солдатская синагоги, «Алтнайе шул» («Старо-новая синагога»), «Ди грейсе хор шул» («Большая хоральная синагога»). В подвальных помещениях хоральной синагоги располагались сотни беженцев-евреев из латвийских городов и местечек; полицейские и «команда Арайса» загнали туда евреев из окрестных домов, облили помещение бензином, забили двери досками и подожгли. «Несчастные пытались выпрыгнуть из окон, но палачи расставили пулеметы вокруг синагоги и стреляли в каждого, кто пытался спастись. У стен хоральной синагоги дежурили пожарные, следившие за тем, чтобы огонь не перебросился на соседние дома».

В тот же день сожгли молитвенный дом и дом омовения покойников на Старом еврейском кладбище Риги – там погибли служители кладбища со своими семьями, а также согнанные туда евреи из соседних домов и случайные прохожие. Сожгли молельный дом на Новом еврейском кладбище – в огне погибли группа евреев и кантор Минц с семьей; в синагоге «Зейлен шул» среди прочих сгорел раввин Моше Килов. Всего 4 июля погибло около 2000 рижских евреев.

В первые дни оккупации согнали в подвалы префектуры «старых почтенных рижских евреев, обливали водой и били... Выбирали тех, у кого были самые большие бороды, и заставляли этими бородами чистить латышам туфли... В эти дни в префектуре не было видно ни одного немца». Мужчин-евреев хватили на улицах, свозили в тюрьму, пытали, затем отправляли на расстрел в Румбулу и в Бикерниекский лес неподалеку от Риги. Добровольцы из «команды Арайса» выезжали в другие города на автобусах, окрашенных в синий цвет, для поисков и уничтожения местных евреев – эти операции называли «акциями синих автобусов». В Лиепае написали в местной газете: «Жидовской власти теперь конец... Жидовство надо искоренять, латышскому народу следует очиститься от жидовских нечистот, чтобы он мог свободно строить свою жизнь».

В Латвии были созданы полицейские батальоны из местных жителей, а также Латышский легион СС; вступавшие в него давали присягу: «Именем Бога я торжественно обещаю беспрекословное повиновение главнокомандующему немецкими вооруженными силами Адольфу Гитлеру в борьбе с большевизмом и как храбрый солдат готов отдать за это свою жизнь...»

Латышские полицейские батальоны участвовали затем в карательных операциях на территории Белоруссии и в гетто Минска, в Польше и на Украине.

Варакляны, Латвия: «Уходя в последний путь, евреи просили соседей присмотреть за курами, подоить коров – ведь они надеялись вернуться.

«Еврейские» коровы мычали, не подпуская новых доярок, «еврейские» собаки жалобно скулили, как будто чувствовали беду...»

Лудза: «После расстрела пришел в городскую полицию Зелик Берлин, выбравшийся из ямы, в которой были убиты его мать и сестра. «Вы забыли меня расстрелять», – сказал мальчик. «Иди, иди. Когда надо будет, расстреляем», – ответили ему полицейские. Позднее его убили...»

Люцин: «Мой отец работал счетоводом в сапожной артели. Летом 41-го года, не дожидаясь официального приказа немцев, сослуживцы явились в дом и убили счетовода и его жену... Я знала, что последние слова папы были: «Слава Богу, Этинька не с нами...»

Раввин Дон-Иехье был сефардского происхождения, смугл, строен, высок, лицо обрамлено черной бородой... Мальчишки бросали в раввина камни, парни гнали его по улице и били палками по спине, плевали ему в лицо, девчонки выщипывали по волоску бороду... Озверевшая толпа палками забивала смуглолицего отпрыска благородных испанских раввинов...

Васька Эгле, латышский парень из интеллигентной учительской семьи, был моим соучеником, милый, веселый, открытый рубаха-парень... Он хорошо рисовал, играл на рояле, был спортсменом, очень дружил с еврейской молодежью... И вот этот самый забавник Васька вместе с приятелями... загнали еврейских девушек шестнадцати–восемнадцати лет в синагогу, изнасиловали их, а потом сожгли вместе с синагогой...»

4

В предвоенные годы в прибалтийских странах наращивало силу националистическое подполье, которому тайно помогали из Германии; его участники проводили антисоветскую и антиеврейскую агитацию в преддверии войны между Третьим рейхом и Советским Союзом. В Берлине была создана организация «Фронт литовских активистов», формировавшая по всей Литве подпольные «батальоны смерти» и «отряды штурмовиков»; в начале 1941 года эта организация выпустила воззвание: «Каждый литовец, который служит советской власти, будет прощен, если сумеет доказать, что убил хотя бы одного еврея».

В первый день войны «Фронт литовских активистов» отпечатал прокламацию: «Братья и сестры! Подошло время окончательно рассчитаться с евреями. Древние привилегии для литовских евреев, гарантированные Витовтом Великим, отменяются...» Участники подпольных групп вышли на улицы с белыми повязками на рукавах – они-то и начали убийства красноармейцев, советских работников и евреев еще до подхода немецких войск.

Из дневника литовской женщины Е. Бувидайте-Куторгене (Каунас):
«23 июня 1941 года. Всю ночь шли войска. Утром улицы пусты. Люди бегут с чемоданами. Куда? Никакой власти. Никаких приказаний и разъяснений. Все растеряны... Положение евреев ужасное...

24 июня. Железная дорога забита беженцами. Наш дом опустел. Все евреи бежали... Радио предупредило, что евреи стреляют из окон и что за каждого раненого немца будет расстреляно сто евреев... Страшно... Ведут и ведут мимо окон в тюрьму старых и молодых евреев...

26 июня. На рассвете подошла к окну и увидела... убийц. Они вышли из дома напротив – четыре молодых человека с ружьями за плечами... Один – высокий красивый блондин с торжествующим, вызывающим, даже радостным лицом... В подворотне дома... лежал с разможенной головой старик-еврей. Когда я спросила у дворника (брюнет со злобным лицом, с черными страшными глазами – не безумие ли в них?), кто, за что убил, он сказал: «Будете много разговаривать – и вам то же будет...» Весь день продолжается патриотическое садистское упоение: с разрешения и одобрения начальства убивают и терзают евреев... Все литовцы, за малым исключением, единодушны в чувстве ненависти к евреям...

30 июня. Кошмарные дни... Среди евреев царит страх...»

Рива Эпштейн, Каунас: «Мне стыдно, что я прожила с соседями, подругами и товарищами и не знала, что в один прекрасный день они зарежут моих родителей, братьев и сестер, мой народ, только потому, что мы являемся евреями...»

Евреев Каунаса ловили на улицах города, вытаскивали из квартир и убивали. Немецкие солдаты были свидетелями расправы, и двое из них показали после войны: «Всё делалось более жестоко, чем на скотобойне. Видимо, те, кто совершал эти поступки, совершенно утратили человеческий облик...» – «Молодой человек лет шестнадцати с засученными рукавами держал в руках железный лом. Ему подводили человека из стоявшей рядом группы людей, и он ударами по затылку убивал его. Таким образом – менее чем за час – он убил всех, 45–50 человек... Затем молодой человек отложил в сторону лом, пошел за гармонью и, встав на тела убитых, заиграл литовский национальный гимн...» – «Поведение стоявших вокруг гражданских лиц, среди которых были женщины и дети, было невероятным: после каждого удара лома они аплодировали. А когда убийца заиграл литовский гимн, начали петь его под гармонь...» – «Все военнослужащие вермахта являлись любопытными наблюдателями, оказавшимися на том месте случайно, как и я. Никакого участия в действиях литовцев они не принимали...»

В конце июня командование эйнзацгруппы «А» докладывало в Берлин о действиях в Каунасе литовских добровольцев: «В ночь с 25 на

26 июня было устранено 1500 евреев, подожжено или разрушено несколько синагог, сожжен еврейский квартал... В последующие дни таким же способом было обезврежено еще 2300 евреев». Из свидетельских показаний: «Литовцы, которые были соседями евреев, покупателями, даже партнерами по бизнесу в течение многих поколений, внезапно стали мародерами и убийцами. Людей невозможно было узнать...» – «Толпы головорезов шатались по улицам, грабя и убивая... Всех. Семью за семьей...» – «О награбленном еврейском имуществе напоминали своеобразные объявления в литовских и польских газетах, вроде: «Меняю различные докторские инструменты на дрова», «Меняю рояль на токарный станок...»

Подобное происходило и в Вильнюсе, где литовские добровольцы убили в первые дни оккупации около 2000 евреев. Эти события стали известны в Берлине, и в конце июня последовало разъяснение из Управления имперской безопасности: «Не следует чинить никаких препятствий местным антикоммунистическим и антиеврейским действиям по самоочищению. Наоборот, если необходимо, им надо оказывать всяческое содействие и направлять эти действия – конечно, незаметно – в желаемое русло».

5

В Каунасе (а затем и в Риге) немецкие кинооператоры снимали на пленку убийства евреев, стараясь при этом, чтобы германские солдаты и офицеры не попадали в кадр. Это делалось с единой целью – показать «спонтанные акции самоочищения», проявления «народной мести»; доказать всему миру, что «первые стихийные погромы евреев и коммунистов были проведены литовцами и латышами», и затушевать тем самым жестокость нацистов при проведении в жизнь «окончательного решения еврейского вопроса». Командование эйнзацгруппы «А» сообщало: «В первые часы после вступления удалось направить местные антисемитские силы на устройство антиеврейских погромов... Нужно было показать, что местное население по собственной инициативе приняло первые меры, что это была естественная реакция на многолетний гнет со стороны евреев и на пережитый террор со стороны коммунистов».

Наконец немцы прекратили неорганизованные грабежи и убийства, которыми занимались местные жители, – на смену им пришло продуманное и заранее подготовленное уничтожение еврейского населения. Через месяц после начала войны были сформированы в Литве 20 полицейских батальонов добровольцев – около 8000 человек, которых эсэсовцы хвалили за «очень хорошее» выполнение заданий. Полицейские

совершали массовые убийства евреев в Каунасе, Вильнюсе и в других населенных пунктах Литвы; по донесению немецкого командования, требовался порой лишь один немец во главе десятков литовцев, чтобы провести очередную акцию, но часто они обходились и без посторонней помощи.

«Отряд литовских солдат вел из тюрьмы в Понары группу в двести человек. Все они были ослаблены жестоким тюремным режимом, несколько дней их попросту морили голодом. Всю дорогу солдаты били евреев нагайками, подгоняя, чтобы шли на смерть быстрее, быстрее... Позади колонны ехал на велосипеде один-единственный немец».

К концу 1941 года, когда большинство евреев Литвы было уничтожено, часть литовских полицейских батальонов отправили в Белоруссию и Польшу для расстрела евреев; служили они в лагерях уничтожения Трешлинка и Майданек, участвовали в ликвидации Варшавского гетто.

Латвия и Литва стали первыми советскими республиками, которые немцы полностью оккупировали за очень короткий срок. На этих территориях карательные отряды отработывали способы массового уничтожения еврейского населения, изыскивали наиболее «эффективные» методы и применяли их затем повсюду по мере продвижения немецких войск. В декабре 1941 года был составлен «Сводный отчет» по отработанной «методике»: «Систематическое очищение от евреев каждого района обязывало тщательно подготовиться к каждой акции и изучить местные условия. Евреев надо было сосредоточить в одном или нескольких пунктах, затем – в соответствии с их количеством – выбрать место расстрела и вырыть траншеи. Расстояние от мест концентрации евреев до вырытых траншей составляло в среднем 4–5 километров. Евреи доставлялись на место экзекуции группами по 500 человек, расстояние между группами было не менее 2 километров».

В том же отчете сказано: «Еврейская проблема в Литве полностью решена. В Литве больше нет евреев, кроме работающих и их семей. Всего осталось: в Шяуляе – около 4500, в Каунасе – около 15 000, в Вильнюсе – около 15 000».

Немцы заняли Эстонию в сентябре 1941 года – к тому времени тысячи евреев успели уже уехать. В октябре командование эйнзацгруппы «А» сообщило: «Отряды эстонской самообороны под руководством эйнзацкоманд перебили всех евреев-мужчин старше шестнадцати лет...» К декабрю – по немецким данным – было уничтожено 963 еврея.

В феврале следующего года Р. Гейдрих докладывал: «Эстония уже полностью очищена от евреев».

К началу 1942 года уничтожили более 80% еврейского населения прибалтийских республик; еврейские общины небольших городов и местечек, существовавшие столетиями, исчезли с лица земли. И в этом немалая «заслуга» местного населения.

Евреи Шяуляя перед расстрелом. В первом ряду справа – раввины Нехамовский и Бакшт

6

Бутримонис – еврейское местечко в семидесяти километрах от Вильнюса. В июле 1941 года начальник местной полиции докладывал «пану предводителю уездной полиции»: «В местечке живет около 2000 евреев, которых в ближайшее время надо бы привести в порядок». Вскоре местные жители расстреляли евреев Бутримониса – спаслись от расстрела 80 человек, к приходу Красной армии выжили не более десяти. Свидетельствуют уцелевшие Рива Лозанская, Двойра Резник и Тевье Шейнкер:

«Молодежь Бутримониса делилась на идеалистов и сумасшедших. Идеалисты уехали в Палестину. Сумасшедшие остались искать счастье в Литве. Хорошее счастье их ожидало...»

«Было четыре часа дня, когда, словно на параде, без единого выстрела через Бутримонис прошла колонна немецких войск... Немцы пришли и ушли, но остался их «новый порядок». Грабеж начался с первой мину-

ты «нового порядка» и продолжался до самого конца, до последней золотой коронки на еврейских зубах...»

«Немцев в местечке не было. Всем заправляли литовцы, члены «Фронта литовских активистов»... Первой их жертвой стал местечковый сумасшедший Шимон Нагин. Иоселюнас с полицейскими затащили его во двор маслозавода и там убили...»

«Нехама хотела уйти. Я отговорила ее. Сама, своими руками положила сестру в могилу – не могу простить себе этого всю жизнь...»

«Из самых лучших домов в центре местечка евреев выселили. На остальных повесили таблички с надписью по-немецки и по-литовски: «Здесь живут евреи»... Потинкас заявил во всеуслышание: «Могу любого убить. Безнаказанно...»

«Через местечко прогнали колонну русских военнопленных – раздетых, босых. Их били. Немцев среди конвоиров не было – только литовцы, «активисты»... Краюху хлеба дала пленным и старая еврейка Бейле Шофер. Охранники выбили старухе зубы, втолкнули ее в колонну и погнали вместе со всеми. На выходе из местечка ей пустили пулю в лоб...»

«Шошана вышла замуж за Ицхака Кушелевича. Они очень любили друг друга. Коммуниста Кушелевича привели на еврейское кладбище, поставили на колени перед ямой и расстреляли на глазах у жены. Пиджак и сапоги убитого ей вернули. Шошана надела их и больше не снимала... Бедняга помешалась: радовалась одежде мужа, которую носила, смеялась, не переставая...»

«Вдруг я услышала страшный крик и обернулась – Иоселюнас за ноги тащил по мостовой раненого Шимелевича. Тот, истекая кровью, не переставая кричал: «Отомстите!» Иоселюнас дотащил его до огорода возле тюрьмы, живого бросил в заранее вырытую яму и засыпал землей...»

«Выволокли на крыльцо и Мойше Гольдберга. Он кричал: «Сволочи, что же вы делаете? Всю жизнь я работал вместе с вами, мы дружили. За что перед смертью издеваетесь?» Его втолкнули в общую кучу...»

«Сначала покончили с мужчинами. Их поставили на краю ямы, лицом к ней, и стреляли в затылок. Жена вахмистра Германавичюса... суетилась, разносила карателям пиво и вино. Бочки стояли под деревьями, там же сидели зрители, сбежавшиеся со всей округи посмотреть кровавый спектакль. Одна любопытная, правда, упала в обморок. В детей почти не стреляли, засыпали их живыми... После всего палачи поделили между собой вещи и разошлись...»

«Мину Гольдберг взял в наложницы полицейский Лапинаускас. Жил он с ней до начала октября. Потом кто-то донес на них. Тогда Лапинаускас... проволоч девушку через всё местечко на еврейское кладбище к заранее вырытой могиле, столкнул в нее, застрелил и ушел. А Павка Соболевская отрубила убитой голову и выбила золотые зубы...»

«Мы побежали через болото, забрались по самую грудь в трясину и простояли так почти сутки. Всё это время слышали ржание коней, лай собак, стрельбу. Потом мы узнали, что во время облавы поймали несколько евреев; полиция приняла их, наверно, за нас и не стала прочесывать болото. Смерть опять прошла мимо, прихватив с собой пару еврейских душ...»

«Мы отправились на хутор к Люциусу Константиновичусу, поляку, учителю литовской гимназии... Он с гордостью предъявил нам справку, в которой было написано, что он «принимал участие в расстреле советских военнопленных в Варене и заслуживает уважения со стороны властей...»

«Многие из тех, кто помогал нам, рассчитывали на вознаграждение после войны. Ходил слух, что американские евреи хорошо заплатят за каждого спасенного... Циля случайно услышала, как жена Алишаускаса говорила мужу: «У Циля в пальто что-то зашито, наверняка золото. Не будь дураком – иди в полицию...»

«Жена Вовериса сняла с моей головы платок: «Тебя всё одно убьют. А я хоть в костел по-человечески схожу...»

«Пришла хозяйка, принесла нам поесть, потом щеку рукой подперла и говорит: «Девочки, девочки, милые вы мои... Надо вам уходить. Не могу я вас больше прятать. Жалко мне вас, а своих жалче...»

«На хуторе у поляков Голомбевских пряталась еврейская семья. Среди них была еврейская женщина, к которой на время родов пригласили повитуху. Ее, конечно, просили молчать, наверняка заплатили, но бабка выдала... Братьев Голомбевских арестовали и угнали в тюрьму. Больше их не видели...»

Петр Голомбевский.
Убит за попытку
спасти еврейскую семью

«Плохо было в яме. Весной ее заливало водой, а летом мы сидели мокрые от пота. Но лучше в земле живыми, чем на земле – мертвыми... Хозяйкин кусочек хлеба мы так делили – сестра во рту подержит и мне отдаст: «Я, говорит, уже сыта, не хочу больше». Я тоже подержу во рту и ей возвращаю...»

«Босые, в мороз, шли мы по заснеженным полям... Я всю войну пряталась в одном платье. На мне оно и истлело... После освобождения мама взяла его на память и долго хранила. Сейчас оно в Израиле, в музее Яд ва-Шем...»

«В лесу нас остановил русский часовой. Выглядели мы ужасно... Солдат сразу сообразил, что перед ним еврейки, и отвел нас к лейтенанту. Тот тоже оказался евреем, обрадовался: «Слава Богу, еще кто-то выжил!..» Лейтенант дал нам на прощание денег: «Пусть первые деньги на свободе будут у вас от еврея...»

Во время стремительного продвижения немецких войск сотрудники НКВД перед поспешным отступлением уничтожали заключенных в тюрьмах; расстрелы проходили во Львове, Тернополе, Дрогобыче, Ровно и в других местах – среди тысяч погибших оказалось немало евреев. Советская пропаганда называла этих заключенных «жертвами нацизма»; немцы же объявляли, что это были люди, «зверски замученные евреями», – местных евреев пригоняли на тюремный двор к телам погибших, и разъяренные толпы набрасывались на них, забывая насмерть. «Стены тюрьмы были залиты кровью избиваемых, – вспоминал очевидец, чудом спасшийся во Львове, – залеплены мозгами убитых людей...» И опять эти сцены снимали операторы, а затем демонстрировали в кинотеатрах, показывая всему миру, как местные жители расправляются с евреями.

Газеты Латвии оповестили читателей в первые недели оккупации о жестоких пытках и казнях заключенных в городе Резекне, в застенках НКВД, где самое деятельное участие принимали врачи-евреи. Местный прокурор потребовал провести расследование; полиция города установила, что упомянутая в газетах «Хильдегард Курикова не убита, а проживает в Резекне по аллее Атбривошанас, 13. Полицейский участок не имеет никаких доказательств того... что еврейские врачи участвовали в пытках арестованных». К тому времени евреи города были уже уничтожены, и опровержения в газетах не последовало.

Свидетельствует И. Дамба (Литва): «Зверство во время расстрела было невиданным. Убивали литовцы. Убивали жестоко. Немцев в Геруляе не было. Сегодня литовцы создают миф, будто до прихода эсэсовцев евреев убивали в Литве преступные элементы, подонки, уллучившие случай безнаказанно грабить, наживаться на крови убитых ими евреев. Неправда! Евреев убивали и считающиеся порядочными граждане – бывшие офицеры армии независимой Литвы, учителя, студенты, врачи, инженеры, ксендзы и даже женщины. 29 августа 1941 года... молодая женщина по фамилии Рубавичене расстреливала из пистолета младенцев, которых несчастные матери несли на руках к яме... Ее я видел с близкого расстояния».

В рижской «команде Арайса» было около тысячи добровольцев, среди них – студенты, старшеклассники, офицеры бывшей латышской армии. Из 365 послевоенных следственных дел участников той «команды» следует, что 40% из них имели неоконченное среднее и среднее образование, 24% – неоконченное высшее и высшее.

В 1947 году в Мюнхене состоялась конференция литовских евреев, выживших в немецких концлагерях. Из декларации, принятой на той конференции: «С глубокой болью вынуждены мы установить, что небольшие еврейские общины в провинциальных городах были уничтожены исключительно литовцами, а более крупные общины при их активном участии. Нам также известно, что литовцы принимали активное участие в истреблении евреев в гетто и в лагерях за пределами Литвы – в Майданеке, Варшаве и в других местах...»

Из литовской подпольной антифашистской газеты (1943 год): «Должны ли мы быть главными вешателями в Европе? Немцы, убивающие евреев, позднее убьют нас, и мир их поддержит, потому что литовцы – палачи и садисты...»

Очерк пятидесятый

Бердичев. Киев. Харьков. Крымский полуостров

1

«В Бердичеве было уже безвластие, грабили магазины. Днем 7 июля шел повальный грабеж, ломали двери, срывали замки, тащили всё, что попадет под руку. Ушли отступавшие колонны солдат. Работники НКВД в спешке жгли бумаги, переодевались в штатское и убежали...»

Вечером 7 июля 1941 года в Бердичев вошли немцы, и сразу же начались расстрелы, побои и издевательства; глумились над стариками-евреями, отрезали им бороды, принуждали ползать по земле, собирать руками мусор и нечистоты. В цехах кожевенного завода заставляли евреев прыгать в ямы с едким дубильным раствором; тех, кто отказывался, убивали и кидали в тот же раствор: это считалось у немцев шуткой, таким способом они «дубили еврейскую кожу».

В. Гроссман, писатель (из очерка «Убийство евреев в Бердичеве»): «Ужас навис над городом. Ужас вошел в каждый дом, он стал над кроватями спящих, он вставал с солнцем, он ходил ночью по улицам. Тысячи старушечьих и детских сердец замирали, когда в ночи слышался грохот солдатских сапог, громкая немецкая речь. Ужасны были и облачные,

темные ночи, и ночи полной луны, ужасным стало раннее утро и светлый полдень, и мирный вечер в родном городе...»

В августе 1941 года евреев согнали в самый бедный район Бердичева, оставленные квартиры тут же были разграблены. 4 сентября физически сильным молодым людям предложили отправиться на полевые работы – копать картошку. Им разъяснили, где они будут работать, обещали выдать немного картошки для их родителей, а затем расстреляли за городом – около 1500 человек. На другой день, 5 сентября, на том же месте уничтожили еще многих евреев, и после этого остались в основном женщины, старики и дети, неспособные к сопротивлению.

14 сентября в Бердичев прибыла зондеркоманда эйнзацгруппы «С», к которой присоединили городскую полицию. В ту же ночь еврейский район окружили войска и рано утром всех погнали на базарную площадь: «Длинной колонной шли евреи. Вели их местные полицаи. Один из них сказал нам: «Становитесь в строй», мы ответили: «Дяденька, нам всего семь лет, мы еще маленькие». Он говорит: «Пусть вам будет семь месяцев – становитесь в строй», и мы встали в строй...»

На базарной площади отобрали 400 человек – врачей, аптекарей, портных, сапожников, парикмахеров, прочих специалистов, которым разрешили остаться вместе с семьями; они метались, звали жен и детей, затерявшихся в огромной толпе, незнакомые люди протягивали им детей, чтобы признали своими и спасли от гибели. «Стоял невообразимый крик, кричали женщины, дети: «Возьмите нас! Скажите, что я ваша жена! Что я ваш ребенок!...» Затем всех погнали за город; больных, немощных стариков и маленьких детей подвозили на грузовиках – на поле, вблизи бердичевского аэродрома, были убиты 12 000 человек (по показаниям немцев и полицейских, до 15 000).

«Побоище длилось почти весь день. В три часа дня приехали на легковой машине посмотреть на «зрелище» голова Бердичевской управы Редер, его заместитель Слипченко, секретарь Шмидт. Принимал участие в расстреле начальник полиции Королук...»

В. Гроссман: «Весь день длилось это чудовищное избиение невинных и беспомощных, весь день лилась кровь. Ямы были полны крови, глинистая почва не впитывала ее, кровь выступала за края, огромными лужами стояла на земле, текла ручейками, скапливалась в низменных местах... Сапоги палачей промокли от крови. Жертвы подходили к могиле по крови. Весь день безумные крики вновь и вновь убиваемых стояли в воздухе... Все пять ям были полны до краев, – пришлось навалить поверх холмы земли, чтобы прикрыть тела. Земля шевелилась, судорожно дышала. Ночью многие из недобитых выползли из-под могильных хол-

мов... Они расплозились по полю, инстинктивно стараясь отползти по-дальше от ям; большинство из них, теряя силы, истекая кровью, умира-ло тут же... Трижды за короткое время земля над могилами раскрыва-лась, вздымаемая изнутри, и кровавая жидкость выступал через края ям, разливаясь по полю. Трижды сгоняли немцы крестьян, заставляя их наваливать новые холмы над огромными могилами...»

Грабеж еврейского имущества начался с того момента, как обречен-ных на смерть согнали на базарную площадь. На их глазах выносили из домов одежду, посуду, одеяла и перины; грабители проходили через оцепление, снимали с еврейских женщин платки и шерстяные кофты. Затем на опустевших улицах появились окрестные крестьяне; они вы-носили вещи из квартир и грузили на подводы. 400 специалистов пере-вели в подвал бывшего монастыря, туда же пригоняли евреев, пойман-ных во время облав в городе и его окрестностях, – в ноябре всех вывезли за город и расстреляли. Перед казнью отобрали 150 ремесленников, ко-торых уничтожали постепенно, вплоть до прихода Красной армии.

«Когда освободили Бердичев, я пошел в город. Нашел моего старшего брата Яшу. Он тоже спасся. Яша большой – ему 16 лет, он воюет. Когда немцы уходили, Яша нашел подлеца, который убил нашу мать, и застрелил его. Хаим Ротман».

Завершив акцию в Бердичеве, зондеркоманда отправилась в Винни-цу, и 21 сентября 1941 года, в праздник Рош га-Шана, там уничтожили большинство еврейского населения города. Пригнали на расстрел и ста-риков из дома престарелых, женщин с младенцами из родильного дома; специалистов оставили пока в живых и расстреляли позднее.

2

Немцы вошли в Киев 19 сентября 1941 года. «Они шли в строгом по-рядке по Крещатику, мытые, начищенные, веселые. Офицеры ехали верхом. Двигались машины. Народу на тротуарах было много. Я видел радостные лица, букеты цветов, которые бросали немецким офицерам, но у многих настроение было подавленное, лица хмурые...» Вместе с не-мецкими войсками в Киев вошла зондеркоманда «4а» эйнзацгруппы «С», которая уничтожила до этого тысячи евреев в Луцке, расстрелива-ла их в Ровно, Новограде-Волынском, Житомире.

В тот день уже задерживали евреев на улицах, избивали, увозили на грузовиках. На улице Ленина собрали мужчин, били прикладами по но-гам, заставляли танцевать; назавтра взяли десять стариков-евреев, велели

надеть молитвенные облачения, в кузове грузовика возили по городу – прохожие смеялись. Семидесятипятилетнего Г. Гринберга задержали на базаре, ограбили и застрелили. И. Эдельмана схватили на улице, опустили головой вниз в бочку с водой, и он захлебнулся. Парализованную С. Голдовскую, мать десятерых детей, вытащили на улицу и убили. С. Эвенсон, у которой были уже правнуки, выкинули из окна третьего этажа. И. Багата застрелили вместе с двумя внуками – Полиной и Мальвиной.

На Галицком базаре остановили мать с двумя маленькими детьми. На ее глазах убили одного ребенка, а за ним и второго. Женщина потеряла рассудок, прижав к себе мертвых детей, стала танцевать. Насладившись зрелищем, убили и ее.

На улицах Киева появились полицейские с желто-голубыми повязками и надписью ОУН – Организация украинских националистов. В местной газете предупредили, что евреи, комиссары и партизаны будут уничтожены; повсюду проверяли документы, евреев уводили в полицию, а ночью расстреливали. В пятницу и субботу многие не вернулись из синагог, по Днепру плавали трупы, течением реки прибывало к берегу молитвенные принадлежности. 21 сентября – по свидетельству жителей киевской окраины – в Бабий Яр приехали крытые грузовики: «В этих машинах были евреи – мужчины, женщины, дети, а также женщины с грудными детьми», – их заставили раздеться догола и всех расстреляли. В тот день вечером, с появлением первых звезд, наступил Новый год – еврейский праздник Рош га-Шана, а за ним десять дней плача, раскаяния, очищения.

24 сентября на Крещатике, в центре Киева, произошли взрывы зданий, заминированных при отходе Красной армии; погибли немецкие солдаты и офицеры, погибли местные жители – в отместку были схвачены и уничтожены более 1500 евреев. Командир эйнзацгруппы «С» докладывал в Берлин: «Доказано, что ведущая роль в совершении взрывов принадлежит евреям... Подготовлен план ликвидации по крайней мере 50 000 евреев. Немецкая армия одобряет намеченные меры и требует их скорейшего осуществления».

28 сентября на стенах киевских домов появилось объявление на грубой синей бумаге, напечатанное на русском, украинском и немецком языках: «Все жида города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковой и Дегтяревской улиц (возле кладбищ). Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет рас-

стрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян». Даты и подписи под приказом не было.

Оккупационные власти распространяли слухи, будто евреев отправляют в рабочие лагеря, – да и кто мог предположить тогда, что культурная цивилизованная нация готовит полное уничтожение евреев в их городе, в стране, во всем мире? «Никто не верил, что живет последний день, последний час, последнюю минуту...» Одни говорили, что их переселяют в другие города, другие утверждали – трудовая мобилизация; кое-кто полагал, что Берлин договорился с Москвой и предстоит обмен – каждую еврейскую семью на одного пленного немца.

«Двадцать девятого мы проснулись рано... Было тревожно. Сосед Лавриненко сказал дедушке: «Ну вот, Лейб, кончилась ваша жидовская власть, сейчас уже начнутся новые порядки, так что имей в виду, с вами рассчитаются...»

Все жидаы города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской улиц (возле кладбищ).

Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр.

Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян.

Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян.

Объявление на улицах Киева

29 сентября, с раннего утра, тысячи киевских евреев пошли в последний путь со всех концов города, в сторону еврейского кладбища на Лукьяновке. Шли с чемоданами, мешками, узлами. Ехали на подводах, заваленных вещами. Стариков поддерживали под руки. Больных несли на носилках и одеялах. Младенцев везли в колясках. Инвалиды опирались на палки и переставляли костыли. Шли рядом провожающие, украинцы и русские – соседи, друзья, родственники. В тот день в Киеве было много самоубийств; очевидцы рассказывали, что на асфальте лежали

тела евреев, выбросившихся из окон верхних этажей, иногда целыми семьями. А шествие по улицам продолжалось. Бесконечный поток вливался на Львовскую улицу, за ней начиналась улица Мельника, по обеим сторонам которой стояли вооруженные полицейские, а затем пыльная дорога, овраги с крутыми склонами – Бабий Яр.

Уничтожением киевских евреев занималась зондеркоманда «4а», к которой присоединили батальоны немецкой жандармерии, подразделения местных полицейских, а также Буковинский курень, набранный в Черновицах из добровольцев. Участвовало в уничтожении не менее 1200 убийц. От толпы отделяли группы обреченных и вели «регистрировать», там у них отбирали документы и драгоценности, – ожидавшие своей очереди в конце улицы не подозревали, что их ожидает смерть. Из показаний немецкого солдата: «Когда евреи спускались в овраг и в последнее мгновение видели страшную картину, они испускали крик ужаса... Шедшие следом за ними не могли видеть этого ужасного зрелища – его заслонял край оврага... Выстрелов в овраге было не слышно... Из города в эту местность приходили всё новые массы людей, и они, по-видимому, ничего не подозревали, полагая, что их переселяют».

Сторож Лукьяновского кладбища сообщил после войны: «Полицейские, образовав коридор, гнали обезумевших людей к большой поляне, где дубинки, ругань и рвавшие тело собаки заставляли их раздеваться, строиться и идти колонной по 100 человек к входу в овраг. Там они попадали на узкую площадку над обрывом, высотой 20–25 метров, напротив которой находилось пулеметное гнездо. Расстрелянные, раненые и полуживые люди падали вниз и разбивались. Затем вводилась следующая сотня, и всё повторялось сначала. Полицейские брали детей за ноги и бросали живыми в яр...»

3

Говорят очевидцы:

«Никогда не забуду девочку лет пятнадцати – Сарру. Трудно описать красоту этой девочки. Мать рвала на себе волосы, кричала душераздирающим голосом: «Убейте нас вместе!..» Мать убили прикладом, пять или шесть немцев раздели девочку догола, и больше я ее не видела...»

«Удары сыпались со всех сторон. Мама, как могла, прикрывала нас, старалась, чтобы удары попадали ей, а не нам... Люди рвали на себе волосы, истерически кричали, сходили с ума. Вдруг я увидела плачущего грудного ребенка, лежащего на земле. К нему подскочил фашист и прикладом размозжил голову. В это мгновение я, наверное, и потеряла сознание: что было дальше – не помню...»

«Среди детей я увидела девочку из нашего двора. Мы сразу взялись за руки и уже не отходили друг от друга. Ей было тринадцать лет, а мне семнадцать, и так не хотелось умирать...»

«Раздалась немецкая команда, чтобы все строились. Я не ждала следующей команды, бросила в ров ребенка и сама упала на него... На меня начали падать трупы. Затем стало тихо. Прошло минут пятнадцать – привели другую партию. Снова раздалась выстрелы, и в яму снова стали падать окровавленные, умирающие и мертвые люди... Трупы лежали подо мной и надо мной...»

«Старики кричали предсмертные слова: «Шма, Исроэль, Адонай Элогейну Адонай эхад!..» («Слушай, Израиль! Господь Бог наш – Господь один!..»)

«Одна из девочек крикнула из ямы: «Что вы мне сыплете песок в глаза?» Это когда уже начали засыпать яму...»

Максимальное количество евреев, уничтоженных в Бабьем Яре, пришлось на 29 и 30 сентября: из немецкого донесения следует, что за первые два дня было расстреляно 33 771 человек. Вечером 30 сентября начался Судный день – Йом-Кипур; наутро массовые расстрелы возобновились и продолжались еще три дня, – исследователи полагают, что за пять дней погибло не менее 50 000 евреев. В те же дни расстреляли и всех евреев, находившихся на излечении в киевской психиатрической больнице, – 308 человек.

Командование эйнзацгруппы «С» сообщило в Берлин о проведенной операции «по полному очищению Киева от евреев»: «Вплоть до момента ликвидации они были уверены, что речь идет о переселении, и это благодаря отлично поставленной пропаганде...» – «Золото и ценные вещи, белье и одежда сохранены...» – «Мероприятие прошло спокойно, инцидентов не возникло. Население одобрительно отнеслось к плану переселения евреев. То, что они были ликвидированы, вряд ли стало известно. Кстати, опыт, накопленный за предыдущие дни, показывает, что это не вызвало бы каких-либо возражений. Армия также одобрила принятые меры. С евреями, не схваченными до сих пор... поступим соответственно».

Зондеркоманда «4а», завершив уничтожение евреев в Киеве, отправилась дальше вслед за наступавшей немецкой армией, участвовала затем в ликвидации еврейского населения Харькова, Курска и других городов.

«Жизнь в городе шла своим чередом. Проезжали трамваи. Запомнился плакат на многих трамваях: еврей с большим носом и большим животом держит в руках нож и вилку, на столе перед ним тарелка с огромной

рыбой, которую он ест, а около него стоит на коленях сторбленный мужик и просит подавание... На стенах зданий и на столбах красовались призывы «Бей жидов!» и остатки приказа немецких властей: «Все жида города Кива и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября...»

Через неделю после массовых расстрелов в Бабьем Яре в газете «Украинское слово» сообщили: «Жида, которые до сих пор есть в Киве, маскируются под разные национальности – греков, армян, украинцев, русских... Но Украина имеет множество настоящих патриотов, мечтающих как можно скорее очистить свою жизнь, свои села, густые леса и прекрасные города от партизан, жидов-поджигателей и красных комиссаров. Эти патриоты ежедневно приходят в маленький домик на бульваре Шевченко, 48, и рассказывают про врагов, которые, как правило, прячутся под чужими именами».

В Киве оставались тысячи евреев, не явившихся на улицу Мельника. Их продолжали разыскивать во время двухлетней оккупации, чтобы расстрелять в Бабьем Яре; совершали облавы и обыски, простукивали стены в домах, просматривали чердаки и дымоходы, разбирали полы в поисках тайников, расклеивали приказы на улицах города: «Если кто-нибудь пустит еврея на ночлег или жительство, будет немедленно расстрелян не только он, но и его семья». За выполнением приказа следили полицейские и прочие «добровольцы»; за выданных евреев, партизан и большевиков обещали награду – деньги, продукты, даже корову; начальник немецкой службы безопасности сообщил после войны: поступало столько доносов о евреях, прятавшихся в городе, что его сотрудники не успевали их проверять.

Ревекка Шварцман, Киев: «Дедушка и бабушка Воиновы, замечательные русские люди, скрывали Алика и Нелечку. Накануне Нового года, когда Сонечка вывела детей во двор подышать свежим воздухом, ее заметил немецкий офицер... и пригласил Сонечку на встречу Нового года... Соседка объяснила ему, что Сонечка – жидовка. Офицер ничего не сказал, но назавтра прислал «душегубку». И забрали Сонечку, ее двух детей и маму, отвезли в Бабий Яр...»

Киев стал «юденрайн» – город, «свободный от евреев».

Из дневника жительницы Кива: «Сентябрь 1942 года. Кто-то видел жену одного юриста, которая была жива до сих пор. А теперь ее забрали...» – «Февраль 1943 года. Сейчас ничего не говорят о евреях. Их словно не было и нет совсем...»

В Бабьем Яре расстреливали также советских военнопленных, украинских подпольщиков и заложников, там же уничтожили несколько цыганских таборов. Летом 1943 года в Бабий Яр привезли более 300 че-

ловек, которые раскапывали места захоронений, чтобы скрыть следы массового уничтожения. Заключенные в ножных кандалах сжигали трупы в огромных кострах, просеивали прах в поисках золота, дробили кости, оставшиеся после сожжения, смешивали с песком и разбрасывали по окрестностям. Группе заключенных удалось бежать; спаслось пятнадцать человек, среди них были и евреи, после войны трое из них выступали свидетелями на Нюрнбергском процессе нацистских преступников.

После сожжения трупов нельзя было установить точное число жертв в Бабьем Яре. Советская комиссия по расследованию преступлений нацистов предположила, что там было уничтожено около 100 000 человек разных национальностей, но это количество, очевидно, занижено.

Из воспоминаний врача Красной армии: «Я приехал в Киев с военным госпиталем, в котором работал, и прямо с вокзала направился к Бабьему Яру. По дороге я встретил двух украинцев; они пристально посмотрели на меня, и один из них сказал: «Гляди, Гаврила, настоящий еврей...» У Бабьего Яра стоял старый украинец и рассказывал группе евреев о страшной экзекуции, очевидцем которой он был, по его словам. Евреи жадно слушали его, желая узнать о страшной трагедии, которая постигла их родных и близких... Время от времени он протягивал соломенную шляпу, желая получить деньги за труды...»

4

Немцы вошли в Харьков 25 октября 1941 года. «Ветер раскачивает трупы повешенных, срывает с домов обрывки строгих приказов: «За оказание помощи партизанам – смертная казнь, за укрытие красноармейцев – смертная казнь»... Смерть, смерть. Всюду смерть...» – «На длинном балконе нашей школы нацисты вешали людей, по десять–двадцать человек, и они висели неделями...»

14 декабря всем евреям Харькова «независимо от пола, возраста, вероисповедания и состояния здоровья» приказали явиться на территорию поселка возле тракторного завода, в двенадцати километрах от города; обнаруженных в городе после 16 декабря обещали «расстреливать на месте».

Из свидетельства выживших:

«Яда у меня не было, но я нашла лезвие от бритвы. Раз десять резала руку, но по неопытности не могла добраться до вены... Очнулась от стука в дверь. Мне сообщили, что сегодня все евреи обязаны покинуть город...»

«Трудно описать эту картину – пятнадцать тысяч, а может, и больше шли по Старо-Московской улице к Тракторному. Многие тащили вещи.

Были больные, даже парализованные, их несли на руках. Путь от Старо-Московской до Тракторного был усеян трупами детей, стариков, больных...»

«Рядом с нами пожилая женщина несла на спине парализованную старуху-мать. Впереди нас шла семья: муж, жена и двое детей. У мужчины была нога в гипсе, он шел на костылях. Было скользко, он упал, и его пристрелили...»

«Еще в центре города начались грабежи. Грабили у каждого моста и у каждого места, где колонна замедляла движение... Очень многие прибыли в бараки без всяких вещей, а главное, почти без продовольствия... Вместо окон были большие просветы без стекол, двери барака не закрывались. Сидеть было не на чем. Дул ледяной ветер...»

«От ужасающей скученности, голода, отсутствия воды начались массовые кишечно-желудочные заболевания. К утру коридоры в бараках были загажены до невозможности. Тогда начиналась уборка коридора руками, так как лопат или веников не было, а немцы угрожали расстрелом, если не будет убрано в течение часа...»

«Утром выносили трупы умерших за ночь. Их стаскивали в противотанковые рвы, расположенные рядом. Эти рвы через неделю уже были заполнены...»

«Однажды они объявили: «Если ночью будет слышен детский плач, расстреляем всех». А как можно было требовать от малышей, чтобы не кричали?.. Они лежали мокрые на морозе, молоко у матерей перегорело от переживаний, кормить нечем...»

«Мне удалось перейти в другой барак – номер 9. Этому барaku повезло, он пошел на расстрел последним...»

«Стоял мороз 20–25 градусов. Раздетых гнали в глубину оврага, откуда время от времени раздавались взрывы и слышалась трескотня пулеметов... Я пошел вперед, готовый через минуту умереть...»

Баракы возле тракторного завода опустели за месяц. Часть их обитателей – «жидів міста Харківа» – уничтожили в «душегубках», а большинство расстреляли в Дробицком Яре, который находился неподалеку. Из показаний пленного немецкого солдата: «Я собственными глазами видел, как евреев... расстреливали из пулеметов и автоматов. Когда я спросил, зачем это делается, мой офицер ответил: «Немецкий солдат не должен этого знать. Фюрер знает...»

Нет точных данных о количестве харьковских евреев, уничтоженных за годы оккупации; наверняка можно сказать, что к февралю 1942 года погибло не менее 11 000 человек. 400 пожилых евреев загнали в здание синагоги, заперли двери, и они погибли от голода и холода.

«Я вернулась в Харьков из эвакуации в сентябре 1943 года. Вскоре родители повезли меня в Дробицкий Яр. Передо мной раскинулся большой овраг, вдали виднелся огромный бак, в котором сжигали детей. Кричала женщина в военной форме – майор медицинской службы, она оставила сына с сестрой, и его сожгли. Кругом было много костей, и нам приходилось по ним ходить. До сих пор помню это жуткое впечатление. В ту пору мне было восемь лет...»

5

В первые месяцы войны немецкие войска захватили обширные территории РСФСР, областные центры Псков, Смоленск, Новгород, сотни районных центров и населенных пунктов; в сентябре немцы завершили блокаду Ленинграда, в октябре заняли Орел, Брянск, Калугу, Калинин и вплотную придвинулись к Москве. Все оккупированные территории России оказались в зоне командования военной администрации, где действовали передвижные эйнзацгруппы СС. В этих районах евреев регистрировали, собирали в определенных местах и, как правило, производили быструю ликвидацию. В декабре 1941 года Красная армия начала наступление под Москвой, к весне следующего года освободила многие города и села, однако еврейское население было там почти полностью уничтожено.

Монастырщина, Смоленская область: «В местечке проживало много евреев. Был здесь еврейский колхоз. 8 ноября 1941 года немцы истребили всех евреев – 1008 человек. Когда пойманного полицейского Дудина спросили, действительно ли он бросал живых детей в могилу, он ответил: «Не бросал, а клал...»

Шамово, Смоленская область (февраль 1942 года): «В полицейское управление пришли четыре старых еврея. Они пробовали уйти от смерти, но не нашли пристанища. Шмуילו, семьдесят лет от роду, сказал: «Можете нас убить». Стариков отвели в сарай, били железной палкой, а когда они лишались сознания, оттирали снегом. Потом к ноге каждого привязали веревку, перебросили через балку. Полицейские поднимали стариков на два метра над землей и сбрасывали вниз. Наконец их застрелили...»

Командование эйнзацгруппы «В» докладывало из Смоленска: «За время с 6 по 30.3.42... были подвергнуты особому обращению 1657 человек, в том числе: 27 за принадлежность к партизанским группам и членство в бывшей компартии, 45 цыган, 1585 евреев». В июле 1942 года за два дня убийств уничтожили 2000 евреев Смоленска, а всего по Смоленской области – около 18 000. Примерно такое же число еврейских жертв оказа-

лось на территории Брянской области, многие из них были беженцами из западных областей страны. В Псковской области нацисты совместно с местными и эстонскими полицейскими уничтожили не менее 5000 евреев, в Ленинградской области – 4000, в Новгородской – 2000.

Из воспоминаний (Смоленская область): «Убийство еврея стало доходной статьей, за каждого найденного и расстрелянного полицейский получал тряпки с убитого и несколько пачек махорки от коменданта. Полицейские работали усердно. Искали на чердаках, в банях, в погребах, находили и везли на показ коменданту, а потом в ров...»

В Брянской области евреев и пленных партизан использовали для разминирования минных полей. Для этой цели подготавливали специальные катки и обязывали местные власти «предоставить длинные веревки для привязывания их к шеям евреев и пленных бандитов».

1 ноября 1941 года немцы вошли в Симферополь, административный центр Крымского полуострова. «Все были свежевыбриты, одеты щеголевато в новые чистые костюмы, словно явились для парада, а не из-под Перекопа... Первый приказ говорил, что немецкая армия вступила в пределы Крыма... Половина приказа была отведена жидам, слово «жид» склонялось на все лады: жида, жидам, о жиде...»

Сразу же началось уничтожение еврейского населения, в котором принимали участие местные татары. Акции прошли в еврейских селах полуострова, а также в Евпатории, первом крымском городе, где уничтожили всех евреев – 603 человека. К концу года расстреляли более 14 000 евреев Симферополя и его окрестностей, 2500 в Керчи, свыше 1000 в Феодосии; в декабре уничтожили еврейское население Ялты и Джанкоя.

Из актов чрезвычайных комиссий:

В Найдорфе «с помощью старосты и полиции немцы выгнали из домов еврейские семьи и, погрузив их на машины, отвезли за четыреста метров от села, выстроили вдоль старого окопа и расстреляли из автоматов. Расстреляно было десять семейств – 41 человек, из них десять стариков и тринадцать детей...»

В поселении Икор «уничтожение евреев происходило в двух километрах от села, где расстрелянных бросали в глубокий колодец. Некоторых кидали туда живьем. Погибло 31 человек – старики, больные, беременные женщины и дети...»

«Жена старшего лейтенанта Савченко... оставалась в Икоре еще полтора месяца после уничтожения евреев. Она не была похожа на еврейку. Однажды через село проезжала немецкая часть. Немцы расстреляли ее

вместе с четырехлетней девочкой и двухлетним мальчиком в девяноста метрах от ее дома...»

«Когда раскопали яму, в которой зарыли Цилю Савченко, народ увидел: убитая мать стояла на коленях и прижимала детей лицом к себе. Она заслоняла их своим пальто, чтобы они не видели убивавших их палачей...»

6

Много веков подряд на Крымском полуострове жили крымчаки – небольшая еврейская община, насчитывавшая до войны около 9000 человек. Они переняли у крымских татар обычаи, условия быта, одежду, говорили на особом диалекте крымско-татарского языка, но молились крымчаки на иврите, и их письменность тоже была на иврите. Столкнувшись с ними, командиры немецких карательных отрядов не знали, как поступить, а потому обратились за разъяснением в Берлин. Оттуда сообщили, что крымчаков следует уничтожать наравне с остальными евреями; их расстреливали в Феодосии, Керчи, Симферополе, убивали в «душегубках» в Карасубазаре – крымчаки потеряли около 80% своего состава, и после войны осталось в живых от этой общины не более 1500 человек.

В декабре 1941 года немецкое командование докладывало: «Симферополь, Евпатория, Алушта, Карасубазар, Керчь и Феодосия, а также другие части Западного Крыма освобождены от евреев. С 16 ноября до 15 декабря были расстреляны 17 646 евреев, 2604 крымчака, 824 цыгана, 212 коммунистов и партизан...» – «Население Крыма враждебно относится к евреям и в отдельных случаях само передает их полиции... Старосты просят разрешить им самим устранять евреев. До сих пор очень затрудняли казни погодные условия».

В первые месяцы 1942 года расстреляли евреев из Майфельда и других еврейских колхозов; последнюю акцию провели после захвата Севастополя летом того года, и Крым был объявлен «юденрайн», «свободным от евреев».

В Германии жили эмигранты из России – небольшая группа караимов, представителей иудейской секты, возникшей среди евреев Вавилона в VIII веке новой эры. После прихода Гитлера к власти караимы Германии попросили не считать их евреями, и Министерство внутренних дел Третьего рейха определило после проверки, что «расовая психология» караимов не является еврейской, а потому их не следует причислять

к еврейской общине и распространять на них антиеврейские ограничительные законы.

После оккупации Крымского полуострова немцы столкнулись с многочисленной общиной караимов, которые отрицали талмудические традиции, а потому их образ жизни отличался от традиционного образа жизни европейских евреев. Немецкое командование докладывало в Берлин: «Караимы, по их собственным высказываниям, не имеют с евреями ничего общего, кроме веры. Они будто бы по крови родственны монголам, которые раньше жили в районе Черного моря. В царское время в отличие от евреев они имели все гражданские права, чем гордятся и сегодня».

Вопрос о расовой принадлежности караимов снова рассматривали в Берлине. Запросили в Польше трех видных еврейских ученых, которые еще оставались в живых, и те – чтобы спасти от уничтожения караимскую общину – дали заключение, что караимы Крыма и Литвы не еврейского происхождения. Во время оккупации немцы не преследовали караимов, и лишь в Киеве, Краснодаре и Новороссийске они разделили участь еврейского населения.

Не пострадали и караимы Тракая возле Вильнюса. Руководители их общины передали немцам список всех караимов города, а потому еврей-ашкеназы не могли выдавать себя за них, чтобы спастись от уничтожения.

7

Свидетельства жителей Крыма.

Джанкой:

«Мы работали на дороге... Ежедневно из нашей среды отбирали десятки человек и гнали к могильному рву. Ежедневно нам приходилось переносить нечеловеческие муки и унижения. Я раздобыл кусок электрического провода и однажды на рассвете повесился, но услышали мой предсмертный хрип и сняли. За это меня избили, сломали три ребра. Я не имел права распоряжаться своей жизнью – это право принадлежало немцам...»

Ялта:

«Возле обрыва машины остановились. Обреченных раздевали и штыками гнали к обрыву. Детей отбирали у матерей и кидали вниз. Расстреливали из пулеметов. Был яркий солнечный день. В двадцати метрах плескалось море... Убили и доктора Л. Друскина. В течение пятидесяти лет он лечил детей... и на тело доктора по детским болезням бросали трупы его маленьких пациентов. Зима 1941–1942 года была су-

ровая и голодная. Бездомные собаки разрывали могилы, растаскивали трупы... Однажды полицейские обнаружили на могиле цветы. Было начато следствие, но немцам не удалось найти «виновников»...»

Керчь:

«Я долго лежал без сознания. Первое ощущение, которое я, очнувшись, испытал, было такое, что меня покачивает горячая масса, на которой я лежу. Я не понимал, где нахожусь и что произошло. Меня давила тяжесть. Хотелось вытереть лицо, но я не знал, где моя рука. Вдруг я раскрыл глаза и увидел звезды, светящиеся в вышине. Я вспомнил обо всем, собрал все силы и сбросил лежавшую на мне землю. Отгреб также землю, лежавшую поблизости. Хочу найти жену, но кругом темно. Каждый раз беру в руки чью-то голову, всматриваюсь – не ее ли... Наконец нашел. Она была мертва...»

Евпатория:

«Я уцелела потому, что мне дали паспорт караимки, убитой бомбой. С этим паспортом я ушла из Евпатории... и стала скитаться по деревням. Я проходила мимо колодцев и ям, набитых евреями... Валялась окровавленная одежда, обувь, галоши, стоял ужасный смрад... Во всех колхозах евреев уже расстреляли, только в колхозе «Шаумян» еще были горские евреи. Их расстреляли позже, в 1942 году...»

Целые дни я проводила в степи, питаюсь мерзлой кукурузой... Я шла вперед и знала, что в конце концов в какой-нибудь деревне буду опознана и повешена или брошена в колодец... Я дошла до такого состояния, что редела как зверь в степи и громко звала своего сына. Это давало мне какое-то облегчение...

В деревнях стали вылавливать скрывавшихся евреев. Каждый раз, когда я узнавала о поимке еврея, то отправлялась в ту деревню, чтобы узнать – не мой ли это сын... Теперь я мечтала уже не о спасении сына, а о том, чтобы он успел покончить с собой и не испытал мучений...

В деревне Кори три мальчика – восьми, десяти и одиннадцати лет – убежали, когда их родителей гнали к колодцу. Дело было осенью, а глубокой зимой они вернулись назад в деревню. Они пришли, потому что у них не было пристанища, вернулись к родному дому. Там уже жили новые хозяева. Дети долго стояли у своей хаты, ничего не просили, даже не плакали. Потом их отвезли во Фрайдорф и там убили...»

8

Бесконечен перечень жертв, список городов и местечек, в которых уничтожали евреев в первые месяцы войны (различные источники указывают разное количество жертв – все они устрашают).

В июле 1941 года нацисты расстреляли в Луцке на Украине 3000 мужчин-евреев, в Тернополе – 5000.

В Житомире уничтожили в июле–августе 5000 евреев, в сентябре – еще 6000.

Ровно на Украине – в июле–августе погибло около 3000 евреев, 7–8 ноября еще 18 000.

В августе в Каменец-Подольском расстреляли более 20 000 человек (среди них были евреи из Венгрии, которые бежали туда из Польши и Чехословакии).

Херсон – за несколько сентябрьских дней уничтожили в противотанковых рвах около 9000 евреев города и беженцев из Молдавии и Одесской области.

Могилев в Белоруссии – 10 000 евреев (в сентябре–октябре).

За два октябрьских дня убили в Борисове более 7000 тысяч евреев; в том же месяце в Мариуполе – 8000, в Кривом Роге – 4000, в Таганроге – около 2000, в Мстиславле в Белоруссии – 1300 евреев за один день. Кременчуг – до 8000 евреев (в октябре–ноябре).

Бобруйск – 7 ноября отправлены на уничтожение почти 20 000 евреев. В Новогрудке расстреляли в декабре 4500 евреев, в Полоцке – 7000.

Золотоноша, Украина (надписи на стене барака): «Здесь убито 300 человек 22.9.1941. Из Коростеня Житомирской области: Шерман Элик, Глозман Мойша, Герцбейн Мишель, Пильч Михель, Герман Давид». – «Харьков, Ключковская 39/5, Амстиславской. Сообщаю, что я расстрелян... Петя». – «Здесь меня убили. Прошу сообщить по адресу... Миша».

13 октября 1941 года уничтожили в Днепропетровске около 11 000 евреев, вскоре – еще 7000. В январе следующего года сотрудники городской управы насчитали в городе 922 еврея на 230 000 жителей города, в июне – 377 евреев; в 1943 году в таблице статистических данных в графе «Численность евреев» стоял прочерк.

В предвоенные годы на юге Украины существовали еврейские национальные районы – Калининдорфский, Ново-Златопольский и Сталиндорфский, которые объединяли десятки еврейских сельских советов. К 1941 году все национальные районы и сельсоветы были признаны «искусственно созданными» и прекратили свое существование, однако евреи продолжали жить в селах и работать в еврейских колхозах. Сразу после прихода немцы расстреляли

1400 евреев из Ингульца и окрестных сел; всего в Сталиндорфском районе были расстреляны при участии местного населения почти 4000 евреев. В Ново-Златопольском районе уничтожили 8000 евреев, среди них еврейское население колхозов «Ройтер пойер» («Красный крестьянин»), «Эмес» («Правда»), «Ротфельд» («Красное поле»), «Гофенунг» («Надежда») и других. В Калининдорфском еврейском национальном районе перед войной было не менее 7000 евреев, погибло около 5000. В некоторых районах евреев-земледельцев убили после того, как была закончена уборка урожая.

«Калманович Идл был в Зеленополе всеми уважаемый старый верующий еврей. Немцы расстелили на земле талес и приказали стать на него на колени. Старик отказался. Тогда сбрили его белоснежную бороду... бритвой содрали кожу с его лица и отрезали ему уши. Несмотря на ужасные муки, Калманович не просил пощады...»

В первом десятилетии девятнадцатого века были созданы в Херсонской губернии еврейские земледельческие поселения Бобровый Кут, Доброе, Израилевка, Сейдеменуха (в переводе с иврита «поле отдыха»), Нагартов («хорошая река») и Ефингарь («красивая река»). Бобровый Кут разрушили во время немецкой оккупации, его жителей уничтожили. Уничтожили и евреев Сейдеменухи – около 2000 человек. В Нагартове перед войной были три колхоза, сыроваренный завод, мельница, маслобойня, клуб, больница – 14 сентября 1941 года немцы и полицейские расстреляли 865 жителей Нагартова, в основном женщин, детей и стариков. В Ефингаре был еврейский колхоз, один из самых богатых в области; в сентябре 1941 года расстреляли всех евреев – 521 человек. После войны Ефингарь переименовали в Плющевку, евреев в селе уже не было, старое еврейское кладбище уничтожили; на памятнике, установленном на месте расстрела, не было указано, что в общей могиле лежат евреи.

Проскуров (Хмельницкий) на Украине – в октябре 1941 года каратели расстреляли не менее 8000 евреев; в ноябре 1942 года были уничтожены еще 8000 человек, последние евреи Проскурова и соседних местечек. (Для сравнения: 15 февраля 1919 года, во время Гражданской войны, казаки Запорожской казачьей бригады имени Петлюры вырезали саблями и пиками 1650 евреев Проскурова, вплоть до спящих грудных младенцев – «ради спасения Украины». Затем по команде атамана они построились и с песнями,

под музыку полкового оркестра, ушли из города. На другой день казаки отправились в соседнее местечко Фельштин, напутствуемые своим атаманом: «Жида хотят захватить Украину... Гуляйте, братцы, не щадите их!» В Фельштине казаки вырезали 485 человек.)

К весне 1942 года в Умани было уничтожено еврейское население города – около 17 000 человек. (В июне 1768 года гайдамаки вырезали в Умани около 20 000 евреев и поляков; из еврейского свидетельства об Уманской резне: «Убийцы топтали младенцев на глазах их матерей, живых детей вбивали на острия пик и с торжеством носили по улицам, как бы праздную победу...» Летом 1919 года банда атамана Н. Григорьева убила в Умани 550 евреев.)

Острог на Украине – в августе 1942 года были расстреляны около 3000 евреев; в последующих акциях уничтожили еще 6000. (В 1648 году казаки Б. Хмельницкого убили в городе 600 евреев; выжившие вернулись в свои жилища, и на следующий год казаки убили оставшихся – еще 300 человек. В живых остались трое. Колодцы были наполнены убитыми младенцами. Большую синагогу превратили в конюшню.)

Полонное на Украине – летом 1941 года почти все евреи, оставшиеся в городе, были уничтожены. (В 1648 году казаки Хмельницкого убили в Полонном всех евреев. Рабби Шимшон и триста стариков вошли в синагогу, надели на себя саваны и с молитвой встретили смерть.)

Т. Манн (сентябрь 1942 года): «В своей речи по радио Геббельс сказал: «Наша цель – уничтожить евреев. Победим ли мы или будем побеждены – мы должны достичь нашей цели, и мы ее достигнем...» Разумное существо не может понять хода мыслей этого источника зловоние мозга. Зачем? – спрашиваешь себя. Кому это нужно? Кто от этого выиграет? Станет кому-нибудь лучше, если евреи будут уничтожены?..»

Очерк пятьдесят первый

Конференция в Ванзее. Немецкое наступление летом 1942 года и уничтожение евреев захваченных территорий

1

Морозовск, РСФСР:

«Нас привели в камеру. Там было очень тесно. Мы все стояли. Под окном кричали: «Сейчас мы вас прикончим. Погодите...» Дети плакали. С некоторыми женщинами сделалась истерика...

Мой муж не говорил по-еврейски, он всю жизнь прожил на Дону, но здесь он вспомнил два слова: «Бридер идн» («Братья евреи»). Все насторожились, и муж сказал: «Мы должны умереть достойно – без слез, без криков. Мы не доставим этой радости палачам. Я вас умоляю, братья и сестры, молчите».

Наступила страшная тишина, даже дети притихли...»

2

Массовая ликвидация евреев Европы началась после нападения Германии на Советский Союз. Большинство исследователей считают, что решение о тотальном истреблении было принято нацистами к лету 1941 года. Не существует документа на этот счет, подписанного А. Гитлером, –

возможно, он отдал устное распоряжение, как это делал и в иных случаях. Выполняя волю фюрера, рейхсмаршал Г. Геринг приказал в июле того года подготовить проект подготовительных «мероприятий для проведения намечаемого окончательного решения еврейского вопроса». Так впервые появилось в документах это выражение – «окончательное решение еврейского вопроса», ответственным за которое Геринг назначил Р. Гейдриха, шефа Главного управления имперской безопасности. А. Эйхман, начальник еврейского отдела гестапо, сообщил на допросе в Израиле: «Меня вызвал Гейдрих. Я явился. И он сказал мне: «Фюрер приказал физически уничтожить евреев». Эту фразу он мне сказал...»

И далее, из допроса Эйхмана: «Окончательное решение... грубо говоря, убийство... это был приказ фюрера... Тогдашние правовые понятия, которые касались всех, гласили: слово фюрера имеет силу закона. Не только в этом случае, во всех случаях... Слово фюрера – закон».

В августе 1941 года Г. Гиммлер приехал в Минск и потребовал устроить для него показательный расстрел ста военнопленных. По всей видимости, этот метод уничтожения его не удовлетворил, и Гиммлер приказал коменданту лагеря Освенцим разработать способы скорейшей ликвидации огромного количества людей. Для этой цели специалисты порекомендовали «Циклон-Б» – синильную кислоту, которая превращается в газ при комнатной температуре и вызывает быструю остановку дыхания. В сентябре провели первый эксперимент – сотни советских военнопленных умертвили этим газом в закрытом помещении, после чего приступили к проектированию газовых камер для лагерей уничтожения. В то же время, в декабре 1941 года, нацисты впервые испытали в концлагере Хелмно особые автофургоны с герметически закрытыми кузовами. В небольших «душегубках» помещалось до 70 человек, которых убивали выхлопными газами из мотора, в крупных – до 150. Пока машина ехала к заранее вырытым могилам, узники погибали от удушья.

Машины, в которых удушали газом, назывались «геваген»; затем их усовершенствовали, кузов опрокидывался, сбрасывая тела, – «душегубки» получили название «гекнипваген».

20 января 1942 года в пригороде Берлина Гросс-Ванзее состоялось совещание под председательством Гейдриха, которое вошло в историю Катастрофы под названием «конференция в Ванзее». Заблаговременно разослали приглашения – непременно прибыть на встречу «ввиду исключительной важности вопросов и необходимости согласовать об-

щую точку зрения». Совещанию присвоили высшую, «государственную» категорию секретности. В нем участвовали высокопоставленные сотрудники различных министерств и ведомств, среди них – начальник гестапо Г. Мюллер и начальник еврейского отдела А. Эйхман; более половины присутствовавших обладали степенью доктора тех или иных наук.

Гейдрих заявил во вступительной речи, что отныне следует добиваться не эмиграции евреев из Европы, а их депортации на Восток для постепенной ликвидации. Встреча заняла менее двух часов и проходила в деловой непринужденной обстановке. Никто не возражал. Не сомневался. Не высказал ни единого слова протеста против уничтожения целого народа, лишь представитель Генерал-губернаторства (западных районов Польши) попросил, чтобы «окончательное решение» начали с их территорий. Даже министр юстиции был не против нарушения законов ради истребления «этих чуждых расовых элементов»: «Нет смысла держать их в тюрьмах и в других местах заключения... Передача этих людей в руки полиции, не связанной процедурой уголовного права, даст гораздо лучшие результаты». К тому времени Япония и Германия уже воевали с Соединенными штатами Америки. Война стала поистине мировой войной; можно было не считаться с общественным мнением в других странах, а потому подошла пора приступить к ликвидации европейского еврейства.

Сохранился протокол совещания в Ванзее, «секретный документ государственной важности», в котором сказано среди прочего: «Следует прочесать Европу с запада на восток... Евреев будут доставлять в так называемые транзитные гетто, чтобы оттуда перевозить дальше...» – «Евреи на востоке должны быть использованы под надлежащим надзором в качестве рабочей силы... мужчины и женщины порознь... Несомненно, что ббольшая их часть вымрет в результате естественной убыли. С теми евреями, которые выживут... придется обращаться соответствующим образом, так как, будучи наиболее здоровыми от природы людьми, они... могут стать зародышем нового еврейского возрождения (следует учесть исторический опыт)».

Участники встречи в Ванзее скрупулезно подсчитали все будущие жертвы – свыше 11 миллионов человек. Включили в список евреев Германии, Польши, Советского Союза; к евреям Франции добавили евреев французских колоний – Алжира, Туниса и Марокко; записали евреев нейтральных стран – Швеции, Швейцарии и Турции, учли евреев Италии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Испании – стран-союзниц Германии, отметили евреев Албании – всего-то их было 200 человек, не забыли евреев Англии и Ирландии – их следовало ликвидировать в будущем, когда немецкие войска вторгнутся на острова; евреи далекой Америки были пока не в счет, а потому не попали в список.

К январю 1942 года в СССР были уже уничтожены сотни тысяч евреев. А потому в списке 11 миллионов, подлежащих ликвидации, поместили «остатки» еврейского населения Прибалтики: «Латвия – 3500 евреев, Литва – 34 000, Эстония – нет».

Эйхман показал в Иерусалиме (1961 год): «К концу встречи обсуждали различные способы решения этого вопроса... методы убийства, ликвидации и искоренения... Официанты разносили лакры. Все были оживлены. Каждый говорил через головы других...» Гейдрих был настолько доволен результатами встречи, что даже попросил принести ему коньяк, хотя он обычно не пил в присутствии посторонних. «Ко всеобщей радости, – заявил он, – достигнута полная согласованность на счет практических мер по реализации окончательного решения».

Через месяц после совещания в Ванзее Геббельс записал в дневнике: «Фюрер еще раз потребовал беспощадно очистить Европу от евреев. И тут нет места сентиментальности... Мы не должны чувствовать по отношению к ним никакой жалости и сочувствия... Еврейский вопрос следует решить в общеевропейском масштабе». В 1942 году заработали на полную мощность лагеря уничтожения в Трешлинке, Белжеце, Собиборе, Майданеке, Освенциме.

3

Летом 1942 года немецкие войска начали наступление на юге Украины, продвинулись вперед на четыреста километров, и границы Третьего рейха расширились на востоке до самых дальних пределов. В июле–августе немцы заняли Воронеж, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Майкоп, Краснодар, вышли к Волге севернее Сталинграда, захватили на Северном Кавказе города-курорты Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки, Железноводск и Минеральные Воды. Началась вторая волна эвакуации советских граждан, уходили на восток жители Ростовской, Сталинградской и Воронежской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, эвакуировались с Керченского полуострова и из районов Северного Кавказа.

В тех местах находились десятки тысяч жителей Украины, Белоруссии, Молдавии, Крыма, а также Ленинграда и других городов страны, которые попали туда во время первой волны эвакуации 1941 года. Среди них было немало женщин, детей и стариков; быстрота передвижения немецких войск, нехватка транспорта, другие причины – возраст, болезни, недостаточная осведомленность о намерениях нацистов – не позволили многим из них снова стать беженцами и вовремя уйти от надвигающейся опасности.

«Кисловодск жил жизнью глубокого тыла. В городе было много эвакуированных, много беженцев... Немцы прорвались на Северный Кавказ внезапно... Началась эвакуация учреждений и санаториев. Но транспорта не было. Чтобы уехать, надо было получить пропуск, и люди задерживались из-за оформления бумаг...»

Во вновь захваченных районах действовали подразделения эйнзац-группы «D», которые, как правило, расстреливали евреев в первые недели оккупации, использовали «душегубки», смазывали детям губы ядовитыми веществами и кидали их во рвы. После взятия Ростова-на-Дону немцы издали «Воззвание к еврейскому населению»: «Чтобы защитить евреев от безответственных выступлений обозленных элементов, немецкое командование должно выселить их за город и тем самым облегчить их охрану». А это было уничтожение. «На углу Буденновского проспекта и Сенной улицы жила женщина – зубной врач с дочкой и внуком, которому было одиннадцать месяцев. Узнав о немецком приказе, женщины решили утопиться. Дочь и внук утонули, а бабушку спасли добрые люди. Обезумевшая, она прибежала в больницу, где прежде работала... умоляя впрыснуть ей морфий, так как за ней гонятся. Но «добрые люди», узнав, кого они спасли, позвали немцев. Из кабинета врача ее увели на казнь...»

11 августа 1942 года в Змиевой балке были убиты тысячи евреев Ростова-на-Дону, среди них оказались и евреи из первой волны эвакуации. «Одну партию вели голыми от зоологического сада до балки. С ними была красивая женщина, тоже голая, она вела за руку двух крохотных девочек с бантиками на голове. Несколько девушек шли, взявшись за руки, и что-то пели. Старик подошел к немцу и ударил его по лицу. Немец закричал, потом повалил старика и затоптал его...» – «Девочка кричала возле ямы: «Ой, дядечки, ой, тетечки, спасите меня! У меня мама русская, а папа еврей, – спасите меня!..» – «Местные жители видели, как ночью из ямы вышла голая женщина, сделала пару шагов и упала замертво. На следующий день газета «Голос Ростова», которую выпускали немцы, писала: «Воздух очистился...»

В Ростовской области уничтожили не менее 20 000 евреев, в Ставропольском крае – примерно 25 000, в Краснодарском крае – более 20 000. В станице Ладыжинской полицейский Птухин зарезал ножом пять евреев, в том числе молодую женщину с пятилетним сыном.

Ессентуки:

«Как только немцы вошли в Ессентуки, началась дикая антисемитская агитация – в листовках, плакатах, карикатурах. Населению начали

выдавать хлеб по 200 граммов на человека в день. Евреям хлеба не выдавали. На лавках появились надписи: «Евреям хлеба нет...»

«Когда вышел приказ о высылке евреев в «малозаселенные места», сестры Эфрусси и Мичник отравились, приняв большую дозу морфия. К сожалению, морфий не подействовал, они выжили... На долю этих несчастных женщин выпала смерть более ужасная, чем от морфия...»

«Ночь заключенные провели в школе. Здание оцепили. Дети плакали. Часовые пели песни...»

Кисловодск:

«Многие уже поняли, что это – приказ явиться на смерть. Доктор Виленский с женой и доктор Бугаевская отравились. Доктор Файнберг с женой и дочерью перерезали себе вены...» (Их отправили в больницу, вылечили, а затем расстреляли.)

«На товарной станции скопилось до двух тысяч евреев... Погрузка продолжалась. Пришел автомобиль с девятью маленькими девочками, взятыми из детского дома. Испуганные люди взволновались и зароптали: «Зачем маленьких детей отправляете?» Гестаповец ответил по-русски: «Если их не убить, то они будут потом большими...»

4

Из Кисловодска, Пятигорска и Ессентуков вывозили евреев в Минеральные Воды, и там, возле стометрового противотанкового рва, расстреляли не менее 6000 человек; в тот же ров сбрасывали трупы людей, умерщвленных в «душегубках». А. Толстой, писатель, член Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний, рассказал об этом на страницах газеты «Правда» (август 1943 года):

«На Северном Кавказе немцы убили всё еврейское население, в большинстве эвакуированное за время войны из Ленинграда, Одессы, Украины, Крыма. Здесь было много ученых, профессоров, врачей, вывезенных вместе с научными учреждениями...

Когда был объявлен «день переселения», евреи с величайшим облегчением собрались в указанных местах вместе с семьями, с багажом в двадцать килограммов на человека, с продовольствием на два дня. Ключи от квартир они оставили в домоуправлении – в приказе командующего армией им была гарантирована неприкосновенность их имущества. Один армянин рассказал мне, что в это утро он пришел на вокзал в Кисловодске: шумная и оживленная толпа грузилась в девятнадцать открытых и закрытых вагонов, двадцатый был для членов еврейского комитета...

К часу дня поезд, в котором находилось около тысячи восьмисот человек, проехал станцию Минеральные Воды, прошел на запасной путь и остановился у стекольного завода. «Вылезай, прыгай на землю!» – закричали немцы-конвоиры... Последовал приказ сдавать драгоценности. Торопливо снимали серьги, кольца, часы и бросали в пилотки охранников. Прошло еще минут десять. Подъехала штабная машина... «Раздеться всем догола...» Люди поняли, что сейчас – конец жизни, сейчас – казнь...

Охранники погнали толпу по полю аэродрома к противотанковому рву, отстоящему в километре от стекольного завода... Тех, кто пробовал бежать, убивали выстрелами. Автомобили кругами мчались по полю, из них стреляли по разбегающимся. Нелегко убить тысячу восьмисот человек; подогнав к противотанковому рву, их расстреливали от часу дня до вечера.

Ночью к этому рву стали подходить закрытые машины из города Ессентуки... 507 трудоспособных евреев и около полутора тысяч детей, стариков и старух... В Пятигорске точно так же две тысячи восьмисот евреев – взрослых и детей – были провокационно созваны для переселения, отвезены в машинах в Минеральные Воды, умерщвлены и свалены в противотанковый ров...»

Офицер зондеркоманды СС показал после войны: «Сколько всего было уничтожено – точно сказать не могу. Думаю – тысяч восемь, десять. Может быть, двенадцать...»

Из воспоминаний очевидцев:

«Каждый день в поле играла музыка, чтобы не было слышно, как истребляют народ. Всё «Рио-Риту» играли и еще один фокстрот – «Розамунда», очень популярный после войны... Под эту музыку стреляли у рва, и «душегубка» с утра до ночи кругами ходила по полю, дорогу там накатала...»

«Каждый день Тарасов с полицейскими возвращались со рва утомленные... ночи напролет пьянствовали в конторе, ругались, склеивали порванные деньги, делили вещи...»

«По ночам во рву выли собаки, какая-то старуха ходила снимать с мертвецов исподнее... Потом ров засыпали. А сверху прошлись, протюжили танками...»

5

В местечке Зиньков в Подолии было похоронено на кладбище много еврейских праведников; место считалось святым, и один из стариков сказал: «Всевышний не допустит нашей смерти».

Передовые немецкие части прошли через Зиньков, не задерживаясь. Евреи устроили для местных жителей обед в знак добрососедских отношений, но уже на другой день начались грабежи, дорожку к комендатуре выложили плитами с еврейского кладбища, а вскоре убили того старика, который верил, что Всевышний «не допустит» их смерти. В мае 1942 года расстреляли в лощине и оставили непогребенными первую группу евреев – потоки дождевой воды унесли с собой трупы. В августе загнали в фосфоритную шахту всех евреев Зинькова и окрестных местечек – 3500 человек, взрывом завалили вход; окрестные жители ушли из тех мест, чтобы не слышать криков и стонов из закупоренной шахты.

В Меджибоже в Подолии были похоронены на кладбище великие праведники, среди них основатель хасидизма Исраэль Баал Шем-Тов, и местные жители верили, что они защитят их от любой беды; так происходило прежде, когда беда обходила Меджибож стороной, – на это надеялись и теперь. Представители советской власти спешно эвакуировались, и порядок стали наводить местные жители; они устроили в кинотеатре общее собрание, на входе вывесили плакат: «Жидам, котам и собакам вход воспрещен». Нацисты собрали старейшин Меджибожа, заставили лечь в лужу лицом вниз, жандарм прошелся по их спинам, а затем старикам отрезали бороды, приказали петь и танцевать – так началось новое правление. Всех евреев поселили на нескольких улицах, огороженных колючей проволокой, по двадцать–тридцать человек в одной комнате – их имущество в опустевших домах растащили соседи.

Броня Халфина из Меджибожа: «Русановский карьер – самое страшное воспоминание того времени. Мы спускались в карьер, там была вода по колено, и целыми днями долбили кирками гранит, а потом на тачках тащили гранитные глыбы наверх. Это было ужасно. Десятки людей остались навечно под теми тачками...» – «Многие умирали прямо в гетто... Когда число умирающих увеличилось, стали хоронить возле домов. Так у порога дома похоронили мою сестричку Миреле...»

22 сентября 1942 года, в Йом-Кипур, около 1000 евреев Меджибожа погнали на расстрел в овраги возле реки; поиски скрывавшихся не прекращались всё время, их собирали группами на территории костела, а затем вывозили в овраги и уничтожали – всего погибло более 3000 евреев Меджибожа и окрестных местечек.

Местечко Любавичи в Белоруссии стало в начале девятнадцатого века центром хасидского движения «Хабад», а последователей цадика Дов Бера Шнеерсона, который там поселился, именовали любавичскими хасидами. В «Минской газете» времен оккупации называли Любавичи «святым городом Иеговы, раввинов и ритуальных убийств»; комендант местечка заявил, что еврейское население должно быть сурово наказано, и всех заключили в гетто. Молодых вскоре расстреляли; над старыми

уважаемыми жителями издевались, выдергивали по одному волосы из бороды, принуждали петь и танцевать на свитках Торы, устраивали публичные порки, а затем убили.

Хмельник, Украина (1941 год): «У стариков отрезали бороды и заставляли есть собственные волосы, петь «Интернационал» у памятника Ленину. Потом повели за город и всех расстреляли...»

Рав Авраам Гродзенский,
глава нешивы в Слободке
(Каунас).
Нацисты остригли
ему бороду

Минск (1941 год): «Подвыпившие немцы решили позабавиться. Они поймали старого еврея, подвели его к телеграфному столбу и заставили лезть наверх. Столб был гладким, скользким, и старик, конечно, не смог залезть. Тогда они вытащили кинжалы из ножен и стали его «подбадривать» снизу. Старик делал отчаянные рывки вверх, убегая от вонзившихся в него кинжалов, а затем упал окровавленный на мостовую. И всё это происходило под ликующий гогот толпы, которая собралась, чтобы посмотреть на это зрелище...»

Смоленская область (1941 год): «Запрягли дряхлого старика в телегу, уселись два толстых немца и стали погонять; они били его нагайками, гнали вдоль местечка. Бедняга напрягал все силы, глаза налились кровью, жилы на лбу, на шее и на теле вздулись... «Потеха» кончилась тем, что несчастного повесили на ракете, и муки его закончились...»

Литва (1941 год): «В Шпипишках... заставили стариков раздеться и, взявшись за руки, плясать вокруг костра, петь «Катюшу». Затем им палили и выщипывали бороды, избивали и снова заставляли плясать...»

Варакляны, Латвия (1941 год): «Особенно издевались над раввином Гродским. Его за бороду привязали к хвосту лошади, под свист и улюлюканье бандитов погнали на расстрел...»

Хмельник (1942 год): «В тюрьме водили в камеру, где стоял патефон, ставили пластинку «Фрейлахс», и под эту музыку надо было бегать вокруг стола, где стояли полицаи с резиновыми плетками и избивали до потери сознания...»

Свидетельства из разных мест: немцы и полицейские заставляли евреев ходить на четвереньках, ползать на животе по лужам, танцевать босиком на битом стекле, целовать обувь у мучителей, голыми руками чистить отхожие места, носить воду в дырявых ведрах – чтобы унижить, сломить перед неминуемым уничтожением...

Одесская область (1942 год): «Старику Фурману и восемнадцатилетней девушке Соне Кац было предложено танцевать, за это им обещали продлить жизнь. Но их жизнь длилась недолго – через два часа их повесили...»

Для сравнения – местечко Ладыжинка Киевской губернии (С. Гусев-Оренбургский, из «Книги о еврейских погромах на Украине в 1919 году»): «В горячее время уборки хлеба нельзя заниматься лишь резней, и крестьяне оставляли ладыжинских евреев в покое от восхода и до заката солнца, работая в поле. Но время от времени, когда хочется немножко поразвлечься, отдохнуть от работы, крестьяне посещают синагогу, где ютятся остатки ладыжинского недорезанного населения – изголодавшиеся евреи с застывшими от ужаса глазами, голые, грязные, многие в сыпнотифозном жару... Приказывают дряхлому, шамкающему еврею петь хасидские песни и проделывать гимнастические приемы. Протягивают ему грязную ногу в вонючей портянке: «Целуй». Выводят тифознобольного на улицу и велют плясать, ползать в грязи на четвереньках. Между прочим изнасилюют девочку-подростка, а иногда и дитя. Являются налетчики-бандиты из других мест, и крестьяне... угощают их «представлением»...»

На совещании в Ванзее обсуждали также вопросы, связанные с лицами «смешанного происхождения». Было решено:

1. «Лица смешанного происхождения первой степени (полуевреи) приравняются к евреям» (допускались некоторые исключения, например для лиц с «серьезными заслугами» перед государством, но в таких случаях их следовало подвергать стерилизации, «чтобы не допустить потомства»).

2. «Лица смешанного происхождения второй степени (евреи на одну четверть) в принципе приравняются к лицам немецкой крови». И в этом случае допускались исключения: лиц смешанного происхождения второй степени следовало приравнивать к евреям, а) если их родители также являлись лицами смешанного происхождения; б) если у лица смешанного происхождения второй степени «особенно неблагоприятная с расовой точки зрения внешность, которая делает его похожим на еврея»; в) если лицо смешанного происхождения «чувствует себя евреем и ведет себя как таковой».

Из «секретного документа государственной важности» об эксплуатации «душегубок»: «Я приказал, чтобы во время пуска газа обслуживающий персонал находился подальше от автомашины, иначе его здоровье может пострадать от газа, который иногда выходит наружу... Газ не всегда применяется правильным образом. Чтобы как можно скорее закончить работу, шофер нажимает на акселератор до отказа. Таким образом люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Мои указания привели к тому, что при правильной установке рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. При этом не приходится видеть искаженные лица и испражнения, как это было прежде... Доктор Беккер, унтерштурмфюрер СС».

Из воспоминаний: «Осенью 1942... в Баку скопилось много беженцев. В ожидании парохода для переправы через Каспийское море нам пришлось целый месяц провести на пристани, спать на земле... Во время перехода через Каспий начался шторм, людей на палубе смывало водой. Перегруженный танкер стал тонуть, многие погибли. Нас с братом отец привязал веревками к палубе. Три дня мы были без пищи и воды... Наконец на помощь прислали пароход, проложили трап и стали переводить людей с танкера. Во время перехода по трапу многие люди, истощенные голодом, особенно дети, падали в море, погибали целыми семьями. Пароход доставил нас в Красноводск, затем мы добрались до Фрунзе...»

Захватив Северный Кавказ, немцы столкнулись там с горскими евреями, которые говорили на татском языке, одеждой и обычаями практически не отличались от прочих народов Кавказа. Бургомистр города Нальчика, столицы Кабардино-Балкарии, помог горским

евреям; по его настоянию германское командование запросило мнение «специалистов» в Берлине, считать ли их евреями с расовой точки зрения, – к тому времени началось наступление советских войск, и горские евреи в районе Нальчика (3000 человек) остались живы. В районе Кисловодска и Пятигорска они разделили участь прочих евреев; в Ставропольском крае уничтожили всё население двух колхозов – 850 горских евреев с женщинами, детьми и стариками; в Северной Осетии, в районе Моздока, погибло около 1500 колхозников – горских евреев.

Часть одиннадцатая

**Создание гетто на оккупированных
территориях СССР. Жизнь в гетто.
Их ликвидация**

Очерк пятьдесят второй

Создание гетто и рабочих лагерей на оккупированных территориях. Львов. Витебск. Минск

1

Татьяна Шнайдер, рабочий лагерь на Украине:

«Жили мы в старых грязных сараях, спали на голой земле или на перегное, оставшемся от скота и свиней. Очищали и ремонтировали дорогу от Звенигородки до Лысянки. Валили лес, корчевали пни... Работали на каменном и песочном карьерах, плели щиты для снегозадержания, дробили щебенку, таскали каток вместо лошадей...»

Григорий Басовский, Звенигородский район:

«Поместили нас в свинарнике, спали на голой земле. Работали на строительстве дороги и в каменном карьере от зари до зари. Кормили один раз в сутки – давали какую-то баланду и сто граммов хлеба из проса. После возвращения с работы нас гоняли вокруг свинарника и избивали резиновыми палками... затем отбирали ослабевших и расстреливали...»

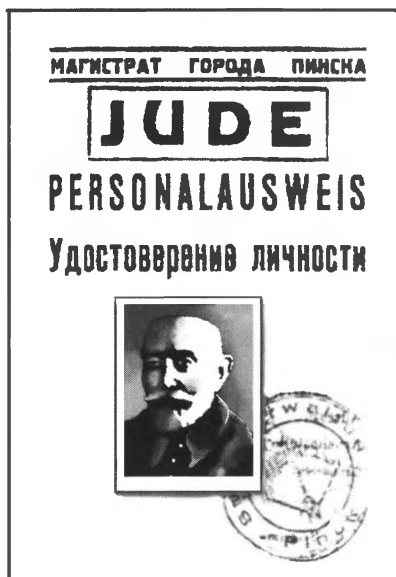
Клара Кановская, Могилев-Подольский:

«Мне повезло – я попала в сельхозартель... Снова полицейские били, снова непосильный труд, босая по снегу, единственное платье из мешковины; сирота надеялась на чудо – дожить до освобождения. Можно представить, как нужно было мне работать, чтобы хозяин фермы сказал полицейскому: «Не бейте ее. У нее чисто в свинарнике, как в церкви...»

Немцы заняли Брест в первый день войны. Вскоре произвели облаву на мужчин-евреев и расстреляли за городом несколько тысяч человек. «Кому удалось спрятаться, тот пожил еще год...»

Высшим органом гражданского управления на захваченных землях было Министерство по делам оккупированных территорий на Востоке во главе с А. Розенбергом. Учредили два рейхскомиссариата – «Остланд» с центром в Риге и «Украина» с центром в городе Ровно, которые подразделялись на более мелкие административные единицы. В состав рейхскомиссариата «Остланд» включили Латвию, Литву, Эстонию и западные районы Белоруссии; в рейхскомиссариат «Украина» вошли часть Белоруссии и территории Украины западнее Днепра. Восточную Галицию с городом Львовом присоединили к Генерал-губернаторству, созданному на территории Польши, а Белостокская область, части Брестской и Гродненской областей отошли к Восточной Пруссии.

Прифронтовая полоса оставалась под властью военной администрации – Восточная Белоруссия, районы Украины к востоку от Днепра и все территории РСФСР, захваченные германскими войсками. После занятия очередного города или деревни немецкая комендатура проводила перепись местного населения. Евреи подлежали регистрации с четырнадцатилетнего возраста, в некоторых местах с десяти, а то и с шести лет; после регистрации выдавали удостоверение личности, на его обложке помечали крупно, порой красным цветом – «JUDE», «J», «Ж» или «ЖИД».

Еврейское удостоверение личности. Пинск, 1941 год

Евреи не имели права менять место жительства, ходить по тротуарам, резать скот по еврейским законам, пользоваться общественным транспортом, телефоном, почтой и телеграфом, посещать парки, театры и кино-театры, площадки для игр, библиотеки и музеи; «особый приказ не разрешал евреям здороваться с неевреями». До переселения в гетто еврейское население получало хлеб в общих магазинах; во Львове им выдавали «вначале 120 граммов на человека в день, а затем 70 граммов... Евреи должны были дожидаться в стороне, пока не пройдет очередь «арийцев», и если в лавке еще оставался хлеб, его им отдавали. Не раз случалось, что их выгоняли из магазина с пустыми руками, плевали в них и били».

Вильнюс: «Евреи становились в очередь за хлебом вместе с нееврейским населением с пяти часов утра, и всюду тыкали в них пальцами, над ними измывались литовские полицейские. Евреек гнали из очереди палкой и кулаком...»

Еврейское население обязывали носить на одежде «ясно различимые опознавательные знаки»: «Появление на улице без отличительного знака карается смертью». Эти знаки были различными в зависимости от фантазии местной администрации – цветные шестиконечные звезды, пришитые на спине и на груди, белые шестиконечные звезды, хорошо видимые издали, желтые кружки на груди и на плечах с буквой «J» («Jude»), белые или желтые нашивки на груди, спине и на левом колене, черные или белые нарукавные повязки, – но наказание за невыполнение приказа оставалось неизменным. (В Витебске евреев заставили носить желтые нашивки на правом плече, спереди и сзади; местное население называло эти знаки «орден Ленина – орден Сталина».)

Ношение отличительных знаков было обязательным и для подростков; в некоторых местах оно распространялось даже на детей трех-пятилетнего возраста, – теперь уже любого еврея можно было выделить на улице, даже если он и не обладал характерной внешностью. «Матери плакали, прикрепляя эти знаки на одежды своих детей... Тогда это произвело огромное впечатление и считалось страшным унижением – мы еще не знали, какие ужасы нас ожидают...» Затем стали требовать, чтобы на одежду прикрепляли нашивки разных цветов для отличия мужчин и женщин, занятых на работах, от членов их семей; появились и нашивки белого цвета с указанием номера дома, в котором жил данный обитатель гетто. «Одного били за то, что нашивка больше, чем указано, других били за то, что нашивка меньше... Нельзя было по городу пройти – кругом полиция, как бешеные собаки, гоняются с палками и бьют безжалостно кого попало».

Тринадцатилетний Даниил Кловский из Гродно на всю жизнь запомнил тот день, когда впервые вышел на улицу с отличительным знаком:

«Я шел, пригнув голову, съезжившись. Было такое ощущение, что я стал меньше ростом. Было постоянное состояние страха, готовности снести любую обиду... До сих пор помню слова, сказанные кем-то отцу злорадным тоном: «Ну что? Вот вам ваша «кипучая, могучая»...»

«Я долго не мог надеть знак. Мне было тошно, словно на мне сидели две лягушки...» – «Мне никогда не было стыдно ходить со звездой Давида. Нацистам так и не удалось заставить меня стыдиться того, что мы евреи...» – «Пусть стыдно будет тем, кто нацепил их на нас...»

3

С первых дней оккупации началось массовое уничтожение еврейского населения. В зоне военной администрации – в деревнях, местечках и небольших городках – на это хватало одной-двух карательных акций, в более крупных городах ликвидация занимала порой два-три месяца. Для этого устраивали временные гетто, промежуточные места сбора, в которые переселяли евреев перед неминуемым уничтожением, – к концу 1941 года эти гетто и их обитатели почти везде перестали существовать. В декабре того года Геббельс с беспокойством записал в дневнике: «Если мы убьем всех евреев, уничтожим военнопленных и позволим значительной части населения крупных городов умереть от голода, а в следующем году сократим также сельское население, кто будет производить для нас всё необходимое?..»

После германского поражения под Москвой война приняла затяжной характер; немцам требовалась рабочая сила для прокладки дорог в тылу и прочих целей, требовались и специалисты для работы на военных предприятиях. Из Прибалтики докладывали в Берлин: «Полное истребление евреев – во всяком случае, в настоящее время – невозможно, так как бóльшая часть ремесел Литвы и Латвии находится в руках евреев, а некоторые ремесленники – стекольщики, водопроводчики, печники, сапожники – представлены исключительно евреями. Ремесленники-евреи необходимы теперь для восстановления разрушенных городов и для нужд армии».

Сразу же начался спор между руководителями СС, настаивавшими на скорейшем истреблении евреев, и гражданской администрацией, которая желала их использовать на многочисленных работах и жаловалась на то, что «чрезмерное» уничтожение еврейского населения наносит удар по местной экономике: «Без ремесленников-евреев просто невозможно обойтись... Сегодня трудно избавиться от них полностью, ибо через день-

два остановятся предприятия, а мы этого не хотим...» – «Девяносто процентов ремесленников Галиции – это евреи... Немедленное удаление этих работников противоречит интересам военного хозяйства...» – «Я настоятельно требую прекратить ликвидацию евреев, которые используются как квалифицированная рабочая сила на военных предприятиях и которых пока что невозможно заменить местными жителями...»

Это и определяло судьбу еврейского населения в зоне гражданской администрации: одних собирали в определенном месте на недолгий срок и уничтожали «без ущерба для экономического положения», а другим временно сохраняли жизнь. По этой причине были созданы гетто и рабочие лагеря – от мелких, которые существовали малое время, а затем всех евреев убивали после выполненной работы, до крупных гетто и лагерей для длительного использования специалистов и рабочей силы.

«В апреле 1942 года в Шполе осталось тринадцать евреев-специалистов (бондарь, несколько портных и кузнецов), которых сохранили в силу необходимости, по просьбе населения. В 1943 году их расстреляли...»

Городок Корец, Украина: «Самой страшной для нас стала зима 1941–1942 годов. В квартирах на стенах был слой льда, люди месяцами не умывались, их заедали вши... Каждую ночь десятки несчастных умирали от невыносимого холода и голода. Мертвецы лежали в сараях, на крыльце. Постепенно их свозили на кладбище и хоронили в одной могиле... Как ни страшно было умирать, но живые завидовали мертвым, для которых окончились их мучения...»

В рабочие лагеря постоянно поступало пополнение взамен расстрелянных, обмороженных, погибших от истощения, болезней, непосильного труда по двенадцать–четырнадцать часов в день. В гетто сгоняли местное еврейское население, где жили в унижении и погибали в отчаянии; туда же привозили уцелевших и выловленных евреев из окрестных городков и местечек. «Были здесь мужья, потерявшие своих жен, были жены без мужей, были мужья и жены, которые расстались во время резни, а теперь встретились в гетто и спрашивали друг у друга, что стало с их детьми. Были одинокие мальчики и девочки, потерявшие своих родителей, были грудные дети, которых находили в лесах под кустами и привозили в гетто...»

Исследователи подсчитали, что на оккупированных территориях СССР было создано более 800 гетто и рабочих лагерей с разным количеством узников и с разными сроками существования. Половина из них пришлась на Украину, где в годы оккупации оказалось наибольшее количество евреев, не сумевших или не пожелавших эвакуироваться.

Из «Указаний к разрешению еврейского вопроса» рейхсминистра А. Розенберга: «Первой основной целью... должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения... Все права на свободу следует отнимать у евреев и помещать их в гетто...»

Немецкие войска вошли во Львов на девятый день боевых действий; вместе с ними появился в городе украинский батальон «Нахтигаль» («Соловей»), сформированный перед началом войны. «Началась облава на евреев. Местные фашисты в сопровождении эсэсовцев вытаскивали их из квартир и отводили во львовские тюрьмы и казармы. У входа на сборный пункт срывали одежду, забирали ценные вещи и деньги...» – «Евреев строили в ряд и заставляли бить друг друга. Когда эсэсовцам казалось, что удары слишком слабы, они вытаскивали намеченную жертву из рядов и показывали, как надо бить насмерть...»

Вскоре комендатура потребовала, чтобы евреи Львова в кратчайший срок заплатили контрибуцию – 20 миллионов рублей на восстановление районов, разрушенных во время военных действий. Арестовали многих заложников, уважаемых евреев города, которых грозили расстрелять за неуплату; контрибуцию удалось внести с трудом, продавая по бросовым ценам мебель, одежду, обручальные кольца и субботние подсвечники, – но заложники так и не вернулись домой.

В первые недели оккупации со старых еврейских кладбищ вывозили памятники и использовали их для мощения дорог и тротуаров; были разрушены и сожжены во Львове многие дома молитв, в том числе «Золотая Роза», легендарная синагога Нахмановичей конца шестнадцатого века. Затем всех евреев Львова и беженцев из окрестных районов согнали в гетто, которое оказалось самым крупным на территории СССР. Оно насчитывало около 150 000 человек, разместившихся в невероятной тесноте в домах, сараях, складских помещениях без воды, электричества и канализации.

На Яновской улице Львова создали рабочий лагерь, который прославился своим жестоким режимом. Его огородили двумя рядами колючей проволоки со сторожевыми вышками, на которых дежурили эсэсовцы и украинские полицейские; загнали туда тысячи евреев и выдавали в день на человека 175 граммов хлеба, миску жидкого супа, кружку эрзац-кофе без сахара. За любую провинность узники Яновского лагеря получали до пятидесяти ударов хлыстом по голому телу, после чего должны были сразу же вернуться в строй, – не выдержавшего экзекуцию немедленно уничтожали. На территории лагеря проложили дорогу, замощенную обломками могильных плит с еврейского кладбища и острыми неотесан-

ными камнями. Голодных, изможденных узников заставляли бегать по этим камням, чтобы проверить их пригодность к работе; у многих не хватало сил добежать до конца дороги – таких «отбраковывали» и убивали. Ежедневно погибали от тифа десятки человек; взамен умерших, повешенных и расстрелянных пригоняли новых рабочих из львовского гетто.

В 1942 году, во время карательных акций, львовских евреев убивали в окрестностях города и вывозили в лагерь смерти Белжец на территории Польши, где их уничтожали в газовых камерах. Территория гетто во Львове постоянно сокращалась; в августовской акции погибло около 60 000 человек, а в декабре гетто превратили в рабочий «Judenlager».

«Judenlager» окружили сплошным забором, на котором поместили объявления: «Особая зона! Не подходить!», «За забором тиф!», «Опасно! За забором – смерть!»

В Белостоке огородили забором с колючей проволокой часть городской территории и загнали туда не менее 50 000 евреев. В двух гетто Гродно оказалось около 20 000 жителей города, к которым добавили евреев из окрестных городов и местечек. «Гетто – это голод, это унижительный гнет, это расстрелы, виселицы, массовые убийства. Люди были во власти полного произвола... На воротах гетто висело объявление, что вносить продукты нельзя. За обнаружение любого, хотя бы самого незначительного количества продуктов – расстрел...»

В Витебске немцы потребовали, чтобы еврейское население собралось на правом берегу Западной Двины, делившей город на две части. Мост через реку был разрушен отступавшими советскими войсками, через понтонный мост евреев не пропускали – владельцы лодок и плотов перевозили за плату на другую сторону. На середине реки немцы для потехи переворачивали лодки с людьми и имуществом; дети, пожилые люди, не умеющие плавать тонули – по примерным оценкам, погибло в реке около 300 человек. Евреев Витебска собрали в гетто посреди разрушенных домов; люди теснились в здании бывшего клуба, устраивали шалаши, «жили под навесом, в конурах из кирпичей и жести... для уращения публично расстреляли на улицах 27 евреев, не явившихся на работу».

Гетто просуществовало малое время – в город прибыл карательный отряд эйнзацгруппы «В». В августе–сентябре расстреливали в основном мужчин; остальных уничтожили в октябре 1941 года из-за «опасности эпидемии» – убивали местные полицейские, а немцы охраняли место казни. В октябрьской акции погибло более 7000 человек, оставшихся в живых уничтожили в ноябре–декабре того же года.

М. Шагал, из статьи о Витебске: «Когда я услышал, что беда стоит у твоих ворот, я представил себе такую страшную картину: враг лезет в мой дом, в мой двор на Покровской улице... Мало ему было города на моих картинах, которые он искромсал, – теперь он пришел жечь мой дом... В твоём сердце, мой город, бьется и обливается кровавыми слезами мое сердце».

5

Через несколько дней после начала боевых действий руководители партии и правительства Белоруссии тайно покинули Минск, не объявив даже об эвакуации населения. Немцы захватили столицу республики на седьмой день войны, а вскоре командование СС уже докладывало в Берлин: «В Минске ликвидированы все слои еврейской интеллигенции (учителя, профессора, адвокаты и т. п., кроме медработников)... Инсценировать погромы против евреев до сих пор оказалось невозможным из-за пассивности белорусов».

К началу августа всех евреев загнали в гетто, где оказалось не менее 80 000 человек, – минское гетто было одним из самых крупных на территории СССР. Проводили облавы, хватали мужчин, увозили без возврата, и вскоре подошел день первого массового уничтожения.

Анатолий Рубин, Минск:

«Первая акция в гетто состоялась 7 ноября 1941 года... Людей выгоняли из домов в том виде, в каком заставляли; застигнутых в постели выгоняли в белье, в ночных рубашках, босиком. При малейшей заминке сразу же расстреливали на месте; тех, кто не мог идти, тут же приканчивали... Улица была усеяна трупами. Стоял душераздирающий крик матерей, у которых вырывали детишек из рук, чтобы бросить их в машины...

К вечеру «работа» была в основном закончена. Но кварталы еще оставались оцепленными, так как продолжали выискивать спрятавшихся и, кроме того, грабили всё ценное, что находили. Грабеж этот проходил поэтапно. Вначале грабили немцы и их приближенные из местных полицаев, затем уже рядовые полицаи забирали всё, что представляло для них какую-нибудь ценность. Потом оцепление снималось, и туда волной врвалась толпа, которая набрасывалась на имущество несчастных, как голодные волки на свою жертву... Выламывали и уносили из дома всё, что можно было выломать и унести, – и двери, и окна, а если дом был деревянный, то его просто разбирали по бревнам... Интересно, что местное население узнавало на несколько дней раньше через своих родных и полицаев о том, что состоится акция. К ее началу они уже находи-

лись во втором эшелоне и кружили, как черное воронье, ожидая, когда убьют жертву...

Крестьяне из пригородных деревень дежурили в прилегающих к гетто кварталах и только ждали подходящего момента, чтобы подчистить то, что осталось от немцев и полицаев... В первые дни после акции им не позволяли заходить в гетто. Но у многих страсть к легкой наживе была столь велика, что они, не считаясь ни с запретом, ни с опасностью для жизни, пытались перебежать на запретную сторону и проникнуть в один из домов, а там, набив мешки вещами, вновь перебежали на свою сторону. Но многих из них настигала немецкая пуля, и они оставались лежать посреди улицы, сжимая в предсмертных судорогах награбленное добро...

Началось постепенное уничтожение минского гетто. Жертвы уводили и увозили за город в район Тучинки, где заранее были вырыты огромные рвы...»

«Люди, жившие в деревнях неподалеку, потом рассказывали, что первое время после расстрела земля еще дышала – раненые двигались. Скопившаяся кровь местами была из-под земли ключом. Даже неверующие люди в этих деревнях начинали креститься...»

В 1941 году еще не ввели в действие лагеря смерти – Освенцим, Майданек, Трешлинку и другие, а потому евреев из Третьего рейха отправляли в Ригу, Каунас, Минск. Первую партию из Гамбурга привезли в минское гетто в ноябре того года, когда освободилась территория после первой акции массового уничтожения, – эшелоны с европейскими евреями приходили затем регулярно, один за другим. Большинство прибывших немедленно уничтожали в Малом Тростянце неподалеку от Минска, сохраняли на время лишь специалистов и квалифицированных рабочих, которые жили в «зондергетто», отделенном колючей проволокой от остальной территории минского гетто. «Помню, как они колонной плелись с вокзала... На многих сохранились остатки прежнего лоска – добротная, хотя уже изрядно потрепанная одежда. Кожаные чемоданы, набитые разрешенными килограммами, они волокли по земле, привязав веревкой или поясом. Их положение было еще хуже нашего, так как они, не зная русского языка и не имея знакомых среди местных жителей, не могли менять свои пожитки на хлеб».

Германское командование докладывало: «Немецкие евреи проявляют старание в работе... Они верят, что после победоносного окончания войны снова будут возвращены в рейх... Необходимо поддерживать их веру».

Из очередного немецкого документа о транспортировке евреев в Минск из Кельна, Кенигсберга, Вены, Терезина: количество людей в шестнадцати поездах – 15 002, уничтожено сразу по прибытии – 13 500.

Анатолий Рубин:

«В июле 1942 года, когда рабочие колонны ушли на работу, в гетто началась самая продолжительная резня, которая продолжалась четверо суток... Немцы и полицаи шарили с собаками по всем квартирам, чердакам и подвалам. Все места, которые казались им подозрительными, в которых могли спрятаться люди, они взрывали гранатами. Многих пристреливали на месте. По улицам текли ручьи крови. Даже любимая собака начальника гетто Готтенбаха... опилась кровью, взбесилась, и он вынужден был ее пристрелить. В больницах всех больных перерезали. Детские дома были уничтожены... Гетто сразу опустело, люди сложились, атмосфера стала еще более гнетущей...»

К осени 1942 года в минском гетто оставалось не более 9000 человек.

6

Шмуэль Кугель, местечко Плещеницы Минской области:

«С утра полицейские обходили еврейские дома и выгоняли всех в поле. Тех, кто шел медленно, подгоняли нагайками. В поле отобрали ремесленников – сапожников, портных, кузнецов – и вернули в местечко. В эту группу попали и мы с женой, но всю нашу семью из восьми душ – дочерей и внучек – посадили на телеги и увезли. Мы не смогли даже попрощаться, обнять их в последний раз...»

В местечке царил гробовая тишина. Жена металась по пустым комнатам, точно думая найти кого-то из своих детей. Книги, карты, музыкальные инструменты – всё было на старых местах, но детей не было. Она стала рвать на себе волосы, упала без чувств...

Прошло недели три... Я возвращался с работы с четырьмя евреями. Возле местечка нас предупредили: «Бегите в лес. Забирают оставшихся евреев». Я хотел бежать домой, чтобы спасти жену или погибнуть вместе с ней. Спутники меня не пустили и увлекли за собой в лес. Немцы стреляли в нас, но не попали. Я не мог поспеть за молодыми, сел на опушке и просидел под холодным дождем до темноты. Ночью я пробрался к себе. Я надеялся, что жена спряталась где-нибудь возле дома и ждет меня. Но я никого не увидел, и хата была заперта на чужой, не наш замок...

Шел дождь, у меня не было ничего теплого. Я нашел только большой мешок, накинул его на голову, взял в руки посох странника и, ос-

тавив родину и дом, последним из местечковых евреев ушел в темную ночь...»

А. Розенберг – родился в Российской империи, в городе Ревеле, учился архитектуре в университетах Риги и Москвы; с 1918 года в Германии, ведущий идеолог нацистской партии, теоретик «восточной политики», автор книги «Миф двадцатого века». Розенберг обвинял евреев во всех бедствиях, начиная с падения Рима и до событий Первой мировой войны; он провозглашал: «Должна быть установлена диктатура людей высшего порядка над людьми низшего порядка». С 1941 года Розенберг – рейхсминистр восточных территорий; из его директив: «Следует проследить, чтобы ввели суровые меры, которые бы запрещали смешение крови между евреями и остальным населением». Осужден международным трибуналом в Нюрнберге, повешен в 1946 году.

Из отчета коменданта города Слонима, Белоруссия: «Акция, проведенная 13 ноября 1941 года, освободила меня от лишних ртов. Около 7000 евреев... привлечены к работе. Работают они усердно из-за постоянного страха смерти... Я заставляю еврейских специалистов обучать своему ремеслу сообразительных учеников, чтобы затем можно было в этих профессиях обойтись без евреев и их ликвидировать».

Из распоряжения минской районной управы (1941 год): «Исходя из того, что колхоз «Новоселки» не имеет своего кузнеца-белоруса, районная управа не возражает, чтобы жид Черный Ицка временно был использован в качестве кузнеца в вышеуказанном колхозе».

Из разъяснения командира СС магистрату города Бреста (1941 год): «На устный запрос сообщаем, что лица еврейского происхождения, независимо от вероисповедания (римско-католического, греко-католического, православного), считаются евреями. Все предписания, касающиеся евреев, распространяются на этих лиц».

Комендант Яновского лагеря Г. Вильхаус в день рождения своей дочери стрелял с балкона в узников лагеря, чтобы доставить удовольствие имениннице; у Отилии, его жены, был свой пистолет, которым она иногда пользовалась. Заместитель коменданта Яновского лагеря В. Рокита убивал заключенного, а затем закуривал

папиросу и говорил: «Я добр с вами, но вы меня злите. Смотрите, что вы заставляете меня делать». Офицер СС Ф. Гебауэр по кличке Душитель убивал евреев руками; он же приказал поместить в бочки с водой пятерых заключенных – на улице было более двадцати градусов мороза, и они вскоре замерзли. Битнер любил избивать молодых женщин. Хан натравливал собаку на голых людей. Байер убивал узников дубиной. Бывший цирковой артист Фукс стрелял в заключенных, стараясь попасть в выбранную заранее часть тела. Однорукий Монс избивал их деревянным протезом. Сержант СС Хайнен полагал, что «пуля, предназначенная кому-то, не должна оставаться в стволе» – это может принести несчастье владельцу винтовки, а потому часто убивал евреев, которые попадались ему на глаза.

Один из выживших узников назвал Яновский лагерь «университетом насилия». Там проходили практику многие эсэсовцы; затем они разъезжались по другим лагерям и переносили туда методы обращения с заключенными.

На территории РСФСР существовало несколько десятков гетто, в том числе в Пскове, Великих Луках, Смоленске, Калуге, Орле. Количество узников в этих гетто составляло от десятков до сотен человек, и просуществовали они малое время. В Смоленске работавшим выдавали в день по 200 граммов хлеба, а остальные жители гетто ничего не получали. На вопрос: «Как же нам кормить наши семьи?», комендант города ответил, что такие мелочи его не интересуют.

Из допроса бывшего начальника жандармерии в Орше (Белоруссия). Вопрос: «Сколько месяцев еврейское население содержалось в гетто?» Ответ: «Три месяца». Вопрос: «Какова дальнейшая их судьба?» Ответ: «Они были расстреляны». Вопрос: «В чем они обвинялись?» Ответ: «Ни в чем».

душных дворики?.. Я хочу крикнуть времени, чтобы оно остановилось, не бежало. Я хочу взять обратно мой прошлый год и сохранить его на потом, для новой жизни.

Второе мое ощущение сегодня – это сила и надежда. Я не чувствую ни малейшего отчаяния. Мне исполнилось пятнадцать лет, и я живу с верой в будущее. Я не сомневаюсь в нем и вижу перед собой солнце, солнце и солнце...»

Ицхак Рудашевский погиб в сентябре 1943 года, во время окончательной ликвидации гетто Вильнюса. Последние слова в его дневнике: «Может быть, мы обречены на самое худшее...»

2

С октября 1941 года евреев Риги согнали на окраину города, где они разместились в невероятной тесноте, и местная газета на латышском языке сообщила: «Рижское гетто – 30 000 жидов за колючей проволокой». Из воспоминаний: «Наконец гетто закрыли. Официально заявлено, что вся связь с внешним миром прекращается. При разговоре или передаче чего-либо через проволоку постовые будут стрелять... На следующий день после закрытия гетто поймали в городе еврейского парня, ночевавшего у своей подруги-христианки. Его привели в гетто и расстреляли... Для острастки труп не убрали».

В ноябре рижское гетто разделили на две части: в «малое гетто» попали работоспособные мужчины и женщины, а в «большом гетто» начали уничтожение его жителей. Массовые карательные акции проходили с 30 ноября до 8 декабря 1941 года. Большинство обитателей гетто вывезли на железнодорожную станцию Румбула недалеко от Риги – там были заранее приготовлены гигантские могилы. По немецким документам, во время этих акций были расстреляны до 28 000 человек, включая 922 еврея, привезенных на поезде из Берлина. В еврейском доме сирот находились больные дети – их уничтожили без применения огнестрельного оружия.

Около 4500 человек оставили в живых; это были специалисты, которые жили в рабочем лагере «малого гетто», но и там время от времени проводили облавы, загоняли людей в автобусы и увозили на расстрел. В Ригу привозили евреев из Германии, Австрии и Чехии – большинство из них уничтожали в Румбуле сразу после прибытия, а остальных размещали в «большом гетто», опустевшем после уничтожения рижских евреев.

«У ворот гетто... как статуя, стоит красавец-офицер, новый помощник коменданта гетто. Он красив. Такие глаза, как у него, редко встре-

тишь, но это не человеческие глаза, а просто органы зрения. Они как светлое прозрачное стекло, как мертвый красивый камень. В них нет ни злобы, ни скуки, ни любви, ни ненависти; они видят, но ничего не выражают. Искать жалости, пощады в этих глазах так же безнадежно, как заставить их смеяться...»

Кроме Риги на территории Латвии оставалось еще два гетто. В Даугавпилсе к концу 1941 года, после карательных акций, было не более 1000 евреев, которых разместили в старом здании: «Немцы говорили, что оно не годится и для лошадей. Доктор Гуревич сказал, что дети не проживут здесь больше двух месяцев. Но дети прожили дольше...»

Гетто в Лиепаве насчитывало более 800 человек; во всех остальных городах и деревнях Латвии еврейское население было уничтожено.

В Вильнюсе к началу оккупации находилось более 50 000 евреев, отрезанных от прочего мира. Ружка Корчак: «Вильнюс жил своим горем, своими событиями и слухами в полном неведении о том, что творится за его пределами...» – «Немцы в Вильнюсе уже два месяца, уже увезены неизвестно куда тысячи людей, как правило, молодые, здоровые мужчины; в массовых могилах уже покоятся тысячи убитых, а оставшиеся в живых еще верят, что евреев отправляют в «арbeitsлагер» – ведь на востоке нужны рабочие руки...» – «Правда еще неизвестна живым. И они жадно ловят слухи, что ни день, то новые... Теперь по городу ходит слух, что евреев запрут в гетто...»

В сентябре 1941 года в Вильнюсе создали два гетто: «Посреди ночи литовцы выгоняют евреев из квартир... пинают и понукают, как бессловесное стадо. На улицах – сумятица, неразбериха; старики, дети, калек... младенцы в колясках. Люди покидают дома, в которых они родились, росли, страдали и радовались, и уходят в неизвестность. От всего нажитого им оставлен закинутый за спину жалкий узел...» – «Остатки мебели и вещей поручают знакомым, соседям, дворникам, обещая за сохранность хорошую плату. Те, разумеется, всё забирают. «Вещи останутся вашими, – приговаривают они. – У нас надежно». Каждый из них выражает свое сочувствие, каждый не может скрыть нетерпения – поскорее отделаться от бывших соседей, не может скрыть жадной дрожи в руках, хватающих еврейские вещи».

В Судный день 1941 года первые партии обреченных из «малого гетто» погнали на расстрел в Понары, неподалеку от Вильнюса, и к концу октября оно перестало существовать. «Гетто, куда в день его создания согнали 11 000 евреев, теперь пусто. Чудом спасшиеся одиночки пробираются всеми возможными и невозможными путями в «большое гетто»,

единственное для них убежище. Пробираются через печные трубы, через подземелья, чтобы, добравшись, снова скрываться: ведь они – нелегалы».

Началась жизнь в «большом гетто», прерываемая время от времени карательными акциями и слухами о том, что «в Понарах снова копают рвы». Огороженная территория постепенно пустела, не было такой семьи, которая не оплакивала бы своих близких. «На улицах уже не встретить старика, бредущего своей дорогой, опираясь на палку, или старушку, продающую сигареты на углу. Остался только один – старый виленский попрошайка, калека с парализованными ногами. Дважды забирали его, но так как никто за ним не присматривал (без ног – не удержит), он дважды уползал на животе и спасался. Спасся он и на сей раз – наш единственный «шнорер», единственный попрошайка во всем еврейском Вильно».

К весне 1942 года в «большом гетто» Вильнюса оставалось в живых около 15 000 человек.

«Особенно много безумных появилось после массовых расстрелов... Всех сошедших с ума немцы забирают и немедленно уничтожают...» – «Всего страшнее участь маленьких детей... совершенно одиноких, каким-то чудом уцелевших в этом море смерти...»

Авраам Суцкевер (гетто Вильнюса): «Явился Швайнбергер с засученными, как у мясника, рукавами, с нагайкой в руке... Он высок, элегантен, у него нежная, как у девушки, кожа... Швайнбергер крайне чувствителен. Услышав однажды, как еврейская женщина пела за работой, он подарил ей золотую брошь, только что снятую с убитой: «Ваш голос довел меня до слез», – сказал он...»

3

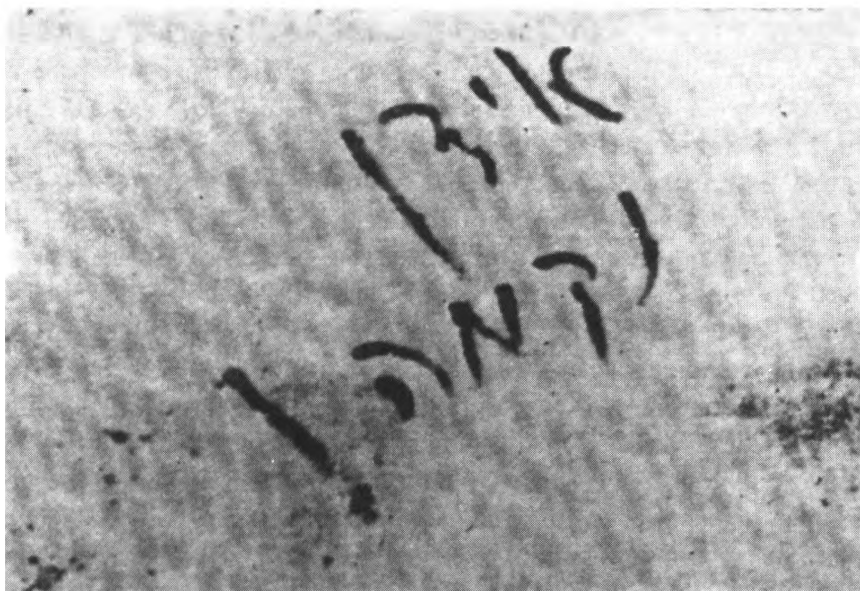
После прихода немцев евреям Каунаса «запретили ходить по тротуарам, ездить на автомашинах, автобусах и велосипедах, торговать в магазинах и на базарах, разговаривать с местным населением, въезжать в город и выезжать из города, посещать рестораны, театры, кино, школы и университеты. Еврей, появившийся на улице без желтого «магендавида» на груди и на спине, подлежал расстрелу...» – «Наконец объявили, что до 15 августа все евреи обязаны переехать в Слободку – на окраине города, за Неманом...»

Слободка была центром еврейского религиозного образования. Молодежь обучалась там в иешивах; там располагалась и знаменитая Сло-

бодкинская иешива, в которую стремились попасть многие, там же поселились евреи, желавшие находиться в атмосфере благочестия и неуклонного исполнения заповедей. Местные жители разрушили в Слободке синагоги, уничтожили свитки Торы, убили раввинов, учеников иешив и еврейские семьи, которые жили в том районе. После этого евреев Каунаса согнали в Слободку, создали гетто и огородили его под предлогом защиты от «гнева» окружающего населения.

Из первых впечатлений девочки, попавшей в гетто: «Тут и там стены Слободки были заляпаны ярко-красными пятнами. Мне это понравилось – красный цвет был моим любимым. Помню, я попыталась поделиться своей радостью с родителями: «Смотрите, как красиво разрисовано...» Никто не сказал мне ни слова. Я всё поняла сама. Это была человеческая кровь...»

Вскоре объявили, что «для студентов и людей с высшим образованием выделены специальные рабочие места... Сотни молодых людей собрались на площади – в надежде на работу, которая даст возможность поддержать родителей... Всех до единого их расстреляли из пулеметов...»

Надпись кровью на стене в Слободке:
«Иди, неcome!» («Евреи, отомстите!») 1941 год

Из дневника Е. Бувидайте-Куторгене (Каунас, 1941 год):

«12 августа. Сегодня я была в гетто... у знакомых врачей. В одной комнатухе в восемь квадратных метров живут две семьи... Понимают,

что они обречены... Работы нет, еды нет, света нет, топлива нет, книг нет... И ожидание неминуемой смерти!..

8 сентября. В гетто каждый день убивают... Ходят упорные слухи, что до октября все евреи будут уничтожены; в провинции уже убили всех женщин и детей. Страшно!

2 октября. Их гонят в ямы, заранее уже вырытые, в ямы, на дне которых стоит холодная осенняя вода. Окрестные жители уверяют, что на другой день после массовой казни земля еще слегка колыхнется, вздрагивает, стонет...

30 октября. В ямы прежде всего бросали детей. Все убийцы были пьяны. Немецкий солдат-очевидец сказал моему знакомому, что он написал своей жене-католичке: «Вчера я убедился – Бога нет. Если бы Он был, то не мог бы допустить того, что свершилось...»

«15 декабря. Зашла сегодня к коллеге; у нее тепло, уютно, за красивым чайным столом сидят гости... Как ни в чем не бывало, разговаривают о модах, портнихах, завивке и тому подобном...»

Труди Биргер:

«Самая жестокая и массовая акция в Каунасе состоялась 28 октября 1941 года... Стоял пронизывающий холод. Нас построили в колонны, а затем нацисты заставили всех пройти мимо немецкого офицера, стоявшего в совершенном одиночестве и определявшего судьбы едва ли не тридцати тысяч человеческих существ. Едва заметным движением руки он отправлял появлявшегося перед ним направо или налево. Направо означало работу, паек и какую-то безопасность; налево – смерть... Офицер был волен принимать любые решения, и мы могли заметить, что ему нравится разбивать семьи... В этот день увезли из гетто десять тысяч человек. Всех их убили за городом. Это место называлось Девятый форт. Десять тысяч человек! И это было только начало...»

Через день после той акции прибежал в гетто десятилетний Ицик Блох – он был в одной рубашке, испачканной кровью. Мальчик видел, как расстреливали евреев; мать крикнула ему: «Спасайся!» – он побежал, в него стреляли, но не попали. Когда Ицик рассказывал эту историю, ему не верили, не хотели, не могли поверить... Вскоре привезли евреев из стран Европы. «Они были хорошо одеты, с чемоданами. Шли с вокзала бодрые и почти веселые: они думали, что их привезли на работу. Через несколько дней их уже не было в живых...»

После акций уничтожения гетто Каунаса насчитывало около 15 000 человек. В гетто Шяуляя оставалось менее 5000 евреев, в Свенцянах – около 500; почти все еврейские общины Литвы к концу 1941 года перестали существовать.

Румыния была союзницей Германии в той войне. В последние дни июня 1941 года в румынском городе Яссы убили за два дня погрома не менее 10 000 евреев; их обвинили в том, что подавали сигналы советским летчикам, совершавшим налеты на город.

Румынская армия начала боевые действия 1 июля 1941 года. Еще шли бои на территории Бессарабии и Северной Буковины, а румынские солдаты и жандармы при содействии эйнзацгруппы «D» и местных добровольцев уже приступили к массовому убийству евреев. Немецкое командование докладывало из Бессарабии: «У румын нет никакой системы в обращении с евреями. Не может быть возражений против многочисленных казней, если сами казни организованы надлежащим образом. Однако румыны обычно оставляют тела казненных на месте расстрела и не закапывают их. В связи с этим эйнзацкоманда выпустила инструкцию для румынской полиции, предписывающую действовать более упорядоченно».

Румыния, союзница Германии, получила во владение Молдавию и земли Украины между реками Днестр и Южный Буг (Одесскую область, южные районы Винницкой и западные районы Николаевской областей); эта территория получила название Транснистрия (Заднестровье). В состав Транснистрии входили Жмеринка, Тульчин, Могилев-Подольский, Бершадь, Балта, Брацлав, Шаргород и другие города и местечки; Одесса стала ее административным центром. Заместитель председателя Совета министров Румынии заявил на заседании правительства: «Я за принудительное переселение евреев из Бессарабии и Буковины, их нужно выбросить за границу... Мне всё равно, если история назовет нас варварами... Прошу вас быть неумолимыми... Если нужно – стреляйте из автоматов».

С сентября 1941 года началось изгнание евреев из Бессарабии и Буковины, а также из некоторых городов Румынии: их свозили в места временного содержания, а затем отправляли пешком в Транснистрию. В пути люди слабели от голода, жажды, усталости; конвойные их избивали, отбирали вещи, насиловали женщин; вдоль дорог были заготовлены огромные ямы, куда сбрасывали тела погибших. «Крестьяне из близлежащих деревень приносили продовольствие в обмен на одежду и другие вещи, которые у нас еще не отняли... За рубашку мы получали яйцо, за брюки – буханку хлеба, за пару обуви – бутылку молока. Жандармы прогоняли крестьян, но они продолжали идти за нами, преследуя отстающих, раздевая и грабя тех, кто падал без сил у обочины дороги».

Депортация евреев в Транснистрию

Шая Клейман:

«Всё еврейское население... погнали пешком, под конвоем жандармов. Отстававших пристреливали или забивали палками. Днем нас гнали, а вечером мы останавливались в каком-нибудь колхозном дворе, складе, коровнике...

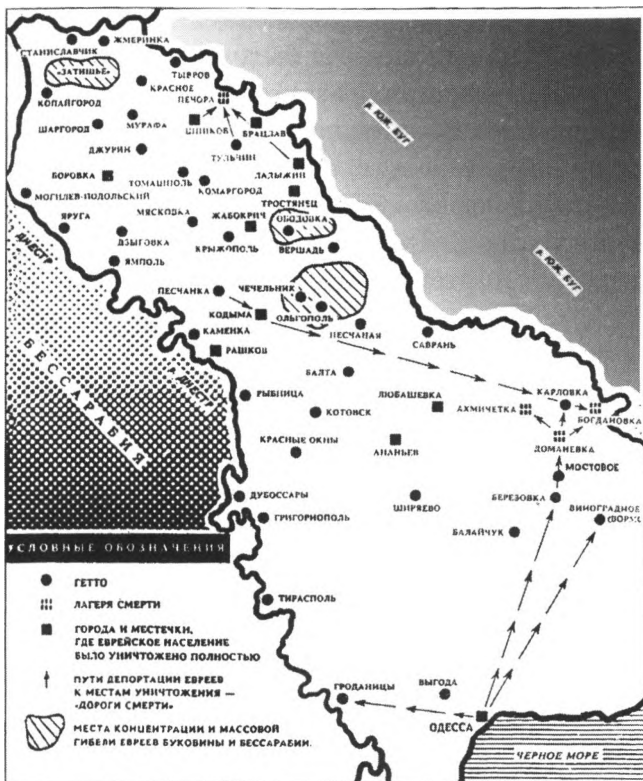
Нас всё время грабили, нередко раздевали, снимали головные уборы, а время было очень холодным – морозы, снег... По дороге к нам присоединяли евреев из тех мест, где мы проходили... Убежать было не трудно, просто некуда было бежать...

Помню страшную деревню, где мы остановились. Нас расположили в колхозном коровнике, который был полон трупов умерших и полуживых, еще дышащих людей. Наверно, за день до нас здесь прошла другая колонна евреев...

Во время привала к нам подошел немецкий офицер интеллигентного вида. Он увидел двух женщин, мать и дочь, закутанных в красивые и добротные покрывала. Офицер сказал им, что скоро их убьют и очень жалко, чтобы такие ценные вещи пропали. Поэтому он заберет у них покрывала, а им пошлет обед, чтобы они сытно поели напоследок. Он выполнил обещанное...»

Румыны депортировали в Транснистрию не менее 150 000 человек. Многие погибли в пути, утонули при переправе через Днестр, были застрелены охранниками; выживших разместили в гетто городов и в рабочих лагерях Транснистрии совместно с еврейским населением юга Украины.

Лейзер Зингер (было ему тогда пять лет): «Нас загнали в свинарники, которые и стали нашим жильем. Жильем без дверей, а когда наступили морозы – и без окон: их выбили жандармы, чтобы нам, по их словам, не было жарко...»

Транснистрия

В Бершади собрали в гетто более 5000 евреев Украины, Бессарабии, Буковины. «Сыпной тиф, голод. Люди умирали по 150–200 человек в день. Их не хоронили, а грузили на украинскую гарбу, вывозили и выбрасывали зимой в поле...» – «Расстреливали за всё: за то, что ты еврей, за то, что ты еще жив... Ночью раздавались крики тех, кого собирались уничтожить, и никто никому не мог помочь...»

В Жмеринке «взрослых и детей заставляли ремонтировать пути, убирать вокзал, а летом водили на сельскохозяйственные работы. Помню случай, когда нас послали собирать гусениц с капусты; если надзиратель находил гусеницу, он заставлял ее съесть. К концу работы у детей началась рвота, они не могли стоять на ногах...»

На территории Транснистрии создали лагерь смерти Печора, один из самых страшных лагерей в румынской зоне оккупации. Туда стогнали евреев из городов и местечек Украины, а также из Бессарабии и Буковины, – большинство из них погибло от голода и болезней, смертность у детей была почти стопроцентной. «Нас поместили в бывшую конюшню без крыши. Дождь лил непрерывно, согреться негде, достать продукты невозможно. За попытку обменять вещи убивали. Опухшие от голода, мы ожидали конца...» – «Людей живьем съедали вши. Утром вставали, выходили во двор и стряхивали насекомых. Зимой снег был устлан ими...» – «Ночами, когда

полицейские пьянствовали, узники пробирались в село к крестьянам выпрашивать еду... Весной на территории лагеря не было ни травинки, все кусты обглоданы...» – «Моя родственница взобралась на ограду и предлагала поменять свое платье на свеклу или картошку. Полицай Сабанский выстрелил и попал ей в голову. А дети ее умерли от голода здесь же, в лагере...» – «Появились чесотка, тиф, малярия... Обессилевшие люди уже не могли ходить и передвигались ползком... Трупы грузили на сани, впрягали в них людей, которые копали ямы для трупов и сваливали их туда...»

«В Печоре есть общие могилы, где похоронены по 200–300 человек. Но Печора – это румынская территория, и здесь евреи еще «жили». По ту сторону Буга хозяевами были немцы...»

Клара Кановская, Могилев-Подольский: «В гетто я находилась до ноября 1943 года. Было трудно: сирота, одинокая пылинка в городе, где хозяйничают полицейские – немецкие, румынские, украинские; все над тобой паны, все издеваются, а ты, наперекор судьбе, голодная, раздетая, разутая, хочешь жить и выжить...»

5

В рижском гетто находился еврейский историк С. Дубнов. Его путь в Ригу был непростым: в 1922 году Дубнов уехал из советской России в Берлин и вскоре отметил в дневнике: «Мировые перспективы мрачны. Нет мира на земле и в душах людей...» В Берлине Дубнов много работал, выходили в свет его книги, в том числе десятитомная «Всемирная история еврейского народа» на иврите, идиш и немецком языке. После прихода Гитлера к власти в дневнике Дубнова появилась запись: «В России я прожил под властью большевиков четыре с половиной года; в гитлеровской Германии не мог выдержать больше семи месяцев... Задыхаюсь в царстве зла, ненависти и насилия. Нет больше мочи дышать этим отравленным воздухом, а взять посох странника в семьдесят два года нелегко».

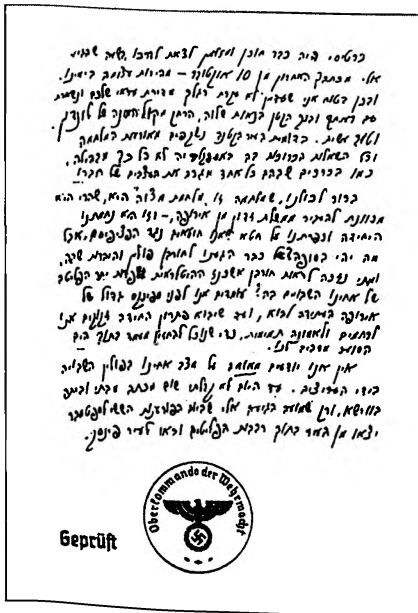
В августе 1933 года Дубнов переехал в Ригу, где его «Всемирная история еврейского народа» вышла в свет на русском языке. Весной 1940 года, незадолго до вступления советских войск в Латвию, Дубнов отправил письмо в Тель-Авив: «Друзья в Америке беспокоились о моем самочувствии и прислали разрешение на въезд в Нью-Йорк. Также из Эрец Исраэль я получил приглашение приехать и там поселиться. Из этих двух возможностей я бы выбрал Сион, но в дни таких потрясений и в годы седины моей не могу оставить «малое стадо» в Европе и удалиться,

чтобы построить себе новый дом. Вероятно, указано мне с Небес остаться с братьями моими в юдоли плача».

В Риге была напечатана и «Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени», в которой Дубнов собрал дневниковые записи за много лет. Первые два тома успели попасть к читателям; третий том «Книги жизни» описывал разгул антисемитизма в Германии и приход Гитлера к власти – его тираж, по всей вероятности, уничтожили немцы после захвата Риги в 1941 году.

Лишь после войны обнаружили единственный экземпляр, который историк успел отправить в Австралию, и третий том вышел повторно в Нью-Йорке.

В «Книге жизни» приведена запись из дневника Дубнова (август 1917 года): «С ранней юности идея пацифизма казалась мне основой прогресса: пока люди воюют, они не вышли из дикого состояния. А на старости лет я дожил до самой чудовищной войны в трех видах: войны государств, войны наций внутри государств и войны классов внутри наций. Это и есть потоп, истребляющий преступное человечество. Страшно умереть, если не будет уверенности, что не повторится этот потоп, если не будет радуги мира между государствами, нациями, классами...» В тот момент Дубнов еще не догадывался, что в скором будущем увидит еще один вид человеческого озверения, которое не мог предположить, не мог угадать заранее, – когда один народ начнет убивать народ другой.

Одно из последних писем С. Дубнова с печатью германской цензуры

После прихода немцев Дубнов жил в гетто, вел дневник, приводил в порядок свой огромный архив. Ему шел тогда 82-й год. Была зима. Декабрь. Последние дни долгой жизни. Это он записал в дневнике почти за пятьдесят лет до этого: «Пора смотреть на жизнь спокойнее, под углом зрения вечности. Стань у своей борозды и возделывай ее, вложи в работу весь жар души, а когда тебя призовет Пославший тебя, иди и скажи: я готов, я свое дело сделал...»

8 декабря 1941 года, во время карательной акции, Дубнова вывели из дома и втолкнули в колонну смертников. Точная дата и место гибели его неизвестны. Рассказывали, что у Дубнова была высокая температура, он еле передвигал ноги, не попевал за остальными, не мог взобраться в кузов грузовика. Полицейский вскинул винтовку и выстрелил ему в спину. Еще рассказывали, что последними его словами было: «Шрайбт, идн, шрайбт...» («Записывайте, евреи, записывайте...») По другой версии, последние его слова таковы: «Братья, не забудьте, запомните всё, что видите! Братья, сохраните в памяти...» Но это, наверное, легенда.

К весне 1942 года, после поражения немцев под Москвой, массовые расстрелы евреев в Транснистрии прекратились. После Сталинграда правители Румынии поняли, что Германия проигрывает войну, а потому смягчили свое отношение к еврейскому населению и отказались депортировать в лагеря уничтожения евреев Транснистрии, еще остававшихся в живых.

В 1942 году евреи Румынии создали Комитет помощи, собирали пожертвования и – с согласия румынских властей – посылали в Транснистрию деньги, одежду, продовольствие и медикаменты, что помогло выжить многим обитателям гетто. Летом 1943 года, после очередных поражений на Восточном фронте, диктатор Й. Антонеску разрешил вернуться в Румынию из Транснистрии пожилым людям, бывшим офицерам и инвалидам Первой мировой войны, а также группе еврейских детей. В начале 1944 года, во время отступления, немецкие войска заняли Транснистрию, и Антонеску потребовал не проводить карательные акции против еврейского населения.

Исследователи полагают, что на территории Транснистрии погибло около 90 000 евреев, депортированных из Румынии, Бессарабии и Буковины. В гетто Могилева-Подольского было 16 000 евреев, многие из которых остались в живых. В гетто Балты после освобождения насчитали около 3000 человек.

Кишиневских евреев изолировали в гетто, а затем погнали в Транснистрию. К весне 1942 года в городе оставались два еврея – лучший портной Кишинева и бывший офицер румынской армии, который прежде служил вместе с Й. Антонеску.

В октябре 1941 года около 6000 евреев Черновиц выслали в Транснистрию; среди них были и садагорские хасиды, которые прошли по городу вместе со своим цадиком, неся в руках свитки Торы. Высылки из Черновиц продолжались; в гетто оставалось около 20 000 евреев – в основном ремесленники и специалисты. Жизнь была нелегкой, однако акций по уничтожению не проводили, с разрешения властей даже проводили службы в синагоге. В Черновцах дожило до освобождения наибольшее количество евреев из всех гетто на оккупированных территориях СССР – 17 341 человек.

В Транснистрию, в город Шаргород, попали евреи из города Сучава в Южной Буковине во главе с руководителем общины Мериом Тейхом. «Пользуясь деньгами и ценностями, которые ему удалось вывезти из Сучавы, Тейх и его коллеги установили отношения с румынскими властями, что помогло им спасти жизни многих, в том числе большинства местных евреев... Шаргородских евреев не выгоняли из их домов, им не пришлось расставаться с семейными реликвиями, молитвенниками и ритуальными предметами... В Шаргороде многие пожилые евреи и люди средних лет выжили и смогли продолжить еврейскую жизнь после войны».

В семье Дубновых сохранялась память об их предке по имени рабби Йосеф, который жил в семнадцатом веке в городе Дубно на Волыни. Во время осады города казаками Хмельницкого поляки затворились в крепости, но евреев туда не пустили, и у стен крепости погибло более 1000 человек. С. Дубнов: «На могилах этих мучеников плакала вся община ежегодно в пост Тиша б-Ав... Я живо представляю себе фигуру моего предка рабби Йосефа из Дубно, как он поднимается с постели до рассвета и справляет обряд полночного траура, плачет о судьбе гонимой нации и поет сквозь слезы: «Доколе плач в Сионе и рыдания в Иерусалиме...»

Останки еврейского историка Семена Марковича Дубнова покоятся, быть может, в одной из могил Румбулы. (К концу 1941 года

в белорусском городе Мстиславле, где родился Дубнов, были уничтожены все евреи.)

Тульчин в Транснистрии – румынские солдаты погнали евреев в долгий переход, в морозные дни; многие погибли по дороге, а выжившие попали в Печору – лагерь смерти. (Козаки Хмельницкого вырезали в Тульчине сотни евреев; их уничтожали и гайдамаки в восемнадцатом веке, а в 1919 году банда атамана Григорьева убила в городе 520 евреев.)

Очерк пятьдесят четвертый

Жизнь в гетто

1

Город Кременец, Украина (из дневника украинского подростка): «Одна сторона нашей улицы отходит к гетто, там загораживают все переулки заборами, забивают досками окна и двери... Одна сторона улицы живая: рестораны, пьяные шумят, другая – забитая, мертвая, отвратительная. И есть люди, которые радуются этому новому облику города...»

Гетто создавали, как правило, на окраинах городов или в самых бедных районах, в малопригодных для жилья «развалюхах с малюсенькими окошками без стекол, заткнутых отрепьями, кусками картона, старыми ужасными подушками», а то и в домах, пострадавших от бомбежек и пожаров. Каждое гетто огораживали колючей проволокой, кирпичными стенами или деревянными заборами за счет его обитателей и их усилиями; там не работали водопровод и канализация, были отключены телефоны и электричество: это была полная изоляция от внешнего мира, которая – даже при отсутствии карательных акций – вела к массовому вымиранию от истощения, непосильного труда и эпидемий.

В гетто и рабочих лагерях жили в невероятной тесноте, в комнатах без мебели, спали на полу, на трехэтажных нарах, в коридорах, пристройках, сараях, подвалах, на чердаках и лестничных площадках, в сырых темных трущобах, в шалашах, палатках и под открытым небом; были даже такие помещения, где спали по очереди в две или три смены.

Барановичи: «Нашу семью вселили в маленький деревянный домик... из трех небольших комнат и кухоньки. Всего в него втолкали 82 человека...»

Летичев: «Спали на цементном полу в ужасающей тесноте – головы одних лежали на коленях у других...»

Велиж: «В свиарнике было когда-то триста свиней. Вместили в него более пятисот человек...»

Вильнюс:

«В кухне живут шестнадцать человек. Стены, потолок и пол – все почти одного цвета, темные, сырые и грязные... Посреди комнаты и вдоль стен поставлены деревянные нары... На этих нарах – а где нет нар, прямо на полу – лежат какие-то лохмотья и темное постельное белье... В этой же кухне моются и варят себе еду остальные жильцы квартиры. Дым наполняет кухню, выедаёт глаза тем, кто обитает в ней...»

Глядя на то, как живут «счастливы», оставленные пока в живых, не перестаешь удивляться, что в таких условиях люди вообще сохраняют способность жить... Между молодыми людьми возникают порой самые возвышенные, самые пылкие романы, но нередки и просто физические отношения в тесноте и темноте бессонных ночей...

Жажда жизни, молодость оказываются сильнее смерти...»

Гетто Львова: «На душу населения едва ли приходился один квадратный метр жилой площади... Мужчины, женщины и дети, совершенно друг другу чужие, здоровые и больные вместе... религиозные и атеисты, богатые и бедные...» – «Одно лишь было общим для всех: все мы были евреями и потому должны были умереть».

2

В отличие от других стран, завоеванных Германией, на территории СССР не было евреев-банкиров, владельцев фабрик, многоэтажных доходных домов и магазинов. Для запланированного грабежа оставалось лишь личное имущество еврейского населения, а потому после уничтожения или переселения в гетто оккупационные власти забирали из опустевших квартир мебель, одежду, обувь, белье и посуду, кровати и постельные принадлежности, швейные машины, патефоны с пластинками,

ковры, фотоаппараты, музыкальные инструменты, даже пух из распотрошенных перин и подушек – всё это аккуратно сортировали, приводили в порядок и отправляли по назначению. Собирали и металлические изделия – кастрюли, самовары, чайники, ступки, подсвечники, ручки от дверей – и посылали в Германию для переработки. В сельской местности конфисковали дома, принадлежавшие евреям, приусадебные участки, скот, запасы продовольствия; всё, что оставалось после официального изъятия, растаскивало местное население.

В гетто грабеж продолжался. Отбирали имущество и деньги, реквизировали теплую одежду, облагали различными налогами по прихоти администрации, вымогали – под видом контрибуции – часы, золото, драгоценности; в германские банки отправляли золотые и серебряные изделия, конфискованные у евреев на территории СССР. Солдаты и офицеры немецкой армии посылали родственникам огромное количество посылок со съестными припасами, вещами и бельем, для чего в некоторых гетто наладили производство картонных коробок – их изготавливали еврейские дети от восьми до двенадцати лет. Одежду и обувь, оставшиеся после уничтожения евреев, после предварительной чистки отдавали или продавали местному населению.

«День и ночь работала прачечная, в которой отстирывали вещи убитых. Работали в прачечной, конечно, евреи, и происходили там страшные сцены: люди находили белье и вещи своих замученных родных. Рафаэль Гитлиц узнал белье и платье убитой матери. Маня Фрейдкина должна была отстирать окровавленную рубашку своего мужа Шимона. Жена учителя Милихмана приводила в «приличный вид» костюм убитого мужа...»

Жителям гетто не позволяли встречаться с местными жителями и покупать у них какие-либо продукты; известны случаи, когда запрещали собирать даже ягоды. Браилов Винницкой области: «Только на десять минут в сутки по свистку полицейского евреи могли выбежать на базар. Немецкому коменданту Крафту очень нравилось зрелище – бег евреев на базар, и он почти неизменно присутствовал при этом. На третьей или четвертой минуте полицейский давал свисток отбоя, и все, побросав свои покупки, спешно убегали с базара. Затем объявляли, что сигнал был ошибочный, и всё повторялось сызнова. Комендант Крафт забавлялся...»

Хлебный паек был настолько мизерным, что невозможно было существовать. В Пинске выдавали 100 граммов хлеба в день для нетрудоспособных и 150 граммов для работавших; в Бресте и Борисове – по 150 граммов хлеба для любого жителя гетто; в Шполе и Велиже не кормили вообще, в Смоленске лишь работавшие евреи получали по 200 граммов хлеба из отрубей с опилками и суп из брюквы; в румынской зоне оккупации

обитателям гетто выдавали «черный, как земля, клейкий и горький хлеб, изготовленный из зерен полусгоревшей в амбаре пшеницы». В таких условиях выживали лишь те, кому удавалось добыть продукты и пронести их в гетто – за это наказывали, могли расстрелять.

Местечко Глубокое, Белоруссия: «Жена Залмана Вульфа Рудермана была задержана и жестоко избита, так как пыталась при возвращении с работы внести в гетто два яйца... Был арестован и расстрелян мясник Шломо Цинципер – контроль обнаружил у него в мешке петуха, которого «преступник» хотел пронести в гетто... Н. Краут был ранен, а затем убит за то, что пытался пронести в мешочке немного соли...»

Пинск: «Глобермана раздели догола, нашли у него кусок масла. Полицейские привели его к Эбнеру, тот выхватил пистолет и застрелил Глобермана на месте...»

Шяуляй: Бецалея Мазовецкого публично повесили за то, что хотел пронести в гетто папиросы. «С веревкой на шее он взобрался на стол, всё еще улыбаясь, поклонился народу и сказал: «Я буду вашим достойным заступником на небе...»

Каждый день шла борьба за выживание, любыми способами следовало достать еду у местного населения – купить, выменять на последние вещи, уцелевшие от грабежа, выпросить или украсть. Мужчины, возвращаясь с работы, прятали продукты в сапоги, в брюки и рукава, чтобы пройти в гетто через охраняемые ворота. Женщины перед выходом на работу надевали под платье специальные пояса с карманами, закладывали в них куски хлеба или картофелины и с риском для жизни вносили в гетто, где ожидали голодные старики и дети. В укромных уголках огороженной территории шел через забор обмен вещей на продукты, которые приносили местные жители; порой те проникали в гетто с хлебом, молоком, яйцами, за которые требовали огромные деньги, во много раз превышавшие цены на рынках «арийской» стороны. Незаменимыми помощниками были дети: они могли пролезть в самую крохотную лазейку и оказаться за ограждением; дети становились кормильцами своих родителей, бабушек-дедушек, малолетних братьев и сестер.

Существовала и контрабанда продовольствия – на ней наживались предприимчивые люди и полицейские. В гетто Каунаса «нашлись смелые торговцы, которые через колючую проволоку забора, охраняемого снаружи немецкой и литовской полицией, ввозили муку, скот, картошку и даже водку. У торговцев были свои подкупленные охранники...» – «Эта торговля содействовала процветанию спекулянтов, которые быстро разбогатели... Появились новоиспеченные богачи и стали «править бал» под лозунгом: «Ешь и пей – жизнь коротка...»

У подавляющего большинства обитателей гетто не было денег, чтобы купить продукты у спекулянтов, не было уже и вещей, которые можно

было бы обменять, – голод доводил до такого состояния, что отдавали за кусок хлеба последнюю свою рубашку; люди ходили «босиком, оборванные, без верхней и нижней одежды, прикрытые только одеялами».

Гетто Минска: «На улицах валялись опухшие от голода дети. Кто не работал, получал в день комочек сырого хлеба и пол-литра мутной водички с сантиметровым осадком муки, которая называлась затиркой...»

Гетто Каунаса: «Наша бедность была невообразимой. Мы носили лохмотья – заплатка на заплате. Наше имущество состояло из полуразвалившейся мебели и нескольких кухонных кастрюль. Еды почти не было. Мне всё время хотелось есть, от голода у меня даже бывали галлюцинации. Холод, голод, теснота, грязь, рабский труд, ежедневные казни – всё было задумано для того, чтобы лишить нас человеческого достоинства, превратить в животных... Смерть для всех стала привычной, и трупы никого не шокировали...»

3

После создания гетто сразу же начиналось разделение его обитателей на пригодных к труду и на «малополезных», «малоценных» стариков, женщин и детей, больных и инвалидов, которых уничтожали в первую очередь. Евреев-механиков, слесарей, столяров и плотников, портных, сапожников, хлебопек и кузнецов, ремесленников разных специальностей оставляли на какое-то время в живых, чтобы они работали на нужды немецкой армии; сохраняли жизнь и физически крепким людям, используя их на черных работах. Порой использовали переводчиков с немецкого языка, врачей, инженеров, специалистов городского хозяйства по обслуживанию водопровода, канализации, местной электростанции, чтобы в какой-то момент отобрать разрешение на работу и уничтожить.

На оккупированных территориях вводили трудовую повинность для еврейского населения – мужчинам с 14 до 60 лет (кое-где даже с двенадцати), женщинам – с 16 до 50. В «Директивах по обращению с еврейским населением» было сказано: «Трудоспособные евреи привлекаются по мере надобности к принудительным работам... Оплата труда не должна соответствовать выработке, но лишь поддерживать существование работника и нетрудоспособных членов его семьи».

Эти работники были очень выгодны для Германии: в большинстве случаев им не платили зарплату, скудно кормили, а они старались

работать как можно лучше, чтобы не погибнуть в очередной акции уничтожения. Копали торф, корчевали пни, вырубали лес вокруг железнодорожного полотна, загружали вагоны, разгребали зимой снежные заносы, работали летом на полях, в конюшнях и свинарниках. Каждый боялся заболеть, подвернуть ногу и захромать, потерять силы от истощения – таких «отбраковывали» и уничтожали; в гетто и в некоторых лагерях рабочим позволяли жить со своими семьями: это способствовало усердию в труде, ибо вместе с «нерадивым» работником уничтожали всю его семью.

«Суровый зимний рассвет, еще темно, а нас уже нагайками выгоняют на работу. Несчастные наспех завязывают мешочки с соломой вокруг порванных ботинок, чтобы не отморозить ноги. Накидывают старые одеяла на головы, обвязывают веревками и становятся в ряды. Нас несколько раз тщательно пересчитывают и выгоняют на дорогу. Тяжело поднимаются измученные, израненные ноги; намокшие тряпки с соломой еле вытягиваем из глубокого снега, а снег всё сыплет и сыплет без конца...»

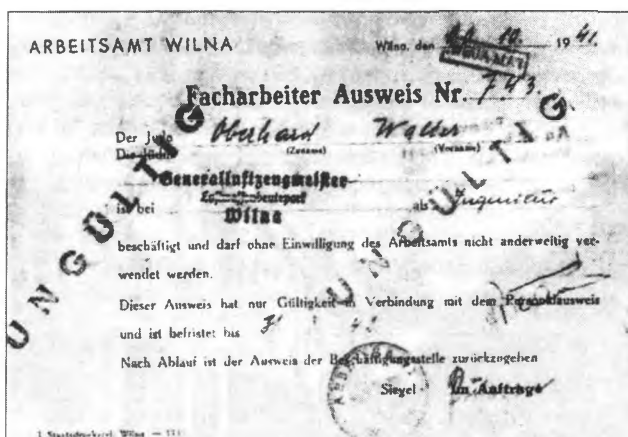
«Помню огромные колонны евреев, отправлявшихся расчищать снег на железной дороге. Туда стремились попасть и стар, и млад. Лишь бы выйти из гетто, так как за эту работу давали пайку хлеба или какую-нибудь похлебку...»

Сапожники, портные, меховщики, шорники могли получить особое удостоверение, потому что их специальность признавали полезной для нужд немецкой армии. «Бесполезными» считались раввины, учителя, журналисты и адвокаты, музыканты и научные работники; их уничтожали в первую очередь, хотя кое-кому и удавалось выдать себя за слесаря, плотника, маляра или штукатура, печника или стекольщика. В гетто Вильнюса были организованы курсы по подготовке трубочистов, которые окончили 22 врача, адвоката и торговца; совместно с профессиональными трубочистами они обслуживали жителей «арийской» части города.

«Желтый «шейн» (разрешение на работу) выдается только счастливым. Для того чтобы его получить, человек должен быть классным специалистом. Но и не каждому специалисту удастся его выцарапать. В большинстве случаев всё зависит от протекции, денег, а также от того, берет ли немец, у которого работают, взятки... Сначала были белые «арбейтершейны», потом белые «фахарбейтершейны», теперь желтые, а от «шейна» к «шейну» бесследно исчезали тысячи людей...»

Время от времени немецкая администрация проводила очередную регистрацию, а вместе с ней и обмены специальных удостоверений, которые получали лишь те, кого отправляли на работы. Гетто Вильнюса:

«На дворе и особенно на лестницах... давка была просто невероятная. Некоторые падали в обморок от духоты, изнеможения, невозможности пробиться в комнаты, где шла регистрация... Хаос, крик, плач, толкотня и драки доводили людей до иступления... Какие душераздирающие сцены, какие трагедии разыгрывались тут, в этих тесных коридорах, где люди, не имеющие желтых удостоверений, умоляли счастливых спасти им жизнь и приписать к семейным спискам...» – «А тысячи других металась по улицам, стучали к родным, друзьям – в любое место, где была хотя бы тень надежды зацепиться за «шейн»...» – «Все знали, что это только отсрочка смерти... но жить еще некоторое время всё же лучше, чем умереть сейчас же, немедленно...»

Разрешение
на работу.
Гетто Вильнюса

Удостоверение гарантировало неприкосновенность его обладателю, жене и двум детям моложе шестнадцати лет – до того момента, пока не происходила замена «шейнов» и житель гетто мог лишиться права на работу, а заодно и права на жизнь вместе со своей семьей. Перед очередным освидетельствованием пожилые люди – замученные, истощенные, отчаявшиеся – красили волосы в черный цвет, остригали бороды, старались разгладить морщины и выглядеть покрепче, помоложе, чтобы их признали годными для работы и выдали заветное удостоверение.

Из свидетельских показаний Марка Дворжецкого: «Это была мучительная проблема в гетто. Выдавали одно желтое удостоверение, и можно было записать жену и двоих детей. Но если у человека есть жена и мать, он сам должен выбрать, кого он записывает... И если у меня трое детей, я могу записать только двоих, а третьего вынужден отдать немцам. Я помню случай, когда человек подошел к матери и сказал: «Мама, скажи мне, что делать. Ты благословила наш брак, а теперь я должен выбрать: или ты, или жена». И мать ответила: «Написано в нашей священной Торе: «Да оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей...» Жена предназначена тебе Небом, ты должен создать

семью. Я отказываюсь от жизни. Дай жизнь ей». И она благословила сына, его жену, его детей».

Вопрос: «Этим человеком были вы, доктор Дворжецкий?» Ответ: «Это был я».

4

«Гетто не знает «завтра», живет настоящей минутой. Когда человек поутру просыпается после тревожного сна, первая его мысль – ночь прожита, но что принесет день?..» Очередная карательная акция происходила, как правило, неожиданно, на территорию врываются эсэсовцы и полицейские, чтобы согнать для уничтожения нужное количество обреченных. «Собирали людей и делили их на две группы. При этом никто не знал, почему его включают в ту или иную группу и что будет с его группой: поведут на работы или на расстрел...»

Сёма Шпунгин, Даугавпилс: «Убивали всю зиму. Мы с папой остались одни. На случай новой «сортировки» мы условились, что спрячемся в тайнике. Один раз я не успел там спрятаться и просидел целый день в уборной по горло в нечистотах. В уборную приходили, но меня не заметили...» – «Бежать было некуда, наш город маленький, скрыться негде. Где партизаны – мы не знали... Мне было тогда тринадцать лет...»

Во время облав жители гетто прятались в укрытиях – «малинах» («мелуна» – в переводе с иврита «конура», «убежище»). «Малины» устраивали в подвалах домов, на чердаках, за фальшивыми стенами, в подземных убежищах, где заранее запасали воду и продукты, в погребах, колодцах и туалетах. Люди залезали в дымоходы, в кучи мусора, в развалины разрушенных домов, изобретали самые невероятные способы, чтобы спрятаться с женой и детьми от неминуемого уничтожения, переждать опасные дни и жить дальше до следующей облавы.

Ружка Корчак, Вильнюс: «Сидение в «малинах» и нескончаемое ожидание своей участи приводит людей в состояние помешательства. Они слышат голоса немцев, кожей ощущают их шаги, вздрагивают при каждом ударе лома, которым литовцы крушат стены и перегородки. В «малинах» спрятаны дети. Понятливые не по возрасту, они не задают вопросов, лежат, сжимая руки родителей. Но есть младенцы, которые ничего не понимают. Они голодны, замерзли, режут... Мать судорожно пытается успокоить ребенка, ему суют хлебные крошки, а иногда дают намоченный в спирту сахар – лишь бы перестал кричать, заснул. В одной из «малин», на которую почти набрели литовцы, плачущий младенец был задушен собственной матерью...»

«Мы словно животные, окруженные охотниками. Охотники везде: под нами, над нами, со всех сторон. Трещат сломанные замки, скрипят двери, стучат топоры... Однако потихоньку всё затихает само собой, они ушли... Мое сердце бьется радостно! Я остался в живых!..»

Крупные карательные акции длились по трое-четверо суток, и рабочим в эти дни не разрешали возвращаться в гетто с места работы. Когда они наконец попадали туда, то обнаруживали трупы на улицах, стены, забрызганные кровью, пустые дома и квартиры; они метались от укрытия к укрытию, обшаривали чердаки и подвалы в поисках родителей, жен с детьми и не находили уже никого. На стене гетто Вильнюса один из рабочих прочитал прощальную надпись: «Дорогой наш сыночек Хай-меле... Будь здоров и не забывай своих папу и маму».

Абрам Рубинчик, Минск:

«Из укрытия стали вылезать измученные, обессиленные, исхудавшие люди. Четверо суток они просидели без воды и пищи. От них исходил невообразимый запах испражнений. Туалета в «малине» не было, выйти наружу было равнозначно самоубийству..»

Папа и мама остались без младших детей. Без Эльки, Хаи, без Ерухама и маленькой Тайбы... В тот день папа стал совершенно седым. А бабушка Ципа... чуть слышно прошептала, что она не хочет больше жить...»

«В гетто свирепствовал террор... Жителей увозили в «душегубках», убивали на месте... Люди были в полном отчаянии. Голод, холод, враждебное отношение местного населения их окончательно сломили. И когда однажды советские самолеты бомбили город, люди молились, чтобы бомба упала на них...»

Поэт Авраам Суцкевер ушел из гетто Вильнюса в ноябре 1941 года: «Старуха-крестьянка Бартошевич сжалилась надо мной, спрятала меня, накормила, напоила... Я скрывался у нее целый месяц. Но в конце концов кто-то заметил меня, и в декабрьскую морозную ночь я вынужден был бежать, блуждал по лесу, спал под снегом...»

В конце декабря Суцкевер вернулся в гетто и не застал в живых свою мать и новорожденного сына: «Еврейские врачи... спрятали ребенка вместе с другими младенцами в одной из комнат. Когда немцы появились в больнице, они расслышали детский плач, выбили дверь и вошли в комнату. Жена услышала это, вскочила с постели и побежала туда... Она увидела, как один из немцев держит ребенка и чем-то мажет у него под носом. Затем он бросил его в кровать и засмеялся... Когда я пришел в больницу, мой ребенок был еще теплым...»

Весной 1942 года Суцкевер написал в гетто поэму «Дитя могилы» – в ее основе лежит подлинная история еврейской женщины, которая спаслась во время расстрела в Понарах, спряталась на еврейском кладбище Вильнюса и в пустой могиле родила ребенка.

Из стихотворения Авраама Суцкевера «Последний еврей «малины»:

Куда идешь ты сквозь ветер и ночь
С глазами, горящими убийством и яростью,
С лицом, пылающим огнем ненависти?
Я иду туда, куда несут меня мои ноги,
Моя убитая и окровавленная плоть жжет меня,
Теперь я – последний еврей,
Еврей из «малины»...

5

Всякая религиозная деятельность в гетто преследовалась. Синагоги и молитвенные дома разрушали или приспособляли под конюшни, склады и гаражи, уничтожали свитки Торы, выкидывали на улицу книги религиозного содержания, разбивали памятники на еврейских кладбищах. Нацисты и их помощники приурочивали акции массового уничтожения к еврейским праздникам, вынуждали узников гетто работать в Йом-Кипур и в Рош га-Шана, запрещали убой скота по еврейскому Закону, издевались над верующими – отрезали бороды и пейсы, выстригали на голове кресты, убивали раввинов.

Местечко Сморгонь, Белоруссия: «Под гетто отвели территорию около большой синагоги... В синагоге сделали двухъярусные нары... заставили вынести свитки Торы, синагогальную утварь, сложили всё это на земле, облили керосином и подожгли... Послышались рыдания, седобородые старики вздымали руки к небу и восклицали: «Шма, Исраэль!» Мы стояли и плакали...»

Местечко Утьян, Литва: «Пришли злодеи вместе с литовскими бандитами, выбросили из синагог все свитки Торы и книги. Привели моего отца, глубокого старика, приказали ему рвать их и сжигать. Он отказался. Тогда убийцы подожгли ему бороду, а один из них выстрелил в него...»

Несмотря на строгий запрет, верующие тайно соблюдали религиозные предписания. Собирали «миньяны» – десять мужчин для молитв, сооружали нелегальные «микве» – бассейны для ритуального омовения, обрезали на седьмой день новорожденных мальчиков, перед праздником Песах пекли мацу, отмечали в подполье еврейские праздники, как некогда мараны, тайные евреи Испании. В Яновском «лагере смер-

ти» в декабре 1942 года, к первому дню Хануки, изготовили свечу из кусочков жира, раввин Давид Кахана прочитал благословение, рассказал о подвиге Макавеев, заключенные пропели праздничные песни.

Звенигородка, Украина: «Весной умер старик Хаит, похоронили его по всем еврейским религиозным обычаям. Мама говорила, что это был святой человек, раз он умер естественной смертью...»

Корец, Украина: «После первой акции мы еще успели отметить Рош га-Шана и Йом-Кипур... Вечером в Йом-Кипур, во время молитвы, скончались от пережитого восемь женщин. Мы перенесли их в другую комнату и продолжали молиться...»

Вильнюс: «Накануне праздника Симхат-Тора я пошел на обряд «хакафот» (шествие по кругу со свитком Торы)... Остатки учеников иешивы – несколько детей и мужчин, изучавших Закон, собрались там в этот вечер. Они пели и танцевали... Здесь, рядом с бедствующей общиной, в убогом молитвенном доме... они соединялись с народом Израиля...»

Раввин Э. Беркович: «Еврей освящает имя Бога уже тем, что живет как еврей, когда мир его топчет...»

Эфраим Вольф, гетто Жмеринки, Транснистрия (к началу войны ему было девять лет):

«Маму омыли, одели в саван, положили на пол и зажгли две свечи в изголовье. Всю ночь я не смыкал глаз... а утром, вскоре после того, как я задремал, меня разбудил Колман: у тела матери собрался «миньян» на утреннюю молитву. Повторяя за Колманом слова, я произнес свой первый «кадиш» (поминальную молитву)...

Тело положили на носилки, накрыли темно-зеленым покрывалом с вышитой кремовыми нитками звездой Давида и вынесли из дома... Было очень холодно, дул сильный ветер. Обессиленный горем и бессонной ночью, по колено проваливаясь в глубокий снег, я еле поспевал за всеми. Когда мы свернули на Кладбищенскую улицу, мимо нас прошла группа молодых парней, человек пять. Они недружелюбно посмотрели на нас, и один из них прошипел: «У-у, жиды прокляти! Всим вам туда дорога!» Слова эти потрясли меня...

Пришли на кладбище. Долго рыли могилу, мерзлый грунт плохо поддавался кирке и лопате... Тело мамы снимают с носилок. Опускают в могилу. Засыпают землей. «Миньян» читает молитву, в завершение которой я вновь повторяю за Колманом «кадиш». Солнце скрылось. Идет снег...»

Одесса: «Когда мама привезла на еврейское кладбище гроб с телом бабушки, еврей-служба похоронил ее и прочитал молитву. Он сказал: «Мадам! То, что вы сделали это в такое ужасное время, –

великая мицва (заповедь), Всевышний сохранит вас!» Мы остались живы...»

Наум Эпельфельд, гетто Бердичева:

«Я часто думаю о том, как могло случиться, что мы с отцом остались живы. Против нас действовало целое государство. С мощнейшей армией, с колоссальным аппаратом насилия: гестапо, СД, жандармерия и, наконец, украинская полиция. А мы беззащитные, без средств к существованию, вне закона, без самых элементарных человеческих прав... но каждый раз, когда не оставалось ни капли надежды, когда мы стояли на краю пропасти, происходило что-то такое, что изменяло ситуацию, и мы оставались живы...

Я знаю только один ответ: есть высшая сила, которая управляет миром и нашей судьбой. Но почему именно меня хранила высшая сила, какие заслуги у меня по сравнению с теми сотнями тысяч, с миллионами погибших? Это уже отдельный вопрос, над которым надо думать и думать...»

6

Из хасидских рассказов времен Катастрофы.

Яновский лагерь во Львове. Ночью узников выгнали из бараков, подогнали к двум большим ямам и приказали перепрыгнуть через них. Кто не сумеет этого сделать, будет тут же убит. Живые скелеты стояли перед ямами – голодные, истощенные, измученные рабским трудом; один за другим они пытались перепрыгнуть, падали в ямы и навсегда там оставались.

Среди узников были двое – раввин Израэль Шапира и его сосед по бараку, неверующий еврей.

– Шапира, – сказал он. – Нам этого не одолеть. Мы лишь повеселим немцев и полицейских. Лучше спустимся в яму и станем ожидать, когда пули прервут наши жизни.

– Друг мой, – ответил раввин, – человек должен исполнять волю Всевышнего. И если на небе решено, что ямы должны быть вырыты и мы должны через них прыгать, то они будут вырыты и нам придется прыгать. И если, не дай Бог, нам не повезет и упадем вниз, то мгновение спустя мы достигнем мира Истины. Так что, мой друг, мы должны это сделать.

Они приближались к краю ямы, которая быстро наполнялась телами. Раввин посмотрел на свои ноги – вздутые ступни были искалечены болезнями и голодом. Затем взглянул на своего соседа – скелет с горящими глазами. Подойдя к яме, раввин закрыл глаза и властным шепотом

приказал: «Прыгаем!» А когда они открыли глаза, то были уже на другой стороне.

– Шапира, мы здесь! Мы живы! – снова и снова повторял сосед, и слезы текли из его глаз. – Шапира, благодаря вам я жив. В самом деле, есть Господь на свете! Но скажите, ребе, как вы это сделали?

– Я надеялся на заслуги моих предков и держался за полы одежды своего отца, своего деда и прадеда, благословенна их память, – сказал раввин. – Но скажи мне, друг мой, как ты достиг другой стороны?

– Я держался за вас, – был ответ.

Тукумс, Латвия. 27 июня 1941 года, в пятницу, грузовик подъехал к дому раввина Леви Лихтенштейна, и его попросили срочно ехать. Раввин вышел к людям, благословил их, поблагодарил за заботу, но ехать отказался. Во-первых, наступала суббота, и он не желал нарушить ее святость, а во-вторых, большинство евреев не могли покинуть город, и раввин решил остаться с ними. Главный раввин города и его семья погибли вместе со всеми евреями от рук местных полицейских. В начале августа у въезда в Тукумс появилась вывеска на немецком языке: «Свободно от евреев».

В Каунасе погибли рав Авраам Гродзенский, глава иешивы в Слободке, рав Эльханан Вассерман, глава иешивы из Барановичей, и рав Авраам Шапира. В гетто Вильнюса погибли рав Жухович, проповедник из Барановичей, и рав М. Карелиц; в Гродно казнили рава Ш. Гаркави – одного из руководителей иешивы. В Пинске погиб рав Авраам Элимелех Перлов, хасидский цадик из Карлина, пригорода Пинска; там же погиб и раввин Аарон Валкин. В Риге убили рава Рафаэля Коэна и рава Иехезкеля Фейгина. Рав Симха Зелиг Ригер погиб в Бресте, а рав Бенцион Хальберштам – во Львове. В Хотине убили рава Мордехая Исраэля Тверского из династии цадиков Тверских на Украине.

Раввин Иегуда Эвер погиб в Риге в 1942 году. В Черновцах сожгли хоральную синагогу, убили раввина города А. Марка и кантора Гурмона. Рав Шмуэль Александров погиб вскоре после прихода немцев в Бобруйск; там же зверски убили раввина Шмуэля Беспалова, – рассказывали, что он выступил против оккупантов и потому ему отрезали язык, а полицейский вбивал раввину гвозди в голову.

Перечню нет конца...

Понары, место массового уничтожения неподалеку от Вильнюса: «Командовали немцы, исполнителями были литовцы... Внезапно мы заметили группу мужчин, впереди которой шел белый, как лунь, престарелый раввин, облаченный в талес. С раскрытым молитвенником в руке он проследовал мимо нас, словно призрак, громко восклицая: «Утешайте, утешайте народ мой, говорит Господь наш!..» Нас бросило в дрожь. Женщины разразились плачем. Даже конвоировавшие группу литовцы и те были потрясены. Но тотчас же кто-то из них подскочил к ребе и ударом приклада выбил у него из рук молитвенник. Старик стал заваливаться на бок и рухнул, обливаясь кровью...»

Из гетто Вильнюса вывезли за город группу стариков, разместили в здании бывшего дома отдыха, а затем уничтожили. На стенах комнат остались надписи, одна из которых гласила: «Вчера в час дня привезли женщину по имени Тереза Короновская. Она крещеная вот уже шестьдесят пять лет. Перешла в христианскую веру пятнадцатилетней девочкой. Таким образом, ей за восемьдесят, и жизнь она закончит здесь как еврейка».

Меир Дворецкий, израильский историк: «В гетто постоянно задавались вопросом: можно ли считать смерть от рук немцев «кидуш га-Шем» – ради прославления Имени Всевышнего? Ведь у нас нет выбора. Нам не предлагают спасти свою жизнь переходом в другую религию. Ведь и те, кто отказался от иудаизма ради христианства, они тоже несли на себе знак своей крови; их согнали в гетто и лагеря наравне с другими евреями, сохранившими верность вере отцов. Ответ на этот судьбоносный вопрос... нашли у Рамбама: «Суть мученичества в том, что умираешь за свое еврейство».

Самуил Ройтберг: «И вот мы выжили. Конечно, отец наш считал, что это дело Всевышнего. А как он мог думать иначе? В любых условиях отец непрерывно молился, постился, умудрялся созвать «миньян», отмечать религиозные праздники... Но как ему удавалось собирать евреев на Новый год и Судный день, один он это знал...»

Очерк пятьдесят пятый

Юденраты. Еврейская полиция

1

Немецкая администрация создавала на занятых территориях юденраты – еврейские советы, председателями которых становились обычно местные жители, пользовавшиеся авторитетом и доверием у еврейского населения. На сотрудников юденратов возлагалась полная ответственность «за точное и неукоснительное соблюдение всех указаний» оккупационных властей – в противном случае их ожидало суровое наказание. Порой евреи не желали принимать участия в деятельности юденратов, и если не оказывалось желающих, коменданты или бургомистры назначали в еврейские советы по собственному усмотрению.

Юденраты появлялись, как правило, вскоре после прихода немецких войск, и первым делом их обязывали провести регистрацию еврейского населения города или местечка, переселить всех в гетто и разместить там на ограниченном пространстве. Если евреи населенного пункта подлежали скорому уничтожению, вместе с ними погибали и сотрудники юденрата; там же, где гетто существовали продолжительное время, еврейские советы становились местными органами управления под наблюдением и руководством германского командования. Служащие

юденратов занимались внутренними делами гетто – здравоохранение, образование, снабжение продовольствием, пожарная охрана, жилищное хозяйство, социальная помощь, взимание налогов, обеспечение чистоты и порядка на улицах; существовали погребальные отделы, у которых было немало работы, действовала даже почтовая служба – до тех пор, пока жителям гетто разрешали отправлять и получать письма.

Отделы труда в юденратах отвечали за ежедневную поставку необходимого количества рабочих и специалистов для нужд немецкой администрации. Из гетто посылали на работы для восстановления разрушенных зданий, по расчистке улиц, ремонту дорог и мостов, на строительство домов и казарм, на разгрузку и погрузку всевозможных грузов, на фабрики, в гаражи и мастерские по ремонту военной техники, в железнодорожные депо для обслуживания паровозов и вагонов. Чтобы доказать экономическую пользу еврейского населения и хотя бы частично уберечь от уничтожения, юденраты создавали на территории гетто всевозможные производства; это могло заинтересовать оккупационные власти, которые получали продукцию по чрезвычайно низкой стоимости. Интерес был и у частных немецких предпринимателей, зарабатывавших огромные деньги, используя труд практически бесплатной рабочей силы.

Во Львове немецким предпринимателям принадлежали оружейный завод, фабрика по переработке утильсырья, мастерские по пошиву обмундирования для армии и прочие предприятия, в которых работали сотни евреев из гетто. Эфраим Бараш, председатель юденрата Белостока, говорил: «Каждый, кто работает руками, укрепляет общую безопасность».

Еврейские советы искали пути к выживанию и, чтобы прокормить население гетто, поощряли создание мастерских для производства всевозможных товаров, которые сбывали оптовым покупателям для продажи окрестному населению. Изготавливали мебель, одежду, белье, обувь, дамские шляпки, картонные коробки, щетки и корзины, всевозможные кожаные изделия, даже предметы роскоши; в химических лабораториях выпускали крем для обуви, зубную пасту и мыло. Владельцы мастерских платили зарплату своим работникам и вносили налоги в финансовые отделы юденратов; собранные средства шли на нужды жителей гетто, а также на прочие непредвиденные расходы. Очень трудно было доставать сырье; порой помогала взятка, иногда этому способствовали перекупщики, а то и смекалка тех, кому надо было непременно выжить.

Председатели и сотрудники еврейских советов отвечали перед германским командованием за выплату ежемесячных налогов с каждого

жителя гетто и за сбор всевозможных контрибуций, которые налагали оккупационные власти. В Днепропетровске, к примеру, обязали евреев города сдать в комендатуру 30 миллионов рублей, а затем провели массовую акцию уничтожения; в Белостоке потребовали, чтобы еврейский совет собрал 5 миллионов рублей, 5 килограммов золота, 300 килограммов серебра. Время от времени в юденраты поступали приказы: «Еврейское население обязано предоставить для госпиталя три тысячи комплектов одеял, матрацев и белья...» – «Евреи должны сдать свитера, фуфайки, шарфы, рукавицы...» – «Пятьдесят мужских пальто для нужд командования, обувь, белье...» – «Пятнадцать пар хромовых сапог, шесть персидских ковров и 100 000 рублей...»

В юденрате львовского гетто были специально выделенные люди по «накоплению подарков»: они ходили по еврейским домам и собирали вещи, имевшие какую-либо ценность, для передачи оккупантам; однажды сотрудник юденрата отказался выполнить очередную просьбу немецкой полиции – его вызвали туда на «заседание» и застрелили. В городе Ивье в Белоруссии чиновник германской администрации потребовал от жителей гетто 1000 рублей золотом. После этого большинство евреев расстреляли, отобрав перед казнью часы и кольца, а чиновник сообщил оставшимся в живых, что «помнит про ту тысячу рублей, которую он получил, поэтому уничтожены не все».

Пинск: «Офицеры-эсэсовцы вызвали лучших сапожников, приказали каждому за ночь сшить по их заказу по паре сапог. На следующее утро эсэсовские бандиты надели сшитые сапоги, а сапожников погнали на расстрел...»

2

В каждом гетто создавали местную полицию – еврейскую службу порядка. Полицейские носили особые нарукавные повязки, у них не было оружия – лишь резиновые дубинки; во время очередной акции их обязывали собирать узников гетто, выбранных для казни, грузить их в машины и железнодорожные вагоны, разыскивать убежища, в которых прятались обреченные. Полицейские охраняли входы на огороженную территорию (наружную охрану несли немецкие солдаты и местные полицейские), взимали штрафы и контрибуции с жителей, отправляли по утрам на работу и вылавливали уклоняющихся от нее, арестовывали и наказывали преступников; в гетто Вильнюса даже казнили несколько человек, которые во время ограбления совершили убийство.

Одни шли в полицию, чтобы обеспечить дополнительным пайком свою семью и спасти ее от очередной облавы, другие надеялись пожить имуществом увезенных на расстрел, третьи упивались властью и старались выслужиться перед немцами, исполняя любой приказ. В полицию попадали и бывшие уголовники, которые грабили обитателей гетто и помогали их убивать, но даже те из них, что добросовестно выполняли обязанности и оставались в живых дольше других, погибали при ликвидации гетто.

Среди евреев-полицейских было немало таких, что тайком выводили людей из гетто, доставали оружие и передавали его партизанам. В гетто Тернополя полицейские входили в состав подпольной группы, а затем ушли в леса. В Мире с помощью евреев-полицейских около 200 человек вырвались из гетто перед окончательным уничтожением. Руководители еврейской полиции в городах Ивье и Барановичах участвовали в сопротивлении и погибли; в гетто Минска казнили Зиновия Серебрянского, начальника еврейской полиции, за помощь подпольщикам и партизанам. В Девятом форте расстреляли более тридцати евреев-полицейских из Каунаса и их начальника Моше Левина – за отказ раскрыть убежища евреев, которые прятались во время облав.

Рига: «В еврейскую полицию... пошли лучшие парни... Они надеялись, что смогут помогать евреям в эти страшные дни. И они действительно помогали, чем только могли...»

Минск: «Многие еврей-полицейские... были связаны с подпольем и оказывали ему всяческую помощь... Частенько предупреждали нас на идиш: «Убегайте...» Когда опасность миновала, они сообщали: «Евреи, выходите. Погром закончился...» Но были и предатели... Они работали на немцев, полагая, что этим спасут свою жизнь. Но они получили лишь некоторую отсрочку...»

Из рижского гетто пыталась убежать группа молодежи, и во время перестрелки они убили трех немецких солдат; за это казнили 150 жителей гетто, среди них сорок двух евреев-полицейских, «заподозренных в оказании помощи бежавшим».

Судьба евреев-полицейских и сотрудников юденратов не отличалась от судеб прочих узников гетто. В июле 1941 года расстреляли членов еврейского совета города Бельцы в Бессарабии. В августе казнили Давида Альпера, председателя юденрата Пинска: во время первой карательной акции он отказался от должности и разделил судьбу уничтоженных. В сентябре среди расстрелянных оказался Вейлер, председатель еврейского совета во Владимире-Волынском; его убили за попытку нелегально доставить продовольствие жителям гетто.

В Минске председатель еврейского совета Илья Мушкин и сотрудники юденрата были связаны с партизанами, посылали в леса одежду, лекарства, оружие; врачи из гетто лечили раненых партизан, – за это Мушкина расстреляли, и руководителем юденрата стал Моше Яффе. Перед очередной акцией уничтожения немцы под каким-то невинным предлогом собрали обитателей гетто, однако Яффе сообщил им об истинной цели сбора, и его тут же застрелили.

В Калуге старосту гетто избили за то, что в списке узников он применил слова «еврей», «еврейский» взамен – «жид», «жидовский». В Великих Луках «ответственный за евреев» должен был ежедневно рапортовать коменданту по установленной форме: «Я, жид Лабас, докладываю вам... что все жида на месте».

«Какой-то генерал заказал пару галош, но община не успела предоставить к сроку галоши нужного размера. За это престарелый председатель юденрата получил пощечину...»

3

Перед очередной акцией немцы требовали от юденрата предоставить нужное количество людей, и тогда перед его руководителем вставала неразрешимая проблема – кого отправить на уничтожение. В Барановичах председатель еврейского совета Б. Исаксон сказал: «Я не Бог, чтобы решать, кому жить, а кому умирать», – на следующий день Исаксона расстреляли. В Самборе Львовской области немцы распорядились составить списки людей для массовой ликвидации, и глава юденрата ответил на это: «Четверо у меня уже есть: я, моя жена и двое детей. Остальных я не в состоянии вам предоставить».

В гетто Шяуля немцы потребовали от еврейского совета 50 заложников. «О восстании думать не приходилось. Оружия не было. Вместо пятидесяти человек погибло бы всё гетто... Члены юденрата единодушно приняли решение самим явиться к тюрьме».

В октябре 1941 года Йосефа Парнеса, председателя юденрата львовского гетто, обязали составить список 500 мужчин для отправки в трудовые лагеря, где их ожидала гибель от истощения и непосильной работы. Парнес заявил в ответ, что еврейский совет создан не для того, чтобы посылать евреев на смерть; «Людей не отдам», – сказал он, и после жестоких избиений его казнили. Парнеса сменил Адольф Ротфельд, который вскоре умер, не выдержав психологической нагрузки, и взамен него председателем назначили Хенрика Ландсберга.

Весной 1942 года стало известно, что немцы собираются ликвидировать в гетто Львова больных, стариков и нетрудоспособных. Кое-кто соглашался пожертвовать малым количеством узников для спасения остальных, но собрались виднейшие раввины города и решили, что даже ради этого нельзя приносить кого-либо в жертву. Рав Давид Кахане вспоминал: они пошли к Ландсбергу и заявили ему, что «по еврейскому обычаю и по велению своей совести он обязан изыскивать иные пути. Когда придут к нам наши ненавистники и скажут: «Выведите одного из вас и убьем его, а иначе убьем всех – лучше всем умереть, но не предать одну душу из числа сынов Израиля в руки врагов». Так требует еврейский Закон... Но у Ландсберга не было ни малейшего намерения вступать в пререкания с гестапо и рисковать своей жизнью. Перед нами был человек сломленный и раздавленный...»

Карательные акции во Львове продолжались, и вскоре Ландсберга повесили вместе с двенадцатью еврейскими полицейскими. «В тот день стояла чудесная погода. День золотой польской осени, пронизанный солнцем. Тела качались под легким ветерком. Жители Львова вышли поглядеть на чудовищное зрелище...» – «Ян Каминский прибыл в сопровождении жены и двухлетнего сына. Он объяснил, что привел ребенка для того, чтобы тот смог похвастаться, когда вырастет: он видел последних евреев, болтающихся на виселице».

После казни немцы прислали в юденрат счет на веревки, приобретенные для повешения, и потребовали его оплатить. Преемника Ландсберга, последнего председателя юденрата Эдуарда Эберсона, убили при ликвидации львовского гетто вместе с остальными сотрудниками еврейского совета.

В многовековой истории еврейского народа известно немало трагических периодов, однако никогда прежде не было попыток полного уничтожения народа. Законы прошлого не рассматривали подобную ситуацию, а потому духовные авторитеты городов и местечек расходились во мнении. Раввины Вильнюса – подобно львовским раввинам – считали, что нельзя «выдавать сынов Израиля в руки врагов». В Каунасе рав Авраам Кахане-Шапира постановил: «Если еврейскую общину ожидает... физическое уничтожение и существует возможность спасти некоторую ее часть, руководители общины должны набраться мужества и взять на себя ответственность, чтобы спасти тех, кого можно спасти».

Споры возникали во многих гетто: одни из раввинов считали, что следует выдать часть узников ради спасения остальных, другие полагали, что лишь каратели должны решать – кого убивать, а кого оставлять в живых.

В гетто и рабочих лагерях возникали такие проблемы, которых не знали прежде, и верующие евреи обращались к раввинам за разъяснениями – как поступать в тех или иных обстоятельствах, чтобы не нарушить законы Торы. В гетто Каунаса ответы на их вопросы давал раввин Э. Ошри: разрешается ли пользоваться одеждой убитых; могут ли оставшиеся в живых после массового уничтожения благодарить Всевышнего за свое спасение; позволено ли по требованию «проклятых убийц» разъяснять им содержание страниц Торы и Талмуда; можно ли покончить жизнь самоубийством перед карательной акцией, чтобы не видеть, как на глазах родителей станут убивать их детей, – и многое другое.

Вопрос: «Разрешено ли женщине в гетто искусственно прерывать беременность, так как постановили нечестивые, что каждая еврейская женщина, которая забеременеет, будет убита вместе с зародышем?»

Ответ: «Поскольку не вызывает сомнений, что будут умерщвлены и женщина, и ее зародыш, то, конечно же, следует разрешить искусственное прекращение беременности, чтобы спасти жизнь женщины».

Вопрос: «Разрешается ли ходить по улицам города, которые вымостили плитами, взятыми с еврейских могил?»

Ответ: «Вне всякого сомнения, запрещено еврею ходить по улицам, вымощенным могильными плитами, которые взяли проклятые нечестивцы с еврейских кладбищ, чтобы не наступать на эти камни и не добавлять унижения мертвым – в дополнение к тем унижениям, которое уже нанесли им злодеи».

В особом положении находились дети, которых, как правило, убивали в первую очередь, и родители, желая их спасти, отдавали сыновей и дочерей христианским священникам, обращавшим их в свою веру. Это была сложная, мучительная проблема, которая требовала раввинского разъяснения, и рав Э. Ошри постановил:

«В гетто Каунаса, в дни гибели и убийств, когда теряли мы цвет наш, потомство наше, спросили меня... разрешено ли это? Разрешено ли отдавать детей иноверцам, чтобы их прятали до конца войны и падения Гитлера, да будет проклято его имя, когда неизвестно, выживут ли их родители, и детям придется оставаться среди иноверцев, жить в их вере и по их обычаям?»

Ответ... Если ребенка не отдадут иноверцам, то он наверняка погибнет, а среди иноверцев дети останутся в живых. Возможно также, что останутся в живых и родители, которые потом заберут ребенка и вернут его в еврейство. Возможно даже, что сами иноверцы передадут ребенка в еврейское заведение, и могут еще открыться иные пути спасения...»

Руководители юденратов находились в безвыходной ситуации. Хотели они того или нет, сопротивлялись или покорно подчинялись, но волей-неволей они оказывались проводниками нацистской политики, выполняя распоряжения германской администрации. Это и поставило им в вину после войны, обвинив в сотрудничестве с оккупантами; выживших судили советские трибуналы, их присуждали к расстрелу или к длительным срокам тюремного заключения. Однако в те страшные времена лишь у председателей еврейских советов была хоть какая-то возможность повлиять на решения немцев, и если им не удавалось сохранить жизнь обитателей гетто, то кое-где они ее продлевали – в надежде на то, что часть из них доживет до освобождения.

Даниил Кловский, гетто Гродно: «Штраф за малейшее нарушение был один – смерть. И если мы «отвечали» перед гестаповцами только за себя да еще за своих близких, служащие юденратов – за всех нас. Они были, по сути, нашими заложниками в руках гестапо...»

Сотрудники еврейских советов пытались бороться с голодом и болезнями, организовывали бесплатные столовые и раздачу продовольствия, детские дома для сирот и дома для престарелых, создавали в гетто больницы, амбулатории, аптеки, проводили профилактические меры для предотвращения эпидемий, открывали бани, где выдавали мыло и полотенца. Не было почти лекарств, перевязочных материалов, хирургических инструментов; врачи, стоматологи, фармацевты, медсестры в тяжелейших условиях оказывали медицинскую помощь под постоянной угрозой собственной гибели; они скрывали от немцев инфекционных больных, потому что при появлении эпидемии эсэсовцы могли уничтожить всех жителей гетто, опасаясь распространения болезни.

В гетто Каунаса кухня для малоимущих отпускала по пониженным ценам до 800 обедов в день; в гетто Вильнюса работали столовые, которые содержали за счет пожертвований; в Белостоке выдавали в день тысячи обедов – безвозмездно или за небольшую плату. В Бресте еврейский совет содержал детский дом на 80 мест, детский сад на 135 детей, больницу на 75 кроватей, дом престарелых на 80 человек, а также ночлежный дом, в котором ночевало порой до 300 бездомных.

Ружка Корчак:

«Гетто живет лихорадочно, опасно, но живет. Во всех практически областях обнаруживается творческая сила и непоколебимая жизнестойкость еврейского Вильно. Возникают мастерские, даже солидные фабрики, и это – невзирая на невероятные трудности, без средств, почти без

сырья и станков... Работают слесарные, столярные, портняжные мастерские, фабрика керамики, выпускаются пасты, мыло, варенье, плетеные и кожаные изделия...

Особое место занимают механические мастерские под руководством инженеров Маркуса и Рейбмана. Мастерские разделены по отраслям: слесарные, токарные, точная механика, работы по жести, обточка дерева, сварка, цех по изготовлению мебели, деревянных сабо и прочего... Все необходимые производству станки были сконструированы еврейскими инженерами... Во всех этих мастерских заняты сотни евреев... Гетто мало-помалу превратилось в важный для немцев промышленный центр...

В этом и заключалась политика Я. Генса: сделать гетто экономически выгодным и тем самым увеличить шансы на защиту его жителей от уничтожения. «Работа спасает жизнь!» – гетто уверовало в этот лозунг, подстегиваемое могучим желанием выжить...»

Яков Генс был главой гетто в Вильнюсе и начальником еврейской полиции. Он считал, что лучше пожертвовать некоторыми, чем потерять всех, перед каждой акцией торговался с немцами о количестве требуемых евреев, стараясь отдавать стариков и неизлечимо больных, а потому определял – кому жить и кому умереть. Григорий Шур, из дневника: «19 октября 1942 года, в понедельник, из Вильно выехала «карательная экспедиция»... для «чистки» евреев в Ошмянах. К великому стыду и позору, экспедиция состояла из евреев, которые должны были сами произвести эту «чистку» своих несчастных собратьев... «Работа» свелась к тому, что участники экспедиции выбрали 406 евреев и застрелили самым холодным и циничным образом... Первоначально гестапо требовало 1500 молодых женщин и детей... Но благодаря стараниям г. Генса удалось «отделаться дешевле»: выбрали 404 человека старшего возраста и двух малых детей, их-то и отдали в руки палачей. Это считалось за «удачу»...»

После акции в Ошмянах Генс сказал сотрудникам юденрата: «Мы отобрали таких, кому жить оставалось недолго... и пусть простят нас те, кем пришлось пожертвовать. Вы должны знать, что это мой долг – обогреть руки в крови своего народа, ибо на мне, на вас лежит обязанность сохранить молодежь, интеллигенцию, наше завтра... Я только жалею, что мы отсутствовали во время акций в Кимлишках и Быстрице, где уничтожили всех евреев».

В сентябре 1943 года Генса вызвали в гестапо и сразу же застрелили. Из воспоминаний узников гетто: «Каждый знал, что у Генса была масса возможностей спасти себя... но он пренебрег личной безопасностью. Он верил в свои способности и был до последнего мгновения убежден, что сможет спасти остатки гетто...» – «Хотя раньше было два мнения о Якове Генсе, были у него сторонники и противники, теперь все сходились

в одном: гетто потеряло человека, игравшего огромную роль в жизни евреев... Весть об убийстве Генса молнией пронеслась по гетто и поразила его обитателей. Все сразу почувствовали себя осиротевшими и беззащитными...»

Эфраим Бараш, председатель юденрата Белостока: «Счастье, что мы не можем предвидеть будущее, ибо в противном случае не захотели бы оставаться в живых...»

6

В Транснистрии, в гетто Жмеринки, главой еврейской общины стал адвокат из Черновиц Адольф Гершман. «Это был выхоленный самодовольный мужчина лет сорока. Носил драгоценные перстни, щеголял дорогой тростью. На именины к нему пришла целая делегация румынских и немецких офицеров...» – «Он был деспотом. Он был, если угодно, монархом. Он не терпел ни малейших отступлений от своих распоряжений. Он требовал беспрекословного подчинения. Он не считался ни с кем и ни с чем. За любую провинность евреи получали тяжкие наказания. Но он сохранил евреям Жмеринки жизнь».

Еще в мирные годы, во время адвокатской практики, Гершман помог выпутаться из беды румыну Ионеску, который во время войны стал начальником жандармерии Жмеринки. Ионеску не забыл той услуги, и между ними установились хорошие отношения, благодаря которым Гершману удалось спасти 3000 узников гетто.

Среди прочего Гершман добился того, чтобы евреев не избивали и не отправляли на работы в немецкую зону оккупации; по его просьбе румынские солдаты и местные полицейские не заходили в гетто без специального разрешения.

Эфраим Вольф:

«Гершман прекрасно владел немецким, румынским и французским языками. Походка у него была важная, движения – уверенные, одежда – шикарная. С немцами и румынами он говорил с чувством собственного достоинства, и не было случая, чтобы его кто-нибудь оскорбил. С евреями он говорил на идиш... иногда властно, а иногда с отеческой снисходительностью...»

По инициативе Гершмана и с одобрения Ионеску в гетто открыли... цехи – коженый, мыловаренный, гвоздильный, веревочный, по производству спирта, по производству газированных вод, портняжную

и сапожную мастерские... При содействии Ионеску цехи и мастерские получали сырье по ценам для неевреев и сбывали свою продукцию оптовым покупателям вне гетто. Прибыль делилась между румынской администрацией, правлением общины, владельцами цехов и мастерских; рабочим тоже кое-что перепадало...

Благодаря денежным поступлениям в общину... бедные семьи время от времени получали продукты и топливо, а некоторые – готовую пищу из общественной столовой, где питалось постоянно около двухсот сирот. Правление общины субсидировало в гетто также поликлинику, аптеку, инвалидный дом на двадцать два человека, больницу на двадцать пять мест... Ежедневные богослужения происходили в синагоге в Хлебном переулке. В гетто были общеобразовательная школа, детский сад и хедер...

Гершман ввел в гетто железную дисциплину и наложил на евреев тяжелое бремя выполнения требований румынской администрации... Он знал, что невыход на работу требуемого количества людей означает гибель для всех, и был беспощаден к уклоняющимся. По его указанию не один из них получил двадцать пять ударов резиновой дубинкой по голому телу...

Гершман правил как маленький царек: кого хочу – казню, кого хочу – милую. Иных он спас от голода и холода, иных – от смерти. Но было немало случаев, когда он проявлял себя как самодур и садист... Одни считали Гершмана добрым человеком, другие – злым и аморальным, одни – справедливым отцом, другие – своевольным самодуром. Кем он был на самом деле – трудно сказать, но благодаря ему все мы остались живы».

Евреи из немецкой зоны оккупации бежали в Транснистрию, чтобы спастись от неминуемого уничтожения. В гетто Жмеринки укрылись 300 евреев из местечка Браилова, расположенного неподалеку; немецкие власти потребовали вернуть их обратно, в противном случае грозили ликвидировать всё гетто. Чтобы предотвратить это, Гершман вынужден был возратить евреев в Браилов, где их немедленно уничтожили. После освобождения Жмеринки это поставили ему в вину, и Гершмана расстреляли по приговору советского военного трибунала.

В Кременце оккупанты убили председателя юденрата Б. Каца. Расстреляли Ш. Круха, главу юденрата города Чорткова на Украине, за отказ сотрудничать с немцами. Начальник гетто в Гродно лично застрелил Д. Бравера, председателя юденрата; в Орле казнили после пыток главу юденрата И. Фельдмана; в Белостоке отправили в лагерь уничтожения Э. Бараша, руководителя еврейского совета, который передавал подпольщикам золото для приобретения оружия.

Г. Ландау, председатель юденрата Кишинева, отказался представить списки на депортацию и принял яд. М. Бергман, председатель еврейского совета Ровно, покончил с собой, чтобы не выполнять указания немцев. Покончили жизнь самоубийством председатели юденратов Ц. Видер в Белостоке и А. Мадер в Гродно; в гетто Пружан пытались покончить с собой более сорока сотрудников еврейского совета вместе со своими семьями.

Подобное происходило не только на территории СССР. Глава юденрата варшавского гетто Адам Черняков записал в дневнике в июле 1942 года: «Нам объявили, что – за немногими исключениями – все евреи любого возраста и пола будут вывезены на Восток. Сегодня до 16 часов надлежит поставить 6000 человек. То же самое (если не больше) и в другие дни». Председателю юденрата приказали подготовить к отправке эшелон детей; Черняков оставил жене записку: «От меня требуют, чтобы я собственными руками убивал детей моего народа. Мне остается только умереть» – и принял яд. На его похоронах траурную речь произнес Януш Корчак.

В 1919 году Яков Выгодский стал министром по еврейским делам в правительстве Литовской республики, жил в Вильно, был затем депутатом польского сейма, написал на идиш несколько книг мемуаров. Когда немцы заняли Вильнюс, Выгодский вошел в состав юденрата и отказался поставлять евреев на работы, пока не поступят известия от тех, кого увезли прежде.

Из воспоминаний: «Выгодскому восемьдесят пять лет, и он не клонит головы перед насилием. 24 августа его забрали и увезли в тюрьму Лукишки... Тяжелобольной старик лежал, изнывая от страданий... в забитой до отказа камере, куда немцы натолкали 75 заключенных... Когда всех забрали из камеры, кто-то хотел оставить ему свое пальто, но Выгодский отказался: ему оно уже не понадобится, а другим, может, еще пригодится. Так в одиночестве, на стылом тюремном бетоне, в муках ушел из жизни заступник евреев «Литовского Иерусалима» Яков Выгодский».

Яков Генс, из выступления на вечере интеллигенции гетто Вильнюса:

«Многие из вас считают меня изменником... Я, Генс, веду вас на смерть, и я, Генс, хочу спасти евреев от смерти... Я веду счет еврей-

ской крови, а не еврейской чести. Если у меня требуют сто евреев, я отдаю. Потому что, если мы, евреи, этого не сделаем, то придут немцы и всё гетто будет уничтожено. Жертвуя сотней людей, я спасаю тысячу; тысяча, которую я отдаю, спасает десять тысяч.

Вы, интеллектуалы, не прикасаетесь к грязи гетто. Вы выйдете из гетто чистыми... Но я, Яков Генс, если выживу, выйду грязный, мои руки будут обгарены кровью. И несмотря на это, я добровольно предстану перед судом евреев. И я скажу: я сделал всё, чтобы спасти как можно больше узников гетто и вывести их на свободу. И для того, чтобы хоть немногие евреи остались в живых, я должен был вести евреев на смерть. А чтобы евреи вышли на свободу с чистой совестью, я должен был валяться в грязи и поступать бесчестно».

Раввин Э. Беркович:

«Существует огромная разница между жестокостью палачей и жестокостью жертв. Первые – уверенные, что они хозяева мира, жиреющие на награбленном, по собственной воле выбрали путь служения злу. Вторые – несчастные жертвы, мораль которых сломлена чудовищным варварством. Жестокость первых – противоестественна. Жестокость вторых – естественный результат невообразимой бесчеловечности убийц.

При этом невозможно понять, как удалось подавляющему большинству узников сохранить человеческий облик до самого конца и достичь таких высот самопожертвования! Это и есть истинная загадка гетто и лагерей».

Очерк пятьдесят шестой

Ликвидация гетто на территории СССР

1

Скульптор Эльмар Ривош, из дневника (гетто Риги):

«Улица залита кровью, белый снег за ночь стал серым с красными разводами. Трупы – старики, женщины, дети! Помятые колясочки, детские санки, сумочки, перчатки и галоши, мешочки с продовольствием, бутылочка с соской – в ней замерзшая овсянка, детский ботинок. Трупы еще теплые и мягкие, лица залиты кровью, глаза открыты.

Мы должны доставить трупы на кладбище... и идем теперь копать могилы. Роем яму у сожженной кладбищенской синагоги... К нам подходит полицейский и предупреждает, чтобы теперь никто не выходил с кладбища и не подходил к ограде. Оказывается, что некоторые крайние улицы не успели за ночь очистить и сейчас проведут последнюю колонну...

Ждать не долго, раздаются знакомые окрики. Над оградой появляются головы и плечи конных стражников, за оградой – шарканье многих ног. Железные ворота кладбища не достигают до земли на двадцать пять – тридцать сантиметров. Стоя в яме, можно видеть бесконечное количество ног. Ноги движутся осторожно, мелкими шажками, точно боясь подскользнуться. Все женские, иногда мелькают маленькие, детские ножки;

кто-то ощупывает дорогу палкой... Ноги жертв и головы всадников. Как много они говорят, как ужасны эти ноги, сколько наглости и удовлетворения в этих головах и плечах! У нас нет оружия, есть только ненависть и жажда мести – этим горю не поможешь. За оградой удивительная тишина, изредка слышится детский плач или окрик погонщиков. Ног больше не видно, всадники медленно удаляются...

Солнце всё ниже. Надо торопиться с работой. Ямы быстро засыпаются мерзлым песком. Вырастает большой светло-желтый бугор... И вот как бы по молчаливому уговору сорок–пятьдесят евреев становятся полукругом у могилы, лицом к востоку. Вперед выходят те, кто только что похоронил своих матерей и отцов. Я не молюсь – не умею, но стою, как замороженный, не ощущая тела, только сердце готово выскочить из груди, по затылку ползут мурашки...»

2

В зимние месяцы 1942 года истребление евреев «замедлилось»; причиной тому были сильные морозы, и из Белоруссии докладывали в январе того года: «Полная ликвидация в настоящее время невозможна, так как земля сильно промерзла, чтобы можно было выкопать ямы, которые станут затем могилами для евреев». С весны карательные акции возобновились в полном объеме, и очевидец свидетельствовал (Пирятин, Украина): «Я видел, как они убивали. В пять часов дня скомандовали: «Засыпать ямы!» А из ям раздавались крики, стоны. Под землей люди еще шевелились. Вдруг я вижу – из-под земли поднимается мой сосед Рудерман... Он кричал: «Добей меня!..» Из-под тела женщины выполз мальчик лет пяти и отчаянно закричал: «Маменька!» Больше я ничего не видел – упал без сознания...»

Летом 1942 года германское командование уже докладывало: «За последние десять недель мы ликвидировали в Белоруссии около 55 000 евреев. На территории Минского района евреи полностью устранены без какой-либо угрозы для экономической деятельности...»

«Теперь на улицах местечка были одни женщины. Они бродили, как тени. Лица желты, глаза потухли. Счет времени велся по промежуткам между одной и другой резней в окрестных местечках. Отсюда делали вывод, сколько дней оставалось им жить...»

В районе Бронной Горы под Брестом выкопали гигантские рвы, самый большой из них – длиной 63 метра, шириной до 7 метров, глубиной 4 метра. С июня 1942 года начались акции массового уничтожения,

и вскоре гетто Бреста перестало существовать. Уцелело не более пятнадцати человек: «Мы были почти раздеты и мучились два года в погребах, на чердаках, в сараях, в самые сильные морозы оставаясь на улице. Если не замерзли, то это чудо. По полгода не раздевались, не видели вареной пищи. Если бы такая жизнь протянулась еще две недели, мы бы не выдержали...»

В июле 1942 года ликвидировали гетто Смоленска, уничтожив до 2000 человек. Во время акции особенно отличился полицейский Т. Тищенко – в местной газете «Новый путь» напечатали о нем хвалебную статью под названием «Образцовый страж порядка». В те же дни газета на латышском языке сообщила о событии в Даугавпилсе: «28 июля в городе был на редкость праздничный день, потому что именно в этот день Даугавпилс раз и навсегда освободился от предателей народа – последних остатков жидов. Вычистить до последнего 14 000 жидов... это действительно труд, достойный восхищения».

Генерал-комиссар Белоруссии докладывал начальству летом 1942 года: «Командование армейской тыловой зоны, превысив свои полномочия, вмешалось в наши приготовления к ликвидации евреев в Глубоком. Без согласования со мной оно ликвидировало 10 000 евреев, систематическое устранение которых, безусловно, планировалось и нами...»

«Там, где мы с тобой росли, учились, любили, – трава, а близкие в земле. Нет больше Екатеринополя, осталась только девочка Соня... Чудом она спаслась, немцы трижды вели ее на казнь... Осенью 1942 года расстреляли всех – из Екатеринополя, Шполы, Звенигородки... Я ходил среди развалин, искал людей, но никого не нашел, все расстреляны...»

Роман Кравченко об однокласснице Фейге (из дневника украинского подростка, город Кременец, 1942 год):

«Сегодня они увезли Ф. Не могу передать свои чувства. Очень тяжело, стыдно. Потому что есть люди, которые смотрят на это безразлично или со злорадством: «Что, ему жалко евреев? Какой идиот!»

Чем Ф. хуже вас? Она намного лучше вас, каждого из вас, лучше во всем! Она была единственной девушкой, с которой я мог быть всегда откровенен. Как прекрасно иметь друга, который понимает тебя и чувствует то же, что и ты. Она была хорошей и храброй девушкой. Когда ее увозили, она стояла с гордо поднятой головой. Это было полчаса назад... Я уверен, что и умирая она не опустит голову.

Ф., знай, что я помню о тебе, я не забуду тебя и наступит день, когда я отомщу! Моя «первая любовь», оставившая самые чистые воспоминания. Она была моим идеалом. Последний привет от Ромки!»

В конце октября 1942 года Гиммлер издал приказ: «несмотря на соображения экономического характера, немедленно ликвидировать гетто Пинска», которое «является центральной базой бандитского движения в болотах Припяти». В последние дни существования гетто доктор Эльханан Айнбиндер написал прощальное письмо родителям: «Пусть Бог смилуется над народом Израиля и над нами. Будьте здоровы и крепки, мои дорогие, горячо любимые родители. За всё, что вы сделали, за ваше хорошее воспитание и за то, что посвятили нам свою жизнь, самая большая благодарность. Желаю вам хорошей старости...»

«Когда фашисты приступили к ликвидации пинского гетто, Шая вместе с женой и четырехлетним сыном спрятался за фальшивой стеной чердака. Чтобы спасти семью, он оставил внизу своего грудного ребенка; младенец своим плачем мог выдать их укрытие. Жена Шай не соглашалась с таким решением, но он силой забрал ее на чердак. Вокруг гремели выстрелы, доносились крики и стоны людей, но на протяжении четырех дней они слышали лишь плач своего ребенка...» – «Вскоре семью начала мучить жажда... В одну из ночей Шая решил пойти за водой. Подтолкнули его на это слова сына, который сказал: «Когда немцы придут, чтобы нас убить, я попрошу у них попить воды...»

Командир роты полицейского полка докладывал из Пинска: «В первый день казнили около 10 000 человек... 30 октября гетто прочесали во второй раз, 31 октября – в третий и 1 ноября в четвертый раз. Всего к месту сбора пригнали около 15 000 евреев. Больных и детей, оставленных в домах, казнили в гетто, во дворах...» Кое-кому удалось вырваться за ограждение и уйти в леса; их выдавало местное население, и лишь немногие сумели добраться до партизанских отрядов.

Из рекомендаций немецкой полиции: «Многие прячутся в подполах. Такие места следует взламывать снаружи, посылать туда служебных собак (в Пинске замечательно оправдала себя при этом служебная собака Аста) или забросить в подпол ручную гранату...» – «Рекомендуется привлекать малолетних к указанию укрытий, обещая им за это жизнь...»

С ноября 1942 года, в течение нескольких месяцев, вывезли в Треблинку и Освенцим более 30 000 евреев Гродно и окрестностей, после чего в городе появилось объявление: «Свободен от евреев». Анатолий Ванукевич: «Без воды и пищи, в до предела переполненных вагонах, со скоростью пассажирского поезда мчались мы из Гродно... в Освенцим... Ночью на перегоне между Лодзью и Краковом меня на ходу поезда выбросили через

окошко. Я хорошо помню слова родителей: «Живи, Толя, живи», их поцелуи и слезы, оборвавшиеся внезапно. Я оказался в снегу под откосом...»

Летом 1943 года были ликвидированы гетто во Львове, Тернополе, Дрогобыче и в других городах Восточной Галиции. Сохранилось письмо неизвестной женщины, найденное в ее платье: «Так убого, так безжалостно мы должны погибнуть... Верите ли вы, что мы хотим такого конца, хотим так умереть? Нет! Нет, мы не хотим! Несмотря на всё, что пережили... Нелегко расставаться навсегда. Прощайте. Прощайте...»

«В кузове машины сидели двое вооруженных солдат, а между ними несколько... молодых людей. Одежда на них была грязной и мятой, с желтыми звездами на груди. Один смотрел на меня совершенно мертвыми глазами, в которых был страх смерти. Этот взгляд мне долго мерещился...»

Из воспоминаний советского военнопленного (Латвия):

«Ежедневно в огромный Саласпилский концентрационный лагерь прибывали по два-три эшелона с евреями из Франции, Бельгии, Германии и других стран. Их выводили из битком набитых товарных вагонов и тут же убивали. Мужчин, женщин, детей, старух, всех подряд. Сначала совсем открыто... возле полотна железной дороги, на глазах пассажиров замедлявших ход поездов. Однажды это пришлось мне увидеть собственными глазами...

Светало, хотя еще лежали сумерки. День был сырой, пасмурный... Шагах в пятидесяти от полотна на краю длинного рва стояла шеренга людей в штатском. У самого полотна густой цепью спиной к нам сгрудились автоматчики. Не те буйные веселые фронтовики – дети Марса, а темно-серые, в низко надвинутых, мокрых от промозглой измороси касках – бездушные истуканы. Казалось, это даже не люди, а созданные людьми роботы, вышедшие из-под контроля и их же пришедшие убивать...

Раздались автоматные очереди, и люди у рва стали беспорядочно валиться вперед, в ров и в стороны. Один, махая руками, закрутился на месте, другого согнуло пополам. Рядом в купе пронзительно закричала девушка...

Смерть видел я и на войне, и в лагере, но здесь было совсем другое. Здесь потрясала именно холодно безличная фабричность убийства. И это наглое выставление напоказ...»

4

Лиля Герц, гетто Львова:

«Мы сидим в убежище. На улицах гетто идут убийства, слышны выстрелы немцев и крики убиваемых ими людей.

Убежище на чердаке. Оно состоит из двух частей, разделенных кирпичной перегородкой. Вход хорошо замаскирован.

Нас сорок человек. Душно. Воды мало.

Ночью немцы отдыхают, поэтому тихо до утра.

Около пяти часов начинают доходить звуки, словно кто-то раскачал колокол. Сначала тихие, просящие, одинокие звуки, а потом страшный крик, уносящийся куда-то вверх и заглушающий выстрелы. Это кричат те, кого убивают...

Слышны взрывы – это гранатами выгоняют людей из убежищ. За взрывами слышатся стоны и крики, возгласы немцев: «Леонард, гляди, я уложил ее одним выстрелом, а она ведь далеко стояла...»

С нашим маленьким Дзюней творится что-то невообразимое. Он много говорит и плачет. Снова обыскивают наш дом, обстукивают потолок, пол, стены.

– Расскажи мне сказку! Слышишь? А то я буду кричать, – говорит Дзюня...

Я начинаю шепотом рассказывать сказку, растягивая каждое слово, лишь бы как можно дольше удержать внимание ребенка.

– Знаешь, Дзюня, – говорю я, – когда мы выйдем из убежища, придет папа, он купит тебе лошадку.

Дзюня отвечает мне, также растягивая слова:

– Всё ты врешь. Папа не придет, его убили гестаповцы...

Лицо у него горит. Он всё время пьет воду... вертится, вскрикивает при каждом звуке, доносящемся снаружи.

Мы в полном изнеможении от страха, голода и жажды.

К вечеру к нам в дом входят немцы. Они разговаривают громко, как обычно.

Вдруг Дзюня встает и смотрит по сторонам безумными глазами:

– Теперь, – говорит, – я буду так громко кричать, что они придут.

Мы зажимаем ему рот. Мать умоляет, целует его и плачет. Ничего не помогает. Он кусает ей руки, колотит ногами в живот.

Как велики были наши страдания, если даже маленький мальчик сошел с ума!

Он умер, и ночью мать выносит тельце бедного Дзюни, закапывает его в погреб...»

5

Германия проигрывала одно сражение за другим, немецкие войска отступали на запад, но система уничтожения работала безотказно, в ней были заняты тысячи солдат, которых можно было бы использовать на

фронте. И вновь обострился спор между гражданской администрацией и руководителями СС, настаивавшими на скорейшем истреблении евреев. Рейхскомиссар Украины докладывал Гитлеру: «Я лишился 500 000 евреев, которых вынужден был уничтожить, так как евреи являются вредным элементом. Но... (теперь) у меня нет достаточного количества сапожников, чтобы починить обувь наших работников. С тех пор как ликвидированы евреи, я не могу найти им замены».

Экономисты рекомендовали отложить «окончательное решение еврейского вопроса», однако расовая идеология нацистов и пожелания фюрера не подлежали обсуждению – евреев отправляли на «особую обработку» вопреки экономической выгоде. В июле 1943 года Гиммлер приказал ликвидировать все гетто на территории «Остланд»; одних расстреливали на месте, других – трудоспособных мужчин и женщин – заключали в концентрационные лагеря, которые находились в ведении СС.

Григорий Шур записывал в дневнике (гетто Вильнюса, июль 1943 года): «Напряжение достигло наивысшей степени. Казалось, уже начинается ликвидация. Люди потеряли голову. Ночью в гетто многие не раздевались и не спали, ожидая в смертельном страхе, что вот-вот ворвутся гестаповцы и литовские полицейские и начнется ужасный конец... Вечером стало известно, что гроза прошла стороной... Сообщили, что евреев виленского гетто решено не убивать. Эта радостная весть с быстротой молнии разнеслась по улочкам гетто... и наполнила сердца измученных страхом людей надеждой жизни, хоть тяжелой, почти кошмарной, но всё-таки жизни...»

Но то была лишь временная отсрочка. В сентябре началось окончательное уничтожение евреев Вильнюса: «Всем стало ясно, что наступил последний день их жизни. Большинство людей, уже измученных голодом и долгими бессонными ночами, было настолько истощено, что отнеслось к этому почти равнодушно: пусть уже будет, что будет, лишь бы скорее конец...» К концу сентября гетто в Вильнюсе перестало существовать; оставшихся в живых отправили в лагеря Эстонии и Латвии. «Немецкие, литовские, украинские солдаты вывозили и вытаскивали обнаруженные в домах вещи... Квартиры были разгромлены, окна и двери открыты настежь, стекла выбиты. В покинутых домах горели лампы, зажженные людьми перед уходом, их некому было тушить... По опустевшим улицам гетто расхаживали полупьяные украинские солдаты и на музыкальных инструментах, украденных в уничтоженном еврейском театре, наигрывали веселые песенки...»

На вокзале города вывесили плакат: «Вильнюс свободен от евреев».

В Вильнюсе еще оставались евреи со своими семьями для работы в автомобильных мастерских и на фабрике по изготовлению

меховых изделий для немецкой армии. В марте 1944 года увезли на смерть их детей, а вскоре подошла очередь родителей.

Гетто в белорусском городе Лида прекратило существование в сентябре 1943 года: его жителей вывезли в Польшу, в лагерь уничтожения Собибор. В сентябре–октябре ликвидировали гетто в Минске: одних расстреляли за городом, других отправили в Собибор. Абрам Рубенчик (Минск): «У папы Исроэля и мамы Нахамы семья была многодетная: четверо девочек и трое мальчиков... Старшую сестру звали Ёха, потом я – Абрам, за мной Элька, Гесл, Хая, Ярухам и самая младшая Тайба. Пятеро братьев и сестер погибли в минском гетто. Остались только двое – Ёха и я...»

В декабре 1943 года ликвидировали гетто во Владимире-Волынском на Украине: за время его существования там было уничтожено более 20 000 человек. К тому времени еще оставались в живых остатки узников Яновского лагеря во Львове: «Пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных... Композиторам предложили сочинить особую мелодию, которую называли «Танго смерти», а незадолго до ликвидации лагеря расстреляли всех оркестрантов».

Рассказывали, что музыкантов Яновского лагеря выстроили в круг и убивали по одному, а ожидавшие своей очереди исполняли «Танго смерти». Последним был профессор Львовской консерватории скрипач Леон Стрикс. На прощание он запел по-немецки: «Вам завтра будет хуже, чем нам сегодня...» Его застрелили.

6

К ноябрю 1943 года трудоспособных обитателей рижского гетто перевели в рабочие лагеря в Латвии, где использовали на тяжелых работах: «Заключенная № 5007 – это я. Фамилия и имя здесь не существуют, есть только номер...» Перед подходом Красной армии оставшихся в живых отправили в концлагерь Штутгоф возле польского города Данцига, где содержали в чудовищных условиях.

«Первое, что мы увидели в Штутгофе, – горы обуви. Детские туфельки, кирзовые сапоги, ботинки, женские туфли, стоптанные башмаки стариков. И – пинетки новорожденных... Рядом с горой обуви – гора человеческих волос...»

«Женщины рыли окопы. Работали по пояс в воде. Спали на земле. Когда обмороженные руки и ноги начали гноиться, их вернули в лагерь (и уничтожили). Рыть окопы повезли других...»

«Одна женщина в Штутгофе не выдержала и бросилась на проволочную ограду под током. Это единственный способ покончить жизнь самоубийством. Но женщину только потрясло... Узнав об этом, надзирательница сильно избила несчастную. Орала, что никто не имеет права так поступать: «Жизнь принадлежит Господу Богу!..»

«Нам объявили: все должны выстроиться в одну шеренгу и по команде скакать на одной ноге... отставшие будут отправлены в крематорий. Одна девочка пыталась поддержать свою маму: «Держись, мамочка, прыгай, мамочка, не падай!..» Мама всё-таки упала...»

Трудовой лагерь Райняй в Литве (1944 год): «Не всем бежавшим удалось спастись. Матери с детьми бродили по лесам, теряли направление, замерзали. Весной в лесах было найдено немало трупов, мертвые женщины прижимали к себе мертвых детей...»

Из Каунаса отправляли в трудовые лагеря в Эстонию, где рабочий день длился четырнадцать часов. Мужчины и женщины корчевали там лес, работали в шахтах, прокладывали дороги, строили бункеры и укрепления; тысячи узников погибли от истощения, холода, непосильной работы и непрерывных избиений. «Бежать почти невозможно: кругом болота, овраги, непроходимые леса. Да и зоркая, беспощадная стража вокруг...» – «Одна из женщин попыталась бежать... Ее поймали, избили, заставили носить на груди плакат с надписью: «Ура! Ура! Я снова здесь!..»

Летом 1944 года, перед подходом советских войск, последних обитателей гетто Каунаса погрузили в вагоны: одних повезли в лагерь уничтожения Дахау, других – в Штутгоф. Труды Биргер, из воспоминаний:

«Северное солнце сверкало на солдатских пуговицах, на стволах ружей и начищенных сапогах. Оно было и в прищуренных взглядах, направленных на нас. Охрана стояла наготове: огромные собаки, тяжело дыша, рвали поводки, оскаливая зубы. Может быть, они ощущали исходящий от нас запах страха? Их раздражал кислый запах давно не мытых тел, смрад мочи и испражнений, от которых мы не могли избавиться, нечистое дыхание, вырывавшееся из наших ртов, вонь болезней, страха и голода...

Это был Штутгоф, неподалеку от Данцига, на Балтийском побережье... Из высоких труб поднимался в небо черный дым. Я решила, что это пекарни или какие-то фабрики. Я еще не знала о существовании крематориев...

Маму толкнули направо, к группе сидящих женщин, которым еще предстояло немного пожить, а меня бросили в кучу... дистрофиков, которым предстояло умереть прямо сейчас... Куда бы я ни смотрела, везде

были голые тела, настолько сморщенные и истощенные, что даже не верилось, что это женщины – чьи-то дочери, матери, жены, которые когда-то любили, рожали, кормили детей. Они были покрыты трещинами, ссадинами, язвами, следами от укусов вшей. Их покорность и безразличие к происходящему говорили одно: «Дайте нам спокойно умереть...»

А мы с мамой всё оборачивались друг к другу, я кричала: «Не отчаивайся, мама! Постарайся уцелеть!» или что-то в этом роде...»

«Перед тем как Красная армия освободила Каунас, нацисты живо сожгли тех, кто еще прятался в гетто... Солдаты забрасывали чердаки и подвалы гранатами, а затем поджигали дома из огнеметов, ликвидируя беззащитных стариков и старух, которые рискнули остаться в гетто...»

7

Задолго до окончания войны нацистские лидеры начали понимать, что им придется отвечать за миллионы убитых евреев и за чудовищные способы их уничтожения. По приказу Гимmlера создали специальные отряды СС, которые после «профессиональной» подготовки должны были ликвидировать следы преступлений. Узник Яновского лагеря во Львове свидетельствовал: «Были организованы специальные десятидневные курсы по сжиганию трупов... На месте, где выкапывали их и сжигали, Шаллок рассказывал, как практически это производить, разъяснял устройство машины по размолу костей...»

Эсэсовец П. Блобель, руководитель работ по ликвидации трупов, показал на судебном процессе в Нюрнберге: «Я наблюдал за сожжением тел в общей могиле под Киевом... После того как верхний слой был снят, трупы полили горючим материалом и подожгли. Прошло около двух дней, пока могила прогорела до дна... После этого могилу засыпали и почти все следы уничтожили... В мои обязанности входили все районы действий эйнзацгрупп, но ввиду отступления из России я не смог полностью выполнить приказ».

Для проведения этих работ использовали зондеркоманды, в которые посылали военнопленных и евреев из гетто. Они вскрывали могилы, сжигали останки, дробили кости в специальных машинах до полного их измельчения, пепел закапывали в землю, разбрасывали по полям, топили в реках, на месте могильных рвов высаживали деревья, а обнаруженные в пепле обручальные кольца, золотые зубы и прочие ценности отправляли в Германию, – так происходило в Бабьем Яре и Понарах, в Девятом форте возле Каунаса, в Малом Тростянце около Минска

и в других местах. После окончания работ заключенных расстреливали; уничтожали и местных полицейских, которые их охраняли, чтобы не осталось свидетелей.

«Унтершарфюрер Шаллок любил произносить речи. Он объяснял, что обычно немцы сменяют членов бригады каждые восемь–четырнадцать дней. По истечении этого срока «живые фигуры» обязаны присоединиться к «мертвым фигурам», но ввиду того, что они очень хорошо работают, он позволит им пожить еще...»

В ноябре 1943 года подняли восстание 150 человек, занятых сжиганием трупов во Львове. Они убили нескольких эсэсовцев, прорвали заграждение, но вскоре были уничтожены – мало кому удалось скрыться.

Белоруссия:

«Возле каждой деревни возвышался заметный холм, в котором были зарыты уничтоженные евреи, – не сосчитать этих могил. С утра до поздней ночи мы сжигали по 200–300 трупов и зарывали пепел в ямы. Под Гродно мы сожгли несколько тысяч трупов. Особенно большое количество сожгли в четырнадцати километрах от Белостока...»

Как-то ко мне подошел немец и сказал: «Жить вы всё равно не будете, а если даже останетесь в живых и кому-нибудь об этом расскажете, вам никто не поверит...»

Нас выстроили возле ямы, повернув к ней лицом. Гестаповец взмахнул перчаткой и отдал приказ: «В яму!» Я крикнул: «Спасайтесь!..» Все пронзительно закричали и бросились бежать...

Из нашей группы остались в живых девять человек... Но еще сегодня звучит и, наверное, всю жизнь будет звучать в наших ушах этот приказ накануне смерти: «Ин дер грабе, марш!» – «В яму, марш!..»

Варакляны, Латвия: «Весной 1944 года немцы пригнали пленных красноармейцев. На руках и ногах у них позвякивали цепи. Пленных заставили разрыть рвы и сжечь трупы евреев, а затем расстреляли здесь же в лесу...»

И. Эренбург (Малый Тростянец возле Минска): «Незадолго до разгрома немецкое командование приказало выкопать трупы, облить горячим и сжечь... Я увидел обугленные женские тела, маленькую девочку, сотни трупов. Неподалеку валялись дамские сумки, детская обувь, документы. Я тогда еще не знал ни о Майданеке, ни о Трешлинке, ни об Освенциме. Я стоял и не мог двинуться с места, напрасно водитель меня окликал; трудно об этом писать – нет слов...»

В Девятом форте возле Каунаса группа заключенных занималась ликвидацией трупов; их подгоняли, торопили, увеличивая ежедневную норму сожжения. «Михл Гельбтрук, артист... во время работы постоянно напевал песенку: «Реками льется красная кровь. Двадцать тысяч новых мертвецов...» Окружающие подтягивали ему. Они раскачивались, словно в опьянении, цепи на ногах звякали, а губы шептали: «Реками льется красная кровь...» – «Время от времени приезжали комиссии гестаповцев, чтобы контролировать ход работы... Гости говорили, что в Каунасе костры горят лучше, чем в Вильнюсе...»

Одним из организаторов побега был Алтер Файтельсон. Узники Девятого форта подобрали ключи к камерам, заранее просверлили лаз в запертой железной двери и бежали из крепости 25 декабря 1943 года; это произошло ночью, когда охрана пьянствовала, отмечая Рождество. Отсутствие заключенных обнаружили через несколько часов; среди участников побега были И. Весельницкий, А. Виленчук, Б. Гемпель, М. Дейч, М. Зимелевич, П. Кракиновский, А. Манейскин, Т. Пиловник, А. Подольский, В. Санкин, А. Файтельсон, Т. Фридман, Р. Шахов, Ш. Эйдельсон.

Из Девятого форта ушли все узники – 64 человека, из них 60 евреев, трое русских и одна польская женщина; по немецким данным, были пойманы и казнены 37 беглецов, остальным удалось спастись. Израиль Весельницкий стал командиром еврейского партизанского отряда, Владимир Санкин – командиром группы подрывников.

В его характеристике сказано: «Группа под руководством тов. Санкина В. И. пустила под откос три вражеских эшелона, шедших на Ленинградский фронт, и провела много других боевых операций».

В Понарах возле Вильнюса заключенные, закованные в цепи, сжигали трупы уничтоженных. «Нас было восемьдесят человек, охрана состояла из шестидесяти эсэсовцев. Откормленные волкодавы, которые отвечали за то, чтобы мы не сбежали... У них всего было в изобилии: мясо, вино, шоколад... Дубинки они пускали в ход часто, по любому поводу, и кричали, когда мы носили тела: «Неси, неси, скоро и тебя понесут...» – «Нам полагалось сжигать восемьсот трупов в сутки, мы работали от темноты до темноты... Мужчины в нашей команде в основном были из Вильнюса. Не было ни одного из них, который не нашел бы свою семью среди трупов...»

Исаак Догим (Понары): «При сжигании тел я однажды наткнулся на свою семью: жену, мать, трех сестер и двух племянников. Жену я узнал

по медальону, который подарил ей в день свадьбы. Когда труп жены уже горел на костре, я незаметно снял с ее шеи этот медальон. Две маленькие фотографии на внутренней стороне крышки были уничтожены пламенем...»

«Это на Исаака так подействовало, что он был близок к помешательству... А Мотл нашел в яме своего сына...»

Заключенные решили бежать из Понар и за три месяца ночных работ выкопали тридцатиметровый туннель под проволочной оградой и минным полем. В ночь на 15 апреля 1944 года восемьдесят узников проползли по туннелю и попали за ограду лагеря; почти все погибли, и лишь одиннадцать человек пришли в партизанский отряд. Юлий Фарбер: «Еврейские партизаны отлично знали, что такое Понары. Никто не мог поверить, что мы вышли оттуда живыми, – это произвело потрясающее впечатление. Нас буквально разрывали на части, спрашивая обо всем и обо всех... Вдруг начался обстрел. Сильный обстрел, а ребята из Понар не прячутся... «Вы что, смерти не боитесь?» Ответили: «Не боимся...»

Одна из партизанок вспоминала: «Много недель беглецы из Понар не решались приблизиться к нам: от них несло трупной вонью, тошнотворным запахом горелого человеческого тела. Часами мылись они в бане, их одежду без конца перестирывали и кипятили, но пока для них не добыли новой, к ним невозможно было подойти. Очень долго их сопровождало зловоние...»

Во время боевых действий партизаны – выходцы из Понар – шли в атаку с возгласами: «За маму!», «За брата!», «За Понары!..»

Беньямин Анолик (лагерь Клоог в Эстонии, сразу после освобождения): «Костров четыре, из них три еще дымятся, трупы горят. Один из них немцы не успели поджечь. Ряд дров, ряд убитых, ряд дров, ряд убитых... И один костер без трупов, только дрова. Этот был приготовлен для нас. Если бы Красная армия пришла несколькими часами позже, вероятно, и мы, уцелевшие, лежали бы здесь и горели. Нас, чудом уцелевших, 82 человека. А на кострах две с половиной тысячи...»

Из приказа по проведению карательной акции (февраль 1943 года, Слуцк в Белоруссии): «Доставка евреев из гетто производится под руководством штурмбаннфюрера СС Графа. В его распоряжение

предоставляются 6 команд, каждая из которых состоит из 1 служащего местной команды и 9 латышей... Вывод евреев к месту переселения производится при помощи 6 грузовиков, каждый из которых сопровождают 4 латыша. В районе переселения имеются 2 ямы. При каждой яме работает группа из 10 человек руководящего и рядового состав, которые сменяются каждые 2 часа. Смены: с 8 до 10 часов, с 10 до 12, с 12 до 14, с 14 до 16... Ответственными за раздачу патронов на месте казни назначаются... Размещением и питанием офицеров и солдат ведают...»

В отчете начальника СС и полиции Галицийского округа сказано (Украина, 1943 год): «Галицийский округ свободен от евреев, за исключением тех, которые находятся в лагерях... Отдельные евреи, которых всё еще вылавливают, подвергаются специальной обработке силами полиции безопасности и жандармерии. К 27 июня 1943 года было эвакуировано 434 329 евреев... Параллельно с акциями по эвакуации евреев проходила конфискация их собственности... На 30 июня 1943 года конфисковано... золотых цепочек – 6640 кг, серебряных цепочек – 82 600 кг, обручальных золотых колец – 20 952 кг, золотых зубов (мосты) – 11 730 кг».

После отступления немцев на стенах Девятого форта обнаружили десятки надписей на разных языках: «Вилли Гринвальд, Ницца», «С. Кооль, Амстердам», «Цукерман Хацкель, Вильнюс», «Цалекштейн Вольф из Брюсселя», «Сологуб, Прокофьев – сообщите в Москву», «Шлямовский Леонас здесь погиб», «Храбро умираем за еврейский народ!», «Русский военнопленный – за побег из неволи. Вялкин Андрей Васильевич. Сообщите моей жене Марии Вялкиной», «Гирш Бурштейн привезен 7.7.44. Мы жжем трупы и ждем смерти. Братья, отомстите!»

Моисей Львин: «Когда к Велижу стала приближаться линия фронта, полицейские облили свинарники керосином и подожгли. Тех, кто выбегал из горящих построек и пытался спастись, расстреливали. Среди погибших была моя мать Рива Львовна и мой брат Мендель, девяти лет...» Спаслось около двадцати человек, в том числе несколько подростков.

Из показаний после войны Ивана Кириенкова, командира полицейских Велижа: «Я тоже стрелял наравне с другими. Стрелял

и убивал. Там были убиты сотни людей. Там был кошмар, описать который я не могу. У всех нас руки по плечи в крови» (расстрелян по приговору суда).

Бар на Украине – в октябре 1942 года были уничтожены 12 000 евреев города и окрестностей. (В 1648 году, во время восстания Хмельницкого, казаки атамана Кривоноса убили в Баре около 2000 евреев; в рукописи тех лет сказано: атаман Кривонос «со всех жидов живьем шкуры посдирал».)

Немиров на Украине – в гетто свезли около 15 000 евреев из разных мест и к 1943 году всех расстреляли; после освобождения обнаружили отдельную детскую могилу: детей раздевали перед уничтожением, искали в их одеждах спряятанные драгоценности. (Резня евреев в Немирове была одной из самых ужасных во время восстания Хмельницкого: 20 июня 1648 года казаки вырезали в городе почти всё еврейское население – около 6000 человек.)

Летичев в Подолии, Украина. В городе уничтожили всё население гетто – около 7000 человек. Оставили евреев-портных и сапожников, которые обучали ремеслу своих соседей; выучившись, те сообщили в комендатуру, что больше не нуждаются в учителях, – портных и сапожников расстреляли последними. (В Летичеве родился Лейба Невахович; в 1803 году он написал «Вопль дочери Иудейской», первое еврейское литературное произведение на русском языке. Автор желал пробудить в русском обществе гуманные чувства к евреям, а потому в его книге есть такие слова: «О христиане, славящиеся кротостью и милосердием, имейте к нам жалость, обратите к нам нежные сердца ваши!.. Ах, христиане!.. Вы ищите в человеке иудея, нет, ищите в иудее человека, и вы без сомнения его найдете!..» Книга заканчивалась на грустной ноте: «Такое вопияла печальная дочь Иудейская, отирала слезы, воздыхала и была еще неутешима».)

**Часть
двенадцатая**

**Дети Катастрофы.
Еврейское сопротивление**

Очерк пятьдесят седьмой

Дети Катастрофы

1

Боря Гершензон:

«Нас били, душили, раздели догола и бросили в погреб. Многие не смогли выдержать пыток и там погибли. Оставшихся в живых отправили в лагерь. Несмотря на то что я был самый маленький, меня заставили делать очень тяжелую работу...

Морили нас голодом. Верхнюю одежду с нас сняли. Спали мы в разломанных конюшнях. Снег падал прямо на нас, а для того, чтобы было теплее, мы ложились – один мальчик на другого. В этом лагере я пробыл около восьми месяцев, а потом убежал к папе в лес, в партизанский отряд, помогал разносить листовки по селам...

Папу поймали и вместе с группой партизан расстреляли незадолго до прихода Красной армии...

Мне девять лет. Боря Гершензон из Умани...»

2

В июне 1941 года многие дети находились в пионерских лагерях, в детских садах и яслях, выехавших из городов на летний отдых. Немецкие

войска отсекали сельские районы, родители не могли забрать своих детей, и они оставались одинокими и беззащитными. Неподалеку от Минска солдаты обнаружили в бараке группу детей, которых перед началом войны вывезли на лето за город. «Крестьяне приносили им подаяние, семилетние ухаживали за трехлетними; многие погибли от голода и холода. Немцы ворвались в барак и первым делом стали выпытывать, еврейские ли это дети. Но они были настолько крохотные, что ничего не могли ответить...»

Этих детей привезли в Минск, двое суток не давали есть и пить, а когда трое из них попытались бежать, их застрелили. Наконец конвоиры решили заработать на этом и выставили детей на продажу. «Весть о том, что их продают, облетела весь город... Немцы зазывали прохожих, торговались... сбывали младенцев по 25–30 марок... Женщины выбирали детей, клали деньги на немецкую шинель и приобретали ребенка... Когда большинство было распродано, стали продавать сирот по 10 марок. Дети плакали, протягивали ручонки, как бы говоря: «Купите нас, иначе нас убьют...»

После очередной карательной акции в городе или местечке в живых оставались дети, которых родители успевали спрятать в укрытиях. Потеряв отца с матерью, подростки уходили из родных краев, бродяжничали, кормились подаянием, могли прожить какое-то время, в редчайших случаях – дожидаться освобождения, но маленькие дети были обречены на скорую гибель. Немецкий офицер докладывал в 1941 году: «Вчера, 20 августа... на верхнем этаже одного из домов обнаружены 80–90 детей – грудных и дошкольного возраста, крик и плач которых... нарушали ночной покой солдат, расквартированных в соседних домах... В двух маленьких комнатах сидели и лежали дети – некоторые из них в собственных нечистотах, и что самое главное, там не было ни капли питьевой воды, так что они очень страдали от жажды... Это были еврейские дети, чьих родителей уже убили...»

«Когда расстреливали, маленький мальчик кинулся бежать. Его бы непременно подстрелили, но спасли две коровы, которые паслись неподалеку. «Не стреляй! – закричал один из полицейских. – Коров поубиваешь...» И ребенок скрылся в лесу...»

В те страшные годы, на одной и той же земле, под одним и тем же небом детей ожидала разная судьба. Одни из них бегали в школу, играли в привычные игры, ходили в лес за грибами, а другие – их погодки – стояли на краю могил, прятались по болотам, умирали в гетто от истощения. Еврейских детей приравнивали к взрослым, а потому они платили полной ценой наравне со всеми. Даже если кому-то удавалось перебраться на «арийскую» сторону и затаиться, жизнь проходила в страхе, в постоянном ожидании разоблачения, за которым следовало неминуемое уничтожение. Белокурые еврейские девочки с нетипичными черта-

ми лица, с правильным произношением русского, украинского или белорусского языка могли пережить то время; мальчиков выявляли по признакам обрезания, которые невозможно было упрятать.

Леонид Грипс (Житомир): «Чтобы скрыть мою принадлежность к племени иудейскому, переодели меня девочкой и заставляли оправляться как девочка... Я ни разу не вызвал сомнения у окружающих в том, что я девочка, а не мальчик. Малейшая ошибка в моем поведении стоила бы жизни. А «дурная» привычка оправляться (извините за откровенность) вышеназванным способом преследовала меня до второго-третьего класса...»

Транснистрия: «Сарра Куц из Черновиц пошла на смерть с шестью мальчиками. Вайнер пошла с больной девочкой... Одна женщина приняла яд и давала дочери, но та отказалась...»

Немиров: «Большое двухэтажное здание синагоги. Света не было. У некоторых нашлись огарки, зажгли их. Каждая мать держит на руках ребенка и прощается с ним. Все понимают, что это – смерть, но не хотят поверить. Старый раввин из Польши читает молитву «О детях», старики и старухи ему помогают. Раздирающие душу крики, вопли... Картина такая страшная, что наши грубые сторожа – и те молчат...»

Каунас: «Младенцев бросали в машины. Женщины рыдали. Одна из них подошла к охраннику и закричала: «Отдай мне моих детей!» А он спросил: «Сколько их, твоих детей?» Она ответила: «Трое». И он сказал: «Одного можешь взять». Она поднялась в машину, три головки потянулись к ней, каждый хотел уйти с матерью...»

Вильнюс: «Из глубины могилы еще доносились глухие стоны, хрипы умирающих. Сверху накатывался пьяный хохот литовцев... Вдруг слышу рядом тихий плач. Плачет, разобрала, ребенок. Поползла на звук... Плакала девочка лет трех. Живая, здоровая. Я решила спастись и спасти ее. И когда на груде трупов я делала передышку, прижимая девочку к себе, я знала, что если спасусь, то буду обязана этим только ей...»

«Последние слова, которые мне сказала двенадцатилетняя девочка, дочь моей сестры: «Клара, отомсти за нас!» Она знала, что обречена, и ей уже не стать взрослой...»

Евгения Бирман (Каменец-Подольская область):

«Тяжело нам было. Мы не знали, где переночевать... а однажды залезли с Изей в большую собачью будку. Было очень тесно, но тепло. Но тут нас сильно напугал подвыпивший хозяин: он нагнул и вместо собаки увидел детей. Мы проснулись от крика и увидели лицо во всю дырку, тяжелый запах водки дохнул на нас.

Днем мы шатались по деревне, месили грязь и только думали, где бы поесть. В основном люди не отказывали нам, давали по тарелке борща с хлебом. Но случались и такие, которые говорили: «Что вы тут бродите? Идите в свою Палестину». Что такое Палестина я не знала, но поняла, что это место для евреев. Мне было горько: «Почему в Палестину? Ведь родилась я здесь». И как туда попасть, никто не говорил...»

3

Жизнь в гетто была невыносима, но более всего родителей мучил вопрос: как спасти детей? Где спрятать их перед очередной облавой? Матери и отцы, бывало, смирялись с неизбежностью смерти, но не могли примириться с тем, что их дети тоже должны погибнуть. Одни договаривались с окрестными жителями и передавали ребенка через проволочное ограждение, чтобы никогда его больше не увидеть; другие не могли расстаться с сыном или дочерью и всей семьей уходили на смерть.

«К утру возле лагеря собрались украинцы. Мой ребенок выделялся золотыми волосами и голубенькими глазенками. Он всем нравился, и одна украинка предложила мне, что она его усыновит: «Всё равно вас убьют, жалко ребенка, отдай его мне». Но я не могла отдать Шуру...»

«Вечером к нам пришла женщина, украинка, и говорит маме: «Отдайте мне вашего сына, он не похож на еврея. Вас расстреляют, а его я спасу». Мама долго плакала, прижимая меня, маленького, к своей груди, и я плакал... Женщина взяла меня, накрыла теплым платком и унесла... Однажды ночью я услышал, что надо мной кто-то стоит и плачет. Я открыл глаза – это была моя мама. Мы прижались друг к другу и долго плакали. Мама сказала женщине: «Спасибо вам за всё, но я без него не могу. Что случится со мной, то будет и с моим сыном...»

Псковская область: «Дети стали разбегаться... На убежавших немцы напускали собак. Собаки догоняли детей, сваливали в снег и подтаскивали к месту расстрела. Часть детей сбросили в могилу живыми...»

Нацисты не желали «воспроизведения еврейской расы», а потому жителям гетто запрещали жениться и заводить детей. Мать, новорожденный и все члены семьи подлежали уничтожению; в гетто Каунаса расстреляли врачей за сокрытие фактов беременности и проведение аборт. Узник гетто Шяуля записывал в дневнике: «В гетто находились три женщины на последней стадии беременности... которые не могли скрыться и спасти будущих детей. В отчаянии они упростили врачей произвести преждевременные роды, а детей умертвить. Это было проде-

лано на частной квартире. Они родились живыми и здоровыми. Один был необыкновенной красоты. Все они умерщвлены при помощи шприца и похоронены даже не на кладбище, а в одном из закоулков гетто. Лучше так, чем от немецкой руки...»

Немцы следили, чтобы среди усыновленных мальчиков и девочек не оказалось евреев; этих детей расстреливали, могли расстрелять и усыновителей, которые пытались их спасти. Уничтожению подлежали также дети от смешанных браков, если отец был евреем, – осенью 1942 года в Запорожской области погнали на расстрел сотни малышей и подростков.

Тальное Черкасской области: «У матерей, мужа которых были евреи, начали отнимать детей... Навалом, как поленья, их накидывали в грузовую машину, они падали на дно кузова с глухим стуком. Потом их увезли. Возле городских боен... все дети были расстреляны».

Монастырщина Смоленской области: «Любовь Александровна Дубовицкая была замужем за евреем. Ее арестовали и подвергли пыткам. Ее детей – семи, четырех лет и годовалого – убили. Дубовицкой двадцать семь лет; после пережитого она выглядит старухой».

В белорусском городе Климовичи матерей вместе с детьми от смешанных браков заключили в тюрьму. Полина Стельмахова свидетельствовала: «Нас, русских женщин, было человек десять, сидели еще три или четыре цыганки. А детей было много, человек пятьдесят, их собрали по всему району – некоторые без матерей... Единственный способ спасти ребенка – доказать, что он не от мужа-еврея. Немцы требовали подписи двадцати свидетелей». Кончилось тем, что в Климовичах расстреляли всех детей от смешанных браков, расстреляли цыганок и несколько русских матерей.

Известно немало случаев, когда вместе с матерью-еврейкой убивали и ее детей, хотя их отец был русским, украинцем или белорусом; местному населению разъясняли, что смешение славянской и еврейской крови дает «самые ядовитые и опасные всходы». Наровля, Белоруссия: «Мать накануне расстреляли, а трехлетняя девочка Лях Светлана случайно уцелела; ее обнаружили среди трупов убитых. Когда девочку уносили, она всё кричала: «Дядя, не убивайте меня! Мой папа русский!..»

«Крестьяне были перепуганы, и приходилось ночевать под открытым небом. У сынишки начался жар, ему всего одиннадцать лет, а я тогда подумала: «Слава Богу, умрет своей смертью...»

4

Ида Белозовская пряталась с маленьким сыном в русской семье мужа – в Киеве, на Подоле. Ее сестры погибли, а муж Иды привел осиро-

тевших племянников к своим родителям, трех маленьких мальчиков, старшему из которых было пять с половиной лет. Ида Белозовская вспоминала после освобождения:

«Мужу казалось, что он их спасет. А его мать сказала, чтобы они ушли, так как спасти всех нет никакой возможности, и будет только то, что всех расстреляют. Я не имела права их обвинять, ведь отец и мать, сестры мужа имели право на жизнь, они тоже хотели жить...

Дети моих сестер остались-таки со мной на шесть дней, на шесть дней продлили им жизнь. Все эти дни они не отходили от меня, держась по обе стороны за мое платье. Они не играли, их ничто не занимало; они смотрели большими невинными глазами... и спрашивали: «Тетя Ида, скажите, мама ведь придет, придет, скажите! Когда она придет?» Их глаза наполнялись слезами, они придушенно плакали. Громко нельзя было плакать, люди могли услышать, и это была бы гибель для всех.

Я не плакала, автоматически двигалась, как деревянная... Мне разрешено пока жить, потому что хотят сохранить мать для моего сына Игоря и их внука, и меня легче укрыть. Чем же виноваты эти дети, где взять для них жизнь? Муж ходил ко всем русским, нашим знакомым, кому можно было рассказать, умолял о спасении хотя бы одного ребенка, но поиски были тщетны, все боялись...

На шестой день решили отвести детей к бабушке. На Подоле их боялись держать. Я знала, что это приблизит конец моей мамы и детей. Я всю ночь ходила перед этим взад и вперед по комнате: «Что делать? Почему я должна жить? Имею ли я право на жизнь, а самые близкие, самые мне дорогие должны умереть насильственной смертью?» Я ничем не могла им помочь, разве своей солидарной смертью. Но как же Игорь, которого... я сознательно должна лишить матери? Ведь ему только пять лет! И я осталась жить, жить...

В тот день был ветер, снежные хлопья лепили глаза, моя мама держала по обе стороны детей и шла без крика, без возмущения в мир небытия...»

5

«Мои дедушка и бабушка перед смертью поцеловались. Они были дружные и не изменили своей дружбе и любви даже в последние минуты жизни. После этого я долго лежал в снегу без памяти. Даже плакать не мог... Я видел двух беременных со вспоротыми животами и отрезанной грудью. Рядом лежали трупы малюток. Я видел трупы двадцати пяти евреев из местечка Бабиновичи... Видел грузовик с белорусами, которых везли на расстрел. Я очень много видел для своих пятнадцати лет. Веня Черняков...»

«Когда нам приказали свернуть налево, мы поняли, что ведут в лес убивать. Тогда отец тихонько сказал нам: «Киндерлах, анклейфт» («Дети, убегайте»). Мы побежали, и отец тоже побежал за нами. Вслед начали стрелять из автоматов, а мы убегали в лес всё дальше и дальше. Но отец не мог быстро бежать – был старенький, больной, и его убили. Раиса Шайхет...»

«Мне теперь пятнадцать лет. Я еще не видела хорошего... Я страдала и перед глазами видела смерть. Потом нас погнали на красивую Украину, и была она для нас темной. Там в один день умерли мои любимые родители. Нас осталось пять сирот. Далеко от смерти я не была... а что потеряли, больше не вернется. Эня Вальцер...»

«Я спряталась за мамину спину, и когда мы упали в яму, пуля в меня не попала. Немцы посчитали меня убитой. Когда стемнело, я выкарабкалась из ямы и ушла куда глаза глядят. Мне было в ту пору тринадцать лет. А мои родители погибли. Сима Курицкая...»

Маша Рольникайте, гетто Вильнюса (к началу войны ей шел четырнадцатый год):

«Я стою на кухне у окна и плачу: страшно подумать, что завтра надо будет умереть. Еще так недавно училась, бегала по коридорам, отвечала уроки, и вдруг – умри! А я не хочу! Ведь я еще так мало жила!..»

Мама сказала, что пора идти...

Выхожу... Поперек улицы – цепочка солдат. За ней – еще одна, а дальше большая толпа. И мама там. Подбегаю к солдату и прошу пустить меня туда. Объясняю, что произошло недоразумение, меня разлучили с мамой. Вот она там стоит. Там моя семья, и я должна быть с нею...

Вдруг я услышала мамин голос. Она кричит, чтобы я не шла к ней! И солдата просит меня не пускать, потому что я еще молодая и умею хорошо работать...

Еще боясь понять правду, я кричу изо всех сил: «Тогда вы идите ко мне! Иди сюда, мама!» Но она мотает головой и странно охрипшим голосом кричит: «Живи, мое дитя! Хоть ты одна живи! Отомсти за детей!» Она нагибается к ним, что-то говорит и тяжело, по одному, поднимает, чтоб я их увидела. Рувик так странно смотрит... Машет ручкой...

Их оттолкнули. Я их больше не вижу...»

6

Шестилетняя Алла Айзеншарф после потери родителей бродила вместе с десятилетней сестрой по окрестностям Немирова. Из ее стихотворений, сочиненных в то время:

В доме не было дверей,
в доме не было людей,
крыши не было на нем –
это был убитый дом,
с белой чашкой на полу,
с синим бантиком в углу.
Только птицы во все стороны
вылетали в дыры черные...

«В нищем домике на окраине жили Ореховские: сапожник Митька, его жена Полина и четверо всегда голодных мальчишек. Но они не выдавали нас, «жиденят», хотя за это немцы платили местным детям. А мы собирали для дяди Мити окурки и очень заботились, чтобы их хватало...»

В лопухи завернутый, лежал
целый хлеб, опухший от дождя.
Целый хлеб! Его мы ели, ели,
ели – ели – больше не хотели.
Мы потом увидели, потом
мертвую с раскрытым настезь ртом.

«Нисоловские – наши соседи. Он с папой работал на одном заводе, в шахматы играли, праздники отмечали семьями. Я у него на закорках выросла. А когда мы с Мэрочкой остались одни на улице, искал, чтобы убить...»

Мне снился папа. Он еще живой,
и так мы громко, весело смеялись
и по зеленой травке шли домой.
Мы шли домой и за руки держались.
И мама нам махала из окна,
и бабушка в окне была видна...
Если б тогда нас вместе убили,
мы бы вместе и были.

«Затаили дыхание. Совсем рядом один за другим шли немцы. Огромные сапоги, страшные. Тропинка вела в гетто...»

Я, наверно, умру под утро.
Я думала, умирать трудно...

7

Наум Эпельфельд, Бердичев:

«22 июня 1941 года я был маленьким мальчиком, а в октябре 1941 года стал взрослым... Поднимали нас ночью в четыре часа, заставляли работать по шестнадцать–восемнадцать часов в сутки... Среди охранников

преобладали звери. Били, заставляли всё делать бегом... Каждую ночь к нам врывались пьяные полицаи. Били всех подряд... прикладами, резиновыми палками, деревянными дубинками. Издевались до утра, а зачистую уводили с собой кого-либо, и этот человек уже не возвращался...

Помню, мой напарник, не выдержав издевательств, бросился под проезжавшую машину. К несчастью, его не убило, а только ушибло. За этот «проступок» комендант лагеря, бывший советский офицер Троцык, приказал двум полицаям бить его до тех пор, пока он не перестал стонать...

Нас гоняли на самые тяжкие работы... Каждого больного или заподозренного в том, что он заболел, расстреливали. Не миновал сыпной тиф и меня. И я не погиб только потому, что делалось всё возможное и невозможное, чтобы немцы не узнали о моей болезни. Меня в полусознании приводили на работу, следили по очереди за тем, чтобы никто не застал меня сидящим или лежащим на работе...

У Яши Ройтмана на голени выскочил чирий. Он обвязал голень тряпкой и отпросился у конвоира остаться в камере... Посреди дня за ним пришли. Я никогда не забуду, как его вели через двор мимо нашей кузницы. Вели в одной рубашке, босиком. Проходя мимо дверей, он, как бы догадываясь, что мы смотрим, крикнул по-еврейски: «Будьте живы, евреи, не забывайте меня, помните, помните...» Несколько раз он прокричал «помните»...

Ни дней, ни часов я не знал. Время измерялось – день-ночь и холодно-жарко... Наконец первая «весточка» от наших. В одну из ночей советские самолеты бомбили Бердичев. Но как мало бомб они сбросили! Каждый из нас мечтал, чтобы сотни, тысячи бомб сыпались на головы немцев. Никто не думал о том, что бомбы не разбирают, кто немец, а кто нет...

И наконец, о счастье! За беженцами-полицаями двигались нескончаемые колонны бегущих немцев. Грязные, злые, тощие. Куда девался их недавний лоск, где их белозубые улыбки?.. Помню такой эпизод. По какой-то надобности меня послали во двор тюрьмы, и в это время туда заскочил немецкий офицер... Он внимательно посмотрел на меня и спросил, как я, немец, очутился в тюрьме. Я ответил, что я еврей. «Тебе здорово повезло, что ты до сих пор жив, – кто же это так недосмотрел? Но еще успеется, ошибку поправят...»

8

Труди Биргер, гетто Каунаса (к началу войны ей было четырнадцать лет):

«Мое детство кончилось 15 августа 1941 года, когда нацисты обнесли гетто проволочным ограждением... Годы жизни в гетто были годами

страха, постоянного страха... Нас строили в длинные ряды... это была лекция. Немцы двигались вдоль рядов и распределяли: этот еврей – налево, этот – направо. Им нравилось разъединять семьи: «налево», «направо». Они не объясняли, что «направо» означает трудовой лагерь, а «налево» – уничтожение. Но мы, евреи, это знали. Шли часы, долгие часы, полные ужаса. Нацистам нравился этот ужас. Они гордились своей жестокостью...

Дети в гетто были особенно уязвимы. Несмотря на то что я была маленькой и вполне могла сойти за ребенка, я вместе со всеми выходила на работу... Мы были рабами, но мы цеплялись за жизнь, как могли. Мы знали, что если ранним утром нас выводят на работу, есть шанс дожить до вечера. Вот так мы жили, от одного дня до другого, надеясь на то, что будем живы и завтра, если только не заболеем, и что люди, которые нам дороги, тоже доживут до завтра...

Отец разработал секретный план. На чердаке под крышей юденрата он собрал огромное количество подростков – чуть ли не сотню... Очевидно, он собирался скрывать детей до окончания Kinderaktion («детской акции»), а потом они останутся в гетто и присоединятся к работающим взрослым... Но его план провалился. Нацисты обнаружили и убежище, и детей, и моего отца. Их всех забрали и увезли в Девятый форт... За время этой акции нацисты уничтожили две тысячи детей. Эти дети прожили в гетто два страшных года и не умерли вопреки невзгодам. С ними связывались надежды на будущее; они казались залогом того, что мы сумеем возродить прежнюю счастливую жизнь. А теперь их убили!..

В гетто я дала себе клятву – сделать всё, что в моих силах, чтобы поддержать своих близких и вдохнуть в них надежду. Я поклялась, что если переживу эту войну, то всю жизнь буду помогать другим. Идеи переполняли меня. Люди удивлялись; у меня было даже прозвище «Вундеркинд». «Мама, – шептала я, – нам нужно думать о жизни... Мама, нас только двое осталось, мы должны выжить!»

Мои мечты были мне поддержкой. Я мечтала о Земле Израиля. Всё время. Несмотря на то что я не получила никакого сионистского образования, я думала только об этом. Каждую ночь я засыпала с мечтой о том, как после войны мы построим на Земле Израиля новый дом и он будет полон детьми...»

«Мне двадцать семь лет, но я совсем старуха. Я живу только для детей и еще для того, чтобы увидеть, как будут наказаны немецкие звери. Нет, не звери... Недостойны названия зверей те, кто бросал в могилы живых детей...»

«Единственное, что вы можете для нас сделать – это отомстить нашим убийцам. Мы кричим вам – отомстите!..»

«Не могу всё описать, плачу, как маленький ребенок... Дорогой брат, прошу тебя, мсти, мсти и мсти!..»

«То, что я слышала и что я видела, никогда... не забуду. И проклят будет тот, кто простит врагу эту кровь!..»

Из народного фольклора (перевод с идиш):

Дом без окон, без дверей,
Чуть травы повыше, –
Вышел очень страшный дом
С земляною крышей.
Ой, как дети плакали,
Как они кричали,
В стены, в мокрый потолок
Ручками стучали...

Из свидетельских показаний (Калинковичи, Белоруссия): во время массового уничтожения одна женщина обняла своих детей и закричала убийцам: «Стреляйте скорее! Не пугайте малышей!..»

Район Немирова, Украина: «Когда в сентябре убивали детей, родителям удалось спрятать дочку в мешок. Девочка была умная, тихая, и она была спасена. В течение трех недель отец носил девочку с собой на работу, и ребенок всё время жил в мешке. Через три недели зверь Гениг (начальник полиции)... подошел к мешку и ударил по нему ногой, девочка вскрикнула и была раскрыта... Гениг бил отца, бил ребенка... но девочку он не убил, она осталась в лагере и всю зиму прожила в смертном страхе, ожидая каждый день гибели.

В феврале, при второй акции, девочку взяли вместе с бабушкой. Безумный страх овладел ребенком, она так кричала всю дорогу, что детское сердце не выдержало. Бабушка принесла ее к яме уже мертвой...»

Справка полицейского управления города Запорожье (1942 год): «Дана сия гражданке Щербань Ольге Павловне в том, что она проверена Запорожским политотделом городской полиции, и хотя она была замужем за жидом Фриманом Моисеем Исаковичем, дочь ее, Щербань Жанна Андреевна, не от вышеуказанного жида,

а от украинца Воробьева Андрея Петровича. Справка дана для обмена паспорта и метрической выписки...»

Я. Гандман (гетто Бреста, воспоминания детских лет): «За мной погнался немец. Носком кованого сапога он достал меня. От его удара я упал. Он снял с меня штаны и начал бить пряжкой армейского ремня. Он бил меня долго и нещадно. Не помню, как я добрался домой. Долго не мог сидеть, мог только лежать на животе. Уже взрослым в одном музее я увидел немецкий ремень, на пряжке которого были изображены дубовый венок, орел, свастика и слова: «С нами Бог». Мне кажется, слова «С нами Бог» выбиты на моем теле...»

Вильнюс (первый день после освобождения): «Внезапно мы увидели какую-то женщину, которая подбежала к нам с маленькой девочкой на руках... и в истерических тонах стала рассказывать свою историю. Мне удалось понять лишь то, что она и ребенок... прятались в течение одиннадцати месяцев в какой-то нише... Она изливала свою историю. Она разражалась внезапными криками. В этот момент ребенок у нее на руках, который казался немым, открыл рот и произнес: «Мама, уже можно кричать?...»

Очерк пятьдесят восьмой

Еврейское сопротивление

1

Браилов, Украина (из «Черной книги»):

«Когда казнили уже около двухсот человек, подошла очередь председателя общины Иосифа Кулика. Полицейские и гестаповцы о чем-то посоветовались, и затем начальник полиции сказал:

– Кулик, можете с семьей отправляться в местечко, будете по-прежнему председателем общины.

Жена Кулика взяла свой платок из груды одежды и дрожащими руками начала поспешно закутываться...

– Бася, брось платок, – сказал ей муж... и, обращаясь к полицейскому, ответил: – Когда вы расстреливаете две тысячи моих земляков, мне, председателю общины, нечего делать на этом свете...

Иосифа Кулика, последнего председателя еврейской общины Браилова... расстреляли вместе с женой...

Акция приближалась к концу. И вдруг к месту казни прибежал восьмидесятилетний старик Хаим-Арн со свитком Торы в руках. Вышло так, что утром полицейские не нашли его дома; он просидел до полудня в погребке, вышел затем на улицу – она была безлюдна.

– Где все люди? – спросил у прохожего.

– Как где? Их сейчас расстреливают за мельницей.

– Так я один остался! Нет, один я не останусь...

И схватив свиток Торы, он побежал. Так его и расстреляли в обнимку с Торой, старого местечкового балагулу восьмидесятилетнего Хаима-Арна...»

2

Лето 1941 года. Стремительное наступление немецких войск. Колонны отступающих бойцов и командиров Красной армии. Поспешное бегство партийных и советских руководителей. Хаос и растерянность в прифронтовых районах. Рушился на глазах привычный образ жизни, такой устойчивый еще недавно, такой, казалось, незабываемый с его прежними ценностями и авторитетами. Каждому жителю оккупированных территорий требовалось время, чтобы обдумать создавшееся положение, найти свое место в сложившихся условиях, подготовиться к безропотной покорности или к сопротивлению захватчикам. Так было везде, но для еврейского населения это усложнялось еще и трагическими обстоятельствами. После захвата очередного населенного пункта немцы, как правило, уничтожали евреев в очень короткие сроки, а потому не было времени достать оружие, создать подпольную группу для организованного отпора – первоначально это были стихийные акты сопротивления без надежды на спасение.

Свидетельствует Е. Ланцман (Украина):

«В Остроге евреи встретили немецких палачей автоматными очередями. В Проскурове перестрелка продолжалась несколько часов. Евреи убили троих эсэсовцев и пятерых полицейев. Молодым людям удалось прорваться и уйти в лес...

В Ярмолицах... в военном городке евреи убили первого полицейского, который туда проник, чтобы отобрать партию обреченных; труп его выбросили в окно. Завязалась перестрелка, были убиты еще несколько полицейских...

В других зданиях военного городка наблюдались случаи самоубийства. Отец выбросил из окна двух детей, а потом кинулся вниз вместе с женой. Одна девушка, стоя в окне, кричала: «Да здравствует Красная армия! Да здравствует Сталин!..»

Когда немцы вошли в бессарабское село, братья Борух и Хаим Мордарь убили солдата. Собрали всех жителей и объявили, что село будет уничтожено, если не выдадут виновных; братья вышли вперед, их жестоко избили и кинули в заброшенный колодец.

Показания выживших, свидетельства очевидцев, отчеты многочисленных комиссий расследования называют немало случаев, когда перед неминуемым уничтожением евреи кончали жизни самоубийством, порой целыми семьями. Было непросто достать цианистый калий или морфий; цены на них взлетели, и люди отдавали последнее имущество, чтобы запастись ядом и использовать его в нужный момент. Это было одной из форм пассивного сопротивления, сохранение человеческого достоинства, желание самому распорядиться собственной жизнью: обреченные на смерть вешались, вскрывали себе вены, принимали яд, топились в реках вместе с детьми, выбрасывались на асфальт с верхних этажей домов. Так было в Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону и в других городах и местечках; в Виннице и Дубно – по воспоминаниям современников – самоубийства носили массовый характер.

Город Орша в Белоруссии: «Двадцать стариков-плотников, не желая попасть в руки к палачам, собрались в доме плотника Эли Гофштейна на улице Пушкина, облили дом керосином и сами себя сожгли...»

Даугавпилс, Латвия: «Фейгин, у которого немцы застрелили родных, припрятал много веревки и давал каждому, кто хотел повеситься, даже помогал им, а под конец повесился сам...» – «Вдруг я увидела бездыханных доктора Розенблюма и его жену: они отравились. А рядом стоит их дочь Мара и тихо-тихо повторяет: «Вставай, мамочка! Вставай...»

Ольга Гольдфайн (Пружаны, Западная Белоруссия):

«Евреев в соседних местечках уже убили, и мы поняли, что нас ожидает. Многие решили умереть и бросились в аптеки за ядом. Сорок семь человек отравились и умерли... У нас был запас морфия, и мы его разделили между собой... Все лежали в беспомощности, а один счастливцев умер. Медперсонал ухаживал за нами трое суток и вернул нас к жизни...»

Тогда я решила нагнать постовому, чтобы он меня застрелил. Я заговорила с ним: неужели он верит словам Гитлера, что мы биологически не люди, неужели немцам, считающим себя культурным народом, не стыдно мучить всех этих беззащитных вдов, стариков, детей...

Я говорила ему, что его фюрер сделал всему немецкому народу прививку бешенства, и они действительно взбесились, как собаки. Пойми, вахмистр, – говорила я, – я хочу, чтобы ты выжил, вернулся к себе домой и вспомнил слова этой маленькой еврейки, которая говорит тебе правду.

Но вахмистр меня не застрелил...»

3

Стремление выжить во что бы то ни стало, такое естественное для человека, борьба за спасение жен, детей, родителей в тех чудовищных

условиях, борьба за спасение каждого ребенка, еще остававшегося в живых, также становились проявлением пассивного сопротивления. Не случайно провозглашал раввин Ицхак Ниссельбаум, погибший затем в гетто Варшавы: «Когда враги покушались на наши души, евреи жертвовали собой, чтобы не осквернить имя Всевышнего (Кидуш га-Шем). Сейчас враги требуют наши тела, и мы обязаны защищаться, чтобы сохранить святость жизни (Кидуш га-хаим)».

Известно и немало случаев активного сопротивления, о которых сохранились воспоминания очевидцев; этих свидетельств было бы значительно больше – некому о них рассказать, потому что погибали все, привезенные или пригнанные к месту уничтожения.

Могилевская область, Белоруссия. «В местечке Горы жил жестянщик Абрам Альтшулер. Когда его вместе с детьми выгоняли из дома, он взял молоток и во время расстрела ударил полиция по голове. За это всю семью живыми бросили в яму...»

Вильнюс: «Журналист Гершен Малакевич заявил в первые дни оккупации, что не намерен умирать, как собака на живодерне. Он пошел в гестапо, высказал всё, что думал о национал-социализме, и был немедленно расстрелян...»

Райнай, Литва: «Ицхак Блох сказал перед смертью: «Теперь вы проливаете нашу невинную кровь. Настанет же время, когда ваша собачья кровь брызнет на мостовую». Его забили прикладами...»

Немцы ввели систему коллективной ответственности еврейского населения. Любое, даже одиночное, противодействие властям приводило к уничтожению десятков, а то и сотен человек; многие обитатели гетто, обремененные семьями, опасались не без причины, что вслед за малейшим сопротивлением последует массовая карательная акция, а потому были против создания подпольного движения. Требовалось немало мужества и силы воли, чтобы наперекор всему начать борьбу, – так возникали в гетто и рабочих лагерях законспирированные группы бойцов, чтобы «заслужить три строчки в учебниках истории».

Кто из них был прав? Кто ошибался? Пытавшиеся уберечь свои семьи от гибели или стремившиеся умереть достойно в неравной борьбе? Можно ли разрешить эту проблему в научном споре или за чашкой чая, не опасаясь за жизнь детей, не ожидая ежеминутной облавы и неминуемого уничтожения?.. Нет ответа на этот вопрос. Убитые унесли его с собой, выжившие уходят один за другим – еще немного, и некого будет спросить.

Подпольные группы возникали в разных городах и местечках, но время их существования оказывалось непродолжительным, как непродол-

жительна была жизнь еврейского населения тех мест, до первой акции массового уничтожения, – о многих подпольщиках не сохранилось никаких сведений. В тех же гетто, которые существовали год или два, было достаточно времени, чтобы собрать молодежь, обзавестись винтовкой и пистолетом, научиться ими пользоваться и оказать посильное сопротивление, но очень часто неожиданная карательная акция разрушала все планы и не позволяла совершить задуманное.

Они боролись почти без оружия. Без помощи со стороны. Без надежды на успех. Против солдат победоносной армии, которая захватила всю Европу. Ибо считали, что лучше умереть в бою, а не на краю могильного рва. Изоляция от внешнего мира, слезка и обыски, голод и ожидание смерти подавляли волю и решимость, – требовался авторитет руководителей подполья, их организаторские способности, чтобы собрать надежных людей, вдохнуть в них желание бороться. В гетто работали тайные мастерские, в которых приводили в порядок винтовки и пистолеты, изготавливали гранаты, ножи, взрывчатые вещества. Покупали оружие у местного населения, воровали на немецких складах, разыскивали на местах боев и с риском для жизни проносили в гетто. За обнаруженный при обыске килограмм картошки могли жестоко избить у входных ворот, а то и расстрелять; за найденное оружие ожидали страшные пытки и неминуемая смерть.

Руководителями подполья в рижском гетто были Овсей Окунь, Мандель Вульфович и Макс Либерман. Оружие провозили в грузовике, который поставлял в гетто дрова; «крупные поленья были расколоты пополам, в них выдолблены пустоты, внутрь которых закладывали пистолеты, и затем эти половины вновь скрепляли». В один из дней группу молодежи привезли на расстрел в пригород Риги, но когда их заставили рыть могилы, они перебили лопатами охранников и убежали. Цемах Вейнрейхе вернулся оттуда в гетто, работал в автомастерской, совместно с другими евреями ремонтировал немецкие машины и незаметно их портил; с фронта стали поступать жалобы, Цемаха арестовали, пытали, повесили на площади в гетто, перед смертью он запел сионистский гимн «Га-Тикву».

Подпольная организация в минском гетто возникла сразу после его создания; ее создателями стали М. Гебелев, М. Пруслин и Г. Смоляр. Участники сопротивления были разбиты на группы; существовала связь с подпольем в городе и с партизанами, что позволило вывести в леса сотни обитателей гетто. Матвей Пруслин погиб в 1942 году, погиб и Михл Гебелев – руководителем подполья стал Герш Смоляр. Подпольщики собирали и переправляли к партизанам одежду и продовольствие, передавали необходимую информацию, лечили раненых партизан в больницах гетто, выводили в леса врачей разных специальностей,

отправляли туда медикаменты и перевязочные средства, добытые разными путями.

В минском гетто работала подпольная типография, в которой печатали листовки. Узники гетто «вынесли с завода и передали партизанам полые телефоны, сыпали песок и молотое стекло в машины, портили целые партии готовой продукции, подлежащей отправке на фронт... – вспоминал Смоляр. – Девушка по прозвищу Толстая Клара переносила на себе запретные вещи (белые маскировочные халаты, варежки, патроны), и тогда она становилась еще толще, чем на самом деле... Бывали случаи, когда партизаны, переодетые в немецкую форму, подъезжали на грузовиках к мастерским в гетто и вывозили целые транспорты одежды, обуви, мыла и соли...»

Немцы потребовали немедленной выдачи Смоляра, однако председатель юденрата М. Иоффе наклеил на его паспорт карточку погибшего, вымазал кровью и предъявил коменданту, – немцы поверили, что Смоляр убит, а он ушел в леса и стал комиссаром партизанского отряда.

Каунас:

«Группа в пять человек решила уйти из гетто и отправиться на восток. Они мечтали прорваться через линию фронта либо отыскать партизан и присоединиться к ним... Это был уход в неизвестность. Люди ушли без оружия, без продовольствия... Их захватили недалеко от Каунаса и расстреляли.

Однако первая неудача не охладила молодежь... Двадцатилетний Файнгольд и его товарищи в течение шести суток бродили по лесам. Они забрались в самую чащу, питались кореньями, обессилели, измучились, но не встретили партизан и в отчаянии вернулись обратно...

Спустя некоторое время из гетто ушли девять молодых людей. Они были вооружены, имели точный маршрут – в Рудницкие леса, западнее Вильнюса... Из девяти ушедших пятеро благополучно прибыли на место и присоединились к партизанам...»

Подпольной организацией в гетто Каунаса руководил писатель Хаим Елин; к 1943 году в ее составе было около 600 человек. Они проносили в гетто оружие, проходили военную подготовку, группами и поодиночке уходили в леса. Елину угрожал арест; командование партизанских отрядов потребовало, чтобы он немедленно покинул город, но он ответил: «Остаюсь в Каунасе до ухода последнего нашего товарища из гетто. Я могу, конечно, погибнуть, но свой пост не оставлю». В апреле 1944 года Хаима Елина арестовали, и он погиб в гестапо.

До 1940 года в Прибалтике существовали сионистские и бундовские организации, которые советская власть ликвидировала после захвата Латвии, Литвы и Эстонии; они ушли в подполье, поддерживали связи друг с другом, а во время оккупации объединились для совместной борьбы. Особенно активной была молодежь. Юноши и девушки пробирались в другие районы страны и возвращались обратно с собранной информацией: так постепенно выяснилось, что нацисты проводили полную ликвидацию еврейского населения. Не все сразу в это поверили, не могли поверить, отгоняя от себя страшную правду, – в Вильнюсе и Каунасе в 1942 году было приостановлено массовое уничтожение, а потому узники надеялись, что удастся пережить страшное время.

1 января 1942 года подпольщики в гетто Вильнюса выпустили листовку, призывая к вооруженной борьбе; ее написал и зачитал на тайном собрании Абба Ковнер:

«Сомневающиеся! Избавьтесь от иллюзий! Ваши дети, ваши мужья и жены погибли. Понары – это не лагерь. Их всех убили там.

Гитлер собирается уничтожить евреев Европы. Евреям Литвы суждено стать первыми на этом пути.

Не будем же овцами, покорно идущими на убой! Правда, что мы слабы и беззащитны, но сопротивление должно стать единственным ответом врагу!

Братья, лучше погибнуть свободными борцами, чем выжить по милости убийц!

Спротивляйтесь! До последнего вдоха!

1 января 1942 года».

Текст листовки был написан на иврите. Затем его перевели на идиш, польский и литовский языки, распространили в гетто Варшавы, Гродно, Белостока.

В том же месяце в гетто Вильнюса была создана Объединенная партизанская организация (ФПО – Фарейнигте партизанер организацие) для подготовки вооруженного сопротивления. В нее вошло около трехсот юношей и девушек – сионисты, бундовцы, коммунисты; руководителем организации стал Ицхак (Ицик) Витенберг, командирами боевых отрядов – Абба Ковнер и Йосеф Глазман. Первый пистолет пронес в гетто Барух Гольдштейн, похитив его на складе трофейного оружия.

Так это началось. Подпольщики собирали средства для приобретения оружия, уносили со складов гранаты, пистолеты, патроны и переправляли в гетто, обучали минеров, пулеметчиков, метателей гранат,

прятали в бункере радиоприемник и выпускали бюллетень последних известий. В окрестных деревнях покупали у крестьян винтовки и проносили в гетто через канализационные трубы; в мастерских изготавливали топоры, ножи, кастеты, приготовили даже сотни «гранат» из перегоревших электрических лампочек, которые начиняли серной кислотой, тайно доставленной в гетто.

Ицхак Витенберг

В июле 1942 года трое участников сопротивления – Витка Кемпнер, Моше Браузе и Изя Мацкевич – вышли из гетто с самодельной миной и заложили ее на железнодорожном полотне неподалеку от Вильнюса. Эшелон с боеприпасами полетел под откос; немцы устраивали обыски, облавы, но евреев из гетто даже не заподозрили. «Поляки убеждены, что это дело рук их соотечественников. Они гордо рассказывают евреям: вот видите, что значит польские партизаны... А для нас это был самый счастливый день в гетто. И сегодня я вижу сияющие лица товарищей, на которых давным-давно не было и следа улыбки».

Лиза Магун, одна из бойцов сопротивления, выходила из гетто вместе с рабочей бригадой, снимала с одежды отличительный знак, жила какое-то время в Вильнюсе с поддельными документами, выполняя задания подпольщиков, и возвращалась затем обратно. «Вокруг недоумевали, встречая Лизу: «Ты в гетто? Но это же безумие. У тебя документы, знакомые поляки, надежная квартира, арийская внешность... Если бы нам всё это...» А Лиза только улыбалась своей обаятельной улыбкой: «Безумие? Может быть...»

Ее арестовали, допрашивали в гестапо, пытали, но она не выдала никого. В феврале 1943 года Лизу Магун расстреляли в Понарах – было ей двадцать два года. Из тюрьмы она сумела переслать записку: «Я спокой-

на. Знаю, ради чего отдам свою жизнь... Держитесь. Ваша Лиза». На тридцатый день после ее гибели Барух Гольдштейн пронес в гетто немецкий пулемет – ему присвоили наименование «Лиза».

Имя Лизы Магун стало символом борьбы. Сигналом для немедленного сбора бойцов в назначенном месте, в полной боевой готовности выбрали пароль: «Лиза зовет!»

Лиза Магун

Летом 1943 года немцы раскрыли существование ФПО, арестовали Ицика Витенберга, в наручниках повели из гетто, но бойцы сумели отбить своего командира. Ружка Корчак вспоминала: «Решаем укрыть Витенберга в надежном месте. Светает. Полицейские стерегут на всех углах. Командира переодевают в длинное черное платье и платок. Выхожу с ним. Идем на улицу Страшун в хорошо замаскированную комнату-тайник. Перед домом – полицейский пост... Они с подозрением посматривают на странную пару. Мы продолжаем свой путь с независимым видом, я что-то громко рассказываю семенящей рядом «старухе». Прошли. Никто нас не остановил...»

И тогда гестаповцы предъявили ультиматум: если в тот же день не выдают Витенберга живым, в гетто войдут солдаты и уничтожат всех его обитателей. Я. Генс, председатель юденрата, призвал евреев найти командира ФПО, чтобы избежать карательной акции: «Помогите нам выдать Витенберга! Спасите своих жен и детей!» Ружка Корчак: «Гетто бушует. Гетто нас ненавидит... Внезапно гетто увидело в нас врагов, изменников, провокаторов!.. Полиция шныряет вокруг, ищет Витенберга. Штаб решает отправиться к Ицику и вместе с ним решить, как действовать... Командир отдает последние распоряжения. Назначает своего преемника –

Аббу Ковнера... По гетто пронесится сообщение: Витенберг передает себя в руки гестапо. Витенберг добровольно идет на смерть. Гетто облегченно вздыхает... «Герой! Честь и слава Витенбергу!» И он идет с поднятой головой, не сгибаясь, вольный человек... В полдень приходит ошеломляющее известие: Витенберг скончался еще до допроса. Он умер на рассвете...»

Девочка в гетто Вильнюса записывала в дневнике: «Не знаю, сколько я еще буду жить, но за это должна быть благодарна Витенбергу. Сегодня он меня спас. Не только меня – маму, Миру, детей, тысячи матерей и детей...»

Через неделю после гибели Витенберга ушла в леса группа вооруженных бойцов ФПО во главе с Й. Глазманом. Им предстояло пройти двести километров незнакомого пути в обход вражеских застав; часть бойцов погибла, попав в засаду, остальные – менее пятнадцати человек – стали основателями партизанского отряда «Некоме» («Мечь»).

5

В книгах и учебниках истории хранится память о знаменитом восстании в гетто Варшавы в 1943 году. Когда голодные, почти безоружные бойцы, запертые в западне, с пистолетом и самодельной гранатой выступили против танков, пушек, бомбардировщиков, против сытых и тренированных солдат. Немцы рассчитывали подавить восстание за пару дней, но бои длились неделя за неделей; германское командование признавало, что в гетто погибло немало немецких солдат: «Евреи яростно защищаются. Борьба с ними требует от нас кровавых потерь и значительных усилий...» Горели и рушились здания, а они держались до конца, бойцы варшавского гетто, переходили из дома в дом, убивали врагов и погибали один за другим. Они не пожелали стать жертвами и остались в нашей памяти победителями, несмотря на поражение. Мордехай Анелевич, руководитель восстания, написал в последнем письме 23 апреля: «Мир тебе, мой друг! Быть может, еще встретимся! Но главное – мечта моей жизни свершилась. Я был свидетелем потрясающей, героической борьбы еврейских бойцов».

Так оно было в Варшаве, но сопротивления врагу – менее известные, а то и неизвестные совсем – возникали в разных местах по всей Европе, в том числе и на оккупированных территориях Советского Союза.

Несвиж, Минская область. В гетто пронесли тайком со склада комендантуры пистолеты, гранаты, даже разобранный по частям ручной

пулемет. Когда стало известно о ликвидации гетто в соседнем местечке, евреи собрались на поминальную молитву, и Шолом Холавский, один из руководителей подполья, сказал присутствовавшим: «Может быть, мы – последнее гетто и последние евреи. Будем бороться за наши жизни». Они установили пулемет на втором этаже синагоги, разделились на боевые группы, приготовили бутылки с зажигательной смесью. Это случилось 22 июля 1942 года: первое, быть может, массовое сопротивление евреев на захваченной территории СССР. Полицейские окружили гетто, чтобы провести «селекцию» и оставить в живых лишь группу ремесленников, но неожиданно начал стрелять пулемет, завязался бой, загорелись подожженные дома. Узникам удалось вырваться из гетто; двадцать пять человек сумели уйти к партизанам, остальные были уничтожены.

Местечко Лахва, Западная Белоруссия. В подготовке восстания принимал участие председатель юденрата Дов Лопатин. 3 сентября 1942 года, когда каратели повели узников на расстрел, подпольщики с топорами, ножами и бутылками с горючей смесью напали на эсэсовцев и полицейских. Те не ожидали нападения и растерялись – из гетто сумели выйти около 600 его обитателей, многие из них погибли, остальные попали к партизанам. Дов Лопатин полтора года воевал в партизанском отряде и погиб, подорвавшись на mine.

Местечко Тучин на западе Украины. Председатель юденрата Гецель Шварцман и его заместитель Меир Гиммельфарб предложили молодежи создать боевые группы, чтобы встретить карателей перед последней акцией. 24 сентября 1942 года. Шестьдесят бойцов заняли позиции в гетто; у них было пять винтовок, двадцать пять пистолетов и десять гранат. Когда немцы и полицейские приблизились, их встретили огнем и подожгли дома; в наступившей панике, под прикрытием дыма пожаров, узники гетто выбили ворота и кинулись в разные стороны. Бой в гетто продолжался весь день, были убиты несколько немецких солдат и полицейских; почти все бойцы сопротивления погибли, среди них и руководители восстания Шварцман и Гиммельфарб. Сотни евреев Тучина ушли в леса, их выдавали местные жители и уничтожали каратели; лишь немногие – не более пятнадцати человек – попали к партизанам и дожили до освобождения.

Луцк, Западная Украина, декабрь 1942 года. Перед ликвидацией рабочего лагеря восставшие заняли здание школы; у них был автомат, винтовки, топоры и ножи. Они отбили две атаки, заставив немцев отступить, но силы были неравными, и все они погибли в бою.

Рогатин, Западная Украина, июнь 1943 года. Подпольщики заняли оборону в трех подземных бункерах под названием «Сталинград»,

«Ленинград», «Севастополь» и защищались до тех пор, пока их не уничтожили.

В июне 1943 года состоялась последняя акция по ликвидации евреев Львова. Немецкие солдаты и полицейские столкнулись с отчаянным сопротивлением на территории гетто: в них стреляли из окон, подвалов и чердаков, кидали самодельные гранаты и бутылки с горючей смесью, – особенно сильным был огонь из бункера, устроенного под пекарней. Каратели забросали бункер гранатами, подожгли дом, но защитники продолжали сопротивляться, пока не погибли в огне. Германское командование докладывало из Львова: «По мере того как уменьшается количество евреев в Галиции, растет их сопротивление... Чтобы избежать потерь среди немецких солдат, мы действовали с особой жестокостью. При этом были вынуждены поджечь и взорвать многие дома... Из различных тайников вытащили свыше 300 трупов евреев: это были те, кто покончил с собой, приняв яд».

Свидетель событий во Львове вспоминал: «По улице бежал молодой еврей... За ним спешила женщина, по-видимому, его жена. Следом гнались эсэсовцы... Они вбежали в дом и из окна чердака начали стрелять в своих преследователей. Падали убитые и раненые гитлеровцы. Тогда немцы с помощью полицаяев облили дом бензином и подожгли... но стрельба продолжалась. На следующий день среди развалин обнаружили два обугленных скелета».

Август 1943 года. Гетто Белостока окружили батальоны немецких жандармов и украинских полицейских. Нацисты уже обладали опытом подавления восстания в Варшаве, где они понесли ощутимые потери, а потому подкрепили силы карателей артиллерией, танками и броневиками. Руководили сопротивлением Даниэль Мошкович и Мордехай Тененбаум. Двести бойцов – в основном подростки, юноши и девушки – заняли заранее подготовленные позиции; у них был пулемет, автоматы и винтовки, топоры, штыки, косы, бутылки с зажигательной смесью. Самолеты бомбили фабрику, в цехах которойкрепились бойцы, почти все они погибли; лишь немногие сумели уйти из гетто и присоединиться к еврейскому партизанскому отряду «Кадима» («Вперед»). Дольше всех держались восставшие на территории еврейской больницы; после ее захвата были уничтожены оставшиеся в живых бойцы, врачи, раненые и больные.

Глубокое, Витебская область. Восстание подготовил Ш. Либерман, которого прислали в гетто из партизанского отряда. Оно началось по условленному сигналу: взрыв гранаты и возглас «Форойс!» («Вперед!») 19 августа 1943 года подпольщики забросали гранатами карателей, подожгли полицейский участок, фабрики и мастерские. Немцы ввели в бой артиллерию, сжигали и взрывали дома, но укрепленный бункер не

могли взять в течение дня. Либерман раненым попал в плен и был зверски замучен; группа евреев сумела вырваться из гетто и ушла в леса – всех остальных уничтожили. Местные жители сообщали впоследствии: «Стрельба в районе гетто длилась более двух суток...» – «Гетто было разрушено обстрелом из орудий и бронемашин и сожжено полностью. На его территории валялись расстрелянные и обгоревшие трупы людей...» – «Стоял такой смрад, что нельзя было дышать...»

Беженцы из Глубокого зашли в деревенскую избу и попросили хлеба; хозяин дома взял веревку, привязал за шею женщину и ее дочку и повел их к карателям. «А. Гельман выскочил из гетто, его встретили двое и стали требовать золото; он крикнул «Возьмите!» и бросил в них гранату».

Вооруженные сопротивления проходили в гетто Клецка (руководитель восстания Моше Фишер), в Каменце, Мире (руководитель Ш. Рuffейзен), Кобрине, Остроге, Ковеле и Ровно, Новогрудке, Кременце, Бродах (руководили сопротивлением Яков Линдер, Шмуэль Вайлер, Шломо Хальберштадт), в Бреславе, Тарнополе, Слониме, Владимире-Волынском... Этот перечень далеко не полон – в некоторых местах не сохранилось в живых ни одного свидетеля, и некому рассказать о восставших.

6

При отступлении советских войск подготовленные заранее подпольщики оставались в тылу врага с поддельными документами, чтобы вести борьбу на оккупированной территории. Среди них были и евреи, хотя не все из них годились для подпольной работы из-за произношения и характерной внешности, – их арестовывали при облавах в первые месяцы оккупации, когда еврейское население было уже уничтожено или изолировано в гетто.

Из немецкой «Памятки для войск»: «Враг твой не только на фронте. Он находится и в наших рядах, живет в наших квартирах, скрывается в наших гарнизонах. Его всевидящие глаза наблюдают за тобой, его подслушивающие уши слушают твои разговоры...»

Одним из руководителей подполья в Минске был Исай (Иегуда) Казинец, секретарь подпольного горкома партии. Он жил по поддельным документам на имя Мустафы Деликурды-оглы, объединил разрозненные

силы подпольщиков, наладил связь с партизанами, организовал регулярный выпуск листовок «Москва жива и сражается», «Успешное контрнаступление Красной армии под Москвой» и других. В марте 1942 года его арестовали, много дней пытали, но Казинец никого не выдал; искалеченного, окровавленного, его повесили в городском саду вместе с группой подпольщиков (в 1965 году Исай Казинец, единственный из евреев–подпольщиков и партизан, получил посмертно звание Героя Советского Союза; его именем назвали улицы в Минске и в Батуми, где он учился в школе).

Подпольщики переправляли в минское гетто бойцов и командиров Красной армии, бежавших из плена; их лечили в больнице, а затем уводили к партизанам. В той же больнице лежали на излечении раненые партизаны; им нашивали на одежду желтые знаки и «называли еврейскими именами: Степан стал Хаимом, Андрей – Янкелем, Тарас – Лейбе». Помогала раненым медицинская сестра, еврейская девушка семнадцати лет; ее выследили, арестовали и публично повесили вместе с другими подпольщиками. В их казни участвовали солдаты литовского батальона; один из карателей сфотографировал казненных, этот снимок публиковали после войны во многих книгах, и лишь через много лет стало известно имя погибшей – Маша Брускина.

«Палачи хотели, чтобы она повернулась лицом к толпе, но она отворачивалась, и ничего нельзя было с этим поделать. Как они ни толкали ее и ни пытались развернуть, она оставалась стоять спиной к народу. И они выбили стул из-под ее ног...»

Маша Брускина и шестнадцатилетний белорус Володя Щербацевич

Киевским подпольным горкомом партии руководил Семен Бруз. При нем были созданы тайные организации на крупных предприятиях города, работали типографии, принимали по радио и распространяли сводки новостей из Москвы. Бруз участвовал в проведении диверсий и застрелился во время ареста в июне 1942 года. Двадцатилетняя Татьяна Маркус жила в Киеве с поддельными документами на имя «грузинской княжны Татьяны Маркусидзе», дочери «князя, расстрелянного большевиками». Она работала в немецкой офицерской столовой и убивала своих поклонников, посетителей этой столовой, когда они приглашали ее на свидания. Татьяну в конце концов поймали, пытали и казнили; в отчете о работе подпольщиков о ней написали: «Лично уничтожила десятки немецких солдат, офицеров, предателей. Выполняла самые ответственные поручения организации по подготовке диверсий».

Подпольные объединения существовали во многих городах. В Умани на Украине успешно действовал в подполье Зигмунт Гросбарт, в Одессе – Ольга Якобсон, сестры Елена и Ольга Канторович. В Днепропетровске погиб Борис Сондак, в Виннице казнили группу подпольщиков, среди которых было восемь евреев, в Балте расстреляли пятьдесят шесть человек, в том числе одиннадцать евреев и одну из руководителей подполья Татьяну Фридман.

Лина Ганс жила во Львове с поддельными документами. Там она познакомилась с офицером немецкой секретной службы, пригласила к себе домой и застрелила. «Немцы расклеили объявления об убийстве, совершенном еврейкой, поместили фотографию и обещали большую сумму денег тому, кто ее поймает. Но всё было напрасно – Лина Ганс исчезла...» Ее не смогли найти и в отместку казнили многих жителей гетто.

После оккупации Одессы небольшой группе евреев, спасшихся от уничтожения, удалось уйти в катакомбы под городом. Гирш Фурман создал там боевую группу, которая затем влилась в партизанский отряд. Осенью 1942 года поймали и казнили шестнадцать подпольщиков Одессы – не менее половины из них были евреи.

В Кишиневе действовала подпольная группа под руководством Боруха Дойча; они взорвали железнодорожный мост, подожгли фабрику, которая работала на нужды фронта, обстреляли воинские казармы, – подпольщиков схватили и расстреляли в конце 1942 года.

Через линию фронта забрасывали в немецкий тыл подготовленных бойцов, которые становились основой партизанских отрядов, – среди них было немало евреев. Владимир Литвинский командовал диверсионной группой в лесах Белоруссии; она разрослась в партизанский отряд «Новаторы», в котором на 126 партизан приходилось 48 евреев. Рувим

Берензон попал в тыл к врагу в составе диверсионной группы и стал одним из организаторов партизанского движения в Белоруссии.

В марте 1942 года в Литву забросили группу парашютистов для создания в лесах отрядов сопротивления. Половина из них были евреи; руководил группой второй секретарь компартии Литвы Ицхак Мескупас (Адомас). В первую же ночь в тылу врага они столкнулись с немцами, и четверо из них погибли; затем погибли и остальные во время боя с литовскими полицейскими. Перед уходом на задание Ицхак Мескупас отправил семье письмо: «Каждый должен активно участвовать в этой войне. Каждый должен быть там, где он принесет максимальную пользу в борьбе с нацизмом...»

Екатеринополь, Украина: «Ты помнишь старого парикмахера Азрила Прицмана? Ему было семьдесят лет. Он крикнул перед смертью: «Стреляйте в меня! Мои сыны отомстят!» У него пять сыновей на фронте. А бондарь Голиков!.. Он приподнялся окровавленный и закричал: «Гады, стреляйте еще! Одной пулей меня не возьмете!» Двадцать восемь родственников Голикова на фронте – сыновья, внуки, зятья, племянники...»

Браилов, Украина: «У ямы произошла небольшая заминка – молодая девушка Лиза Перкель отказалась раздеваться, требуя, чтобы ее расстреляли в одежде. Ее били прикладами, кололи штыками, но ничего не смогли сделать. Она вцепилась в горло гестаповцу, и когда тот пытался оттолкнуть ее от себя, девушка вгрызлась зубами в его руку... Каратели повалили Лизу на землю, пытаясь содрать с нее платье. Ей удалось освободить на мгновение ногу, и она изо всей силы ударила в лицо гестаповца... Изо рта у нее лилась кровь, платье было изодрано в клочья... Убить девушку они могли – у них было оружие, но сокрушить ее достоинство и честь было немцам не под силу...»

Бася Цин, Даугавпилс: «Нас заставили построиться во дворе крепости. Я выскочила на улицу в ночной рубашке, но муж успел набросить пальто мне на плечи. «Зачем? – крикнула я. – Всё равно нас сейчас расстреляют!» – «Расстреливать нас будут ночью, – ответил он, – а сейчас раннее утро. Ты можешь простудиться...»

Краматорск, Украина: «Мама пошла со мной, но потом несколько раз порывалась вернуться и пойти с другими на казнь. Она говорила о своем долге. Я, как сейчас помню, посмотрела вокруг – снег, снег и снег, дома закрыты наглухо, никто не впустит обогреться. А пойти назад – смерть, обыкновенная, простая. Нет, мы пойдем вперед, пусть замерзнем или умрем с голоду, пусть поймают и повесят, только не идти самим на смерть. И мы пошли... Буся».

С. Боровой, историк (Одесса): «Из лично мне знакомых были оставлены для работы в подполье две сотрудницы университета, еврейки с резко выраженными еврейскими чертами – Повар и Малкина. Повар была скоро арестована и погибла, Малкина долго скрывалась, потом попала в гетто и выжила. Но этого ей не могли простить. Ее не восстановили в партии, и до конца жизни она оставалась на подозрении: как ей удалось выжить?..»

После расстрела подпольщиков в Запорожье в одежде одного из них обнаружили записку: «Умираем героями... Все люди группы Гончара расстреляны 14.9.43 г. Леонид Вайнер».

Поэт Гирш Глик написал в гетто Вильнюса стихотворение на идиш «Зог ништ кейн мол...» («Никогда не говори, что ты идешь в последний путь...») Это стихотворение стало гимном сопротивления подпольщиков – на мелодию песни братьев Дмитрия и Даниила Покрасс «То не тучи, грозовые облака...» В 1943 году, после ликвидации гетто, Глика отправили в концлагерь в Эстонии; он бежал оттуда и погиб.

Песня на слова Гирша Глика стала гимном еврейского партизанского движения; ее поют по сей день на торжественных собраниях в память бойцов сопротивления. Первые слова песни: «Никогда не говори, что ты идешь в последний путь», ее последние слова: «Мы – здесь!», что означает – мы живы, мы боремся... Один из подпольщиков в гетто Вильнюса сказал: «Даже если от нас ничего не останется, кроме этой песни, мы будем жить в ней».

Никогда не говори, что ты идешь в последний путь,
Даже если ясное небо затягивают черные тучи.
День, о котором мы мечтаем, непременно придет,
И наши шаги отзовутся эхом: мы здесь!..

Очерк пятьдесят девятый

Духовное сопротивление

1

Это было в Польше.

В годы войны.

Поэт Ицхак Каценельсон написал «Песню об уничтожаемом еврейском народе»:

Не спрашивайте меня, –

Не спрашивайте, что случилось с Касриловкой, с Егупцем, –

Не спрашивайте...

Не ищите, –

Не ищите Тевье-молочника, Менахема Мендла, Мотке-вора, –

Не ищите...

Раввины и учителя, мудрецы и ученики, –

Их нет больше.

Они все убиты,

Убиты...

Варшавское гетто. Голод. Страдания. Повальные эпидемии. Трупы на улицах. Облавы и акции, во время которых исчезали навсегда люди. Уже увезли в Трешлинку жену и двух сыновей Ицхака Каценельсона, но поэт работал. Он сочинял в гетто пьесы и поэмы, переводил на идиш

главы из Книги пророков, записывал в дневнике события тех лет, печатался в подпольном журнале, читал на литературных вечерах, преподавал в нелегальной гимназии, обучал добровольцев, как работать с детьми-сиротами, основал театральную труппу «Дрор» («Свобода»). Потом был убит... Осталось фото тех времен: высокий лоб, непреклонный взгляд, тень страданий и голода на лице. Осталась «Песня об уничтожаемом еврейском народе»:

Не спрашивайте меня, –

Не спрашивайте, что случилось с Касриловкой, с Егупцем, –

Не спрашивайте...

Что же произошло тогда, в те чудовищные, кровью залитые времена? Было ли что-то, кроме страданий, боли и ужаса, затопивших целый народ? Мы знаем про восстания и бои в гетто, про партизан в лесах – это мы знаем. Но было еще и ежедневное, ежеминутное героичество на огороженном пространстве, когда жить оставалось считанные дни, но люди работали, надеялись, помогали себе и другим.

Вот пришли завоеватели, боги, арийцы – высшая раса. Установили новый порядок в Европе. Выкинули из библиотек и сожгли книги неудобных писателей. Из свитков Торы понаделали бумажники, абажюры, барабаны с бубнами, стельки для обуви. В гетто свирепствовал тиф, не было еды, топлива, лекарств, мест для жилья, запрещали учиться и молиться, петь и слушать лекции, влюбляться и рожать детей. Всё делалось для того, чтобы унижить человека, подавить его гордость, самоуважение, а уж затем убить. Работала машина, бездушная, четкая, безостановочная, – кто мог ей противостоять? Но вот фотография: кучка детей у стены, учитель пения с мандолиной – худые, голодные, поющие... Это варшавское гетто. Но вот программа лекций подпольного университета: еврейская история, еврейская литература, психология, экономика, проблемы социализма, Теодор Герцль и его время... И это варшавское гетто. Газеты. Спектакли и концерты. Школьные классы по пять–шесть учеников в потайной комнате, меняя то и дело место учебы, и учитель получал после урока картофелину или ломоть хлеба. Молились по домам, тайно: было около шестисот «миньянов» в варшавском гетто. Собирались в квартирах «на чай» – пили горячую воду, чтобы побыть вместе. За месяц, за день до смерти...

Историк Иммануэль Рингельблюм и тридцать его помощников собирали документы по всей Польше с 1939 по 1943 год. Незадолго до гибели они уложили весь архив в три металлических контейнера и закопали их в земле. После войны под развалинами варшавских домов обнаружили два контейнера, а в них – исследования экономической жизни гетто, судьбы общин городов и деревень, дневники и документы, подпольные газеты, литературные работы, фольклор гетто, фотографии; там же

находились результаты научного исследования врачей, изучавших состояние узников гетто в условиях постоянного недоедания. В контейнерах лежали записки, составленные перед отправкой в лагерь уничтожения, разъяснение будущим историкам, как разобраться в этом архиве.

Некий юноша из гетто Варшавы написал в завещании: «Я хотел бы дожить до той минуты, когда сокровища, спрятанные нами, будут обнаружены, и мир узнает правду. Благословенны те, кого судьба уберегла от мук...»

В 1942 году писатель Януш Корчак, директор Дома сирот в Варшаве, построил своих воспитанников в колонну и повел по улицам – это было исключительное событие в жизни гетто, где карались смертью любые, самые безобидные, собрания. Они пришли на еврейское кладбище, и там дети поклялись на Торе, что будут хорошими евреями и честными людьми. А потом был праздник Песах, последний в жизни Корчака и детей. «Кого можно назвать сиротой?» – спросил он своих воспитанников за праздничным столом. «Всех нас», – ответили они. «Кого можно назвать сиротой? – снова спросил Корчак и ответил на это: – Сирота – это человек, чья жизнь лишена подлинных ценностей. Всякий, кто чужестранец в любой стране. Он не может свободно ступить по земле, сказав себе: «Это моя земля»... Сирота – тот, кто не прилагает усилий, чтобы стать свободным».

Корчак записал в дневнике перед отправкой детей Дома сирот в Трешлинку: «Тяжелое это дело – родиться и научиться жить. Теперь мне остается куда более легкая задача – умереть... Хотелось бы мне умереть, сознавая происходящее и не теряя самообладания. Еще не знаю, что я сказал бы детям в этот момент. А хотел бы сказать многое...»

Януш Корчак, одна из последних записей в дневнике: «Я никому не желаю зла. Не умею. Не знаю, как это делается...»

Жил в гетто Лодзи Иегошуа Шпигель, записывал приметы той жизни – о голоде, холоде, эпидемиях. Сохранилось его стихотворение «Абраша идет к реке Неман» – плач матери, чей сын был застрелен, когда пытался бежать. Мендель Гроссман фотографировал в Лодзи узников гетто, несмотря на строжайшее запрещение, грозившее смертью; он сделал тысячи снимков и погиб – спрятанные фотографии были обнаружены после войны. Уличный певец на снимке – головой над толпой. Худой, заросший, пальцы рук длинные, нервные. Поле. Оборванные люди копаются в земле в поисках картофеля. Толпа у дверей. Спины с желтыми звездами. Девочка продирается через толпу с кастрюлей в руках, с полной кастрюлей супа. В глазах ее – счастье...

Гетто Вильнюса.

Существовало два года.

Писатели, художники, педагоги, ученые создавали различные проекты по образованию и культуре, собирали тайком архивы, спасали от уничтожения и прятали в бункере старые еврейские рукописи и книги, музейные редкости. Сохранился черновик пьесы, которую играли тогда. Протокол заседания жюри музыкального фестиваля: кому присудить первую премию, кому – вторую. Сохранились крохотные афишки: «31 января 1942 года. Скрипка – концерт в двух отделениях». На другой день: «Оркестр на эстраде, программа № 4». Когда уже отправили в Понары десятки тысяч евреев. Когда поэт Шмарьягу (Шмерке) Качергинский уже написал «Колыбельную песню виленского гетто»:

Тише, сын мой, тише, милый,

Здесь страна гробов.

Враг рассеял их повсюду

И рассеет вновь...

Все пути ведут в Понары,

И возврата нет.

Наш отец ушел в Понары –

С ним погас наш свет...

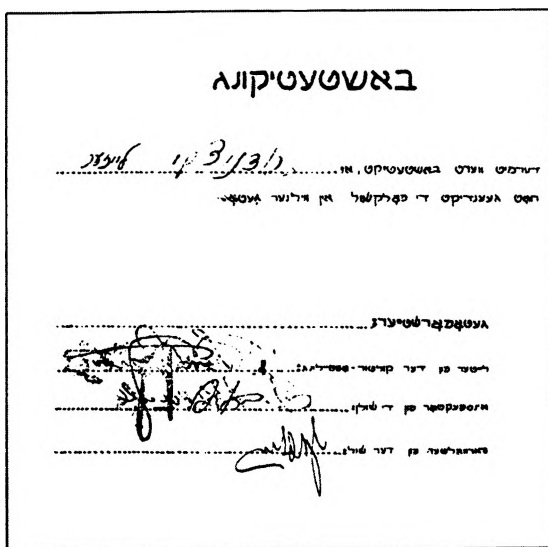
В гетто не разрешали молиться. Категорически запрещали вступать в брак и рожать детей, так как германское командование выпустило приказ: «Всеми имеющимися в распоряжении средствами следует добиваться, чтобы возможно быстрее было прекращено размножение евреев...» Для исполнения этого указания вызвали в гестапо «двух членов юденрата и уведомили их: «С сегодняшнего дня больше не должны рожаться еврейские дети». Даже офицер был обескуражен; он добавил, что получил приказ из Берлина... Впечатление, произведенное этим, было неопишимо. Все цитировали строки из Книги Исхода, где говорилось о том, как фараон наложил запрет на рождение мальчиков. Фараон двадцатого века более жесток – не рожать вообще!..»

Несмотря на строжайшее запрещение, женщины рожали в подпольных условиях под наблюдением врачей; одному из новорожденных дали имя Малина («мелуна» – «конура», «убежище»).

В гетто Вильнюса существовали школы, детские сады, дом для сирот, две иешивы на двести учеников, музыкальная школа, детский и молодежный клубы, в которых устраивали вечера и спектакли. Школьники провели в гетто судебный процесс – с участием прокурора, защитника и судей –

по обвинению царя Ирода «в двойственной политике», потому что он «ввел в стране римские обычаи, враждебные и чуждые еврейской духовности»; события из далеких времен перекликались с деятельностью членов юденрата, которые также находились в двойственном положении.

Авраам Суцкевер: «Учителя хотели сохранить детей неиспорченными и сделать из них уверенных людей, обладающих чувством собственного достоинства... Сначала в школе было 150 учащихся, большей частью сироты, дети, только что оторванные от родителей. С каждым днем количество детей в школе уменьшалось.... но занятия продолжались. За день до ликвидации осталось всего лишь семнадцать ребят. А учительница Мира Беренштейн продолжала с ними занятия, читала им книгу Шолом-Алейхема о мальчике Мотле, рассказывала чудесные истории о великом мире свободы...»

Свидетельство об окончании школы в гетто Вильнюса. Найдено у Л. Рудницкого, убитого в Понарах

Их низводили на уровень примитивного существования, но узники гетто не поддавались. Издалека может показаться, что это были бессмысленные поступки обреченных на неминуемую гибель, однако люди желали оставаться людьми до последней своей минуты. Нелегально собирались «миньяны» для молитв. Работали Союзы писателей, художников и артистов, организовывали в гетто творческие встречи, доклады, выставки, музыкальные вечера и утренние концерты для детей. Союз учителей и Союз инженеров проводили заседания по обсуждению профессиональных проблем, врачи гетто устраивали научные конференции с показом больных; в молитвенном доме прочитали доклад на тему «Вино, вода и слезы». Присуждали премии на литературных и музыкальных конкурсах. Выступал симфонический оркестр под управлением Вольфа Дурмашкина; музыканты пронесли в гетто свои инструменты,

а когда обнаружили в опустевшей еврейской квартире пианино, они разобрали его и по частям перенесли на огороженную территорию.

«Оркестр готовит вместе с хором Девятую симфонию Бетховена. Текст четвертой части симфонии – ода Шиллера «К радости»... Там говорится, что все люди – братья... Только жаль, что гитлеровцы этого не знают...»

Работала библиотека с читальным залом на несколько тысяч абонентов, большим спросом пользовался роман Л. Толстого «Война и мир». Запрятанные радиоприемники приносили сведения из недоступного им мира. В гетто создали эстрадный оркестр (дирижер М. Векслер), джаз-оркестр и оркестр на мандолинах; перед зрителями выступали два хора, один из которых исполнял песни на иврите, а другой на идиш – его солисткой была певица Люба Левицкая (ее расстреляли из-за мешочка гороха, который она пыталась пронести в гетто).

Создали театр – перед первым его спектаклем состоялась демонстрация протеста, узники гетто в черном несли плакат: «На кладбище не поют!» Но театр работал, дал за год 119 спектаклей для 35 000 зрителей; в первую годовщину его существования глава юденрата сказал: «Наши тела находятся в гетто, но наш дух не порабощен... Перед первым представлением говорили, что спектакли нельзя играть на кладбище. Да, это правда, но вся жизнь сейчас – это кладбище. Нам нельзя опускать руки. Мы должны быть сильны телом и духом...» Театр подготовил

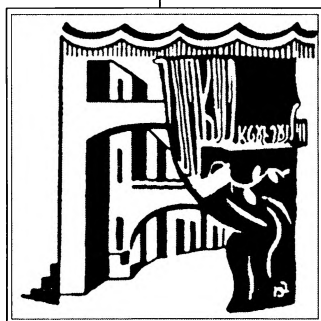
Приглашение
на торжественный вечер
в библиотеке – выдача
читателям сотысячной
книги

געטא-טעאטער
זונטיק 13 דעצעמבער
12 מדינת

קולטור-אפטיילונג
געטא-ביבליאטעק

100,000 ביכער און געטא

פארצוגעבן לביבד דעם ארויסגעבן
הונדערטציג טויזנט ביכער און געטא-ביבליאטעק

מיטן אנטיל פון ארטסטן
פון געטא-טעאטער

Эмблема театра в гетто Вильнюса

три спектакля и семь эстрадных обозрений – монологи, скетчи, песни и танцы; спектакль по пьесе А. Индика «Человек под мостом» прошел с успехом 46 раз.

«К кассе театра ежедневно выстраивались длинные очереди, спектакли шли с аншлагом. Актеры на сцене с воодушевлением распевали: «Знать ничего нельзя. Если захочет Господь, выстрелит и метла!..» И всё гетто повторяло: «Знать ничего нельзя...»

В гетто Вильнюса открыли спортклуб, подготовили гимнастический зал и спортивную площадку, где молодежь устраивала соревнования. «Трудно было глазам поверить, хотелось крикнуть: «Что это – сон или явь?» От невозможности происходящего хотелось радоваться и плакать. И может быть, правы те, кто живет так, словно нет вокруг этого кошмара, кто не хочет видеть окружающей нас стены, словно забыл, что мы находимся на ладони железной руки, которая может захлопнуться в любой момент и раздавить всех, как мух...»

Тише, тише, сын мой, тише –
Удержи свой плач.
Всё равно слезы сиротской
Не поймет палач.
Берега имеет море,
Только наша скорбь
Безгранична и безбрежна –
Нет ей берегов.

Во многих гетто на оккупированных территориях запрещали проводить учебные занятия, даже с отдельными учениками – за это грозили жестокими карами, а потому школы вели нелегальное, а кое-где полулегальное существование под угрозой ликвидации. Подпольные классы существовали в гетто Риги, Каунаса, Львова, Шяуляя, Несвижа; дети учились голодные, в неотапливаемых помещениях, без необходимых учебников, часто без тетрадей – даже мел для классных досок доставали с трудом и проносили через ограждение, рискуя быть задержанными при проверке.

Гетто Каунаса: «Очистили сарай, сколоченный из досок... Ящики заменяли парты и стулья. Учились там дети от семи до двенадцати лет (с двенадцатилетнего возраста немцы заставляли работать)... Дети знали, что школа тайная, вели себя тихо и дисциплинированно...» Гетто Шяуляя: «Несмотря на тяжелые условия жизни, детишки с радостью бегут в школу, учатся охотно и со вниманием. Тридцать пять – сорок детей сидят, а то и стоят, тесно прижавшись друг к другу. В классе никакого шума...»

В гетто Каунаса издавали журнал на иврите «Ницоц» («Искра»). Во Львове два журналиста вели хронику жизни гетто и прятали записи в подвалах здания юденрата. В Яновском лагере, несмотря на чудовищные условия жизни, тайно, по ночам, проводили литературные вечера, читали стихи и прозу, сочиненные узниками. Сохранился архив гетто Белостока: копии немецких документов, записи раввинов окрестных местечек о судьбах их жителей, песни гетто. Незвестный собиратель спрятал их и написал: «Для будущих поколений»...

3

Ружка Корчак, гетто Вильнюса (из книги «Пламя под пеплом»):

«За воротами слева – узкий вход с крыльцом. На первом этаже дверь в нашу комнату. Сюда собирается молодежь на тайные сходки, сюда принесли первое добытое оружие, которое до поры спрятано под половицами.

Во флигеле, где некогда помещалась молельня еврейских маляров, теперь детский сад... По комнатам перекачивается смех и песни десятков детишек, старшим из которых по шесть лет... Рядом – дешевая столовая, которая обслуживает учителей и учеников. Ежедневно распределяют здесь сотни обеденных порций... По вечерам в этой столовой устраивают репетиции хора под управлением Авраама Шлепа...

В соседнем доме работает народное училище № 2. Там преподают Шефтель, Кабачник, Мира Беренштейн и другие. Молодежь наполняет двор оглушительным шумом. В хорошую погоду здесь проводятся и уроки гимнастики. Вечером в зале школы собираются участники драматической студии, которая готовит на иврите пьесу «Вечный жид». Звуки иврита и ивритских песен вливаются в общий сумбур звуков... Чуткий слух различит в этой вечерней симфонии мучительные вздохи и тихий шепот: «Где достать на завтра кусок хлеба?..»

Малыши ходят в детский сад. Для сирот, чьи родители убиты, открылся приют. Для тех, кто закончил школу, организованы курсы высшего образования и ремесленные – столярные, слесарные, малярные... Работают курсы иностранных языков и высшей математики. Есть техникум. Организованы иешива и хедер...

Уцелевшие в гетто артисты и литераторы создают свой литературно-театральный клуб. Его возглавляют Калманович, поэт Суцкевер и журналист Герман Крук. По вечерам, после каторжной ежедневной работы на немцев, эти люди готовят литературные вечера, концерты... Регулярно читаются лекции по еврейской истории. Работают шахматные кружки... Художники и скульпторы устраивают выставки своих произведений. Множество работ посвящено жизни гетто. Наряду с работами

Рахель Суцкевер, Якова Шера, Умы Олькиницкой поражают талантом многочисленные картины восьмилетнего Самека Бека...

В двух просторных комнатах на улице Ятковой помещается молодежный клуб. Вечерами сюда собираются юноши и девушки шестнадцати–восемнадцати лет. Школу уже они переросли, целый день изнемогают на каторжных работах вне гетто, и по вечерам клуб дает им единственную возможность отдохнуть, развлечься, приобрести какие-то знания. Их лица не по возрасту серьезны. Среди них нет ни одного, у кого не убит кто-нибудь из близких. На многих легли заботы по содержанию младших братьев и сестер... Они серьезны и задумчивы...

Песню, посвященную этому молодежному клубу, сочинил на идиш Шмерке Качергинский. Песня полюбилась всем, ее поют в гетто и стар, и млад:

Запомним наших врагов,
Друзей своих не забудем.
Соединим нынешний день
С нашим вчера...»

Приглашение
на празднование Хануки.
Гетто Вильнюса

И далее, из книги Ружки Корчак «Пламя под пеплом»:

«Окна нашей квартиры выходят на Николаевский переулок, граничащий с гетто... По правилам, следовало забить эти окна досками, но мы

лишь закрасили стекла. Вечерами, украдкой, чтобы кто-нибудь не заметил, приоткрываем окрашенную створку, и тогда на какое-то мгновение кажется, будто мы уже не в гетто. В сумрак нашей комнаты входит успокоительное вечернее затишье... а если рискнуть и выглянуть из окна, то видна раскидистая верхушка дуба, которая свободно шевелится на ветру... Сейчас на нем уже набухают почки. Весна. Она близится, и, кажется, дышится легче и хочется верить, что весна принесет немного света и тишины, что самое страшное уже позади...

И вот – в атмосфере метаний от отчаяния к надежде, от смертного страха к тоске по чуду – подошли дни праздника Песах. По древним переулкам гетто пронеслось свежее дуновение. Женщины наводят порядок в своих квартирах, вытаскивая пожитки во двор, на чердак, в любое свободное местечко. Дворы, где и раньше было не протолкнуться, теперь совсем забиты. Юденрат получил разрешение на выпечку мацы в гетто, и к пекарням выстраиваются длинные очереди за карточками на мацу.

Дети учат в школе историю праздника, хором повторяют «четыре вопроса», радуются приближению седера. И не беда, что затоптанная земля не выбросила в гетто ни единого зеленого ростка, и даже птицы избегают залетать сюда, за высокие стены, ошетилившиеся колючей проволокой. Пускай!..

Это был наш первый седер в гетто, а для многих из нас – последний. По сей день, когда я вспоминаю тот вечер, испытываю щемящую боль, от которой никогда, вероятно, не излечусь... Комната залита светом. Как много света и какой белизной сверкают длинные столы! И цветы. Живые цветы в гетто. Их украли на ферме наши девушки Тайбл и Дина и под платьем пронесли в гетто – охранники на воротах не заметили.

На свои жалкие гроши мы купили свеклу и картошку. Девушки, приложив к этим продуктам массу труда и воображения, превратили их во вкусные блюда. И теперь на белоснежных скатертях ярко багровеют свекольные салаты и алый свекольный сок в прозрачных стаканах. Как кровь – знобко мелькает в уме, как наша живая кровь. А на стене пламенеет надпись:

Горы мрака опустились на нас,

Но не задуло искру, не загасило...

Нас много. Впервые мы сидим так, все вместе. Я никогда еще не видела в гетто таких празднично-торжественных лиц. Возникает песня. Все поют самозабвенно, хмелеют от песни, как от вина. Старые слова молодеют и наполняются новым смыслом: «Наперекор развалинам и жертвам...»

Возвращаемся домой погруженными во мрак пустынными переулками. Высокий забор гетто отбрасывает густые тени. Тяжелые запертые ворота, казалось, насмеются над нами.

И снова наступают невыносимо долгие и тяжкие дни...»

В начале 1942 года в Вильнюс приехали из Берлина «специалисты» для осмотра еврейских культурных ценностей и потребовали выделить для них двадцать евреев из гетто. Собрали в одно место 40 000 томов еврейской библиотеки имени И. Страшуна, архивы и библиотеку Еврейского научного института, книги из молитвенных домов города. 20 000 отобранных книг послали в Германию, в Институт исследования еврейских проблем, а остальные отправили в макулатуру на бумажную фабрику – по девятнадцать марок за тонну. Разбили скульптуры Марка Антокольского, взятые из его музея. Уничтожили множество рукописей и гравюр. Продали на переплавку – по тридцать девять марок за тонну – свинцовые матрицы полного текста Талмуда, который набирали более двадцати лет в типографии знаменитого издательства семьи Ромм. Пятьсот свитков Торы сдали на кожевенный завод для изготовления обувных стелек. Мраморные памятники с еврейского кладбища отправили в Германию.

Среди двадцати евреев, отобранных для работы, был и поэт Авраам Суцкевер:

«Наиболее ценные рукописи и книги мы прятали под одеждой и уносили в гетто. Как-то я попросил у Шпоркета разрешение прихватить с собой немного макулатуры – истопить печь. Шпоркет удовлетворил мою просьбу и написал записку, чтобы жандармы в воротах не отняли у меня пакет с бумагой.

В этом пакете «макулатуры» находились письма Л. Толстого к философу Вл. Соловьеву (я их нашел на снегу возле библиотеки имени Страшуна), рукописи Шолом-Алейхема, письма Горького, Ромена Роллана, Бялика, редкие издания пятнадцатого и шестнадцатого веков, картина Репина, дневник доктора Т. Герцля, единственная в мире рукопись Виленского гаона, рисунки Марка Шагала и десятки других столь же ценных произведений. Имея на руках разрешение Шпоркета, «макулатуру» можно было выносить ежедневно; разумеется, нам удавалось забирать лишь небольшую часть собранных там богатств. Мы выстроили под зданием цементную «малину» и спрятали там около 5000 наиболее ценных книг на различных языках.

В мае 1943 года в Вильнюс был доставлен Смоленский музей – десятки ящиков, наполненных рукописями и картинами. Три ящика мне и моим товарищам удалось прямо с вокзала отправить в городской архив и спрятать под кипой актов. В этих ящиках, которые я позже вскрыл, находились дневники слуги Петра I, старинные церковные летописи пятнадцатого и шестнадцатого веков, картины Репина, Левитана и множество других музейных ценностей. Часть этих сокровищ я извлек из архива и зарыл в гетто...

В одном из музеев Вильнюса... мне попался документ, подписанный знаменитым польским борцом за свободу Тадеушем Костюшко... Этот документ я подарил одной польке, которая скрывала двадцать евреев. Женщина опустилась на колени и поцеловала дорогую польскому сердцу реликвию. На другой день она разыскала меня и рассказала: когда она показала подпись Костюшко участникам подпольной организации, это произвело действие молнии, ударившей в пороховой погреб. Ее товарищи просили передать, что не только они, но даже их дети и внуки будут помнить о драгоценном даре и хранить благодарность в своем сердце...»

6

Из хасидских рассказов времен Катастрофы.

В небольшом украинском городке эсэсовцы из эйнзацгруппы завершали уничтожение евреев. Неожиданно к немецкому офицеру подошел хасид и сказал, что у всех цивилизованных народов есть обычай – исполнять последнее желание приговоренного к смерти.

- Каково твое желание? – спросил офицер.
- Короткая молитва, – ответил еврей.
- Пожалуйста.

Еврей покрыл голову рукой и произнес благословение – сначала по-еврейски, а затем и по-немецки:

– Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной, что не сотворил меня язычником.

Посмотрел немцу прямо в глаза, шагнул на край огромного рва, переполненного телами, и сказал:

- Я закончил. Вы можете начинать.

Аркадий Хасин (Одесская область):

«В Карловском концлагере был барак, который назывался «комната голых». В него попадали те, кто изорвался на каторжной работе. Эти несчастные лежали на нарах, прикрытые грязным тряпьем, и умирали голодной смертью. Они не работали, им не полагался паек, некоторых подкармливали работающие родственники, но остальные были обречены. Каждое утро к «комнате голых» подъезжала скрипучая повозка, запряженная парой волов. С нее слезал старый одноглазый Гершман, шаркая босыми ногами, заходил в барак, вытаскивал оттуда мертвецов, укладывал на повозку и увозил. В лагере не говорили: «Умер», а – «Гершман забрал».

В «комнате голых» была женщина. Звали ее Муза. По вечерам она читала «голым» Пушкина, Лермонтова, Некрасова, рассказы Чехова и Зощенко. Читала по памяти и так, что обитатели барака забывали о своих страданиях. Слушать Музу приходили и из других барачков. А заодно приносили ей картофелину, кусочек мамалыги. Так она жила. И еще – делилась с соседями по нарам...»

Ю. Фарбер (лагерь около Вильнюса):

«Мысль о том, что я останусь жив и буду в Москве, меня никогда не покидала. Я заставлял себя умываться и даже бриться. В бараке был парикмахер. Он изредка брил нас и брал за это одну картошку. В этот день меня ожидала большая удача: мне попала в баланде целая картошка. Я решил побриться. Когда я протянул парикмахеру картошку, выловленную из супа, он посмотрел на меня и сказал: «Не надо». Я спросил: «Почему?» Он ответил: «Ты всё равно на этой неделе умрешь. Ешь сам».

Прошла неделя. Я снова пришел бриться. Парикмахер был поражен, увидев меня: «Как, ты еще жив? Ну ладно, я тебя еще раз побрею бесплатно, всё равно ты скоро умрешь». Когда я пришел в третий раз, парикмахер сказал: «Я буду брить тебя бесплатно – всё время, пока ты не умрешь...» Но я должен был дожить до победы...»

Григорий Шур два года подряд тайком вел дневник о событиях в гетто Вильнюса. Литовская женщина Она Шимайте тайно приходила в гетто, приносила Шуру тетради и чернила, выносила оттуда исписанные страницы. Из дневника: «Писал в страшной тесноте, иногда в клозете, иногда в сарае; когда не было чернил, то писал карандашом, писал на колене или на подоконнике, почти никогда – за столом. Но всё же хотелось писать. Что-то меня тянуло, что-то требовало от меня: «Пиши, пиши...» Что не запишешь – забудешь...»

В последней акции погиб Арон, тринадцатилетний сын Григория Шура; автора дневника вывезли в концлагерь Штуттоф, а при подходе Красной армии узников посадили на баржи, вывезли в море и утопили. Среди них был, очевидно, и Шур, который написал в гетто, перед неминуемой гибелью, такие слова: «Хотелось бы, чтобы эпоха зла, переживаемая человечеством, не повторилась больше ради претворения в жизнь национальной, расовой или любой иной столь же лживой теории, чтобы навсегда ушла из жизни

Григорий Шур с женой и детьми. Страница из его дневника

ненависть человека к человеку, чтобы на измученной, напитавшейся кровью земле торжествовали любовь и братство народов...»

В сентябре 1943 года поэт Авраам Суцкевер вместе с женой бежал из гетто Вильнюса и вступил в партизанский отряд. Весной 1944 года их вывезли на самолете в Москву, Суцкевер выступал на митинге Еврейского антифашистского комитета; в газете «Правда» напечатали о нем очерк И. Эренбурга под названием «Торжество человека». После войны Суцкевер был свидетелем на Нюрнбергском процессе нацистских преступников; в 1947 году вместе с женой и дочкой нелегально приехал в Эрец Исраэль.

Очерк шестидесятый

Евреи-партизаны

1

Фаня Симкина, Белоруссия:

«Мы с сестрой поцеловались на прощание – знали, что идем на смерть. У меня был сын, Валерий, ему было девять месяцев. Я хотела оставить его дома, авось кто-нибудь возьмет и вырастит, но сестра сказала: «Не делай этого. Всё равно он погибнет. Пусть хоть умрет вместе с тобой». Я завернула его в платок, чтобы было тепло...

У меня вырвали из рук моего мальчика. Он покатился на снег. Ему было холодно и больно. Он кричал. Затем я упала от удара. Начали стрелять. Я слышала стоны, проклятия, выстрелы... наконец, все ушли. Я подползла к Валерику. Он уже ооченел. Я поцеловала его и сказала: «Прощай!» Некоторые еще стонали, хрипели, но что я могла сделать?

Я пошла... Я шла всю ночь. Отморозила руки. Нет у меня больше пальцев, но я дошла до партизан...»

2

В еврейских семьях были сильны родственные связи, а потому не каждый принимал решение уйти в леса, оставив своих родителей, бра-

тьев и сестер на неминуемое уничтожение. Абба Ковнер перед уходом из гетто Вильнюса попрощался с матерью и до конца дней своих мучился сомнениями: как следовало тогда поступить? Оставить старую мать и уйти в партизаны или быть с ней до конца?.. Этот вопрос возникал у многих, и А. Плоткин из Пинской области вспоминал после войны: «Я не имел права оставлять маму. За мой побег ее бы расстреляли, а уходить со мной у нее не было сил, тем более в зимнее время... Наконец мы договорились, что при первой возможности мама тоже уйдет в лес... Маленькая, постаревшая, скорчившаяся, укутанная в старую рваную шаль, она стояла и беззвучно плакала. Мы оба чувствовали, что видимся в последний раз. Мама верила, что я сумею бежать, если она не будет меня связывать...»

«Посреди улицы вдруг возникает мать Рашки и Блюмы Маркович. Она благословляет нас: «Идите, девочки, идите...» Взглянув Рашке в лицо, я понимаю, что мне теперь легче: я давно уже без мамы...»

Из гетто Вильнюса сумели уйти десятки узников и присоединиться к партизанским отрядам Литвы и Белоруссии; одна из групп попала в засаду и была почти полностью уничтожена. «Но это не отпугнуло других: снова вышли два отряда. В большинстве холостяки. Семейным труднее было двинуться...»

Перед окончательной акцией уничтожения группа бойцов подполья вышла из гетто Вильнюса по подземным трубам: «Над головой захлопнулся канализационный люк. Ноги вязнут в нечистотах. Мы – в подземе. Надо мною пустые улицы гетто. Впереди – длинный ряд бредущих гуськом фигур... Бледный свет фонаря указывает дорогу. Узкая труба обжимает плечи, не пошевелить рукой... Одна-единственная забота: не замочить увязанное на груди оружие и не отстать... Проход высотой в метр с лишним внезапно заканчивается, и начинается круглая гладкая труба диаметром не более семидесяти сантиметров. Ползу. Одежда покрывается липкой грязью. Пот заливает глаза. Если хлынет дождь, мы не выберемся отсюда... Вдруг остановка. Кто-то упал в обморок. Проход закупорен... Потерявшего сознание перенесли в одну из боковых труб – его вынесут замыкающие... Спереди приходит приказ: «Приготовиться к выходу!» Один за другим выныриваем из тесного люка. Ноги ступают на твердую почву. Одежда мокрая, в комьях грязи. Уже стемнело, а из гетто мы вышли при свете дня...»

Среди прошедших по канализационным трубам был и Абба Ковнер, который повел бойцов в Рудницкую пущу. Первую стоянку для отряда выбрали в глубине леса, посреди топких болот, на маленьком островке, куда добирались по узкому бревенчатому настилу. В том сыром месте

нельзя было выкопать землянки – сразу проступала вода, а потому поставили шалаши из веток и отправились на первую операцию добывать оружие и продовольствие. «Летние шалаши не могли защитить от холода и дождя... Днем еще можно было погреться у костра. Ночью, очнувшись от тяжелого сна, люди обнаруживали, что лежат в воде, в жидкой грязи, а дождь всё льет и льет, и холод пронизывает до костей... Утром начинали сушить одежду, а ночью опять дождь и грязь – и всё сначала...»

К ним приходили новые беглецы из гетто; число бойцов достигло 250 человек, из которых сформировали еврейскую бригаду, четыре партизанских отряда: «За победу» – командир Шмуэль Каплинский, «Смерть фашизму» – командир Яков Пренер, «Борьба» – Авраам Ресель; во главе отряда «Мститель» стоял Абба Ковнер, который командовал также всей бригадой.

Авраам Суцкевер, из воспоминаний: «Когда отряд «Мститель» раздобыл тол и значительное количество пулеметов, началась «рельсовая война». Партизан Исаак Рудницкий имел на своем личном счету двенадцать взорванных эшелонов на ширококолейных путях и три эшелона на узкоколейных. Вместе с четырьмя товарищами он принял участие во взрыве электростанции в Свенцянах... Витка Кемпнер, героиня первой диверсии в Вильнюсе... организовала группу разведки в отряде «Мститель»... вместе с пятью товарищами подожгла завод в Олкениках, произвела взрыв двух паровозов, уничтожила два моста. Особенно она отличилась в бою под Дайнавой, во время которого захватила в плен двух агентов гестапо и привела их в штаб...»

Партизаны из гетто Вильнюса. Стоят: Витка Кемпнер (первая справа), Ружка Корчак (третья справа), Абба Ковнер (четвертый справа)

Витка Кемпнер, Хая Шапиро, Матитьягу Левин и Исраэль Розов проникли в Вильнюс, с помощью магнитных мин взорвали опоры трансформаторов и подземные трубы водопровода. В городе потух свет и прекратилась подача воды.

Прошло немного времени, и командование партизанского движения в Рудницких лесах сняло с постов командиров еврейских отрядов «Борьба» и «Смерть фашизму». Ружка Корчак: «Штаб давно искал повода покончить с самостоятельностью еврейских отрядов... Весь средний и младший комсостав, за небольшим исключением, был заменен русскими и литовцами... Бойцы, привыкшие к независимости, которые знали своих командиров еще со времен гетто, тяжело переживали случившееся... Затем на базе было запрещено разговаривать на идиш. Пришельцы намекали на неумение евреев драться, критиковали присутствие в лагере женщин... В отрядах, насчитывавших по девяносто евреев и десяти русских с литовцами, евреи ощущали себя неравноправным меньшинством...»

Незадолго до освобождения Литвы были сняты со своих постов и командиры еврейских отрядов «Мститель» и «За победу».

3

Голда Вассерман, Украина:

«Нас вели два солдата, венгр и итальянец. Дорога шла болотом, по узеньким мостикам. Безмолвно, не сговариваясь, Женя Фукс, Соре Витал, Клара Мейдлер и я решили спихнуть обоих в болото и бежать.

Одного солдата сразу засосала трясина, другому же удалось выкарабкаться. Он уцепился за пень и стал стрелять. Одна из девушек, Блюме Кригер, была ранена пулей, упала в болото, и ее засосало. Солдат выпустил все пули. Пока он перезаряжал ружье, мы забросали его камнями, комьями земли. Он потерял равновесие, упал и завяз в болоте.

Две недели мы блуждали по лесам тульчинской округи, питались ягодами и лесными растениями... Нас, еле живых, нашли разведчики партизанского отряда... Мы стали партизанками...»

4

Из заявления генерал-комиссара Белоруссии В. Кубе: «Часть евреев вырвалась из гетто, ушла в леса и усилила всё более развивающееся партизанское движение – с этим следует считаться...»

Минск: «На территории гетто работала пекарня с тремя печами. Под одной из этих печей евреи прорыли подземный ход длиной в 180 метров с выходом в какой-то двор за пределами гетто... Через этот «туннель» и прошли сотни евреев, убежавших в партизаны...»

Обитателей гетто уводили в леса дети-проводники – Фаня Гимпель, Катя Кеслер, Рахиль Гольдина, Миша Лонгин, Леня Меламуд и другие. К приходу Симы Фитерсон подготавливали очередную группу с оружием, которую она уводила в лес; ее разыскивали немцы, но одиннадцатилетняя девочка всякий раз уходила от преследований. Двенадцатилетний Беня (фамилия не сохранилась) вывел из гетто десятки человек и погиб в стычке с карателями. «Буня Гамер и Давид Клебанский, двое тринадцатилетних подростков, многие месяцы уводили евреев в лес. Они прошли сотни километров, вывели из гетто сотни евреев...»

Герш Смоляр вспоминал: «Двенадцатилетний Вилик Рубежин... был нашим лучшим связным. Всюду, где требовалась ловкость, быстрота и изворотливость, посылали Вилика. Сколько бы раз в течение дня ни требовалось проникнуть за ограду гетто, Вилик пробирался и всегда благополучно... Когда из гетто начали уходить в лес, Вилик сделался проводником...» Вилик Рубежин стал лучшим разведчиком партизанского отряда, участвовал в подрыве семи вражеских эшелонов, награжден орденом Красной Звезды.

Из немецких листовок, обращенных к партизанам (Пинская область): «Кто явится в немецкую полицию, тому будут гарантированы жизнь и здоровье; он получит выгодную работу и заработок. Кто приведет с собой жида, получит награду... 50 марок наличными за каждую штуку...»

М. Салай, командир партизанского отряда в Черниговской области: «Мальчика обнаружила наша разведка. Это был пятнадцатилетний Исаак Сосновский. Он был изнурен, казался немощным, слабым. Мы решили послать его в обоз, но он и слышать не хотел: «Я не спасаться к вам пришел, – заявил он. – Хочу бить немцев...» Признаться, я тогда не думал, что Исаак станет настоящим партизаном, великолепным разведчиком. В соединении Сосновский возмужал, окреп, очень изменился. И уже тремя орденами был награжден не хилый мальчуган, а рослый, здоровенный молодец, талантливый разведчик, смелый народный мститель».

Ф. Капуста, командир партизанской бригады в Белоруссии:

«Мы бежали из немецкого лагеря под обстрелом пулемета и скрылись в лесу... Было нас всего четырнадцать человек, в том числе еврей по фамилии Зубарев. В Старицком лесу одним из первых к нам присоеди-

нился Лева (Лейба) Гильчик... Жена его – русская женщина – и дети остались в Копыле. Немцы, узнав о том, что Гильчик ушел в леса, их расстреляли...

Карт у нас не было, но Зубарев и Гильчик заменяли мне карту: они знали буквально все тропинки. Впоследствии Зубарев поставил разведку так, что я получал донесения в радиусе шестидесяти километров. Я не помню случая, когда бы он заблудился, сбился с пути, запоздал со сведениями или дал неточные данные...

Гильчик проник в гетто городов Несвижа и Клецка и оттуда, после тщательной подготовки, вырвал 30 человек... Я поручил Гильчику сформировать из них новый партизанский отряд... И вот за короткое время эта новая партизанская единица выросла до 140 человек – сплошь евреев. Люди этого отряда показали, как можно вооружаться и как нужно воевать...

В семь часов утра эсэсовцы начали наступление против нашего соединения... В этом сражении отряд Гильчика показал свои настоящие боевые качества. Задача, поставленная перед отрядом – не пустить врага в лес была выполнена».

5

Мейлах Бакальчук-Фелин, Ровенская область:

«Нас было одиннадцать евреев и один украинец... Максим Мисюра... Мы были первой партизанской группой в этих местах – с деревянными винтовками и одним-единственным наганом. В то беспощадное время мы пренебрегали логическими доводами. Нами руководила другая сила – страстное чувство мести...

Мы разработали программу действий и избрали Мисюру своим командиром. Владелец хутора Чугай стал нашим связным... Он завербовал для нас второго связного, пастуха Петра Драко, который оказывал помощь каждому еврею, блуждавшему в лесу, давал ему пищу и приводил к своим собратьям. Эти связные нам сообщали, у кого из крестьян хранится оружие и кто из них сотрудничал с немцами во время расправы над евреями. В течение нескольких ночей мы раздобыли две русские винтовки, три охотничьих ружья, противотанковое ружье, револьвер и обрез, а также небольшое количество взрывчатки и патронов.

Наши первые партизанские действия были ошеломляющими для немцев и населения... Каждую ночь мы совершали налеты на тех крестьян, которые сотрудничали с немцами и помогали им истреблять евреев. Их имущество конфисковывали, а дома и сараи, набитые награбленным добром, поджигали. Многие из них попали в наши руки, и виновных

постигла заслуженная кара... Вначале крестьяне предполагали, что эти действия являются делом рук советских парашютистов и партизан. Мы старались скрывать наше еврейское происхождение: оделись в кожу и лапти, присвоили себе русские имена. Но в конце концов нас распознали по разговору... акцент был еврейский; кроме того, крестьяне стали узнавать среди нас своих старых знакомых...

В хатах, куда мы стучались, нам неохотно открывали. Нас, видимо, боялись. Немцы расклеивали по деревне воззвания к населению с призывом остерегаться «еврейских партизан-бандитов, которые убивают христианское население...»

В ноябре 1942 года на полесской земле выдались хорошие дни и звездные ночи... Евреи в лесу усматривали в этом милость Божию; они верили, что Всевышний не отвернулся от Своего народа. На завалинках возле хат верующие крестьяне поражались сухой осени, какой они не помнили много лет. Они заглядывали в пожелтевшие страницы Нового Завета и выискивали там указания на то, что уцелевшие остатки иудейского племени не будут истреблены и что хорошая погода – это дар евреям, чтобы они не погибли в лесах от дождей и холода...

А потом небо покрылось тучами... Пошли дожди со снегом. Зима была на пороге. Ее боялись, как смерти. Все были буквально босые, а тела покрыты лохмотьями... Голод среди евреев усилился. Дожди залили тропы и дорожки в лесу. Более слабые, физически измотанные голодом, холодом и страхом не выдерживали и умирали. Мы сами не верили, что сможем выжить в окружении жестокого врага...»

6

Труднее всего было продержаться первое время – голодным и истощенным после пребывания в гетто, практически без оружия и теплой одежды, без необходимого опыта пребывания в лесах и ведения партизанской войны. Их выслеживали полицейские и уничтожали во время карательных операций, которым немцы присваивали поэтические названия «Зимний лес», «Русалка», «Майский жук», «Охота на уток», «Зимнее волшебство» и другие.

Недостаточно было убежать из гетто или чудом спастись во время расстрела; недостаточно было пробраться в леса мимо полицейских постов и найти партизан – следовало принести с собой оружие, чтобы принять в отряд. Многие приходили туда после долгого голодного пребывания в гетто и блуждания в лесах без пищи; они были больны, истощены, оборваны, и не каждый командир соглашался принять их в свой отряд. Могли взять молодых, физически сильных, непременно с оружием, если

партизаны, конечно, не возражали против пребывания евреев в своих рядах, – а потому некоторые из них скрывали свою национальность из-за недружелюбного, а то и враждебного отношения окружающих.

Анатолий Рубин:

«Меня окружили и со всех сторон посыпались вопросы – кто я и откуда. Я говорю открыто, ведь здесь уже бояться некого: «Я еврей из Минска. Мои родители погибли в гетто, я всё время стремился к вам, к партизанам...»

Но тут я увидел у многих, окруживших меня, иронические улыбки на лицах, смешок, а затем посыпались реплики с нарочитым еврейским акцентом, нараспев: «А сто ты зде-е-есть бу-у-у-дешь делать в пагтизанах? Стгелять? Но ведь у нас нет кгивого гузья!» А другой спрашивает: «А кто были твои папа и мама? Навегно в магазине торгова-а-али?» И дальше: «А тебя, случайно, немцы не заслали к нам шпионить? Лучше скажи сразу, а то мы тебе еще одно обрезание сделаем!» И всё это сопровождалось всеобщим гогогом.

Я был в каком-то шоке. Я не верил своим ушам. Я подумал, что попал к переодетым полицаям... «Ложись лицом к земле!» Я лег... «Считай до ста. Если поднимешь голову, то сразу получишь пулю в затылок». Я начал считать и услышал удаляющиеся шаги. Когда шаги затихли, я поднялся. Партизанской колонны уже и след простыл...»

Давид Лейбович (Коссово, Западная Белоруссия): «После боя, который продолжался четыре часа, партизаны опять ушли в лес. Они взяли с собой молодых людей... Более пожилых и слабых евреев они не согласились взять и оставили в городе... Наутро прибыли немцы и перестреляли всех».

Беглецов из гетто – женщин, детей, пожилых людей обычно не принимали в партизанские соединения: это мешало подвижности отрядов, да и не всякий командир желал с ними «возиться» и добывать дополнительное количество продовольствия. Они жили в землянках или шалашах, страдали в лесах от осенних дождей и зимних холодов, болели, голодали, беззащитные и безоружные, в постоянном ожидании карательной акции или появления местного жителя, который мог на них донести, – мало кому удалось дожить до освобождения.

Тувия Бельский, его братья и сестры ушли со своими семьями из гетто Новогрудка и стали ядром партизанского отряда. Командиром был Тувия – за его голову немцы назначили награду в 100 000 марок. «Нас осталось мало, – говорил Бельский, – и для меня важно, чтобы евреи выжили». Он принимал любого еврея, которому удавалось спастись; в Новогрудке узники гетто прорыли туннель за ограду, более ста человек

ушли в леса и присоединились к отряду братьев Бельских. «Я ничего не могу вам гарантировать, – говорил Тувия новичкам. – Мы пытаемся выжить, но мы можем и погибнуть. Постараемся сохранить как можно больше жизней, но если нам суждено умереть, умрем, по крайней мере, как люди».

Было в отряде Бельского 1230 человек, среди них более двухсот вооруженных бойцов, которые добывали продовольствие, охраняли лагерь, защищали его от немцев, полицейских, а порой и от партизан соседних отрядов, которые были не прочь поживиться одеждой, оружием и продовольствием. В лесу жили женщины, старики и дети; там были синагога, школа, больница, всевозможные мастерские. Немцы проводили карательные операции против партизан, но Тувия Бельский не бросал жителей семейного лагеря: все поднимались с насиженного места, уходили через болота в другие леса, заново налаживали быт.

Наконец, отряд Бельского обосновался в Налибокской пуще к северо-западу от Минска и начал выполнять работы для окрестных партизанских соединений. «В лесу находились мастерские по пошиву одежды, шорные и сапожные, мастерская по производству седел, мельница, приводимая в действие лошадьми, скотобойня и даже цех по производству колбас. Из других отрядов приводили скот, который опытные мясники превращали в колбасу... Семейный лагерь получил прозвище «деревня Бельского», а неевреи называли его «Иерусалим»...» В этом «Иерусалиме» они и дождались освобождения.

Партизаны семейного отряда. В центре стоит (в фуражке) Тувия Бельский

В Налибокской пуще был еще один партизанский отряд, в который входили беженцы из гетто Минска. Он состоял из 137 бойцов боевой роты и семейного лагеря «106», где собрались со временем более 500 женщин, стариков и детей, – руководил отрядом Шолом Зорин, также из минского гетто.

Лагерь «106» возник весной 1943 года: «Даже днем партизанам не разрешалось разжигать костров, потому что боялись немецких самолетов, которые могли их обнаружить. Нельзя было протаптывать дорожки – это тоже могло привлечь внимание. Для топки собирали исключительно сухие ветки, которые не дымили...» Во время карательной акции семейному лагерю пришлось перебраться на сухой островок посреди болот. По дороге туда пилили деревья, укладывали их, раскидывали затем по болоту, чтобы карателям не было прохода, и настилали новые бревна. Все шли один за другим, «котомки с вещами, картошкой или сухарями пришлось выбросить в болото – не было сил тащить детей вместе с вещами».

После ухода карателей отряд вернулся на прежнее место и продолжил жизнь в лесу. Построили землянки, выставили дозоры, пекли хлеб для партизан, работали в мастерских по изготовлению одежды и обуви; оружейники приводили в порядок автоматы, винтовки и пистолеты, люди разных специальностей выполняли работы для нужд окрестных отрядов, врачи оказывали помощь раненым партизанам. В семейном лагере было более 100 детей-сирот, которых подобрали в лесах. Им пошили рубашки и блузки из парашютного шелка; для них открыли школу – «только без парт, учебников, тетрадей, мела и ручек... Писали на обрывках бумаги и даже на песке».

При лагере «106» было стадо коров; молоко давали маленьким детям, а также беглецам из гетто, которые приходили в лес в крайней степени истощения. Из свидетельства Нахамы Рубенчик: «Немцы в нашей зоне жгли белорусские села. Жители уходили. А посевы пшеницы оставались. Мы их убирали. Сделали собственную мельницу, мололи зерно, пекли хлеб. Только соли не хватало... У нас в отряде были свои провизоры и лекари. Была собственная пекарня, даже колбасный цех. И кухня с котлами, в которых я готовила обед: первое и второе. Большой котел был на двадцать шесть ведер... Приходилось кормить очень много людей. На каждые десять бойцов варили ведро картошки...»

Группа подрывников из отряда Зорина пустила под откос эшелон с танками и автомашинами. В июле 1944 года отряд принял последний бой с отступавшими немцами; в бою погибло шесть партизан, Шолом Зорин был тяжело ранен, и ему ампутировали ногу.

Шолом Зорин

К лету 1942 года в белорусских лесах оказалась большая группа беженцев из гетто, которые расположились неподалеку от действующих партизанских отрядов. Часть из них, способная держать оружие, занималась поисками продовольствия для остальных, но подступала зима, «люди были раздеты и разуты», и тогда командиры отрядов поручили политруку Н. Киселеву и еще нескольким партизанам вывести евреев за линию фронта. Шмуэль Кугель: «Поход длился около двух месяцев. Ночью мы шли, днем отдыхали; что ни день, то новый лес... Всего мы прошли пешком около тысячи километров». Они преодолели территории, на которых располагались немецкие гарнизоны и полицейские посты, в январе 1943 года 218 человек оказались в расположении советских войск.

7

В 1929 году в Западной Украине была создана Организация украинских националистов (ОУН). Незадолго до войны она разделилась на две соперничавшие группы: во главе одной из них стоял С. Бандера, во главе второй – А. Мельник. ОУН ставила своей целью борьбу с «московским большевизмом», и советская разведка докладывала в апреле 1941 года: «Под руководством ОУН из украинцев... создаются формирования военного типа... (которые) должны будут составить основной костяк будущей украинской армии».

В том же месяце съезд сторонников Бандеры определил: «Жиды в СССР являются самой преданной опорой господствующего большевистского режима и авангардом московского империализма на Украине...»

Вместе с передовыми немецкими частями вошел во Львов украинский батальон «Нахтигаль» («Соловей»), сформированный перед войной; его солдаты носили немецкую форму, а на погонах у них была желто-голубая полоса под цвет национального флага Украины. «Немецкие машины двигались по морю цветов...» На афишных тумбах и на стенах домов были развешаны плакаты в честь победителей, которые прибыли «освободить украинский народ от власти жидов и НКВД». Возвания на плакатах заканчивались призывом: «Бейте жидов и коммунистов! Да здравствует Степан Бандера, да здравствует Адольф Гитлер!»

Сторонники Бандеры провозгласили во Львове возрождение «самостоятельного» украинского государства, и глава вновь созданного правительства заявил: «Москва и жидовство – главные враги Украины». Вскоре после этого состоялось совещание руководителей ОУН, сторонников Бандеры, на котором было сказано среди прочего: «Главное – всюду много жидов. Особенно в центре...» – «С ними нужно поступать очень остро... Необходимо с ними покончить...» – «Относительно жидов примем все меры, которые приведут к их уничтожению...»

Обеспокоенный подобными заявлениями, львовский раввин Иехезкель Левин обратился за помощью к главе греко-католической церкви митрополиту А. Шептицкому. Тот заявил в ответ, что «Украинская держава не допустит пролития крови невинных», и предложил раввину убежище в своей резиденции. Левин отказался, вышел на улицу – его схватили, отвели в тюрьму, и домой он уже не вернулся. А через несколько дней Мельник, один из лидеров ОУН, выпустил воззвание «К украинскому народу», в котором провозгласил: «Смерть жидовским прихвостням, коммунобольшевикам!»

Призывы такого рода способствовали усилению погромных настроений на Украине. Во Львове местное население устроило с 25 по 27 июля трехдневное побоище под названием «Дни Петлюры», уничтожив более 2000 евреев, – это была месть за убийство атамана С. Петлюры в 1926 году.

«Выплеснулись низменные страсти, не знающая предела ненависть, желание «отомстить» евреям за «тяжкую жизнь»... Каждый третий еврей объявлялся коммунистом, каждый второй был богачом, который «пил их кровь»... А Бог скрылся в облаках, и земля осталась без милосердия, без благословения, покрылась кровью и слезами...»

Украинские националисты рассчитывали, что немцы оценят их участие в антисоветской борьбе и позволят создать самостоятельное государство, но действительность оказалась иной. В Берлине не поощряли

националистические намерения – это противоречило планам создания Великой Германии, а потому вскоре арестовали Бандеру и прочих лидеров ОУН, даже расстреляли журналистов киевской газеты за пропаганду украинской государственности. Вскоре немцы включили Западную Украину в состав Генерал-губернаторства, которое существовало на территории Польши, а южные районы передали Румынии, отторгнув плодородные украинские земли. После этого бандеровцы перешли к подпольным методам борьбы; это повлияло на их отношение к евреям, и весной 1942 года конференция сторонников Бандеры признала «нецелесообразным в данный момент принимать участие в антижидовских акциях, чтобы не стать слепым оружием в чужих руках».

На территории Западной Украины действовали отряды Украинской повстанческой армии (УПА), бойцы которой не разбирались в политических намерениях своих лидеров и на практике исполняли лозунг: «Бей жида, ляха (поляка), кацапа (москаля) и немца!» А сторонники Мельника распевали популярную песню: «Смерть! Смерть ляхам! Смерть! Смерть московско-жидовской коммуне! В кровавый бой ОУН нас поведет...»

В 1943 году началось наступление Красной армии, и в листовках украинского подполья появился иной призыв: «Немцы – наши временные противники; они как пришли, так и уйдут отсюда. Поэтому отныне необходимо обратить наши основные силы на борьбу с Советами», чтобы «очистить леса и деревни от чуждых элементов». Теперь «чуждыми элементами» стали советские партизаны, поляки и конечно же евреи. Порой украинцы уговаривали евреев-врачей, слесарей, механиков, прочих специалистов присоединиться к их отрядам, обещая защиту от немцев, но при подходе Красной армии их уничтожали. Убивали и советских военнопленных, прятавшихся по селам, чтобы они не вступили в «красные» партизанские отряды.

В августе 1943 года Чрезвычайный съезд сторонников Бандеры провозгласил: «Не дадим себя вырезать на еврейский манер» и признал право евреев на существование среди других народов Украины, – но к тому времени почти все украинские евреи были уже уничтожены.

В лесах Западной Украины и Западной Белоруссии началась гражданская война, во время которой каждый выступал против каждого. Отряды Украинской повстанческой армии воевали не только с немцами, но также с советскими и польскими партизанами; известно немало случаев, когда бойцы УПА нападали на партизан-евреев и на жителей семейных лагерей. Партизаны-поляки Армии Людовой придерживались

просоветской ориентации; партизанские отряды Армии Крайовой, подчиняясь польскому правительству в Лондоне, сражались с немцами, украинцами и «красными» партизанами. Поляки без особых симпатий относились к евреям, считая их сторонниками Москвы, отнимали у них продовольствие и оружие; однажды они напали на двенадцать евреев из отряда Ш. Зорина – в живых остался только один, притворившийся мертвым.

Перед неминуемым отступлением немецких войск бойцы УПА и отрядов Армии Крайовой старались установить контроль над обширными территориями; одни из них надеялись, что эти земли отойдут в будущем к украинскому государству, а другие – к польскому. В лесах и деревнях шла ожесточенная борьба между украинцами и поляками, и если одна из сторон сжигала деревню своих противников и уничтожала ее жителей, то назавтра другая сторона уничтожала жителей другой деревни и убивала в лесах уцелевших беженцев. Их жертвами становились в основном украинские и польские крестьяне; порой поляки объединялись с советскими партизанами, объединялись они и с евреями, спасаясь от неминуемого уничтожения.

Мейлах Бакальчук-Фелин (Западная Белоруссия):

«В польскую деревню Загостье ночью ворвались бандеровцы и вырезали всё население. На следующий день мы вошли в эту деревню и обнаружили в домах изрубленные и искромсанные тела мужчин, женщин и детей... В лесу скрывалась в землянке большая группа евреев, свыше тридцати человек... Бандеровцы обнаружили укрытие и ликвидировали всю группу, применяя истязания и пытки. Только некоторым евреям удалось бежать к нам... К нам же хлынули из хуторов и деревень поляки и партизанские семьи...

Мы напали внезапно. Многие из бандеровцев были мертвецы пьяны... Десятками падали они от партизанских пуль. Некоторые попали живыми в наши руки Их загнали в болота, где они погибли в трясине... Когда рассвело, мы обнаружили погибших евреев из семейного лагеря. Тела их были искромсаны. В разных местах разбросаны руки и ноги. У некоторых вороны успели выклевать глаза... дикие кабаны изгрызли их тела...»

8

Львовская область:

«Я, Перлин Матвей Григорьевич, разведчик Красной армии, случайно наткнулся в лесу на две землянки, где жили восемьдесят евреев. Здесь были и семидесятипятилетние старухи, и молодые парни, и девушки,

и дети – самому меньшему было три года... Эти люди прожили в лесных норах шестнадцать месяцев, скрываясь от преследования. Их было больше, но осталось восемьдесят...

Как они выжили? Их поддерживали жители окружающих сел, но никто не знал, где именно они скрываются. Уходя из леса или приходя домой, они засыпали свои следы снегом, просеивая его через специально сделанное сито. У них было оружие – несколько винтовок и пистолетов...

Всё время они говорили только шепотом. Громко разговаривать не разрешалось, даже в землянке. Лишь с моим приходом они запели, засмеялись, заговорили во весь голос...»

В разные времена существовало более 70 еврейских отрядов и вооруженных групп, среди них – «Октябрь», «Пархоменко», «Мир», «Барановичи», «Щорс», «Жуков», «Борьба», «Смерть фашизму», «Мститель», «Кадима» и «Форойс» («Вперед»), которые вливались затем в крупные партизанские соединения. Исследователи полагают, что в партизанских отрядах воевало от 17 до 25 тысяч евреев. Их количество было бы значительно большим, но подавляющее большинство еврейского населения погибло в первые месяцы оккупации; спасшиеся от уничтожения погибали, как правило, во время скитаний в поисках безопасного убежища; некоторые приходили к партизанам с вымышленными именами и скрывали свое еврейское происхождение.

Семейные лагеря существовали в десятках мест на оккупированной территории. Один из них был при партизанском отряде в районе Барановичей, которым командовал П. Пронягин. В лесах под Ровно создали семейный лагерь на 150 человек – его опекал отряд Д. Медведева; лагерь снабжали продовольствием, одеждой, создали даже детские ясли. Семейные лагеря были в бригадах А. Бринского и А. Кондратюка, в отрядах Н. Конищука, М. Мисюры, А. Федорова; в Брянских лесах существовал семейный лагерь на 300 человек.

Еврейскими партизанскими отрядами в Белоруссии командовали Александр Горелик, Давид Бобров, Шолом Зандвайс, Шолом Холавский, Цви Каплинский, Иона Сухачевский, Шепсл Боровик и другие. Врач Иехезкель Атлас командовал еврейским отрядом из 120 бойцов и погиб летом 1942 года. Евреи из гетто Белостока создали партизанский отряд, которым руководил А. Армановский; весь

отряд погиб в бою. Еврейский отряд под командованием Александра Абугова участвовал в освобождении Ровно. Йосеф Глазман из гетто Вильнюса, командир отряда «Некоме» («Мечь»), погиб в бою. Около пятидесяти еврейских отрядов и групп сражались в Западной Украине, на Волыни и на территории Винницкой области. Беженцы из гетто Острога создали партизанские группы под командованием Х. Каплана, М. Трейбермана, П. Эйзенштейна. Южнее Львова действовал отряд Давида Эрльбаума; в тех же краях был уничтожен отряд Якова Линдера; под Станиславом погибли в бою с карателями еврейские партизаны под командованием Кароля Шварца.

Александр Абугов

Командиры еврейских партизанских отрядов

Иехезкель Атлас

Генрих Зиманас (Юргис) командовал партизанской бригадой в Рудницкой пуще. Отряд Мордуха Новаковского действовал в Псковской области, а затем в Белоруссии; узнав пароль, партизаны проникли ночью в деревню, где остановились эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова», уничтожили и взяли в плен десятки карателей. Минский еврей спрятал в повозке под мусором старшего лейтенанта Семена Ганзенко, вывез его из лагеря для военнопленных и привез в гетто. Ганзенко переправили затем в лес, и он стал командиром партизанской бригады в белорусских лесах.

Венгрия воевала на стороне Германии. В составе венгерской армии на Восточном фронте были строительные батальоны, в которых служили венгерские евреи – около 40 000 человек. Их использовали на рытье окопов, прокладывании дорог, сооружении противотанковых заграждений; многие из них погибли от голода и болезней. Из воспоминаний (город Сумы на Украине): «Февраль 1943 года. Суровая зима... Венгерские евреи были одеты в летнюю потрепанную одежду... У большинства руки и ноги почернели от обморожения. Их совсем не кормили, и каждый питался, как мог. Все они были несчастны до невозможного. Вид прибитый. Всех и всего они боялись. Через два дня мадьяры пошли дальше, а евреев... расстреляли – около 600 человек».

В конце 1942 года венгерские евреи – 41 человек – ушли в Брянские леса, присоединились к партизанам и образовали еврейскую группу, которая участвовала в боях. В 1944 году евреев из строительных батальонов вернули в Венгрию, а оттуда отправили в трудовые лагеря и в лагерь уничтожения. К концу войны в советском плену оказались тысячи евреев венгерской армии.

Группа молодежи из украинского города Станислава сумела уйти в леса и организовала там партизанский отряд – у них была одна винтовка, один автомат, три десятка пистолетов и гранаты. Отрядом командовала Ада Люфт, у которой в лесу родился ребенок. В ноябре 1943 года их окружили полицейские; большинство партизан погибло, и лишь единицы сумели уйти от преследований. очевидцы рассказывали, что Ада Люфт одной рукой придерживала младенца, а в другой у нее было оружие – она отстреливалась, пока не погибла.

Часть тринадцатая

Антиеврейская пропаганда. Местное население и евреи. «Черная книга»

Очерк шестьдесят первый

Оккупация. Антисемитская пропаганда на захваченных территориях

1

В книге «Майн кампф» А. Гитлер провозглашал: «Мы заканчиваем вечное движение германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке... И когда мы сегодня говорим о новой земле в Европе, то можем думать только о России и подвластных ей окраинах...»

Не прошло двух десятилетий с момента написания этих строк, как немцы начали готовить план захвата огромных территорий Советского Союза, на которых намеревались установить «новый порядок», чтобы распорядиться природными богатствами и человеческими ресурсами «России и подвластных ей окраин». Из секретного протокола обсуждения плана «Барбаросса» (май 1941 года): «Несомненно одно: если мы вывезем из этой страны всё то, что нам необходимо, многие миллионы людей России будут обречены на голодную смерть...»

М. Борман, глава нацистской партии: «Славяне должны работать на нас. Если они нам более не понадобятся, пусть вымирают... Размножение славян нежелательно. Обучение их – опасно. Достаточно, если они будут считать до ста... Религию мы им оставим как отвлекающий фактор. Что же касается продовольствия, то они получают лишь крайне необходимое. Мы – господа, и всё в первую очередь должно поступать к нам...»

Х. Франк, глава Генерал-губернаторства на территории Польши: «Я вижу решение украинской проблемы в том, чтобы они, подобно полякам, явились для нас в будущем источником рабочей силы...»

Г. Гиммлер:

«Лишь один принцип должен безусловно существовать для члена СС: честными, порядочными, верными мы должны быть по отношению к представителям нашей собственной расы и ни к кому другому...»

«Умрут или не умрут от изнеможения десять тысяч русских женщин при рытье противотанковых рвов интересует меня лишь постольку, поскольку этот противотанковый ров, нужный Германии, будет закончен...»

Й. Геббельс, из дневника (за неделю до начала войны с СССР): «Фюрер говорит: правдой или неправдой, но мы должны победить... А когда мы победим, кто спросит нас о методах?.. Итак: вперед! Богатые поля Украины манят...»

2

Начиная войну против Советского Союза, Гитлер полагал за пять месяцев уничтожить основные силы Красной армии, захватить Москву, Ленинград, Украину и Белоруссию, стремительно выйти на линию Архангельск – Куйбышев – Астрахань, оттеснить Красную армию за Уральские горы и победоносно завершить боевые действия. Заранее разрабатывали будущую политику на захваченных территориях, чтобы расчленив СССР на части, так как «на востоке нельзя терпеть существования такого колоссального государства». Фюрер говорил: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором в каждой русской деревне появится собственная секта со своим представлением о Боге. Если у них начнут возникать всякие шаманские или сатанинские культы, как у негров или индейцев, это будет заслуживать всяческой поддержки. Чем больше факторов, разрывающих на части Советский Союз, тем лучше».

Планы были грандиозны и менялись в зависимости от хода военных действий. Москву предполагали затопить водой, а Ленинград «сровнять с землей, чтобы отдать затем финнам». На территориях России собирались сформировать автономные управления, «обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие» и не допустить появления местной интеллигенции. Белорусов называли «народом слуг и работников» и считали «идеальным объектом эксплуатации». На землях прибалтийских республик хотели расселить десятки тысяч немецких колонистов, чтобы превратить эти земли «в составную часть великой

германской империи». Из Крыма планировали выселить все без исключения «национально-чуждые элементы», заменить их немцами и включить полуостров в состав Третьего рейха, переименовав Симферополь в Готебург, а Севастополь – в Теодорихсфакен.

Подготавливали и долгосрочные планы – в течение ближайших тридцати лет переселить на плодородные восточные земли около 5 миллионов немцев, голландцев, норвежцев, прочих представителей «арийских народов», а русских, украинцев и белорусов изгнать с этих земель за Урал. И наконец, предполагали принять в будущем особые меры к сокращению рождаемости славянского населения и к увеличению его естественной смертности для так называемого «обезлюживания» территорий.

Не случайно провозглашал Гитлер: «Навсегда предотвратит всеми возможными средствами развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам необходимость не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их...» – «Должно быть совершенно ясно, что с этих территорий мы никогда уже не уйдем...»

Гражданская администрация создавала на захваченных территориях городские управы во главе с бургомистрами и районные управы, управляемые волостными старшинами; в деревнях назначали старост, в городах – комендантов улиц и домов. Обычно это были местные жители: одни шли служить по желанию, другие по принуждению, – вместе с немцами появились и представители русской эмиграции, которых назначали на разные должности. Ко дню рождения фюрера наиболее отличившихся «в борьбе с большевиками и в строительстве Новой Европы» награждали знаками отличия «За храбрость и заслуги» первого и второго класса.

Немецкая пропаганда провозглашала: «Германский солдат несет в Россию землю и волю». В некоторых деревнях солдат встречали с хлебом-солью, как освободителей от колхозной неволи, и партизанские руководители докладывали в Москву осенью 1941 года: «Часть населения... поверила в победы фашистской Германии и надеялась получить всё то, что немцы обещали в своих прокламациях».

На первых порах новая власть сохранила колхозы и совхозы, чтобы с минимальными потерями убрать урожай, сохранили и выплаты по трудодням, но в феврале 1942 года было опубликовано постановление – «дар Адольфа Гитлера русскому крестьянству». Колхозы превратили в общинные хозяйства, в которых крестьяне должны были трудиться сообща по несколько дней в неделю, а совхозы стали «государственными

экономиями», куда назначали управляющих. В недалеком будущем обещали устранить общинные хозяйства и наделить крестьян землей, а пока что они получили в единоличное владение приусадебные участки.

«Веселые похороны».
Карикатура в газете
на оккупированной
территории

Жителей городов облагали подоходным налогом, а жителей сельских местностей – поставками зерна, картофеля, мяса, молока, яиц, шерсти; вводили обязательные поставки льна, сена, сушеных грибов, земляники и малины; в городе Рудне возле Смоленска взимали налоги даже за кошку и собаку, за удочку и музыкальный инструмент. За несвоевременную выплату налогов и натуральных поставок, за уклонение от работы подвергали штрафам, телесным наказаниям, конфискации имущества, могли даже расстрелять; старосты, полицейские и члены их семей освобождались от всех видов налогов и натуральных поставок, особо отличившихся в борьбе с партизанами награждали большими наделами земли.

3

У сторонников расовой теории существовал термин «Untermensch» («унтерменч» – «недочеловек»). В числе прочих к «недочеловекам» причисляли «славяно-монгольскую смесь народов, ненавидящую европейскую цивилизацию». Численность поляков предполагали резко сократить и навсегда ликвидировать их государственность; русских, украинцев и белорусов относили к «неполноценной славянской расе» и считали, подобно полякам, «удобрением для германской расы».

Поражения на фронтах заставили немцев – хотя бы внешне – изменить отношение к местному населению, чтобы привлечь его на свою сто-

рону, а потому народы оккупированных территорий на востоке стали именовать «арийцами» – кроме евреев и цыган. Нацисты держали в секрете планы послевоенного преобразования захваченных земель; средства массовой пропаганды уверяли украинцев, что они «по крови» выше русских, так как в прошлые века испытали на себе «живительное влияние арийской расы», а их национальный поэт Тарас Шевченко «был против москалей и являлся другом немцев». Белорусам втолковывали, что до войны они жили под тройным гнетом – поляков, русских и евреев: «Девяти миллионам белорусов приходилось терпеть присутствие одного миллиона евреев, грязных духом и телом... Однако в белорусах сохранилась здоровая северная кровь».

Нацистская пропаганда сулила народам, входившим в состав Советского Союза, всевозможные привилегии после окончательной победы над Москвой. Эстонцам обещали создание «Великой Эстонии», в состав которой войдут дополнительные земли, а украинцам – национальное государство с присоединенными обширными районами России. На Северном Кавказе распространяли листовки, обращенные к малым народам: «Горец! У тебя теперь есть своя власть... Люби эту власть, люби германского воина, который, как орел, перелетел снеговые горы, чтобы освободить тебя и твоих братьев. Живи счастливо, хозяин гор! Пусть будет благословенен твой труд и твоя саκля».

Чтобы не вызывать у населения прорусских симпатий, пропагандистам рекомендовали не пользоваться наименованием «Россия» и даже популярную песню о Волге опубликовали в песеннике в ином варианте: «Волга, Волга, мать родная, Волга – мощная река...»

В другой не менее популярной песне «три танкиста, три веселых друга» убивали «жида-комиссара» и помогали немцам расправиться с «грабителями-коммунистами», а известные всем строки «легко на сердце от песни веселой» исходили из уст счастливого крестьянина, ставшего при немцах хозяином на своей земле.

Перед местными властями поставили задачу проводить «дебольшевизацию населения и в первую очередь – детей». Город Ставрополь: «В начале сентября нас, мальчишек, заставили пойти в школу... На первом занятии дал напутствие немецкий офицер на достаточно чистом русском языке. Затем мы достали свои учебники и по команде начали заклеивать бумагой всех партийных вождей и военачальников. Потом явился батюшка в рясе и с крестом, и с того дня мы стали изучать Закон Божий».

Во всех школах обязательно вывешивали портреты Гитлера, занятия начинались с молитвы и с «благодарственного слова фюреру Великой Германии»; среди учителей распространяли книги и брошюры «Евреи

и большевизм», «Кто такой Адольф Гитлер», «Адольф Гитлер и дети», «Как сталинская шайка угнетала народ». Детям внушали на уроках, что их основная задача состоит «в изучении опыта строительства Новой Германии. Этот опыт пригодится в строительстве Новой Европы, свободной от жидов и большевиков».

В школах Псковской области прошли «уроки памяти повесившейся великой русской поэтессы» М. Цветаевой.

Немецкий плакат времен оккупации

4

Из листовки «Русскому народу» (Смоленская область, 1942 год):

«Глаза застывают в ужасе, и рука отказывается писать... Банда из двадцати двух человек, из них восемь женщин, имела своим главарем жиду-политрука Железина; они называли себя партизанами, борцами за свободу и честь своей родины. Они коварно напали на ветеринарный обоз, сопровождаемый десятью немцами и двумя русскими. Три человека было убито. Девять человек, из них трое раненых, взяты в плен...

Девять человек были подвергнуты пыткам... Еще у живых срезали мякоть мяса с груди, зада, ног, рук. Получили около двадцати пяти килограммов мяса, как показал один из виновных. Сварили его в котле с картошкой. Достали пятнадцать бутылок водки и устроили пир. Главарю банды, жиду-политруку Железину, приготовили по его заказу осо-

бенное блюдо – ему изжарили с луком восемнадцать яиц из половых органов замученных.

Читая это, вы не верите своим глазам, русские люди. И мы тоже не верили... Да так ли это невероятно, если мы повторим, что во главе этой банды извергов стоял жид-политрук Железин, если напомнить, что такими жидами-коммунистами держались дьявольские ЧК, ГПУ, НКВД...

Командование русских добровольческих отрядов».

5

В первый день войны зачитали по немецкому радио обращение Гитлера к народу, в котором было сказано среди прочего: «Никогда германский народ не испытывал вражды к народам России. Однако иудейско-большевистские правители Москвы более двадцати лет подряд пытались разжечь пожар не только в Германии, но и во всей Европе...» Это заявление фюрера стало основой антиеврейской пропаганды на оккупированных территориях. Образ «врага-еврея» помог нацистам прийти к власти в Германии; образ общего «врага-еврея» должен был воздействовать на местное население для создания такой психологической атмосферы, при которой стало бы возможным уничтожение евреев на глазах соседей – при их активном участии или молчаливом одобрении.

На оккупированных территориях работал опытный, прекрасно отлаженный пропагандистский аппарат Германии, усилия которого во многом были направлены против еврейского населения. Газеты, радио, антисемитские художественные фильмы немецкого производства, дублированные на языки народов СССР, документальные фильмы о «зверствах евреев в застенках НКВД», книги, брошюры, плакаты и листовки, репродукторы на улицах, Дома просвещения в городах и «уголки просвещения» в деревнях, передвижные выставки в специально оборудованных автобусах – всё делалось для того, чтобы завоевать поддержку местного населения, доказать ему, что немецкая армия борется лишь с «иудейско-большевистскими правителями», которые «жестоко угнетали народы России», а потому бойцам Красной армии и партизанам следует прекратить сопротивление, «так как одни лишь евреи и большевики желают продолжения военных действий».

Газета «Нова Україна», Харьков (в переводе с украинского языка): «Пророческие слова Вождя Великой Германии Адольфа Гитлера сбываются: война несет гибель жидовству, которое накликало эту войну. А гибель жидовства – это гибель марксизма, так как жидовство и марксизм – это одно и то же...»

На захваченных территориях сооружали памятники «к годовщине освобождения от ига жидо-большевизма», устраивали праздники урожая и новогодние елки для детей, выступления местных хоровых ансамблей и эстрадных групп; выпустили «Народный календарь – спутник сельского хозяйства»: «Январь. 12-е: рождение Г. Геринга и А. Розенберга. 29-е: рождение А. Чехова. Февраль. 10-е: смерть А. Пушкина. 24-е: годовщина провозглашения А. Гитлером программы национал-социалистической партии. 26-е: смерть Т. Шевченки...»

Творческих работников призывали «очистить искусство от всех вредных наслоений, образовавшихся за годы жидовского засилья». В городах работали театры, в которых ставили русскую классику и пьесы антисоветского, антисемитского содержания. В Орле открыли кукольный театр, в его репертуаре были спектакли «Конек-горбунок», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Иван-царевич и серый волк», а также «Толстый жиденок» – про злого еврейского мальчишку, обижающего русских детей, которого наказывает немецкий солдат.

В больших и малых городах выходили сотни газет под надзором немецкой администрации – на русском, украинском, белорусском, латышском, литовском, эстонском, польском, татарском и немецком языках. Желаящие могли приобрести в киосках или получить по подписке педагогический журнал «Школа и воспитание», сатирический – «Бич», журнал «Школьник» для детей. Псковская газета «Колокол» предназначалась для сельского населения: «Звучи, как колокол, правдивое слово», – ее тираж превышал 100 000 экземпляров. В псковской газете «За Родину» из номера в номер публиковали рубрику «Беседы с Домной Евстигнеевной» – от имени мудрой деревенской старушки, которая приговаривала: «Потерял народ наш разум, когда жидовских вшей себе за шиворот пустил. Вот они его и объели...»

В этих газетах работали местные журналисты и русские эмигранты; главных редакторов назначали отделы немецкой пропаганды – они же поставляли сводки с фронтов той войны, обязательные материалы для публикаций, присылаемые из Берлина, и обеспечивали цензуру каждого номера газеты. Германское командование докладывало в декабре 1941 года: «Первый тираж газеты, издающейся в Феодосии, продан на улицах. Местное население с живым интересом восприняло газету, и тираж разошелся удивительно быстро».

Заголовок в «Смоленском вестнике»: «Евреи – враги человечества». «Дрогобычское слово»: «Как жида господствовали на Украине». В газете «Голос народа» заклеили поэта М. Исаковского, который «продал свой талант за кусок большевистской мацы».

Газеты на оккупированной территории

6

В газетах печатали переводы речей Гитлера, провозглашали его освободителем человечества от евреев, цитировали высказывание фюрера о том, что в будущей «Новой Европе» скелет еврея станет редкостью в музее археологических древностей. В газете «Голос Ростова» публиковали материалы «Жида и русская литература», «Жида и русская музыка», в псковской газете «За Родину» – «Жида в оценке Достоевского», в брошюре смоленского производства напечатали статью «Достоевский – идеолог антисемитизма». Журналисты газеты «Вінницькі вісті» создавали новую терминологию – «полу-жида», «четверть-жида», «украино-жида» и «белорусо-жида», призывая к уничтожению еврейского населения: «Украинский народ с помощью немецкого народа скинет со своей шеи жида, чтобы чувствовать себя самостоятельным хозяином на родной земле». А в «Минской газете» провозгласили: «На белорусской земле мы, белорусы, хозяева, евреи здесь нежелательны... Теперь жида

заперты в гетто и лишены возможности деморализовать душу белорусского народа».

Газеты на Украине перепечатали статью из «Дер штюрмер», восхвалявшую украинский народ за антиеврейские действия во времена Хмельницкого и в годы Гражданской войны; в той же статье выражали «надежду, что украинцы вновь окажутся на высоте положения и отомстят евреям». В газете «Наша борьба» с удовлетворением отметили «месть» жителей Овруча после отступления Красной армии: «В городе все жида вырезаны поголовно, а после прихода немцев население не захотело хоронить их тела». В газете города Волчанска на Харьковщине сообщили читателям: «Мы были, есть и будем европейцами!.. На Украине кончалась Европа! За ней была дикость!.. Железной метлой выметем все следы московской неволи!»

Из воспоминаний: «С каждой строчки газеты «Голос Крыма» проглядывал антисемитизм площадный, грубый, вульгарный, рассчитанный на низменные наклонности... У них в редакции сидела барышня, технический работник, сидела и внимательно выписывала из дневника писателя Достоевского, где были антисемитские высказывания, выписывала из Суворина, Розанова, Шмакова... для статей в газету... Это была лаборатория, в которой изготовлялся яд. Этот яд не прошел бесследно. Этот антисемитизм отравил население...»

Из заголовков в газетах Харькова и окрестных городов: «Жида винні», «Жида завойовують світ», «Під жидівську дудку», «Ташкент – жидівське місто». Статья в киевской газете «Украинское слово» называлась «Жида – самые большие враги человечества».

В газетах печатали антиеврейские карикатуры, фельетоны, анекдоты, частушки. Жительница Киева отметила в дневнике: «Пишут в газетах... что «по указанию Сталина в русской армии введен трехцветный флаг и предполагается раздача княжеских титулов: Ворошилов – князь Ленинградский, Тимошенко – Таврический, Каганович – Кавказский...» А после того как для советских военнослужащих ввели погоны, газеты поместили карикатуру с надписью под рисунком: «Чтя славную память Суворова и Кутузова, Сталин надевает на товарища Рабиновича золотые эполеты».

Сотрудники немецкой пропаганды учитывали недоверчивое отношение населения к официальным сообщениям, которые появлялись в газетах, а потому распространяли немало слухов, называя это «пропагандой шепотом». Германская инструкция указывала: «Пропаганда шепотом является одним из наиболее действенных средств устной пропаганды. Заниматься ею должны агенты. Материал для пропаганды шепотом

будет постоянно сообщаться районным комендатурам. Самовольное проведение пропаганды шепотом запрещается».

Когда большинство евреев на оккупированных территориях было уже уничтожено, пропаганда продолжала тем не менее свое дело, сообщая читателям об антиеврейских выступлениях в разных странах, подерживая антисемитские настроения. Газета «Голос Крыма» пестрела заголовками: «Вся Франция борется с жидами», «Марроканский султан протестует против жидовских привилегий», «Антиеврейская демонстрация в Токио», «Болгария быстро расправляется с жидами», «Англия под иудейской пятой». Кое-где – после проведенной акции – водили жителей по опустевшим домам убитых евреев, чтобы продемонстрировать, как велик у них запас продуктов, насколько лучше они жили, чем их соседи.

Антисемитская пропаганда приносила свои плоды, идеологические штампы, повторяемые изо дня в день, становились частью общественного сознания, и агентура НКВД докладывала о высказываниях жителей оккупированных территорий: «Немцы ведут войну против евреев и коммунистов. Немцы – грамотный и чистый в быту народ, уважают православию и хотят распустить колхозы...»

7

В 1923 году нацисты напечатали в своей газете знаменитую фальшивку – «Протоколы сионских мудрецов». Затем, после прихода Гитлера к власти, «Протоколы» выпустили массовым тиражом и в предисловии отметили: «Пусть новое издание этой книги еще раз возвестит германскому народу, какой ложью его опутали... и как глубоко вожди национал-социализма понимали эту опасность с самого начала движения». Немцы субсидировали издание «Протоколов» в разных странах и на разных языках – польском, финском, шведском, итальянском, арабском и других; в Германии и на оккупированных территориях «Протоколы» были рекомендованы как учебное пособие в высших и средних учебных заведениях; школьники и студенты готовили по ним доклады, профессора писали исследования на эту тему и выступали на конференциях.

Геббельс, из дневника (1939 год): «Я приказал переработать «Сионские протоколы». Это для войны против Лондона и особенно Парижа...»

Гиммлер сообщал начальнику полиции безопасности (май 1943 года): «Дорогой Кальтенбруннер! Я заказал значительное количество

экземпляров книги «Еврейские ритуальные убийства»... чтобы вы могли раздать их вашим эйнзацкомандам и прежде всего людям, которые имеют дело с еврейским вопросом.

В связи с этой книгой я даю следующие задания:

1. Следует немедленно произвести расследование ритуальных убийств среди евреев, которые еще не эвакуированы. Об обнаруженных случаях доложить мне. Затем в этом направлении нам нужно организовать несколько процессов.

2. Вопрос о ритуальных убийства должны расследовать эксперты в Румынии, Венгрии и Болгарии... чтобы облегчить изъятие евреев из этих стран...

3. Обдумайте, не сможем ли мы... устроить антисемитский нелегальный передатчик на Англию и Америку... Следует немедленно назначить людей, которые добыли бы и проверили в Англии судебные отчеты и полицейские протоколы о пропавших без вести детях. Мы могли бы затем через наши передатчики сообщить, что в таком-то месте пропал ребенок и что речь идет, вероятно, о еврейском ритуальном убийстве.

Я полагаю, с помощью пропаганды... можно активизировать в огромной степени антисемитизм во всем мире».

Немецкое издание «Протоколов сионских мудрецов». 1935 год

Весной 1944 года, когда исход войны был уже предreshen и до полной капитуляции оставался один год, министерство иностранных дел Германии провело совещание на тему – усиление антисемитизма во всем мире. Докладчик сообщил собравшимся о результатах карательных акций на востоке, которые лишили еврейство его биологических резервов; однако, заявил он, еще существует большое количество евреев в СССР, США и Англии, а потому «еврейский вопрос во всем мире должен най-

ти свое окончательное решение». На том совещании были разработаны конкретные меры для распространения антисемитизма, учитывая особенности каждой страны, – печатание книг на эту тему, демонстрация кинофильмов, пропаганда по радио, устройство выставок антисемитского содержания, распространение «Протоколов сионских мудрецов».

Даже в последние месяцы войны превыше всего ставили главную цель – уничтожение евреев. Транспортные средства, необходимые для перевозки солдат и военных грузов, использовали для отправки обреченных в лагеря уничтожения; вооруженные каратели рыскали повсюду, залезали в погребы и чердаки, чтобы разыскать прячущегося еврейского ребенка, женщину, старика.

За день до самоубийства в осажденном Берлине Гитлер написал в своем политическом завещании: «Прежде всего я обязываю руководителей нации и весь народ к строгому соблюдению расовых законов и к беспощадной борьбе с международным еврейством – этим губителем народов».

Из воспоминаний офицера Красной армии (1945 год, штурм Берлина): «Немки ошалело смотрели на нас и вывешивали белые флаги. Вдоль автострады стояли какие-то фургончики... и на каждом фургончике: «*Tarfer und treu!*» («Мужественно и верно!») И повсюду кругом, на каждой собачьей конуре: «*Tarfer und treu!*» И вдруг на мосту, под которым проходит автострада, аршинными светлозелеными буквами, на случай, если мужество и верность не помогут, – по-русски, последний привет от доктора Геббельса: «Жид виноват». Гениально просто, без всяких объяснений. Только два слова: жид виноват. И к чему объяснять, ведь и так всем всё известно. Надо только напомнить...»

Из высказываний германских лидеров. Фельдмаршал К. фон Рундштедт: «Мы должны уничтожить, по меньшей мере, одну треть населения присоединенных территорий. Самый лучший способ для достижения этой цели – недоедание. В конце концов, голод действует гораздо лучше, чем пулемет, особенно среди молодежи». Рейхсфюрер Г. Гиммлер: «Подобно пленке жира на бульоне, на поверхности украинского народа есть тонкий интеллектуальный слой; уберите его, и масса, лишённая лидеров, превратится в покорное и беспомощное стадо». Рейхсмаршал Г. Геринг: «Самым лучшим было бы перебить на Украине всех мужчин старше пятнадцати лет и затем послать туда племенных жеребцов из СС».

В Крыму издавали во время оккупации газеты на русском языке: «Голос Крыма», «Феодосийский вестник», «Евпаторийские известия», «Сакские известия», «Земледелец Тавриды», «Южный Крым» и журнал «Современник»; на татарском языке – «Азат Кърым» («Освобожденный Крым»), на немецком – «Дойче Крым цайтунг».

Из газеты «Голос Крыма»: «Русский народ не только не истребляется, а, наоборот, охраняется германской армией от того истребления, которому подвергают его большевики на своей территории... Если бы вся Россия была оккупирована немцами, то для русских это был бы рай».

Газета «Новый путь», Смоленск (1942 год): «Очень часто евреи женились на русских девушках, а еврейки выходили замуж за русских, но дети, рожденные от этих смешанных браков, не только не были русскими по духу и по культуре, но, наоборот, типичными евреями... Если бы германская армия не пришла на помощь русскому народу и не освободила его от страшного жидо-большевистского ига, можно с полной уверенностью сказать, что через несколько поколений русский народ окончательно и биологически выродился бы, а его место занял бы выросший на соках славянской крови паразитический Израиль».

Немецким солдатам и офицерам, отличившимся в боевых действиях, были обещаны после победы крупные наделы земли на Украине, в Крыму и Прибалтике – это входило в планы будущей «германизации» захваченных территорий. Из письма немецкой матери своему сыну (1943 год): «Мой маленький летчик!.. Я представляю себе тебя – под синим небом, над синим морем. Над нашим морем... Участок я себе уже высмотрела – мы будем там, у нашего моря, в нашем Крыму... Отец не согласен со мной и сердится на меня за мои мечты. Он говорит: Крым – дикая татарская русская страна, и никогда там не будет покоя. А я говорю: мой маленький летчик вычистит эту страну от всего грязного, ведь там не останется русских, почему же не будет покоя... Русских слишком много, и им полезно кровопускание. Пусть скажут нам спасибо. Впрочем, меня не заботят эти свиньи. Ведь это разбойники. Не оставляй их, мой мальчик, в Крыму, истреби всех до единого, и нам будет спокойно жить в нашей вилле, над морем, в розах...»

Из стихотворения «Адольф Гитлер» (опубликовано в газете на оккупированной территории):

В складках губ, в его лучистом взоре
Непреклонность, воля и борьба.
Знает он, что значит жизни горе,
Подневолье бедного раба.
Он прошел через года лишений,
Он познал и горе, и нужду,
Коммунизма жуткое похмелье,
Подчиненье подлому жиду...
В складках губ, в его открытом взоре
Видим мы и радость, и привет.
Знаем мы, что засияет вскоре
Долгожданной лучшей жизни свет.

Из поэмы «Война с Антихристом»:

И обманув народ могучий,
Создав кровавый коммунизм,
Жида съезжались темной тучей
На красный свой капитализм...

Der Zutritt für Juden Verboten
Žydams įeiti draudžiama
Вход евреям запрещен

Местное население и евреи

1

К концу 1942 года немецкие войска захватили почти 2 миллиона квадратных километров советской территории, на которой осталось не менее 73 миллионов человек (37% населения СССР). Настоящее было тревожным, будущее – туманным. Не всякий верил в победу Красной армии, отступившей далеко на восток, и каждый житель оккупированного города или деревни должен был сделать нелегкий выбор, который мог навсегда изменить жизнь и привести к трагическому исходу.

Кто-то шел в леса к партизанам, кто-то таился, чтобы переждать неспокойное время, или поступал на службу к немцам – полицейским, старостой, бургомистром, рядовым работником городской управы, школы или больницы, но подавляющее большинство жителей было озабочено лишь тем, чтобы достать продовольствие для семьи, не погибнуть зимой от холода, избежать отправки в Германию на принудительные работы, не оказаться втянутыми в какую-либо опасную ситуацию, которая грозила смертью.

В сентябре 1941 года немцы выпустили директиву под названием «Нахт унд небель» («Мрак и туман»), которая позволяла без суда и

следствия уничтожать любого жителя Европы для подавления сопротивления гражданского населения. На территории СССР эти меры применяли с первых дней войны, и германское командование разъясняло: «Следует воспитывать у немецких солдат чувство беспощадности... чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться...» – «Смертная казнь принципиально целесообразна...»

Все средства пропаганды уверяли местное население, что судьба славянских народов не имеет ничего общего с участием евреев. В газетах и листовках провозглашали: «Немецкое командование гарантирует жителям оккупированных территорий полную неприкосновенность личности, если они ведут себя мирно и спокойно...» – «Каждый из вас будет иметь возможность жить в своей вере и взглядах и быть счастливым...» Однако в действительности оккупационный режим был чрезвычайно жестоким. Местных жителей, мужчин и женщин, отправляли на принудительные работы по строительству дорог, мостов и противотанковых укреплений, по расчистке путей от снега, даже по обезвреживанию минных полей. Рабочий день продолжался до четырнадцати часов, питание было скудным, и в Берлин докладывали: «Рабочие истощены от недоедания, их производительность сильно падает». За хранение оружия приговаривали к смертной казни, за прослушивание советских или английских радиопередач – к каторжным работам; военнообязанные, не вставшие на учет, считались партизанами и подлежали расстрелу.

В тот период не уничтожали русских, украинцев, белорусов за их национальную принадлежность – эта участь ожидала еврейское население, но во время карательных акций немецкие солдаты при помощи полицейских выжигали целые деревни, жители которых помогали партизанам, расстреливали заложников, публично вешали или пороли на площадях «для устрашения населения», отправляли в тюрьмы и концентрационные лагеря, из которых не каждый выходил живым и здоровым. Жители сожженных деревень жили в погребах и землянках, умирали от недоедания и болезней; репрессивные меры оккупантов вызывали рост партизанского и подпольного движения, а это, в свою очередь, приводило к ужесточению карательных мер.

После захвата гигантских территорий Советского Союза началось освоение «восточного пространства». В Германию уходили эшелоны с зерном и прочими продуктами; продовольствие, изъятое у населения, предназначалось для снабжения действующей армии и жителей Третьего рейха, чтобы «восполнить дефицит продуктов питания для германского народа»; после освобождения оккупированных земель подсчитали, что немцы реквизировали 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов домашней птицы.

Антинацистский плакат.
Москва, 1942 год

Германские фирмы соревновались между собой, чтобы получить разрешение на вывоз из СССР сырья, станков и прочего оборудования с фабрик и заводов. К концу 1943 года вывезли из Советского Союза 325 000 тонн железной руды, 438 000 тонн марганцевой руды, 7000 тонн хромовой руды, 52 000 тонн металлолома, а также десятки тысяч тонн легированной стали. Многие немцы в Германии были мобилизованы в армию, в стране не хватало рабочих рук, а потому на запад отправляли мужчин и женщин, чтобы использовать на принудительных работах в шахтах, цехах и на фермах; по немецким данным, в начале 1942 года еженедельно угоняли с территории СССР на работу в Германию до 10 000 «остарбайтеров», «восточных рабочих». Так осуществлялись мечты Гитлера об «огромном пироге» на востоке, которым следовало «во-первых, овладеть, во-вторых, управлять и в-третьих, использовать».

Из газеты «Голос Полтавщины» (1942 год, в переводе с украинского языка): «Они снова поехали... 11 380 юношей и девушек – сынов и дочерей украинских степей... чтобы своей работой в Германии отблагодарить немецкую армию и вождя Адольфа Гитлера за все блага, которые получила их родина с того часа, как прогнали большевиков...»

Из СССР отправили 5,3 миллиона «остарбайтеров»; среди них 1,9 миллиона из РСФСР, 2,4 миллиона с Украины, 400 000 из Белоруссии, а также из Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии. Погибло от каторжной работы и жестоких наказаний более 2 миллионов «восточных рабочих».

На принудительные работы в Германию свозили из всех оккупированных стран. Так закладывался «новый порядок» в Европе: местные народы были обречены на подневольный труд, программа по «обезлюживанию» славянского населения откладывалась на будущие времена, а евреям в этом «новом порядке» не оставляли надежды даже на рабскую жизнь.

2

С. Боровой, историк (Одесса): «Профессор-медик... после изгнания и истребления евреев зашел в свою клинику и сказал с радостью: «Слава Богу, не осталось ни одного жида...» Другой профессор, химик, встретив в стенах университета одного доцента, которого он считал евреем, не постеснялся тут же проверить, не обрезан ли он...»

Уничтожение евреев на оккупированных территориях происходило практически на глазах местного населения, а потому для каждого жителя возникала нравственная проблема: как относиться к поголовной ликвидации еврейского населения. Одни злорадствовали, другие тайно сочувствовали жертвам, но помочь опасались, третьи были равнодушны и выжидали последующего развития событий.

После очередной карательной акции жителям городов доставались освободившиеся комнаты и квартиры вместе с мебелью и всем имуществом, которое там находилось, а в сельских районах – дома с запасами продовольствия, коровы, козы и куры. У врачей в городах увеличивалась частная практика, научные работники занимали освободившиеся места профессоров и доцентов в институтах, в магистраты городов набирали новых работников взамен убитых.

С первых дней оккупации нашлось немало желающих воспользоваться подходящим моментом и поживиться за счет обреченных соседей; они заходили в еврейские дома и квартиры и в присутствии хозяев забирали вещи, мебель, продукты. Кое-кто – из наиболее стеснительных – говорил: «Вас всё равно уничтожат, а вещи разграбят, лучше уж я возьму»; или объясняли это с позиций «справедливости», на глазах у хозяев уводя их корову: «У них, евреев, корова была всю жизнь, у меня – никогда». Всплыли на поверхность и мародеры, чьей целью был захват еврейского имущества и еврейских квартир; существовало и оправдание грабежу – вернуть таким способом утраченное, национализированное в годы советской власти. Деревня до войны жила очень бедно; для крестьян это была возможность поправить свое материальное положение: как удержаться от соблазна?..

Сарра Глейх, Мариуполь: «Соседи, как коршуны, ждали, когда мы уйдем из квартиры, да уже и при нас не стеснялись... Ссорились из-за вещей на моих глазах, вырывали друг у друга, тащили подушки, посуду, перины. Я махнула рукой и ушла...»

Аркадий Хасин, Одесса: «Мы были еще в квартире, когда дворничиха начала выносить нашу посуду. А дворник, распахнув окно (мы жили на первом этаже), стал вытаскивать стол. Впервые я увидел в глазах отца слезы. Заскрипев костылями, он направился к воротам. Сгорбившись под тяжестью котомок, мы побрели за ним...»

Ида Шендерович, Могилев: «Дед Лазарь и бабушка Ида были трудолюбивыми и уважаемыми людьми. У них было большое крестьянское хозяйство. Дед шил обувь, бабушка работала бухгалтером в колхозе. Это были спокойные, высокие и крепкие люди, всю жизнь боровшиеся с нуждой бок о бок со своими белорусскими соседями. Но когда их везли убивать, защитников не нашлось, а имущество было тут же разграблено...»

Маня Файнгольд, Умань: «Сижу в одном украинском доме, где я пряталась, приходит соседский мальчик, сыночек полица, рассказывает об успехах своей матери: «Мама достала себе только зимнее пальто, но она говорит: когда еще раз будут бить жидов, она достанет себе и летнее...»

«На подводах проезжали крестьяне... гнали лошадей в сторону местечка. Вскоре подводы, груженные вещами, домашней утварью, возвращались обратно. Все спешили обернуться несколько раз...»

Из воспоминаний жителей деревень западных областей Белоруссии: «У нас всех евреев уничтожили... а кто спрятался, тех свои люди поывадали за деньги...» – «Шли разговоры, что так им и надо, нажились, мол, на нашей кровушке, пусть теперь и ответят. Лентяи, мол, и обманщики, распявшие Иисуса...»

3

Из хасидских рассказов времен Катастрофы.

25 сентября 1941 года на старом еврейском кладбище были уничтожены все евреи литовского местечка Эйшишки; это случилось через восемьсот лет после основания еврейской общины на том месте. После расстрела шестнадцатилетний Цви Михайловский выполз из могилы; обнаженный, весь в крови, он подошел к дому за кладбищем и постучал в дверь: «Пожалуйста, впустите меня». Крестьянин оглядел мальчика: «Еврей, убирайся обратно в могилу, там твоё место!» И захлопнул дверь. Цви стучался и в другие дома, но везде получал тот же ответ.

Наконец, дверь открыла старая женщина, в руке у нее была горящая головня. «Позвольте мне войти», – попросил Цви. «Еврей, убирайся в могилу!» – закричала она и стала махать на него головней, будто изгоняла злого духа. «Я – Иисус Христос, Господь ваш. Я сошел с креста. Взгляни на меня – кровь, мучения, страдания невинного. Дай мне войти», – сказал Цви Михайловский. Перекрестившись, женщина упала к его окровавленным ногам: «Боже мой! Боже мой!..» – и дверь открылась.

Цви вошел в дом и пообещал старой женщине, что благословит ее и всё ее семейство, если она сохранит в секрете его появление и не расскажет о том никому, даже священнику. Женщина согрела воду, чтобы Цви смыл с себя кровь, дала ему еду, крестьянскую одежду, и он ушел в лес.

4

Кое-кому из обреченных удавалось избежать уничтожения и скрываться по подложным «арийским» документам в постоянном страхе перед разоблачением. Как правило, это были одинокие люди, потерявшие всех своих близких; они опасались каждого человека, каждого стука в дверь, ибо существовали тайные агенты, завербованные среди местного населения, которые их выискивали. Дворники в городах сообщали о появлении евреев; было и немало вымогателей – прежних соседей или сослуживцев, требовавших выкупа за свое молчание, но и это не всегда спасало: получив обещанное, вымогатель мог сдать еврея в комендатуру, чтобы получить за это награду. Вознаграждение не было оговорено заранее – всё зависело от возможностей или настроения начальства: могли дать за еврея пару бутылок водки или килограмм сахара, соль, спички, керосин, а то и наделить деньгами, лошадью или коровой.

В Могилеве вывесили «красочные плакаты с обращением к населению: «За поимку или уничтожение еврея полагается премия – пять пачек махорки за каждую голову». Выдавали еврея из страха перед наказанием, опасаясь за своих родных и детей, – а наказание было жестоким. Заявляли в полицию, чтобы свести счеты с советской властью, отомстить «жидо-большевикам» за прежние обиды. Доносили и из желания выслужиться перед оккупантами, «так как думали, что германская власть будет теперь навсегда».

«Когда полицей или кто-нибудь из местных жителей подозревал мальчишку в том, что он еврей, требовали, чтобы произнес фразу: «На горе Арарат растет крупный виноград». Если картавости не было, делали другую проверку – предлагали спустить брюки...»

«Чтобы никто не ускользнул, всех неевреев строго предупреди-
ли: за укрытие еврея – расстрел, за выдачу властям – пачку сига-
рет. Расплачивались и куском мыла, пачкой маргарина...»

Эфраим Вольф (гетто Жмеринки):

«Тяжелый случай, – тихо сказал врач медсестре. – Природа этой опу-
холи мне не ясна... Хоть бы подкрепить ее... Молочка бы ей, тепла...»

Когда они ушли, я машинально стал повторять слова врача: «Молоч-
ка бы ей, молочка...» Но где его взять?.. Пробраться на базар без пропу-
ска? Тут я вспомнил приказ, вывешенный в городе: всякий еврей, обна-
руженный за пределами гетто без пропуска, будет рассматриваться как
шпион... Страшно, страшно... Но что поделаешь? Надо спасти маму...

В ближайшее воскресное утро я встал раньше обычного. Был треску-
чий февральский мороз, но решимость согревала меня. Без труда про-
полз под колючей проволокой по тайному ходу. Без труда обменял (на
рынке) махровое полотенце на бутылку молока и краюху ржаного хле-
ба... радостно побежал домой...

Вдруг за моей спиной раздался пронзительный крик какой-то ста-
рушки: «Дывиться, добри люды: жидок побиг! Та ще без зирки жы-
дивськой – ловить його, ловить!»

За мной погнались, догнали, избili до потери сознания...»

Мозырь, Белоруссия: «Меня приютила наша соседка, белоруска,
тетя Глаша... Вскоре она сказала: «Уходи. Здесь в доме одна гадюка,
она говорит: «Вот придут немцы, я скажу, что у тебя еврейка...»

5

Евреи были в основном городскими жителями. Город жил лучше де-
ревни; крестьяне причисляли евреев к привилегированному слою насе-
ления, что вызывало дополнительную неприязнь или равнодушие к их
судьбе. Евреям – жителям сельской местности – было легче порой спря-
таться, получить работу в деревне, ибо они умели обращаться с лоша-
дью и коровой; крестьяне могли оставить их у себя, особенно в тех до-
мах, где мужчины были мобилизованы в Красную армию. Помогало и
хорошее владение украинским или белорусским языками, знание сель-
ских обычаев; умение ткать спасло жизнь женщине из гетто, уверило
крестьян в том, что она не еврейка: «Говорят, ты жидовка. Жиды ведь не
умеют ткать – значит, ты не жидовка».

Евреев выдавали городские привычки, что тут же подмечали дере-
венские жители: «Ты моешь руки по-городскому... По-жидовски чис-

тишь бульбу...» Выдавали акцент, характерная внешность; мужчин выдавало обрезание.

К крестьянину, у которого жил еврей, пришел староста деревни и закричал: «Ты знаешь, что держишь еврея в доме?» Крестьянин удивился: «Разве Степка – еврей? Он же наш! Знает все полевые работы, говорит по-нашему, после еды крестится». Староста сказал: «Пусть пьет со мной самогон. Если он умеет пить самогон, значит, не еврей».

Себеж, Псковская область: «Мальчик двенадцати лет по совету матери остался в печной трубе, а потом вылез оттуда, добежал до дома старосты в деревне Пресни. Мальчик попросил у старосты: «Дяденька, возьмите меня! Я буду вам помогать, объедать не буду, стану грибы и ягоды собирать, только не везите меня обратно в Себеж». Старостиха даже накормила мальчика, а староста запряг лошадь, посадил парня в телегу, отвез в Себеж и сдал немцам – а мог спасти...»

Минск: «Это было еще в 1941 году... Во время облавы несколькими еврейским мальчишкам удалось пролезть под проволоку на арийскую сторону, и там во дворах они попрятались в уборных, мусорных ящиках, сарайчиках... Женщины и их дети выволакивали мальчишек из убежищ, ловили их, если они пытались удрать, и тут же отдавали в руки немцам или полицаям...»

Киев:

«Пришел сосед из плена – еврей, весь распухший от голода, страшный, просил жильцов двора впустить его в свою бывшую квартиру (его семьи там уже не было): он у себя в квартире повесится на глазах у всех, он не хочет прятаться и спасти свою жизнь, но жильцы-активисты его не пустили. Он ушел, не дошел до конца квартала, и его сдали немцам...»

«В сарае меня обнаружила хозяйка. Я скрывала побег из Бабьего Яра и рассказала ей, что иду с окопов... Она... подмигнула своему сыну лет семнадцати, тот куда-то исчез, через минуту явился с немецким офицером и, указав на меня, сказал: «Ось, пан, юда...»

«Утром дворничиха приказала няне: «Веди жиденка в Бабий Яр». Няня... не представляла себе всей опасности и повела меня...»

Из воспоминаний И. Эренбурга:

«Однажды в редакцию «Красной звезды» пришел высокий, крепкий человек, офицер морской пехоты Семен Мазур... В битве под Киевом он был ранен, попал в окружение и, переодевшись, пришел в Киев, где жила

его жена... Когда он подходил к своему дому, жена его увидела и закричала: «Держите жида!..» Прохожие оглянулись, но прошла колонна грузовиков, и Мазуру удалось скрыться...

Его спрятала русская женщина – К. Е. Кравченко. Незалеченная рана дала осложнение. Мазура отвезли в больницу. Русский врач Упрямец, узнав, что Мазур еврей, снабдил его паспортом одного из умерших... Мазур перешел линию фронта на Дону, сражался под Сталинградом, получил орден, был снова ранен. Он сидел напротив меня и требовал, чтобы я ему объяснил, почему его спасли чужие люди и хотела выдать врагу жена...»

Случай, казалось бы, невероятный: в белорусской деревне местный житель поступил в полицию, после чего застрелил двух своих детей и жену-еврейку Фрейдл Нисман.

«У нас была одна семья... учитель и учительница. Когда немцы угоняли их в гетто, они девочек оставили на улице – Фаню и Цилю. Одной четыре года, другой – шесть. Такие хорошенькие были... Они ходили по домам, попрошайничали, такие смиреннькие, и все их подкармливали, а в дом никто не пускал, боялись... Они в сараях спали, в стогах сена... Уже холодно было... Наша соседка сказала: «Что это дети так мучаются?» Взяла их за ручки и отвела в немецкую комендатуру. Прямо на дворе их и расстреляли...»

6

Немецкий переводчик докладывал о своей беседе с местными жителями города Борисова в Белоруссии: «Разумеется, мы говорили и о предстоящем расстреле евреев, о котором знало гражданское население. Хозяин дома сказал буквально так (такова же была, по-видимому, позиция всех борисовских жителей в тот вечер): «Пусть они погибают. Они много плохого нам наделали...» Назавтра, после расстрела евреев, переводчик отметил иное настроение жителей Борисова, ставших свидетелями ужасных сцен на улицах города: «Кто это приказал? Как это возможно уничтожить сразу 6500 человек? Сегодня это евреи, а когда подойдет наша очередь? И что эти бедные евреи сделали? Они только и знали, что работали. Истинные виновники наверняка в безопасности...»

После убийства евреев немецкое командование сообщало из Слуцка и Брест-Литовска: «Белорусы, которые полностью доверяли нам, потрясены... Они придерживаются мнения, что этот день не добавит славы Германии и не будет забыт...» – «Среди населения распространяются слухи, что после расправы над евреями последует расправа над русскими, а затем будут расстреляны поляки и украинцы...»

В 1942 году начались массовые расстрелы нееврейского населения Белоруссии.

Расовая теория нацистов признавала арийцами латышей, эстонцев, казаков, татар Крыма и Поволжья, калмыков, осетин, чеченцев, ингушей и другие малые народы Кавказа – все они могли создавать боевые части в составе немецкой армии, а в будущем подлежали германизации, чтобы составить единое целое с немецким народом. В составе германских войск воевали донские, кубанские и терские казаки, принимал участие в боях и казачий кавалерийский корпус СС. «Обещаю и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Евангелием, – присягали казаки, – что буду верно служить Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру и буду бороться с большевизмом, не щадя своей жизни до последней капли крови...»

«Специалисты» в Германии разработали теорию, которая причисляла казаков к потомкам остготов первых веков новой эры, а потому казаков относили к народам германского происхождения, «сохраняющих прочные кровные связи со своей германской прародиной».

С первых дней войны украинские батальоны «Роланд» и «Нахтигаль» участвовали в боях с Красной армией, в карательных акциях против партизан и еврейского населения; затем эти батальоны распустили, часть солдат влилась во вновь созданный легион СС «Галиция». В начале 1942 года немцы сформировали из военнопленных полк «Десна», который действовал в Брянской области и в Белоруссии, а затем был перебросен во Францию и Италию. Создали добровольческие батальоны «Днепр», «Припять», «Березина» для борьбы с партизанами. Сформировали четыре легиона – туркестанский (военнопленные – выходцы из Средней Азии), Северо-Кавказский (мусульманские народы Кавказа), армянский и грузинский. Появились воинские соединения волжских и крымских татар, были созданы добровольческие батальоны литовцев, латышей и эстонцев для борьбы с партизанами; эстонская дивизия СС воевала на передовой линии против частей Красной армии.

В западных районах Орловской области немцы позволили создать Локотскую республику с центром в поселке Локоть; это было окружное самоуправление под управлением Б. Каминского, председателя Русской национал-социалистической партии, в программу которой входил антисемитизм под лозунгом «Евреи – враги народа». В Локотской республике существовала местная воинская бригада в составе 12 000 человек; после отступления немцев из тех мест бригада задержалась ненадолго

в Витебской области, затем их перекинули на запад и они участвовали в подавлении польского восстания в Варшаве.

Гитлер был против создания русских боевых частей, а потому лишь на заключительном этапе войны приняла участие в боях Русская освободительная армия (РОА) под командованием А. Власова, бывшего генерала Красной армии. Солдаты и офицеры РОА приносили присягу «Адольфу Гитлеру, вождю и главнокомандующему освободительными армиями»; в их воинских книжках был напечатан текст этой присяги: «Я вступил в ряды Русской освободительной армии для борьбы против Сталина и его клики, за светлое будущее русского народа...» (Отдел пропаганды РОА занимался среди прочего и распространением «Протоколов сионских мудрецов».)

На всевозможных тыловых работах использовали добровольцев, в основном военнопленных; немцы называли их «наши Иваны», а официально именовали «Hilfswilligt» – «хивви» («добровольные помощники»). «Хивви» служили шоферами грузовых автомобилей, работали портными, сапожниками, шорниками, кузнецами и поварами; из них формировали саперные роты под командованием немецких офицеров.

Исследователи полагают, что в боевых и тыловых частях немецкой армии, а также в полицейских формированиях служило более полумиллиона граждан Советского Союза. Одни считают их предателями родины, другие одобряют их борьбу с бесчеловечной сталинской диктатурой, – у евреев свое отношение к этим людям, так как многие из них участвовали в карательных акциях против еврейского населения СССР и оккупированных стран Европы.

«Первым из нашей семьи погиб мой дед Эрлихман Борух. Жили они в Лысянке, на Киевщине, это было... в 1918 году. Погиб он от рук петлюровцев, как говорили. Ему выкололи глаза, отрезали уши, живым закопали в землю. А в 1941 году, когда фашисты заняли Богуслав под Киевом, его вдова Сарра со вторым мужем были своими соседями сброшены в собственный колодец, тоже живыми, а их дом и усадьбу присвоили эти «друзья»-соседи...»

Известны случаи, когда местные жители выдавали евреев – бойцов и командиров Красной армии, спасавшихся от уничтожения. Киевлянин Борух Литвиновский оказался в окружении, пришел домой, но соседка сообщила в полицию, и его расстреляли во дворе дома. В Киеве были выданы дворниками и погибли Борис

Шор, Иосиф Гогерман и Мотл Котляр; о Меире Новосельском сообщила дворничиха, которая заняла квартиру его семьи. В Коростене выдали, а затем повесили Наума Дубровского; там же убили военфельдшера Иду Торпусман.

Давид Комиссаренко бежал из лагеря военнопленных в Белоруссии. Его задержали двое полицейских: «Мы по походеке увидели, что ты еврей».

Лидия Гойхман (Терновка, Винницкая область): «Я должна сказать, что не всем было так плохо при немцах, как евреям. Я помню музыку, которая доносилась из наших домов, куда переселились украинцы и поляки... Вместе с немцами веселилась молодежь, многие девушки охотно, добровольно развлекались с немцами, гуляли купеческие свадьбы. А над нами издевались, нас мучили болезни и голод...»

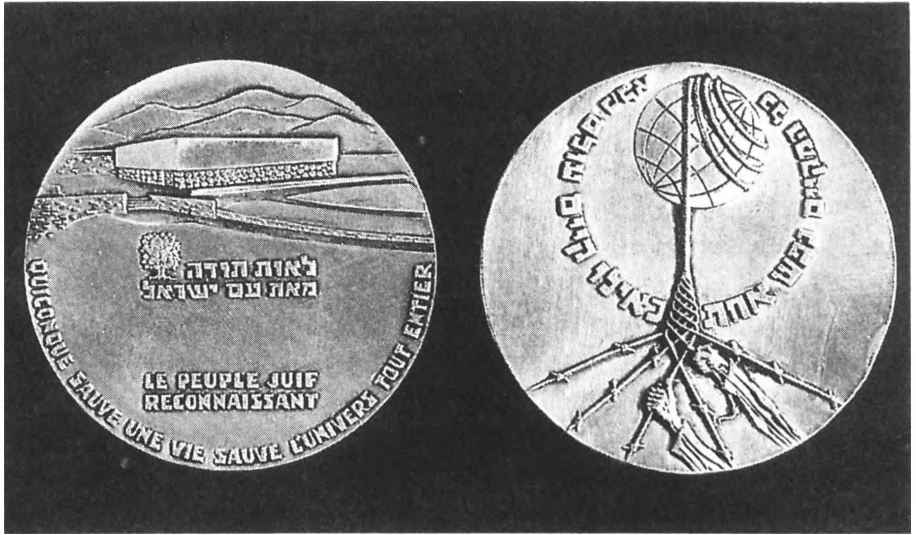

Чортков, Западная Украина: «Всем прибывшим приказали построиться по двое, пересчитали, а затем погнали бегом на четвертый этаж. На лестницах стояли с двух сторон тюремщики в черных мундирах и длинными нагайками били несчастных людей... На улице, по ту сторону тюремных решеток, была благоухающая весна. Прекрасная погода, перезвон церковных колоколов. Католический мир праздновал Пасху. Празднично разодетые христиане шли в костелы и молились Богу...»

В Романове Житомирской области прославился своей жестокостью полицейский по кличке Ирод Степка. В одном из домов он обнаружил десятилетнего Хаима Спивака, который вылез из могильного рва; полицейский взял мальчика к себе, продержал до ухода немцев, а затем повез Хаима к нотариусу и заставил подписать документ о том, что он спас ребенка от смерти. По этой причине, быть может, Ирода Степку не расстреляли, а приговорили к десяти годам заключения.

Очерк шестьдесят третий

Праведники народов мира

1

Эта деревня расположена на юго-востоке Франции. Шамбон-сюр-Линьон.

В годы Катастрофы жители деревни спасли несколько тысяч евреев, переправив через границу в Швейцарию. Об этом узнали через много лет после войны, потому что крестьяне Шамбон-сюр-Линьона никому не сообщали о своих делах, а одна женщина сказала так: «Если ты помогаешь ближнему, то твоя правая рука не должна знать о том, что делает твоя левая рука. Только так можно сохранить тайну, и лишь Всевышний, которому всё открыто, отблагодарит тебя за это».

В годы войны, когда евреи уходили в Швейцарию из оккупированной Франции, жители деревни прятали их у себя, помогали перейти границу и даже ближайшим родственникам не рассказывали об этом. Ни одного доносчика не оказалось в Шамбон-сюр-Линьоне, ни одного человека не выдали они на уничтожение. Это была стена молчания, которую никому не удалось разрушить. «Мы сделали то, что нужно было сделать, — объяснила одна из крестьянок. — И так я сказала больше, чем нужно».

Два года подряд израильский консул в Париже уговаривал крестьян, чтобы они приняли почетное звание — «Праведники народов мира»,

пока они наконец дали на это согласие. «Жители нашей деревни, – сказал местный священник, – никогда не просили признания или знака отличия за то, что случилось здесь в годы войны». И теперь в Иерусалиме, в мемориальном комплексе Яд ва-Шем, в аллее Праведников народов мира растет дерево в честь жителей французской деревни Шамбон-сюр-Линьон, которые спасли тысячи человеческих жизней.

Поневоле напрашивается вопрос, на который нет и не будет уже ответа: если бы нашлась в то страшное время не одна только деревня на юго-востоке Франции, а много таких деревень в Польше, Литве, Украине и Белоруссии, – сколько жизней удалось бы спасти? Сколько загубленных жизней?..

2

В Иерусалиме на Горе памяти расположен мемориальный комплекс жертв нацизма и героев сопротивления Яд ва-Шем. Вершину горы опоясывают ряды вечнозеленых деревьев, и под каждым из них помещена табличка с именем человека, который с риском для жизни и безвозмездно спасал евреев в годы Катастрофы. Специальная комиссия при Яд ва-Шем утверждает кандидатуры, выдает почетную грамоту «Праведника народов мира», награждает медалью с надписью: «Кто спасает одну жизнь – спасает весь мир».

Почетная грамота
«Праведника народов мира»

К 2005 году звание «Праведник народов мира» получили 20 705 граждан разных национальностей из многих стран. На весь мир известны имена людей, которые спасли сотни и тысячи евреев: шведский дипломат в Венгрии Рауль Валленберг, сотрудник испанского посольства в Будапеште Джорджо Перласка, швейцарский посланник в Будапеште Шарль Лутц, консул Португалии во французском городе Бордо Аристидес де Суза Мендес, консул Японии в Литве Семпо Сугихара, офицер швейцарской полиции Пауль Грюнингер, турецкий консул на греческом острове Родос Селахаттин Улкумен и другие. Об этих людях написаны книги и сняты фильмы, их именами названы улицы в городах, их лица запечатлены на почтовых марках, некоторым из них поставлены памятники – однако не следует забывать о сотнях малоизвестных или совсем уж неизвестных людей, которые спасали обреченных на уничтожение.

Виктор Березин (к началу войны ему было одиннадцать лет):

«Голод, холод, вши. Прибавилась чесотка. От чесотки у меня начало гнить тело, и я очень ослаб. С протянутой рукой прошел много деревень. Где накормят, а где просто гнали. Оно и понятно: кому охота впускать в дом грязного, вшивого, чесоточного бродягу. Так я попал аж под Одессу... Здесь меня подобрала очень бедная женщина, у которой было трое детей...»

Ида Белозовская:

«Я была погребена для жизни, меня не существовало, я исчезла для живых. Два года я не была на улице, не видела солнца, не дышала чистым воздухом. Окна квартиры были занавешены... Каждый час за окном, за дверью ждала смерть, смерть для всех, для всей семьи, которая меня скрывала...»

Хаим Ройтман:

«Отца убили немцы, маму убили. У меня был младший братишка Боря. Немец его убил из автомата, у меня на глазах убил... Страшное дело, земля двигалась! Я стоял на краю ямы, ждал – сейчас застрелят. Подошел ко мне немец, щурится. А я ему показываю: «Смотрите – часики». Там, на земле, стекляшка блестела. Немец пошел, чтобы поднять, а я кинулся бежать. Он за мной и строчит из автомата, картуз продырявил. Бежал я, бежал и свалился. Потом не помню, что было. Подобрал меня старик, Герасим Прокофьевич Остапчук. Сказал мне: «Ты теперь Митя, сын мой». У него семеро своих, я стал восьмым...»

Белоруссия: «Тетя Настя выхаживала меня, как родную дочку. А я была худущая, кожа да кости, да еще вшивая, опухшая, на голове корка. Но тетя Настя быстро привела меня в божеский вид...»

Надежда Индикт из Днепропетровска: «На Херсонской жила старушка-еврейка с дочерью и двумя внучатами. Я им помогала. Раз эта

старушка стала меня благодарить и плакать. Я ее поцеловала. Это увидели и начали кричать. Мне пришлось убежать... Дома муж говорит: «Ты себя погубишь, а поцелуями им не поможешь». Но я ему сказала, что мои поцелуи дороже денег, потому что от этих людей все отказались, как от прокаженных...»

3

Мирьям Аскес:

«Татьяна Гавриловна Кравчук говорит: «Идем, Маруся, ко мне. Но хлеба у меня совсем нету». Она была вдова, бедная женщина с сыном, и она забрала меня к себе...»

За мной охотились. Но Татьяна Гавриловна очень хорошо меня прятала – в погребе, на чердаке, в земляной яме. Накрывала досками, потом соломой, сверху клала кучу навоза...

К ней подошел мужчина и сказал: «Ця дівчина, що у тебе... вона жидівочка...» А она ему ответила: «Иван, если ты это повторишь еще где-нибудь, я спалю твою хату». Он понял, что она не шутит, и больше никому об этом не рассказывал...»

Малка Пищаницкая:

«Моя мама говорила по-украински с еврейским акцентом и не могла, в случае опасности, бежать так быстро, как я... Я, десятилетний ребенок, прятала ее в сараях, кустах, скирдах, сеновалах, чердаках. Все эти места укрытия были известны только мне.»

Я ходила по украинским селам от дверей к дверям и говорила каждому, что я – оставшийся в живых еврейский ребенок, что у меня есть мать, скрывающаяся в лесах, и я исполняю роль матери для своей матери. Многие давали кусок хлеба...»

Софья Федоренко (Пинск):

«Когда немцы начали убивать евреев, ко мне пришла Мила Ратновская и попросила, чтобы я спрятала ее с матерью, Купера с женой, дочерью и племянницей. У меня был погреб, но я испугалась, что придется прятать столько людей и доставать еду. Я им сказала: «Слишком много вас на мою старую голову». Но когда они стали просить, я подумала, что не могу же их разлучить, они должны быть вместе. И в конце концов, всё равно: за одного или за шестерых евреев одна пуля. И я решила их принять...»

Они пробыли у меня двадцать один месяц. В последнее время было очень трудно с продовольствием. Когда они беспокоились, что нечего будет есть, я говорила, что не дам им погибнуть. Стану ходить по домам, собирать милостыню... и они не умрут от голода...»

В двери домов и квартир стучались по ночам голодные, замерзающие люди, которые бежали перед очередной акцией или выползли из общей могилы. Они были оборванные, окровавленные, завшивленные, в корке грязи, в коросте от чесотки – какая мать могла впустить их в дом, не опасаясь за жизнь и здоровье своих детей?.. Отношение к евреям менялось в зависимости от положения на фронтах и политики оккупационных властей. Одни одобряли их уничтожение и доносили на спрятавшихся, другие готовы были помочь куском хлеба, но опасались укрывать евреев из-за возможного наказания, и лишь немногие спасали их с риском для собственной жизни и жизни своей семьи.

В декабре 1941 года портовый грузчик Янис Липке стал свидетелем массового уничтожения евреев Риги, после чего решил сделать всё, что в его силах, чтобы спасти обреченных. Он поступил на работу в немецкую организацию, входил по утрам в гетто и выводил узников для работы в городе – время от времени один из евреев к вечеру не возвращался обратно. Используя всяческие ухищрения, Янис, его жена Иоганна и старший сын укрывали евреев в тайниках, а затем с помощью друзей переправляли в окрестные деревни – они спасли от гибели более сорока человек.

Янис Липке

Эльвира Ронис из Риги и ее мать в течение полугода прятали восемь евреев, Артур Мотмиллерс – шестерых, Андрей Граубиньш – пятерых (когда укрытие обнаружили, Андрея отправили в Дахау, где он погиб). Весной 1944 года нацисты нашли в Риге убежище, в котором дворник

Альма Полис скрывала шесть мужчин и одну женщину. Они были вооружены, открыли огонь, убили полицейского; двое из них погибли в перестрелке, а остальных увезли в тюрьму и расстреляли вместе с Альмой. На другой день в рижской газете написали: «Обезврежены жидовские бандиты» – это случилось за полгода до освобождения Риги.

Юзас Руткаускас работал в паспортном бюро Вильнюса, изготавливал фальшивые паспорта для узников гетто, укрывал у себя евреев (его арестовали вместе с женой, оба погибли). Елена Бувидайте-Куторгене из Каунаса скрывала евреев в своей квартире; ее сын Виктор написал «Обращение к народам мира» с описанием массового убийства литовских евреев и в 1941 году сумел переслать его в американское посольство в Берлине.

Местечко Стоклишки, Литва: «Бедный крестьянин Яскутелис Юзус... покупал хлеб и давал мне. Когда я спрашивал, почему он это делает и жертвует своей жизнью... Юзус отвечал: «Потому что ты невиновен...» Я прожил у этого крестьянина два с половиной года...»

Тельшый, Литва: «Несколько десятков евреев жило в землянках. Их обнаружили и уничтожили, а литовца Бладиса, который им помогал, привязали к хвостам двух лошадей и разорвали на части...»

Яков Полешук и его помощники вырыли под недостроенным домом в Одессе огромный подвал и два года скрывали там шестнадцать еврейских семейств. Леонард Суворовский прятал в своей одесской квартире восемь евреев, добывал продукты и кормил их, носил воду из колодца за несколько километров от дома; Суворовского и его беременную жену арестовали – их ребенок родился и погиб в тюрьме.

Крестьянка Вера Красова из Ровенской области полтора года прятала на хуторе десять человек: «Целые ночи, тайно от всех, я рыла подземелье и скрывала там вывезенных из лагеря смерти. Об этом никто не знал, кроме моей дочки Ирины. Немцы делали облавы и даже обыски, но моей тайны не раскрыли. Мне было очень трудно. Ночами я носила им пищу, пускала свежий воздух в подземелье...»

Витебская область. Юлия Кухта спасла годовалого Алека из еврейской семьи, в которой служила няней: «Однажды меня потащили в полицию и стали допытываться, откуда у меня мальчик. «Ты, наверное, за большие деньги решила спрятать еврейского ребенка». Я всё отрицала, даже когда начали стегать плеткой: «Мой ребенок – и всё». К счастью, Алек испугался, когда меня стали бить, схватил за платье и закричал: «Мама, мама!» Меня отпустили...» Затем Юлия Кухта сумела вывести из гетто семилетнего Марка, брата Алека: «Я твердо решила – лучше погибнуть вместе с детьми, но никуда их не отдавать. Ведь у них, кроме

меня, не было никого на свете... Каждый день я дрожала за их жизнь, но... сохранила детей живыми и здоровыми».

В Рудне Смоленской области оказалась в оккупации няня с двумя еврейскими детьми, которых отправили на лето из Ленинграда. Свидетели вспоминали, что она пошла на расстрел со своими питомцами, держа их за руки. Ее пытались отговорить: «Ведь ты – русская. Зачем идешь на гибель?» Она отвечала: «А что я скажу потом Дине о детях? Ведь она мне их поручила. Нет, я так не могу. Что с ними будет, то и со мной...»

Из немецкого донесения (март 1942 года): «Бургомистр города Кременчуга Синица... препятствовал решению еврейской проблемы. Он заставлял протоиерея Романского крестить указанных им евреев и давать им христианские или русские имена... Синица был казнен».

Во время ликвидации львовского гетто группа евреев сумела выйти оттуда и встретила двух поляков – Леопольда Соху и Стефана Врублевского. Они предложили беглецам спрятаться в канализационных трубах, приносили туда еду, забирали для стирки грязную одежду, после победы под Сталинградом угостили узников водкой, и лишь через год, когда немцы ушли из Львова, те смогли выйти из своего убежища. «Поляки привели их в заранее подготовленную квартиру, где ждал накрытый стол, угощение и даже выпивка в честь освобождения».

«В Минске работала комиссия по проверке расовой принадлежности детей в детских домах... Проводился осмотр, нет ли признаков обрезания, обследование черепных коробок, носов, ртов, челюстей. Обнаруженных еврейских детей... расстреливали, сажали в душегубки...» Воспитатели детских домов в Минске скрывали среди воспитанников несколько десятков еврейских детей и негритянского мальчика Джима. Александра Шулежко из Черкасс прятала в детском доме еврейских детей, меняла им имена и фамилии, записывала их греками, татарами, армянами – к освобождению города сумела сохранить жизнь двадцати пяти детям.

Евреи из Ровно, Луцка, Дубно, других городов и местечек скрывались в деревнях, населенных чехами. Немцы убивали чехов, спасавших евреев, сжигали их дома – так было и в деревне Малин, где жестоко наказали жителей за помощь евреям.

Рива Гольдцман из Днепропетровска была ранена во время расстрела в октябре 1941 года, и ее прятала учительница Екатерина Григорьевна (фамилия не установлена). Из дневника Ривы: «31 декабря. Тетя Катя

говорит, что жизнь – это наше бескрайнее небо и яркое солнце, это вечно цветущая земля, где самые маленькие букашки имеют право греться под солнцем. Я тоже буду жить в этом прекрасном мире с такими, как тетя Катя. Убивать людей – это значит погасить солнце... Лают собаки. Наверно, идет наш гость... Что это? Неужели...»

В дом пришли незваные «гости» – каратели. Риву и тетю Катю убили.

5

Луцк, город в Западной Украине. В декабре 1942 года там были уничтожены последние жители гетто, и Давид Приталь случайно остался в живых посреди враждебного окружения:

«Передо мной возник вопрос: куда идти? Поляк, у которого я был вчера, сказал, что он согласен прятать евреев только за деньги; к нему я не мог вернуться, у меня не было денег. И я решил пойти в дом, где жили поляки, семья Брун, с которыми я был в дружеских отношениях. Пришел туда под вечер и попросил, чтобы позволили переночевать одну только ночь. Они согласились, но я чувствовал напряженность в доме из-за опасного гостя, который мог навести беду на всю семью... «Не страшно, – сказал наутро господин Брун. – Вот, ночь прошла, а немцы к нам не пришли. Надеюсь, что они и не придут: не могут же они следить за каждым домом...»

Давид остался у них еще на одну ночь, потом еще и еще, попросил разрешения побыть до весны, и хозяева ему не отказали. Господин Брун, в прошлом офицер русской армии, говорил: «Давид, поверь мне. Всё проходит, хорошее и плохое. Уйдут и немцы, останутся в памяти, как страшный сон». Его жена, женщина верующая, утешала Давида: «Ты еще дождешься свободы...» А их дочь сказала однажды: «Я не беспокоюсь по одной лишь причине. Мы прячем тебя не ради денег, и Бог наверняка нам поможет».

В мае Давид покинул дом семьи Брун:

«Это была очень странная картина: еврей идет по Луцку при свете дня, в 1943 году. И тут поджидала опасная неожиданность. Навстречу шла молочница, она узнала меня и закричала на всю улицу: «Еврей! Еврей!...» Распахнулись окна и двери, люди выскочили наружу, чтобы разглядеть это странное явление, которого не видели уже давно в Луцке, – еврей на улице. Я собрал все свои силы и помчался прочь от этого места, пока не почувствовал, что за мной никто не гонится...»

Давид решил пойти к баптистам, которые жили возле Луцка; он знал их еще с тех времен, когда ездил по округе со своим дедушкой. И на окраине одной из деревень его увидел крестьянин: «Он приблизился ко

мне и тут же понял, кто стоит перед ним. Мы вошли вместе в их избу; он и его жена встали на колени и начали молиться простыми словами, которых не найти в молитвеннике; они просили, чтобы Всевышний помог тем, кто прячется теперь в полях и лесах. Перед едой хозяин дома прочитал отрывок из Библии и сказал: «Встреча с тобой подтверждает слова пророков, что беженцы будут спасены...»

Давид остался в их доме, пробыл там пару недель, а затем перешел к баптистам в другой дом, оттуда в третий, потом снова в первый – они передавали его друг другу тайком от прочих жителей, которым не доверяли. За ним охотились, он чуть не погиб, но Давиду повезло: в феврале 1944 года пришла Красная армия.

«И вот еще один человек, чье имя я позабыл. Но голос его не забуду никогда. Было это зимой. Я возвращался в деревню в хорошем настроении. Житомир был уже освобожден, еще немного, и свобода придет к нам. И вдруг крик. Кричал крестьянин, – может, он обращался ко мне? Встал. Подождал его. Он сказал: в деревне ищут меня. Чтобы я не шел туда... Забыл теперь его имя. Но помню тот голос в темной, снежной, холодной ночи. Голос, который спас мне жизнь и доказал, что не перевелось хорошее в человеке...»

6

Германская пропаганда провозгласила немцев «защитниками и мстителями за поруганную христианскую религию», борцами с властью евреев, «распявших Христа», с властью «жидо-большевиков, осквернявших церкви» и преследовавших верующих. Пропаганда была действенной, слухи об этом ширились, и германское командование докладывало в Берлин, что в некоторых городах и селах местные жители встречали немецких солдат с иконами, с хлебом-солью; «в городе Хмельник с таким энтузиазмом встретили весть об избавлении от евреев, что даже отслужили благодарственный молебен».

Немцы открывали на занятых территориях церкви, мечети, мужские и женские монастыри; большими тиражами издавали молитвенники и религиозные календари, выпускали журнал «Православный христианин», распространяли листовки с текстом молитвы: «Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов. Да придет Третья империя твоя и да осуществится воля твоя на земле...» В Ростове-на-Дону открыли восемь церквей. В Смоленске – три церкви и кафедральный Богоявленский собор. В Новгородской области появилось сорок новых церквей, в Псковской – шестьдесят, в том числе кафедральный собор, в котором располагался до этого антирелигиозный музей.

Транснистрия: «Оккупанты поставили небольшие памятные обелиски на месте разрушенных православных храмов, проводили различные религиозные шествия, организовали торжественное массовое крещение детей...»

В инструкции германского командования было сказано: «Препятствовать богослужению нельзя, но нужно знать, что там происходит». Церковь была удобным местом для проведения проповедей, чтобы привлекать жителей на сторону оккупантов; важное значение придавали антиеврейской пропаганде, и в директиве из Берлина особо отметили: «Надо проповедовать учение о Боге, свободное от еврейского влияния... Духовенство не должно мешать заключению евреев в гетто и искоренению «избранного Богом народа».

Протоиерей Смоленского собора заявил в радиопередаче, что «евреи – народ крайне вредный и ненавидимый во всех государствах»: это разъяряло местному населению причины их уничтожения. Смоленский епископ Стефан предлагал партизанам сложить оружие, иначе «Божья кара, которая вскоре вас постигнет, будет страшной». Митрополит Полесский и Пинский Александр призывал к борьбе с жидо-коммунистами – врагами православной религии. Настоятель Псково-Печерского монастыря благословил генерала А. Власова «на крестовый поход против жидо-большевизма». В церкви Ковеля разъяснили прихожанам в воскресной проповеди: «Когда последний еврей исчезнет с лица земли, мы выиграем войну», а затем священник благословил местных полицейских на уничтожение еврейского населения города. В лагерях для военнопленных священники говорили в проповедях, что война послана Богом за грехи большевиков, призывали пленных молиться за разгром жидо-большевиков и скорейшее возвращение домой – по окончании службы священник получал пару буханок хлеба и банку повидла.

В первую годовщину советско-германской войны было предписано «всему духовенству... совершить молебствование о даровании Господом сил и крепости Германской армии и ее вождю Адольфу Гитлеру для окончательной победы над проклятыми жидо-большевиками». Газета «Нова Україна» в Харькове сообщила читателям: «В день рождения вождя немецкого народа Адольфа Гитлера в Покровском соборе Харьковского архиерейского дворца будет проведен торжественный молебен за его здоровье и успехи».

В Крыму немцы открывали мечети и религиозные школы. В Бахчисарае в день рождения Гитлера украсили город, организовали шествие с цветами к могилам немецких солдат, местное духовенство провело большой намаз (богослужение), во время которого проповедник призывал усилить борьбу с большевиками.

Во время немецкого наступления на Северном Кавказе представители исламского духовенства провозгласили Гитлера «великим имамом» Кавказа; в ответ на это командующий немецкой танковой армией генерал Э. Макензен принял ислам.

7

Анна Борковская, настоятельница бенедиктинского монастыря под Вильнюсом, и восемь монахинь скрывали группу евреев – семнадцать человек. «Когда местные крестьяне начали поговаривать, что у бенедиктинок прячутся евреи, настоятельница передела мужчин в одежды монахинь и вывела на работу в поле. Так и работали эти «монашки» – на глазах у окрестных крестьян». Затем мужчины вернулись в гетто, чтобы создать подпольную организацию, а монашки отслужили службу за их благополучие. Анна Борковская помогала подпольщикам добывать оружие; ее арестовали, монастырь закрыли, монашек разогнали.

Бутримонис, Литва:

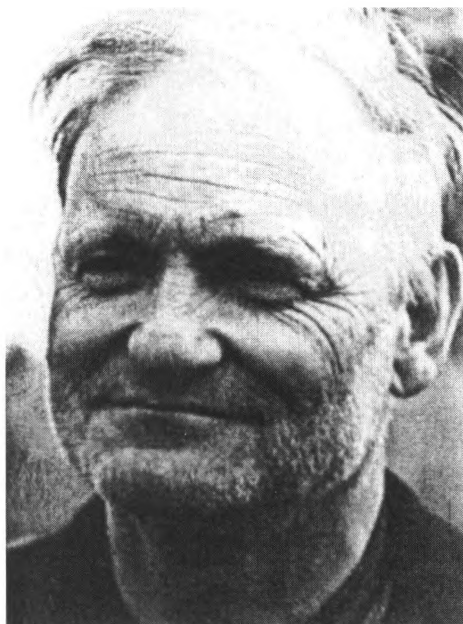
«Маркаускас прятал трех евреев и пошел посоветоваться с ксендзом Андриконисом, хорошо ли он поступает. Ксендз ответил: «Хорошо. Все-вышний оплатит тебе за добро. Продолжай прятать их». И Маркаускас держал у себя евреев до самого конца войны...»

«Ксендз Андриконис был исключительно честным, глубоко верующим человеком. Он любил всех людей, не разделяя их на литовцев, поляков, евреев. После войны он помог нам построить памятник на месте массового захоронения евреев. Сам месил раствор, носил камни. Помню его слова, сказанные на могиле: «Когда я смотрю на всё это, мне стыдно, что я литовец...»

«А ксендз Каушила из Пивашюнай в 1942 году обратился к своим прихожанам с таким напутствием: «Идите с миром и смотрите – может, спрячется где какой еврей, так постарайтесь, чтобы он не выжил...»

Священники крестили еврейских детей, чаще всего девочек, и выдавали им новые документы; с мальчиками было сложнее – их можно было распознать, проведя простейший осмотр тела.

В Вильнюсе прятали евреев монашка Мария Микульская и ксендз Йозес Стакаускас. В Каунасе ксендз Бронюс Паукштис выдал за годы оккупации 120 метрических свидетельств еврейским детям, которых выводили из гетто, и искал места для их укрытия; в костеле у Паукштиса спрятались двадцать пять мужчин и женщин – некоторым из них удалось дожидаться освобождения. Пятрас Раудава, священник одного из

Монашка Мария Микульская и ксендз Йозес Стакаускас

литовских костелов, говорил в своей проповеди после расстрела местных евреев: «Кто ответит за невинно пролитую кровь человеческую? Самое ужасное, что среди убийц были и литовцы. Католики. Они призывают на весь наш народ гнев Божий...»

Семья киевского священника Алексея Глаголева два года прятала еврейку с ребенком у себя в квартире и на церковной колокольне; жена священника отдала свой паспорт еврейке, чтобы та могла укрыться от преследования. «Мы с женой не спали всю ночь, мучаясь и безрезультатно ища способа для спасения Изабеллы Наумовны, – вспоминал Глаголев. – Какие же мы христиане, если оттолкнем несчастную, с таким упованием простирающую к нам руки и умоляющую о помощи? И вдруг жене моей пришла в голову отчаянная мысль: отдать Изабелле Наумовне свой паспорт и метрическое свидетельство о крещении и с этими русскими документами отправить ее в село к знакомым крестьянам... Жена моя чуть не поплатилась жизнью за свой отчаянный поступок. Ходившие по квартирам гестаповцы потребовали у нее паспорт и, когда его не оказалось, заявили, что отведут жену мою в гестапо как подозрительную личность. А из гестапо редко кто возвращался домой...»

Отец священника Алексея Глаголева – профессор Киевской духовной академии Александр Глаголев выступал экспертом на процессе М. Бейлиса и доказывал, что у евреев не существует ритуальных убийств.

Священник Алексей Глаголев и его жена

Когда немецкие войска вошли во Львов, митрополит униатской греко-католической церкви Андрей Шептицкий обратился с воззванием к верующим: «Мы приветствуем и благословляем немецкую армию, освободившую нас от врага». В феврале 1942 года он подписал среди прочих обращение к Гитлеру, одобряя создание «нового порядка» в Европе под управлением нацистской Германии, – в той Европе, где евреям конечно же не нашлось бы места. Осенью 1943 года Шептицкий поддержал создание украинского легиона СС «Галиция»; в кафедральном соборе Львова отслужили по этому поводу торжественную мессу, а митрополит назначил одного из своих помощников главным военным священником в этот легион. И в то же время Шептицкий и его брат архимандрит Клементий прятали по монастырям в годы оккупации более ста евреев с детьми, в том числе пятнадцать раввинов.

Во Львове укрывали евреев настоятельница монастыря Олена Витер и монахи греко-католической церкви. В Западной Украине помогали евреям католические священники, скрывая их в монастырях; монахи ордена Святой Марии в Галиции спасли около пятидесяти еврейских детей. В Пинске местный православный священник отдал свой золотой крест, когда евреев города заставили выплачивать непомерную контрибуцию. В литовском селе Видукле нацисты согнали евреев в синагогу, заперли ее, но ксендз Гилис Йонас сумел вывести оттуда тридцать детей и спрятал их в костеле. Назавтра немцы сожгли синагогу вместе с людьми, застрелили ксендза и уничтожили всех детей.

Латвия, весна 1944 года:

«Когда немцы увидели одетых в рубище, еле державшихся на ногах людей, они опустили автоматы. Им показали яму, где три года прятались евреи. Двое солдат даже заплакали.

Евреи просили отпустить их, и немцы готовы были это сделать. Кричал только полицейский Вайвод, размахивая пистолетом и угрожая пожаловаться, что отпускают «партизан»... Михля Хаги сказала ему: «Езуп, мы же выросли с тобой рядом. Отпусти нас. Зачем тебе нужны наши жизни?» В ответ Вайвод ударил ее рукояткой пистолета по голове, и она упала...

Комендант приказал евреев расстрелять, а сам уехал куда-то. Немцы... отвели их подальше в лес, сделали несколько выстрелов в воздух, дали немного хлеба, спичек и сказали, чтобы они спрятались. Евреи укрылись неподалеку в ржаном поле и через сутки услышали русскую речь...»

Лейзер Зингер:

«Вспоминаю переход по мосту из Атак в Могилев-Подольский. Мост был оцеплен немцами. По обе стороны моста у перил стояли солдаты. Они-то и выхватывали из колонны стариков, отбирали у родителей детей. К нам подошел пожилой немецкий солдат: «Дайте мне ваших детей, – сказал он, – я их переведу через мост». Мама не хотела, но отец настоял.

На другом берегу немец с детьми дождался родителей. Мама плакала. Немец сказал: «Не плачь, сестра. Немецкий народ дорого заплатит за глумление над вашим народом». И дал матери буханку хлеба, плитку шоколада, несколько галет...»

Немец Оскар Шиндлер спас от уничтожения сотни евреев, работавших на его предприятиях. В Бориславе спасал евреев директор немецкой фирмы Бертольд Байц, а в Ровенской области – предприниматель по прозвищу «Мозес из Ровно». Немец Гюнтер Кроль, начальник речного пароходства в Пинске, подготовил для Ерухима Рабинова фальшивые документы, и тот выжил. Капитан Вилли Шульц вывез из минского гетто Ильзу Штайн, которую он полюбил; с ними уехали на грузовой машине сестра Ильзы и более двадцати подпольщиков.

Австриец Антон Шмидт, унтер-офицер германской армии, помогал подпольщикам в гетто Вильнюса, перевозил их на своем грузовике в Белосток и Варшаву, прятал евреев в немецких мастерских и в своей квартире, а затем переправлял в другие города. Его арестовали в начале 1942 года и вскоре расстреляли по приговору военного трибунала. Антону Шмидту приписывают такие слова: «Умирать придется каждому. Но если я могу выбрать, как мне умереть – убийцей или спасителем, я выбираю смерть как спаситель».

Унтер-офицер
германской армии
Антон Шмидт

В Ростове-на-Дону жила врач Гаркави; ее муж, русский, не захотел расстаться с женой, и оба они погибли. Жена М. Чудновского, русская женщина, ушла вместе с мужем в Бабий Яр; там же погибла Надежда Хоменко, няня троих еврейских детей, которых она не оставила. В Вильнюсе поляк Аксен ушел в гетто с женой и детьми «и разделил их судьбу; в гетто жил также один донской казак, жена которого была еврейкой». Русский врач Жуков пришел в гетто Велижа к жене и детям и бескорыстно лечил всех, кто нуждался в медицинской помощи.

Из статьи немецкого офицера «Еврейские слуги» (газета на литовском языке): «Происходят буквально невероятные вещи. Я сам наблюдал, как элегантно одетая дама, литовка, приблизилась к рабочей колонне, приветствовала какого-то еврея, с необыкновенной сердечностью жала ему руку и вступила с ним в беседу... Евреи и еврейки из рабочих колонн заходят в квартиры литовцев, и с ними обращаются как с равными, вместо того чтобы выкидывать вон... Тем, кто вступает в сношения с евреями... следует прикреплять звезду с надписью «еврейский слуга...»

Назовем имена людей разных национальностей, спасавших евреев на оккупированных территориях СССР, – всех невозможно перечислить.

Мария Струтинская из Дрогобыча и ее сестра помогли выжить 13 евреям, среди которых было 5 детей. Юлия Щепаняк с мужем вывели из гетто Борислава 8 евреев и скрывали их в своем доме. Мария Радан из Винницы и ее мать спасли от уничтожения 15 человек. Вера Гарпенюк увезла тайком из Винницы и спрятала в деревне женщину с тремя детьми – пяти, четырех лет и годовалую Аннушку. Витольд Фуменко из Луцка сооружал тайники, снабжал евреев поддельными документами, спас 36 человек. Полина Макаренко-Головченко укрывала в Бресте 6 евреев, Юлия Юрек из Львова и Александра Догматская из Пинска прятали еврейские семьи. Муж и жена Пежицкие спасали крохотного ребенка; когда соседи донесли на них, они покинули Львов, переезжали с младенцем с места на место и после освобождения вернули ребенка его родителям. Литовская женщина Она Шимайте создала в Вильнюсе подпольную организацию помощи еврейским детям и спасению культурных ценностей (арестована, отправлена в Дахау, выжила и стала Праведником народов мира).

Евреев Галиции укрывали крестьяне-субботники, склонявшиеся к иудейской вере. Участники польской организации «Жегота» снабжали фальшивыми документами узников гетто Львова и Дрогобыча, переправляли их в другие места, размещали еврейских детей в монастырях и в семьях католиков. Крестьянин Игнаций Кистьяновский в течение шестнадцати месяцев прятал в убежище 20 беженцев из Яновского лагеря; их обнаружили и расстреляли, а после освобождения соседи подожгли дом и усадьбу Игнация за то, что он помогал евреям. Леопольд Соха из Львова, спасавший евреев, попал после войны в автомобильную катастрофу: «Когда он лежал на мостовой, истекая кровью, вокруг собралась толпа поляков; крестьясь, они повторяли: это его Бог наказал за то, что он прятал евреев».

В Виннице расстреляли Якова Мельника за укрывательство евреев. В Новомосковске – Ефросинью Бабачко за помощь узникам гетто. В Умани казнили Александра Дятлова с женой и детьми за попытку спасти 12 человек. В том же городе повесили Ольгу Свитницкую, которая – вопреки запрету – вышла замуж за еврея и прятала

его. Публично казнили Давида Зозулю из украинской деревни Большая Салтановка. В Киеве расстреляли Якова Сухенко и группу евреев, которых он укрывал. В деревне Селищево Московской области расстреляли Селивановых, мать и дочь – они прятали еврейку с ребенком; в деревне Федоровское казнили восьмидесятилетнюю Зинаиду Васильеву, а с нею и тех, кого она спасала. Ефим Русецкий из Коссово (Белоруссия) увел в лес 28 евреев – Ефима, его жену и троих детей расстреляли. В местечке Глубоком повесили Адольфа Стацевича. В тюрьме Бреста пытали, а затем расстреляли Флорию Будишевскую – она прятала в своем доме подругу и ребенка, бежавших из гетто. Плотник Ионас Паулавичус и его жена Антонина из Каунаса спасли жизнь девяти евреям и двум русским военнопленным – впоследствии Ионаса убили литовцы.

В Пинской епархии за оказание помощи евреям были расстреляны священники-поляки Тадеуш Гжесяк из Клецка, Мечислав Кубик из Несвижа, Фабиян Почобут из Лунинца и другие. Ксендза Яна Урбановича из Кобрина расстреляли вместе с евреями, ксендзов Вселюба Кучинского и Михаила Далецкого из Новогрудка убили за укрывательство еврейских детей.

В оккупированном Париже был арестован православный священник Дмитрий Клепинин, и в гестапо потребовали, чтобы он прекратил помогать евреям. В ответ отец Дмитрий показал им крест с изображением распятия: «А этого еврея вы знаете?..» Священника отправили в лагерь, где он погиб.

Монахиня мать Мария помогала парижским евреям и погибла в газовой камере лагеря Равенсбрюк. «Нет еврейского вопроса, – говорила она, – есть христианский вопрос... Если бы мы были настоящими христианами, то все бы надели (шестиконечные) звезды...» Из ее стихотворения:

Израиль, ты опять гоним, –
Но что людская воля злая,
Когда тебе в грозе Синая
Вновь отвечает Элогим?..

ЧЕРНАЯ КНИГА

הספר השחור
BLACK BOOK
שווארצע בוך

Составлена под редакцией Василия Гроссмана, Ильи Эренбурга

«Черная книга». Деятели культуры и Катастрофа

1

В последние дни 1941 года части Красной армии высадились в Крыму и временно освободили Керченский полуостров. Многие в СССР еще пребывали в неведении, не подозревая о планах поголовного уничтожения евреев, а специальная комиссия уже докладывала из Керчи в те зимние месяцы: «Ров... переполнен телами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва лужи замерзшей крови. Детские шапки, игрушки, ленты, оторванные пуговицы, перчатки, бутылки для молока и соски, детские ботинки, калоши с оторванными ногами и другие останки человеческих тел лежали рядом. Всё было забрызгано кровью и мозгом...»

У противотанкового рва под Керчью побывал и поэт Илья Сельвинский, после чего написал стихотворение «Я это видел» – о расстреле 7000 евреев:

Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам.
Вот тут дорога. А там вон – взгорье.

Меж ними
вот этак
ров.
Из этого рва подымается горе,
Горе без берегов...

В декабре 1942 года, когда немцы стояли под Сталинградом, в газете «Эйникайт» напечатали на идиш поэму Ицика Фефера «Их бин а ид!» («Я – еврей!»). Ее перевели затем на разные языки, перепечатали во многих странах:

Мне часто гибель предрекали
И много раз тащили к ней,
Но я вставал из-под развалин
Непокоренным: я еврей!..
То кровь героев-Макавеев
Бурлит, кипит в крови моей.
Со всех костров, где жгли евреев,
Звучал мой голос: я еврей!..
Я буду пахарем победы
И кузнецом судьбы своей,
И на могиле людоеда
Еще станцую! Я еврей!

А через полтора года после этого Ицик Фефер говорил с трибуны еврейского митинга в Москве: «Пепел Бабьего Яра жжет наши сердца, пламя горит в наших глазах, пепел лег на наши жгучие раны и не дает нам покоя. И мы недостойны будем ступать по земле, если не уничтожим этих людоедов штыками нашей ненависти...»

Красная армия шла на запад. Освобождала города, села, местечки. Всё более и более ясными становились чудовищные результаты Катастрофы, и Василий Гроссман напечатал в двух номерах газеты «Эйникайт» очерк в переводе на идиш под названием «Украина без евреев»: «Безмолвие. Тишина. Народ злодейски убит... Это не смерть на войне с оружием в руках, смерть людей, где-то оставивших дом, семью, поле, песни, книги, традиции, историю. Это убийство народа, убийство дома, семьи, книги, веры. Это убийство древа жизни, гибель корней, а не только веток и листьев. Это убийство души и тела народа, убийство великого трудового опыта, накопленного тысячами умных, талантливых мастеров своего дела в течение многих поколений...»

В декабре 1943 года, после второй публикации очерка «Украина без евреев», в газете «Эйникайт» объявили: «Продолжение следует». Но продолжения не последовало.

Задолго до описываемых событий, еще во время Первой мировой войны, в период еврейских погромов, Илья Эренбург сочинил колыхальную песню, в которой предрекал неизбежность будущих потерь:

Ночью приходили
И опять придут,
Дедушку убили
И тебя убьют...

В начале 1941 года – в мирное для советской страны время – Эренбург написал в предчувствии Катастрофы:

Бродят Рахили, Хаимы, Лии,
Как прокаженные, полуживые...
Горе, открылась старая рана,
Мать мою звали по имени – Хана.

А когда стали поступать сведения с освобожденных территорий, Эренбург оплакал жертвы в стихотворении «Бабий Яр»:

Мое дитя! Мои румяна!
Моя несметная родня!
Я слышу, как из каждой ямы
Вы окликаете меня.
Мы понатужимся и встанем,
Костями застучим – туда,
Где дышат хлебом и духами
Еще живые города.
Задуйте свет. Спустите флаги.
Мы к вам пришли. Не мы – овраги.

2

Из письма красноармейца З. Киселева писателю И. Эренбургу:

«С вами знакомится солдат Красной армии Киселев Залман Иоселевич, житель местечка Лиозно Витебской области. Мне идет пятый десяток годов. И жизнь моя изломана, и кровавый сапог немца растоптал мои дни...

Я родился в 1900 году в семье извозчика, счастье там было игрой, и лошадь подыхала каждый год... В 1920 году я поехал с матерью в гости в местечко Бабиновичи, и там мне понравилась девушка, моя троюродная сестра – высокая, полная и довольно красивая лицом... Я получил в приданое корову, и мы справили свадьбу, а к свадьбе я имел сорок рублей, но это нас не смущало, потому что наша любовь была ценнее всего...

Я работал днем и ночью и я был счастлив... Жена моя хорошела, и я считал себя самым счастливым на свете... Детей у нас было шесть: пять

девочек и один хлопчик. Как известно, началась война, враг напал на нашу родину. 5 июля 1941 года меня направили в армию, а жена осталась в Лиозно с детьми и с моей матерью, которой было семьдесят пять лет. 12 июля немец захватил Лиозно...

Прошу вас записать вашими словами об этой судьбе».

3

В 1942 году физик Альберт Эйнштейн и Американский комитет еврейских писателей, артистов и ученых начали сбор материалов об уничтожении нацистами еврейского населения Европы. Они предложили Еврейскому антифашистскому комитету (ЕАК) подготовить свидетельства о гибели евреев Советского Союза; начальство в Москве дало на это свое согласие, и в начале 1943 года на пленуме ЕАК уже произносили такие речи: «Мы, еврейские писатели, должны прибыть в освобожденные города. Мы должны пройти по свежим кровавым следам наших братьев и встретиться с выжившими... Прийти к тем, кто страдал, выслушать и записать их рассказы».

Была создана Литературная комиссия по подготовке «Черной книги», которую возглавляли поочередно И. Эренбург и В. Гроссман; над составлением книги работали писатели и журналисты разных национальностей – М. Алигер, П. Антокольский, Вс. Иванов, В. Инбер, В. Каверин, Л. Квитко, В. Лидин, Л. Озеров, Г. Ошерович, Л. Сейфуллина, Г. Смоляр, А. Суцкевер, Р. Фраерман, О. Черный, В. Шкловский и другие. Из воспоминаний Эренбурга: «Мы решили собрать дневники, частные письма, рассказы случайно уцелевших жертв или свидетелей того поголовного уничтожения евреев, которое гитлеровцы осуществляли на оккупированной территории... Мне присылали материалы журналисты, работавшие в армейских и дивизионных газетах... работники военной юстиции... сотни фронтовиков... Порой, когда я слушал рассказы очевидцев или читал пересланные мне письма – к сыну, сестре, друзьям, мне казалось, что я в гетто, сегодня «акция» и меня гонят к оврагу или рву...»

В. Гроссман, из выступления на заседании Литературной комиссии: «Те материалы, которые имеются у нас, это рассказы чудом спасшихся людей, но нам необходимо взять на себя еще одну задачу – говорить от имени тех, кто лежит в земле и не может ничего сказать...»

Еще шла война. Еще погибали евреи в лагерях уничтожения и в многочисленных гетто Европы. Проводилась акция по уничтожению целого

народа, равной которой не знал мир. Составители «Черной книги» работали по свежим следам Катастрофы, а потому могли лично свидетельствовать: «Не все трупы были сожжены, не все кости перемолоты – слишком много их было, и каждый, кто придет в Бабий Яр, даже теперь еще увидит осколки черепов, кости вперемешку с углями, найдет ботинок со сгнившей человеческой ступней, туфли, галоши, тряпки, платки, детские игрушки...»

Давно уже не найти зримых следов Катастрофы, но «Черная книга» сохранила ощущения тех дней, боль незарубцевавшихся ран, стон незапрятого вглубь отчаяния, которые переполняли людей, вышедших из лагерей уничтожения, выползших из общей могилы, потерявших детей и родителей. Кто способен сказать так, как говорили они тогда, по свежей боли?..

«Девочка лет четырнадцати-пятнадцати с нашей улицы припала ко мне с плачем: «Я не хочу умирать, дяденька!..»

«Откуда-то, с конца улицы, доносится голос умирающего мальчика: «Прошу вас, еще одну пулю... Я ва-а-ас прошу, еще одну пу-у-лю...»

«И вдруг в страшной ночной темноте раздались скорбные звуки предсмертной молитвы, которую запели старики...»

В 1944 году рукопись «Черной книги» уже подготовили к печати, но судьба ее оставалась неясной. В конце того года Эренбург говорил на заседании Литературной комиссии: «Мне было сказано – сделайте книгу, и если она будет хорошей, она будет напечатана. Так как авторами книги являемся не мы, а немцы, а цель книги ясна, я не понимаю, что значит «если будет хорошей», – это не тот роман, содержание которого неизвестно».

«Черную книгу» редактировали и готовили к печати в сталинское время, в условиях жесточайших ограничений. Цензоры докладывали, что в книге «излишне много рассказывается о гнусной деятельности предателей народа из украинцев, литовцев и др.», а потому из текста рукописи пришлось убрать многие факты подобного рода и затушевать участие окрестного населения в массовом уничтожении евреев. Писатели и журналисты утверждали в те годы (или вынуждены были утверждать), что нацистам помогало лишь ничтожное количество местных жителей – «моральное отребье, подонки человечества, жалкие кучки уголовников и садистов», но это не всегда соответствовало действительности. Так и напрашивается порой в «Черной книге» заменить «немец» на «полицай», «пьяный ээсовец» на «пьяный сосед», «фашист» на «местный житель», но будем следовать за текстом этой книги, создатели которой прорывались через цензурные заслоны, чтобы донести до наших дней те свидетельства.

«Мне тогда очень хотелось жить. Я завидовала собаке, кошке – они имели право на жизнь, их никто не преследовал, а я – только за то, что я еврейка, – должна умереть... Я завидовала и каждой умирающей. Я тогда поняла, какое счастье умереть естественной смертью...»

4

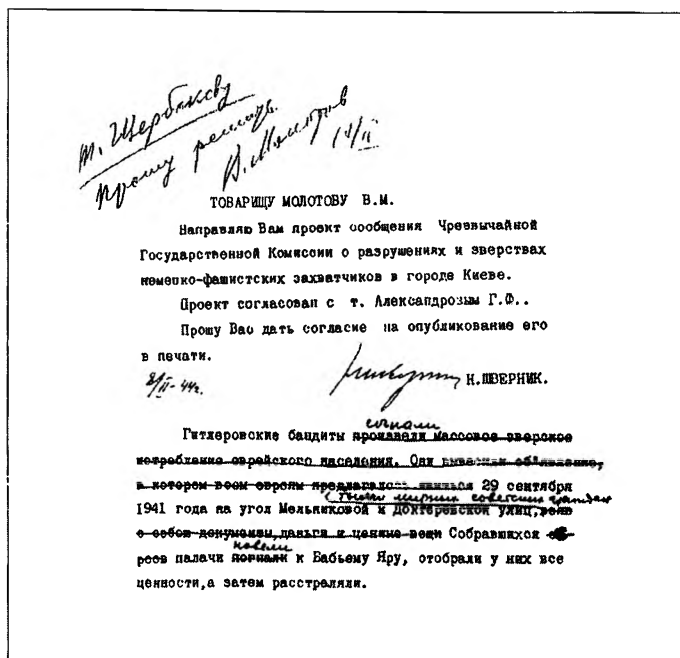
Еще раз повторим: германская пропаганда провозглашала Гитлера «освободителем» народов мира от «засилия жидо-большевиков» и постоянно утверждала, что немцы и их союзники воюют лишь с евреями и коммунистами. Чтобы лишить нацистов этого довода и провозгласить войну с Германией «священным долгом» всех народов СССР, чтобы не создавалось впечатления, будто немцы опасны лишь еврейскому населению и не опасны другим народам, советская контрпропаганда старалась не указывать на поголовную ликвидацию еврейского населения и заявляла, что оккупанты уничтожают без разбора граждан Советского Союза любой национальности.

По этой, возможно, причине в листовках и обращениях по радио из Москвы постоянно призывали местное население помогать партизанам и молодежи, которую угоняли на принудительные работы в Германию, но даже не упоминали про уничтожаемый народ, которому следовало оказывать всяческую поддержку. По этой же самой, очевидно, причине проект сообщения Чрезвычайной государственной комиссии о Бабьем Яре подвергся существенной правке. Взамен: «Гитлеровские бандиты произвели массовое зверское истребление еврейского населения...» стало: «Гитлеровские бандиты согнонали... тысячи мирных советских граждан...»; взамен: «Собравшихся евреев палачи погнагли к Бабьему Яру...» – «Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру...»

Эта политика Москвы отразилась и на цензурных правках рукописи «Черной книги», откуда убрали фрагменты, указывавшие на исключительную опасность, которая грозила еврейскому населению. Примеры такого изъятия: «Евреев морили голодом, издевались над ними. Никто не знал, что с ним будет завтра...» – «Люди устраивались в квартирах, освободившихся с изгнанием евреев...» – «В провинции всех мужчин-евреев уже истребили...» – «Я тоже мусульманин», – говорю я. «Чего врешь? – сказала соседка. – Ведь ты жид...» – «Она бродила по дорогам и случайно осталась жива. Может быть, потому, что не была похожа на еврейку...»

Издание «Черной книги» на русском языке задерживали, но в то же время Москва не возражала, чтобы на Запад отправляли

статьи в газеты об уничтожении евреев – это влияло на общественное мнение за рубежом, увеличивало политическую и финансовую поддержку Советского Союза.

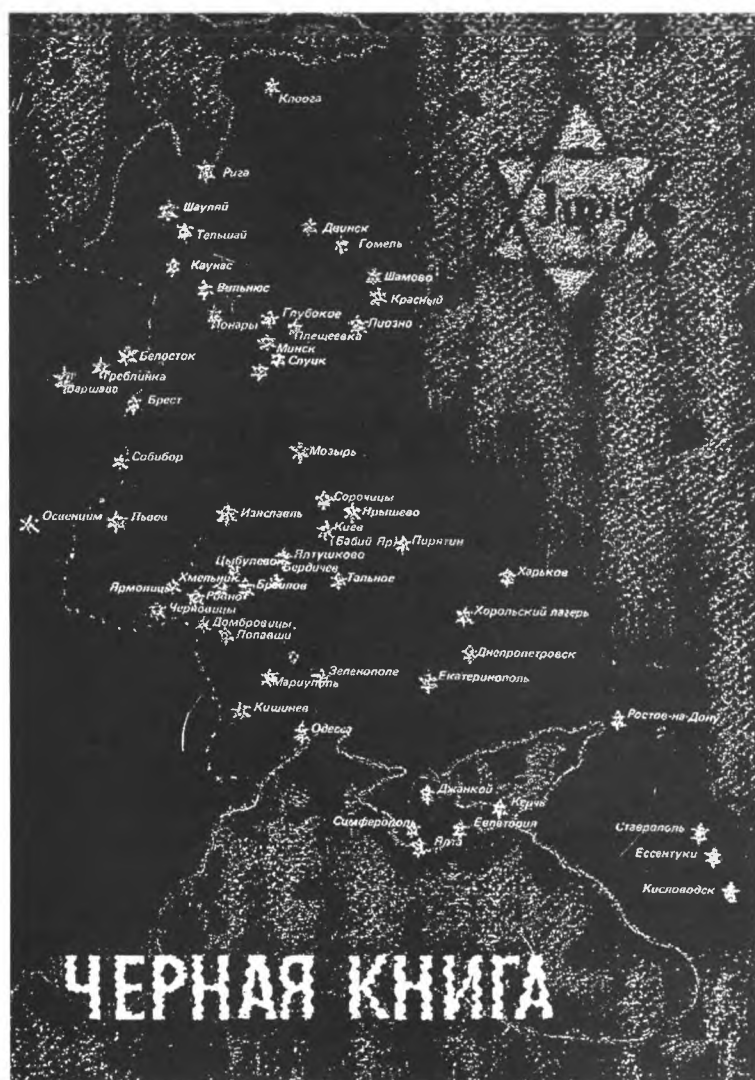
Проект сообщения
Чрезвычайной
государственной
комиссии
с внесенными
исправлениями

В 1946 году в ЦК партии решили, что «Черная книга» создает «ложное представление об истинном характере фашизма», как будто «немцы воевали против СССР только с целью уничтожения евреев»; в книге нет материалов о гибели представителей других национальностей, а потому «Управление пропаганды считает издание «Черной книги» в СССР нецелесообразным». (Несмотря на это, рукопись книги отправили во многие страны, а советский обвинитель на Нюрнбергском процессе использовал ее материалы в своих выступлениях.)

Официального запрета еще не последовало, и летом 1947 года издательство «Дер Эмес» передало верстку книги в типографию, чтобы выпустить 30 000 экземпляров. Успели отпечатать большинство страниц, однако работу внезапно прекратили, так как цензура окончательно определила – «книга содержит серьезные политические ошибки», а потому «не может быть издана». В конце 1947 года директор типографии сообщил в издательство, что «все отпечатанные листы находятся в сарае, куда проникает сырость», и предложил их забрать. Еврейский антифашистский комитет попросил разрешения допечатать недостающие главы и выпустить хотя бы «150–200 экземпляров для закрытых фондов библиотек», – разрешение не было получено, а отпечатанные

листы, портившиеся на складе от сырости, уничтожили. В 1948 году закрыли Еврейский антифашистский комитет и набор «Черной книги» рассыпали.

Эту книгу впервые издали на русском языке в Иерусалиме в 1980 году. «Черная книга» в черном переплете. И на ее обложке – слабым контуром – карта европейской части СССР, желтыми шестиконечными знаками места массового уничтожения евреев: Рига, Каунас, Вильнюс, Гомель, Минск, Брест, Львов, Киев, Харьков, Бердичев, Одесса, Ростов-на-Дону... – пятьсот пятьдесят страниц крови, страданий, ужасов, отчаяния, самопожертвования и мести. Словно вскрыли верхний слой неисчислимых захоронений, вырвались наружу стоны и крики, и они заговорили, жертвы той Катастрофы, сказали наконец то, что хотели поведать миру.

«Черная книга»
на русском языке.
Иерусалим,
1980 год

«Открылись двери вагона, одна женщина при выходе споткнулась и упала. Тогда Вайс сделал знак всем остановиться, собрал женщин и мужчин и обратился к ним с речью: «Как это могло случиться, что женщина, выходя из вагона, упала и никто ее не поддержал? Где ваша галантность?.. Ведь эта женщина, может быть, мать в будущем». Он читал нотацию в течение десяти минут, потом дал сигнал, и всех женщин, вместе с упавшей, повели на расстрел...»

Из письма двенадцатилетней девочки (Белоруссия, лето 1942 года): «Дорогой отец! Прощаюсь с тобой перед смертью. Нам очень хочется жить, но пропало – не дают! Я так боюсь этой смерти, потому что малых детей бросают живыми в могилы. Прощайте навсегда. Целую тебя крепко-крепко. Твоя Ита...»

5

В 1943 году Самуил Галкин написал на идиш:

В красной глине страшный ров,
Я имел очаг и кров...
Здесь весной сады шумели,
А зимой мели метели,
Чистый снег блестел, как соль,
Ныне здесь – лишь кровь да боль.
Словно от удара грома,
Содрогнулась кровля дома.
Настежь дверь в моем дому,
Горе дому моему!..

Дер Нистер опубликовал книгу на идиш «Корбонес» («Жертвы») – о судьбах евреев в годы войны. Перец Маркиш воспевал бойцов еврейского сопротивления:

Они пришли из швейных мастерских,
Они пришли, в руках наганы грея,
От споров бесконечных и пустых –
Народом ли являются евреи...
А в гетто расцветает деревцо,
Хотя цветенья время миновало...
Пришла весна! К ней поверни лицо.
Весна пришла – сражения начало...

Поэты и писатели призывали к борьбе, к мщению. Бабий Яр становился на века символом Катастрофы. Лев Озеров расслышал там голоса погребенных:

И ребенок сказал: – Не забудь.
И сказала мать: – Не прости.
И закрылась земная грудь.
Я стоял не в Яру – на пути.
Он к возмездию ведет – тот путь,
По которому мне идти.
Не забудь...
Не прости...

Яков Хелемский ходил по улицам рижского гетто после освобождения города, но евреев там уже не было:

Здесь жили, ненавидели, любили,
Молились Богу, прятались в подвал.
Здесь пахнет кровью и жестокой быльёю,
Здесь каждый камень в муках умирал,
Здесь каждый дом вставал Стеною плача...

Казалось бы, многие из поэтов и писателей-евреев жили до войны в ассимилированной среде, писали на русском языке, считали себя «неотделимыми от русской жизни», и на вопрос матери: «Мы евреи. Как ты смела это позабыть?» – Маргарита Алигер отвечала:

Да, я смела, – понимаешь? – смела.
Было так безоблачно вокруг.
Я об этом вспомнить не успела, –
С детства было как-то недосуг...

Но пришла война. За линией фронта наполнялись доверху гигантские могильные рвы. И когда распахнулись неисчислимые захоронения, заговорили голосами погибших, каждый еврей понял, должен был понять – это и его судьба, молодого и старого, верующего во Всевышнего и убежденного атеиста; это его убивали у каждого рва, его кидали в каждый колодец, заталкивали в «душегубку» вслед за другими, где доставался ему последний глоток воздуха, отравленного газом, и лишь по случаю он остался в живых, лишь по случаю не оказался у того рва, в те страшные дни. Единая судьба, единая скорбь развернули лицом к народу даже тех, кто позабыл про своих предков, стеснялся их, находил оправдание такому поведению, придавал этому философское обоснование, – одни повернулись на время к своим отцам-дедам, другие вернулись навсегда. «Меня связывают с евреями рвы, где гитлеровцы закапывали в землю старух и младенцев», – признавал Эренбург. «Он был ушиблен еврейской темой», – так говорили про Гроссмана, мать которого убили в Бердичеве.

Поэты и писатели обратились к Библии, к ее героям (на время это им позволили), ибо масштабы Катастрофы, ее неисчислимые жертвы требовали не бытового описания, но глубинного гнева, скорби, пафоса. В очерках, рассказах, поэмах замелькали библейские имена – Суламифь, Эсфирь,

Иосиф, Лия, Хана; вышли к читателю после долгого замалчивания исторические герои – Макавеи и Бар-Кохба. Павел Антокольский закончил стихотворение словами: «Всё мирозданье слышит: Шма, Исроэ.ль!»; и у него же, в стихотворении «Лагерь уничтожения», появляется «старуха Рахиль»:

И тогда подошла к нам, желта, как лимон,
Та старушка в три тысячи лет,
В кацавейке, в платке допотопных времен,
Еле двигавший ноги скелет...
– Извините меня. Я глуха и слепа.
Может быть, среди польских равнин,
Может быть, эти сломанные черепа –
Мой Иосиф и мой Венямин?..

И у Антокольского – в том же стихотворении – заговорили могильные рвы: «Мы мертвы. Мы в обнимку друг с другом лежим».

Сосчитайте по выбоинам на земле,
По лохмотьям истлевших одежд,
По осколкам стекла, по игрушкам в золе,
Сколько было тут светлых надежд...
Сколько хлеба и солнца украли у нас,
Сколько детских засыпали глаз,
Сколько иссиня-черных остригли волос,
Сколько девичьих рук расплелось...

Еще не закончилась та война, а Эренбургу удалось, быть может, высказать то, о чем думали многие еврейские поэты и писатели, но опасались произнести вслух – о трагическом одиночестве евреев посреди народов в страшные годы Катастрофы:

В это гетто люди не придут.
Люди были где-то. Ямы тут.
Где-то и теперь несутся дни.
Ты не жди ответа – мы одни,
Потому что у тебя беда,
Потому что на тебе звезда,
Потому что твой отец другой,
Потому что у других покой.

6

В сентябре 1944 года Василий Гроссман побывал в Польше, в лагере смерти Трешлинка, где эсэсовцы уничтожили сотни тысяч евреев. Через два месяца после этого в московском журнале «Знамя» опубликовали очерк Гроссмана для «Черной книги» под названием «Трешлинский ад»:

«Тихо. Едва шевелятся вершины сосен, стоящих вдоль железной дороги. Вот на эти сосны, на этот песок, на этот старый пень смотрели миллионы человеческих глаз из медленно подплывавших к перрону вагонов. Тихо шуршат пепел и дробленый шлак по черной дороге, по-немецки аккуратно обложенной окрашенными в белый цвет камнями. Мы входим в лагерь, идем по треблинской земле. Стручки люпина лопаются от малейшего прикосновения, лопаются сами, с легким звоном, миллионы горошинок сыплются на землю. Звук падающих горошин, звук раскрывающихся стручков сливаются в сплошную печальную и тихую мелодию. Кажется, из самой глубины земли доносится погребальный звон маленьких колоколов, едва слышный, печальный, широкий, спокойный. А земля колеблется под ногами, пухлая, жирная, словно обильно политая льняным маслом, бездонная земля Треблинки, зыбкая, как морская пучина. Этот пустырь, огороженный проволокой, поглотил в себя больше человеческих жизней, чем все океаны и моря земного шара за всё время существования людского рода.

Земля извергает из себя дробленые косточки, зубы, вещи, бумаги – она не хочет хранить тайны.

И вещи лезут из лопнувшей земли, из незаживающих ран ее. Вот они – полуистлевшие сорочки убитых, брюки, туфли, позеленевшие портсигары, колесики ручных часов, перочинные ножики, бритвенные кисти, подсвечники, детские туфельки с красными помпонами, полотенца с украинской вышивкой, кружевное белье, ножницы, наперстки, корсеты, бандажи. А дальше из трещин земли лезут на поверхность груды посуды: сковородки, алюминиевые кружки, чашки, кастрюли, кастрюльки, горшочки, бидоны, судки, детские чашечки из пластмассы. А дальше из бездонной вспученной земли, точно чья-то рука выталкивает на свет захороненное немцами, выходят на поверхность полуистлевшие советские паспорта, записные книжки на болгарском языке, фотографии детей из Варшавы и Вены, детские, писанные каракулями письма, книжечка стихов, написанная на желтом листочке молитва, продуктовые карточки из Германии... И всюду сотни флаконов и крошечных граненых бутылочек из-под духов – зеленых, розовых, синих... Над всем этим стоит ужасный запах тления, его не могли победить ни огонь, ни солнце, ни дожди, ни снег, ни ветер. И сотни маленьких лесных мух ползают по полуистлевшим вещам, бумагам, фотографиям.

Мы идем всё дальше по бездонной колеблющейся треблинской земле и вдруг останавливаемся. Желтые, горящие медью волнистые густые волосы, тонкие, легкие, прелестные волосы девушки, затоптанные в землю, и рядом такие же светлые локоны, и дальше черные тяжелые косы на светлом песке. А дальше – еще и еще. Это, видимо, содержимое одного, только одного лишь, не вывезенного, забытого мешка волос. Всё

это правда! Дикая, последняя надежда, что это сон, рушится. А стручки люпина звенят, звенят, стучат горошины, точно и на самом деле из-под земли доносится погребальный звон бесчисленных маленьких колоколен. И кажется, сердце сейчас остановится, сжатое такой печалью, таким горем, такой тоской, каких не дано перенести человеку...»

В январе–феврале 1944 года отрывки из «Черной книги» под названием «Народоубийцы» были напечатаны в московском журнале «Знамя» со вступительной статьей И. Эренбурга. Материалы из «Черной книги» вышли и двумя сборниками на языке идиш в Москве, в 1944–1945 годах (под названием «Мердер фун фелкер» – «Народоубийцы»). В начале 1946 года рукопись «Черной книги», отредактированную по указаниям цензоров, разослали в США, Англию, Австралию, Францию, Италию, Мексику, Венгрию, Болгарию, Румынию, Чехословакию, Польшу. В 1946 году первую часть «Черной книги» напечатали в Бухаресте на румынском языке; в том же году фрагменты из нее вошли в «Black Book», изданную в Нью-Йорке на английском языке.

В предисловии к «Black Book» А. Эйнштейн писал: «Бедствия последних лет привели к тому, что в процентном отношении ни один народ не понес таких потерь, как евреи. Поэтому в новом устройстве мира еврейскому народу должно быть уделено особое внимание... Необходимо требовать, чтобы Палестина с ее экономическими возможностями была открыта для еврейской иммиграции». Предисловие Эйнштейна не понравилось в Москве; из Еврейского антифашистского комитета – явно под диктовку начальства – сообщили в США: «Считаем эти высказывания об истории и будущем нашего народа излишними». Проккоммунистические издатели в Америке учли замечание, и предисловие знаменитого ученого в «Black Book» не попало.

В 1946 году рукопись «Черной книги» переслали из Москвы в подмандатную Палестину; в 1965 году ее передали в мемориальный центр Яд ва-Шем – без утерянной части об уничтожении евреев Литвы. Работы по восстановлению рукописи заняли продолжительное время, и в 1980 году книга увидела свет в Иерусалиме на русском языке; затем ее переиздали на языке идиш. В 1993 году «Черную книгу» отпечатали на русском языке в Вильнюсе, включив материалы по уничтожению евреев Литвы. В том же году вышла

«Неизвестная “Черная книга”» – документы из архива, не попавшие (или не попавшие полностью) в предыдущие издания.

Меир Елин, писатель: «Еврейский антифашистский комитет в Москве заказал у меня в 1945 году работу о фортах смерти вокруг Каунаса... Писал я на идиш. В Москве очень плохо перевели и к тому же очень сократили и «отредактировали» по тогдашним сталинским принципам. Не позволили отметить кого-либо отдельно, исходя из того, что если кто-то станет «некошерным» политически, это может привести к изъятию книги из библиотек».

В 1952 году деятелям еврейской культуры припомнили участие в работе над «Черной книгой»; их обвинили в «еврейском буржуазном национализме» и многих уничтожили.

Рохл Брехес, прозаик на идиш – погибла в минском гетто. Михаил Бурштин, прозаик, узник гетто Каунаса – погиб в Дахау. Макс Кюсс, композитор, автор знаменитого вальса «Амурские волны» – убит в Одессе. Писатель Бруно Шульц – застрелен эсэсовцем на улице Дрогобыча в конце 1942 года.

Поэт Пауль Целан был отправлен из Буковины в Транснистрию, заключен в трудовой лагерь, работал на строительстве дорог, выжил; его отец и мать погибли в концлагере.

Русский поэт Алексей Сурков написал в 1942 году стихотворение «Не плачь, Рахиль!»: «Опять земля еврейской кровью На сотни верст обагрена...» Узбекский поэт Гафур Гулям создал в начале войны стихотворение «Я – еврей». В 1944 году украинский поэт Максим Рыльский написал стихотворение «Еврейскому народу», которое опубликовали в переводе на русский язык. Поэт Микола Бажан был в составе комиссии, расследовавшей преступления нацистов в Бабьем Яре, и стихотворение «Яр» закончил такими словами: «Будь проклят той, хто зважиться забути! Будь проклят той, хто скаже нам – прости!»

Часть четырнадцатая

Итоги Катастрофы. Судьбы страшного времени

Очерк шестьдесят пятый

Освобождение. Жертвы Катастрофы

1

Михаил Розенберг: «Мне было десять лет... Во время своих скитаний я заболел, была запущенная чесотка, люди шарахались от меня – худой, страшный. Брезговали даже подать воды. Так я скитался два года – больной, холодный, голодный, пока наши места не освободила Красная армия. В 1943 году я попал на фронт, стал сыном полка и был на фронте до 1945 года...»

Михаил Индикт: «Я прожил в яме под полом два с половиной года. Последние месяцы мои нервы не выдерживали. Много раз жена предлагала мне, чтобы вместе отравиться, но я ее отговаривал...» **Надежда Индикт, русская:** «Я говорила мужу: «Давай умрем спокойно. Я не могу жить и видеть это». Муж отвечал, что мы всё переживем и будем жить с нашими... В последние дни он начал заговариваться, твердил только одно слово, пока не терял сознания: «Переживем, переживем...» Мы пережили и дождались прихода наших войск...»

Клара Арончик: «Всюду, куда бы мы ни приходили, на нас сбегались посмотреть, на еврейских девушек, оставшихся в живых... Советский офицер... обнял нас, заплакал, начал целовать. Его фамилия была Левшин. Всю его семью уничтожили под Минском...»

Наум Эпельфельд: «На выходе из оврага нас остановил окрик часового: «Стой, кто идет?..» Я обнимал, целовал солдатскую, пахнущую дымом и потом шинель, слезы текли ручьем из глаз, говорить я не мог; испуганный солдат пытался оторвать меня от себя, освободиться от ошалелого паренька. Ему это удалось с большим трудом. А дальше сплошное, ни с чем не сравнимое чувство абсолютного счастья...»

2

К концу 1944 года немецкие войска отступили с оккупированных территорий Советского Союза; подошло время подсчитывать жертвы той Катастрофы, но исследователи сразу же столкнулись с неразрешимой проблемой: как определить с абсолютной точностью количество погибших евреев?

Недостаточно собрать донесения немецких карательных отрядов, которые не всегда проводили подсчет уничтоженных, а потому записывали в отчетах приблизительные цифры. Недостаточно использовать заключения Чрезвычайных государственных комиссий, которые сообщали об убийстве «советских граждан» и часто не указывали национальность погибших. Да и как сосчитать тех, кого убивали на улицах гетто, кто умирал от голода и болезней, погибал при перевозках в железнодорожных составах, чтобы быть выброшенным из вагона на безымянных станциях или полустанках? Как подсчитать тех, которые замерзали в полях и лесах, были застрелены при облавах, брошены в колодцы, сожжены в бараках, утоплены в морях и реках, засыпаны во рвах несчитанным множеством, а потому не попали в списки неисчислимых жертв?..

По очень приблизительным подсчетам, погибло за годы Катастрофы на оккупированных территориях не менее 2 миллионов 700 000 евреев Советского Союза (в границах 1941 года). На Украине уничтожили примерно 1,5 миллиона евреев – более 60% еврейского населения, находившегося там к первому дню войны, в Белоруссии – 800 000, до 80% еврейского населения, в Литве – 220 000, 95% довоенного количества, в РСФСР – до 170 000, в Латвии – около 75 000 евреев. Уцелела часть евреев в Черновцах и в гетто Транснистрии, уцелели евреи в партизанских отрядах и семейных лагерях, скрывавшиеся по поддельным документам, прятаящиеся у местных жителей, а также те немногие, которым удалось выжить в рабочих лагерях и лагерях уничтожения.

Историки подсчитали, что на захваченных территориях СССР погибло не менее 13,7 миллионов советских граждан разных национальностей. Из них преднамеренно истребленных – 7,4 миллиона, умерших на

принудительных работах в Германии – 2,2 миллиона, погибших от жестоких условий оккупационного режима – 4,1 миллиона. Среди преднамеренно истребленных евреев составили более 35%, среди общего количества жертв в годы оккупации – около 20%.

С 1941 по 1945 год народы СССР потеряли на фронте, в оккупации и в тылу 26,6 миллиона человек; евреи составили среди них более 10% общих людских потерь (насчитывая перед войной 2,5% населения СССР).

Георг Фридман (гетто Риги):

«Для более глубокого понимания каждый на время должен как бы выйти из своего настоящего «я». Он должен вообразить, что именно он сам, его мать, его отец, сын, дочь, муж, жена сейчас, именно в эту минуту, идут в колонне в свой смертный путь; их бьют, выволакивают, пристреливают; раздетых на морозе подгоняют к массовой могиле, и они видят душераздирающие сцены. Слышат стоны и крики умирающих. Потом ты сам, читатель, и твои близкие... падаете в яму на массу уже пораженных колышавшихся тел. Твои предсмертные стоны и крики смешиваются с криками других, твоя кровь перемешивается с другой кровью. Ты или родной тебе человек еще в сознании, но на вас падают всё новые и новые тела. Не могу продолжать – продолжи сам!

Вот тогда-то каждый приблизительно поймет, что скрывается за сухими словами «истребление рижского гетто» в частности и «истребление европейских евреев» вообще... И глубоко-глубоко в подсознании меня не покидает смутное, непостижимое умом чувство вины оттого, что я жив, а они давно мертвы...»

Корсунь: «Погибли целые семьи: Аткач, Базилевские, Богуславские, Вода, Гринберги, Гольдберги, Друзи, Когосовы, Козловы, Литвинские, Лещинские, Магицкие, Мельниковы, Москаленские, Островские, Почтаревы, Слезовы, Спиваки, Резниковы, Рувинские, Петрушанские, Табачниковы, Фельдманы, Хинчины, Чудновские...»

Бар: «Самуил Гольдман, 77 лет. Злата Гольцман, 97 лет. Песя Гринштейн, 74 года. Туба Губерман, 89 лет. Хаим Котляр, 82 года. Эстер Трактман, 92 года. Бася Тифенберг, 78 лет...»

Местечко Романов: «Шестимесячная Люся Литвак, ее ровесница Броня Розенблюм, трехмесячный Симха Шамис, двухмесячный Миша Гольдман, одномесячная Рая Аксень, восьмидневная Дора Пех...»

«Кузнецы, переплетчики, ткачи, бондари, портные, сапожники, меховщики, часовые мастера, шорники, пекари, извозчики, столяры, шапочники, грузчики, фотографы, механики, электротехники, маляры, воспитательницы детских садов, рыбаки, кожевники, мясники, жестянщики,

каменщики, садовники, модистки, слесари, литейщики, парикмахеры, продавцы, кассиры, токари, печники, наборщики в типографии... Полеводы, зоотехники, агрономы, механизаторы, животноводы, пчеловоды... Раввины, канторы, врачи, аптекари, акушерки, зубные техники, санитарки, учителя, бухгалтеры, инженеры, ученые, журналисты, писатели и поэты...»

«У каждого был свой путь к яме...»

3

«Над нашими головами полетели снаряды советской артиллерии, и мы аплодировали им...» – «Когда наступило освобождение, я был уже не в силах двигаться. Опухший от голода, я даже не мог разговаривать. Бойцы Красной армии покормили меня, вызвали врача и так спасли мне жизнь...»

Маша Рольникайте (из узников концлагеря Штутгоф):

«Нас впускают в сарай... Прямо на земле, в смеси отрубей, сена и навоза лежат умирающие и умершие. Им уже всё равно...»

Почему такой шум? Почему все плачут? Куда они бегут? Ведь растопчут меня! Помогите встать, не оставляйте одну!

Никто не обращает на меня внимания. Хватаясь за голову, протягивая вперед руки, женщины бегут, что-то крича. Спотыкаются об умерших, падают, но тут же встают и бегут из сарая. А я не могу встать.

Вот одна умерла. Сейчас и я умру, если меня не поднимут.

За сараем слышны мужские голоса. Красноармейцы?! Неужели они?! Я хочу туда! К ним! Как встать?..

На шапке блестит красная звездочка. Как давно я ее не видела!...»

Местечко Зиньков, Украина. Несколько евреев прятались в фосфоритных шахтах до прихода Красной армии. Рассказывали: после освобождения некий офицер-еврей долго звал их на идиш у входа в шахту, но они боялись и не выходили наружу.

Бася Пикман из Мозыря:

«Я видела гетто в Орше. Оно было еще страшнее минского. Замерзающие старухи копошились среди трупов. Девушки в кровоподтеках, распухшие от голода, спрашивали: «Когда за нами придут?» – смерть казалась им избавлением...»

Я видела лагерь в Смоленске. Тени людей должны были закапывать умерших – по триста-четыреста трупов в день. В городе Починке меня

арестовали. Меня пытали, желая узнать, не еврейка ли я. Я молчала. Меня стегали плетью, выбили мне зубы.

В Починке я видела, как вешали русских. Я видела немцев, которые грабили, убивали и смеялись над горем. Я шла на восток, голодная, раззутая. Я собирала в поле колосья, я нищенствовала. Немецкая машина переехала меня, сломала мне ногу, я заболела сыпняком и просила врача, чтобы он меня не лечил... И вот я увидела чудо: красную звезду на шапке красноармейца...»

4

Немецкие войска отступили с территории СССР, однако евреи Советского Союза продолжали погибать в лагерях уничтожения на территории Польши, Австрии, Германии до последних дней той войны.

Бухенвальд в Германии – основан в 1937 году. Лагерь располагался возле старинного города Веймара, и ему присвоили поэтическое название, означавшее в переводе «Буковый лес». В центре Бухенвальда возвышался гигантский трехсотлетний бук; под ним, по преданию, любил отдыхать Гете, гордость немецкого народа, – рядом с этим деревом соорудили виселицу, на которой казнили заключенных. Через Бухенвальд прошло 240 000 человек, погибло 57 000 евреев и советских военнопленных; на воротах лагеря узников встречала надпись: «Каждому свое».

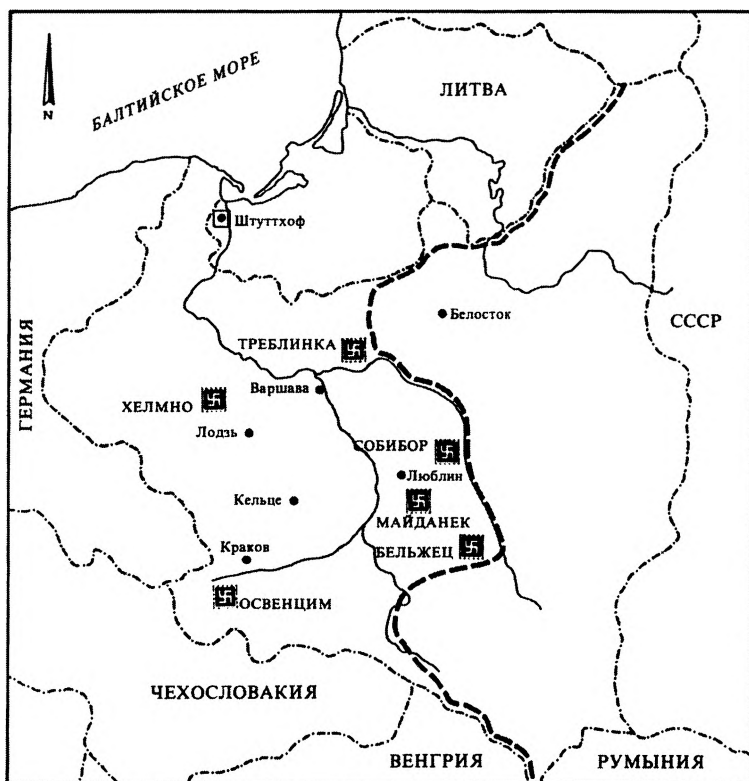
Майданек – создан в Польше, возле города Люблина, осенью 1941 года. Среди первых там уничтожили 2000 советских военнопленных, а затем стали прибывать поезда с евреями Польши, Словакии и других стран Европы. В Майданек свозили также поляков и советских граждан; по подсчетам исследователей, в лагере погибло от невыносимых условий существования и в газовых камерах не менее 350 000 евреев и представителей других национальностей. За один лишь день, 3 ноября 1943 года, в Майданеке убили 18 400 евреев – под громкую бравурную музыку, которая звучала из репродукторов.

К лету 1942 года заработали на полную мощность лагеря смерти Белжец, Собибор и Трешлинка на востоке Польши. Каждый лагерь обслуживали десятки эсэсовцев, занимавшихся до этого ликвидацией «неполноценных» немцев; помогали им украинцы-военнопленные, которые прошли предварительную подготовку в тренировочном центре СС в Травниках, возле Люблина. В Белжеце, Собиборе и Трешлинке уничтожено около 1,7 миллиона человек, а потому эсэсовцы называли их «исправно работавшими конвейерами смерти». У обреченных забирали одежду, деньги и вещи, вырывали золотые коронки, у женщин срезали волосы для изготовления матрацев – всё это сортировали и отправляли в Германию.

В Белжеце действовали сначала три газовые камеры, которые не могли вместить возрастающего количества заключенных, – тогда построили новые камеры, большего размера. В этом лагере было уничтожено около 600 000 евреев и тысячи цыган.

В августе 1942 года в Белжец прибыл железнодорожный состав – в нем было 6700 евреев. 1450 из них погибли в пути.

«Поезда отходили ночью. У людей отнимали всю одежду. Многие в пути выламывали доски вагона и выскакивали из поезда. Голые, они бежали по полям. Немецкая охрана, находившаяся обычно в последнем вагоне, стреляла в них залпами. Железнодорожное полотно от Львова, через Бруховицы-Жулкень до Равы Русской покрыто было трупами евреев... В пятнадцати километрах от Равы Русской и Белжеца евреев выводили из вагонов...»

Лагеря
уничтожения
в Польше

Собибор – лагерь в Польше неподалеку от Люблина. Первые партии евреев были убиты там в мае 1942 года, а затем лагерь работал без остановки до октября следующего года. Очередной железнодорожный состав подходил к станции; люди выходили на перрон, у них забирали

ценные вещи и весь багаж, после чего приказывали раздеться, загоняли в камеры и пускали выхлопной газ от работавшего танкового мотора. В течение полутора лет в Собиборе уничтожили примерно 250 000 евреев из разных стран Европы, а также поляков, цыган и советских военнопленных.

На мемориальной доске, установленной в Собиборе после войны, поместили библейские слова: «Земля, не закрой моей крови!»

Треблинка – лагерь северо-восточнее Варшавы. Первый транспорт с обреченными прибыл в Треблинку 23 июля 1942 года; из него выгрузили 7300 евреев из гетто Варшавы, которых немедленно уничтожили в камерах выхлопными газами от танкового мотора. По еврейскому летоисчислению, это был девятый день месяца ав, день поста, молитв и траура по разрушенным Иерусалимским Храмам. Назавтра прибыл второй транспорт – 7400 человек, а затем поступали практически ежедневно, транспорт за транспортом – 10 085, 10 672, 13 596 евреев. В Треблинке могли уничтожить за день до 15 000 человек, но тогда – по признанию эсэсовца – «приходилось работать до полуночи». Из показаний узника Треблинки: «Вся процедура – раздевание и путь в газовую камеру – продолжалась для мужчин 8–10 минут, для женщин 15 минут... потому что до газовой камеры им еще стригли волосы».

Дорогу к газовым камерам Треблинки эсэсовцы называли Гиммлерштрассе. По пути людей били, кололи ножами, чтобы быстрее бежали; летом слышались крики и плач на пути к камерам, зимой люди не плакали: голые, при двадцатиградусном морозе, они бежали к зданию, чтобы укрыться от холода. Когда камера наполнялась, запирали двери, люди кричали внутри: «Папа! Мама! Шма, Израэль!..» – родители звали своих детей. Минут на двадцать включали гигантский мотор, который гнал в камеру газ, затем мотор отключали и ждали еще четверть часа; наконец поступала команда: «Открыть двери!» Однажды, когда выносили тела, из газовой камеры вышла девочка лет двенадцати. Она стояла посреди трупов и говорила: «Хочу к маме...» Ее отвели к ямам и там застрелили.

Василий Гроссман, из очерка «Треблинский ад»: «Ни одному человеку не разрешалось приблизиться к этому лагерю. Стрельба по случайным прохожим открывалась без предупреждения за один километр. Самолетам германской авиации запрещалось летать над этим районом. Жертвы, подвозимые эшелонами... до последней минуты не знали о ждущей их судьбе... Экскаваторы работали, урчали, рыли день и ночь огромные, на сотни метров длины и темной, многометровой глубины рвы. И рвы стояли незасыпанные. Ждали. Недолго ждали...»

За годы существования Треблинки было уничтожено около 800 000 человек, подавляющее большинство которых составили евреи; в этом лагере убили также несколько тысяч цыган. Крематориев не было, а потому трупы укладывали рядами на железные колосники и сжигали под открытым небом. Из штаба СС в Берлине прислали поздравительное письмо коменданту Треблинки (август 1942 года): «С большой радостью узнал из вашего сообщения, что в течение четырнадцати дней ежедневно привозили в Треблинку по 5000 представителей избранного народа».

Яков Верник (Треблинка): «Маленькие дети, совершенно голые и разутые, простаивали на морозе по многу часов в ожидании очереди в переполненные газовые камеры. Обмороженные ступни примерзали к ледяной земле. Многие плакали. Некоторые замерзали насмерть...»

В Терезине (Терезиенштадте) в Чехии немцы создали «показательное» гетто для евреев из стран Центральной и Западной Европы. Там были больницы, дома для престарелых, школы для детей, в театрах ставили спектакли, музыканты выступали на концертах, работала библиотека и всевозможные кружки; в Терезине даже ввели в обращение местные почтовые марки и денежные ассигнации, на которых был изображен Моисей со скрижалями Завета. В июле 1944 года в Терезин пригласили комиссию Международного Красного Креста, чтобы «опровергнуть» слухи о массовом уничтожении еврейского населения Европы. К приезду комиссии отправили в Освенцим тысячи обитателей гетто для ликвидации невероятной скученности, открыли магазины и кафе, повсюду высадили цветы, отрепетировали с узниками их ответы на возможные вопросы; члены комиссии сфотографировали чистеньких приветливых детей, которые улыбались в объектив, и признали обращение с евреями гуманным. Визит комиссии запечатлели на пленку, а затем показывали пропагандистский фильм «Новая жизнь евреев под защитой Третьего рейха».

Через гетто Терезина прошло примерно 140 000 евреев, из них около 90 000 отправили в лагеря уничтожения, более 30 000 умерли в гетто от эпидемий. Советские войска освободили Терезин в мае 1945 года; врач Красной армии вспоминала: «Тот день, когда я впервые оказалась в Терезине, до сих пор кажется мне самым страшным в моей жизни... Люди буквально выползали из казарм. Истощенные. Страшные. Подростки передвигались на четвереньках, старики обхватывали колеса наших машин, целовали их... Это был ужас! Еще долгое время казалось: никогда больше не улыбнусь...»

В Терезине побывало 15 000 детей и подростков до шестнадцати лет, в живых осталось не более ста. Из письма Томаша Елинека (погиб, когда ему было одиннадцать лет): «Я здоров и молод. У меня впереди будущее...»

5

Рядом со знаменитыми лагерями, «прославившимися» огромным количеством жертв, существовали и более «скромные»: Берген-Бельзен, Заксенхаузен, Шлоссенбург, Флоссенбург, Гузен, Гросс-Розен, женский лагерь Равенсбрюк, Моринген, Нидерхаген, Натцвейлер, Гинцер, Нейенгамме, Ораниенбург, Маутхаузен в Австрии, Кайзервальд и Саласпилс в Латвии, Клооге и Вайвара в Эстонии, Хелмно и Штутгоф в Польше, Малый Тростянец в Белоруссии... – в сотнях больших и малых лагерей убивали пулей, петлей, голодом, непосильной работой.

Не забывали при этом и про удобства персонала, обслуживавшего лагерь. Высаживали кустарники возле домов эсэсовцев, разбивали клумбы с цветами, следили за чистотой и порядком; для заполнения их досуга создавали на территории концлагерей оркестры из заключенных, сооружали кинотеатры, зоопарки, кафе, казино и бассейны; собирали охранников за накрытыми столами, чтобы отметить юбилейную дату, повышение в чине или рождественский праздник неподалеку от газовых камер, – в Освенциме существовал даже публичный дом.

Из воспоминаний заключенного: «В Освенциме не было возможности дождаться не только следующего дня, но и следующего часа. Смерть стерегла каждого ежеминутно...»

Освенцим (Аушвиц) юго-западнее Кракова – создан в 1940 году. Самый большой концентрационный лагерь, на воротах которого поместили надпись: «Arbeit macht frei» («Труд делает свободным»). Освенцим поставлял заключенных в десятки подчиненных ему рабочих лагерей; их обитатели работали до двенадцати часов в сутки, получали в день кусок хлеба и миску жидкого супа; когда они не могли уже выполнять работу, их уничтожали и присылали взамен новых работников из очередного транспорта.

Труд заключенных был чрезвычайно выгоден – бесплатная рабочая сила, которую использовали на заводах крупнейшие немецкие фирмы Крупп, Тиссен, Флик, Сименс-Шуккерт, И. Г. Фарбениндустри и многие другие, производившие военную технику. Фирмы вносили в кассу СС заранее оговоренную оплату за каждого подневольного работника,

что приводило к самокупаемости концентрационных лагерей; за счет узников не только содержали места их заключения, но также платили зарплату многочисленным охранникам, строили газовые камеры и крематории, закупали газ «Циклон-Б».

Освенцим не мог справиться со всё возрастающим количеством заключенных, большая часть которых подлежала уничтожению, а потому неподалеку выстроили Биркенау – Освенцим 2 (а следом за ним и Освенцим 3). Это был гигантский, хорошо отлаженный конвейер смерти с огромными газовыми камерами; в Биркенау можно было одновременно умертвить за день до 12 000 человек – тела сжигали в крематориях и на кострах.

Из стихотворения неизвестного подростка в Освенциме:

Воронье наши трупы сгложет?
Уничтожат ли нас дотла?
В какую могилу меня положат?
Я хочу лишь свободы, Боже,
И немного тепла...

Галина Биренбаум: «Отец был в полувменяемом состоянии, мать, как всегда, спокойна. Она даже улыбнулась мне и прошептала на ухо: «Не бойся... Мы умрем вместе, так что не пугайся, это не так уж страшно...»

В мае–июле 1944 года в Освенцим отправили из Венгрии более 400 000 евреев; среди них был и будущий лауреат Нобелевской премии писатель Эли Визель: «Вдруг наши двери открылись. Какие-то странные типы, одетые в полосатые рубахи и черные штаны... ворвались в вагон. Они начали колотить направо и налево с криком: «Всем выйти! Вон из вагона! Быстро!» Мы выскочили... Перед нами пылал огонь. В возду-

Венгерские евреи
в Освенциме

хе носился смрад горящей плоти. Время, должно быть, близилось к полуночи. Мы прибыли в Биркенау, приемный центр Освенцима...»

Мордехай Цирульницкий – об уничтожении венгерских евреев: «Газовые камеры пропускали тогда ежедневно по 20–26 тысяч человек. Крематории были не в состоянии справиться с таким количеством трупов, и вокруг лагеря день и ночь пылали костры. Казалось, что всё вокруг охвачено пламенем, отовсюду доносился запах горелого человеческого тела... Мы вдыхали этот запах, этот дым – он душил, сводил нас с ума...»

Последних евреев привезли в Освенцим из Берлина 5 января 1945 года. 18 января эсэсовцы погнали тысячи заключенных в Германию: это был марш смерти, в результате которого многие остались лежать на дороге, застреленные охранниками. 27 января части Красной армии освободили Освенцим – в живых насчитали сотни обессиленных, изможденных узников. Исследователи полагают, что в Освенциме было уничтожено не менее 1,2 миллиона человек, среди них более 1 миллиона евреев, а также десятки тысяч поляков, цыган, советских военнопленных, людей разных национальностей.

Тринадцатилетняя Эва Хейман, Венгрия (из дневника): «Боже, ведь это так, не правда ли? Ведь Ты случайно не обратил внимания, когда убивали Марту, но теперь Ты охраняешь нас?...» – «Дорогой дневник, я никогда так не боялась... Я не хочу умирать, потому что еще почти не жила!..» Эва погибла в Освенциме.

Врачи под руководством Й. Менгеле проводили эксперименты над узниками Освенцима; подобные опыты производили также в Бухенвальде, Равенсбрюке и в других лагерях. эсэсовцы в белых халатах удаляли у детей лимфатические узлы и вводили им в легкие возбудителей туберкулеза. Кастрировали мужчин и облучали женские половые органы рентгеновскими лучами. По заказу Гимmlера вырабатывали способы массовой стерилизации женщин для будущего «обезлюдивания» покоренных территорий. Обследовали внутренние органы близнецов, изыскивая пути увеличения рождаемости у немецких женщин. Помещали обреченных в камеры с пониженным давлением для определения условий выживания летчиков на больших высотах. Определяли, сколько времени здоровый человек может прожить в ледяной воде. Заражали заключенных желтой лихорадкой, оспой, тифом, холерой, дифтеритом и изучали воздействие этих болезней на организмы без предохранительных прививок. Проводили опыты по пересадке костей, по заражению открытых ран бациллами газовой гангрены и столбняка. Наносили фосфорные ожоги на тела и изыскивали способы их лечения. Для обучения будущих врачей СС оперировали здоровых людей, порой без наркоза,

делая их калеками. Медицинские опыты проводили на заключенных разных национальностей, которых затем немедленно уничтожали, – на допросе после войны один из врачей сказал, что для него «не было принципиальной разницы между евреями и животными».

Шарлотта Дельбо, французская писательница (в прошлом – узник Освенцима): «Можно представить себе самое худшее, но как представить непредставимое?..»

6

О сопротивлении узников в лагерях уничтожения известно очень мало: почти все они погибли, и память о них не сохранилась. 22 октября 1942 года в Заксенхаузе группа заключенных бросилась на охранников возле газовых камер – их всех уничтожили. 2 августа 1943 года произошло восстание в Трешлинке. Заключенные вынесли тайком из оружейного склада гранаты и винтовки, подожгли лагерные постройки и кинулись на прорыв заграждений, убивая охранников на своем пути. Почти все восставшие погибли, сумели спастись несколько десятков, но с этого момента Трешлинка перестала существовать: эсэсовцы взорвали газовые камеры, уничтожили печи, разобрали даже подъездные железнодорожные пути, а территорию лагеря перепахали.

Следующее крупное восстание произошло в Собиборе. Восстали евреи-заключенные, которых возглавлял Александр Печерский.

Печерский попал в плен под Вязьмой в 1941 году. Бежал, был пойман, отправлен в трудовой лагерь в Белоруссии; там обнаружили, что он еврей, перевели в Минский рабочий лагерь СС, а оттуда в Собибор.

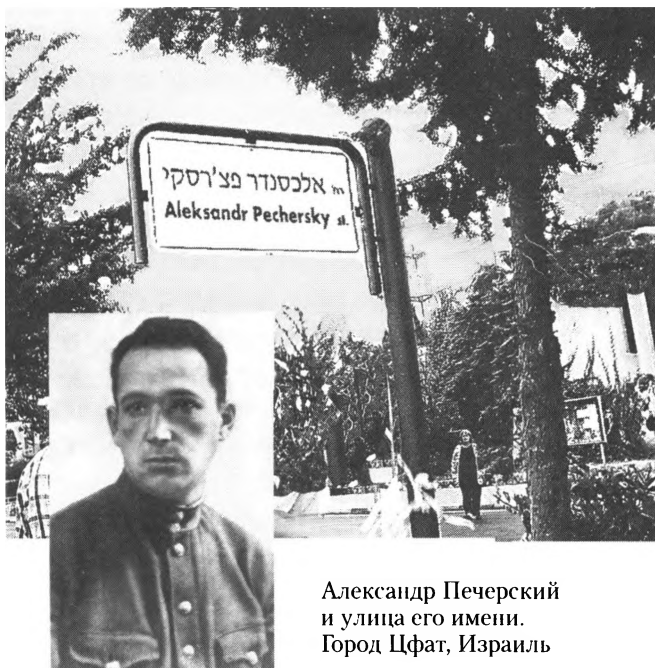
Из воспоминаний Печерского:

«В лагерь смерти Собибор (Польша) я прибыл из Минска в сентябре 1943 года, в эшелоне нас было 2000 человек. Четверо суток мы были в пути без воды и продуктов, в забитых вагонах по 70–80 человек в каждом. Когда мы прибыли в Собибор, из нашего эшелона отобрали 80 столбцов и плотников для производства срочных работ, а остальных в этот же день удушили в газовых камерах и сожгли на кострах...

Весь лагерь был окружен тремя рядами проволочного заграждения высотой в три метра, затем пятнадцать метров минированного поля и еще ряд проволочного заграждения. Нас охраняли 14 эсэсовских офицеров и 250 вахманов.

С первых же дней нашего прибытия в лагерь старые узники Собибора предложили нам войти в их подпольную группу для организации восстания и побега. После нашего согласия... руководство поручили мне... Восстание было назначено на 14 октября 1943 года, на 22-й день после нашего прибытия в Собибор...»

Это произошло 14 октября, в праздник Суккот. В тот день, перед началом всеобщего восстания, заключенные пригласили эсэсовцев на примерку в швейные и сапожные мастерские. Иегуда Лернер сообщил: «Ровно в 4.00 появился Иоганн Нуманн, исполнявший обязанности начальника лагеря. Он вошел в мастерскую, снял портупею и положил ее на стол. Когда портной нагнулся, чтобы пометить мелом шов, я занес над нацистом топор и со всей силой ударил его по голове... Мы быстро задвинули тело под стол, портные тщательно вытерли следы крови на полу, и минут через десять в мастерскую вошел второй немец. Он оглянулся в недоумении, так как в мастерской было темно, и вдруг спросил: «Вас ис дас?» Оказывается, он наступил на руку Нуманна, которая торчала наружу. В ответ он получил удар обухом по голове...»

Александр Печерский
и улица его имени.
Город Цфат, Израиль

Таким же способом ликвидировали эсэсовцев в сапожной мастерской, в комендатуре и на той площадке, где сортировали одежду. Печерский: «У нас почти всё шло по намеченному плану. Мы уничтожили 11 фашистских офицеров, одни заключенные захватили оружейный склад, остальные бросились к заминированным полям, перерезая проволочное ограждение. Часть людей там погибла...»

Лернер: «Все бросились бежать, как одержимые, в разные стороны. Была повалена колючая ограда, через канаву переброшены доски... В воздух взлетали тела людей, подорвавшихся на минах. 250 метров отделяли лагерь от леса, но весь этот путь был усеян трупами...» За лагерные ограждения вырвалось около 400 человек; одни подорвались на минах, другие погибли от пуль охранников, в лесах их убивали партизаны польской Армии Крайовой – прихода Красной армии дождалось 50 человек. После восстания в Собиборе эсэсовцы ликвидировали газовые камеры и бараки, на территории лагеря посадили деревья.

Печерский: «Я со своей группой ребят из Советского Союза на пятый день перешли реку Буг и вступили в партизанский отряд...»

В отряде Александр Печерский был подрывником; после соединения с частями Красной армии его, бывшего военнопленного, отправили в штрафной батальон, где он был ранен и – как сказано в документе – «свою вину перед родиной искупил кровью».

Из воспоминаний узника Освенцима (начало 1944 года): «В одном из транспортов, доставленных из Франции, была молодая еврейская женщина. Когда ее, уже голую, повели к газовой камере, она стала умолять рапортфюрера Шилингера... оставить ее в живых. Шилингер стоял, засунув руки в карманы, и покачиваясь на ногах, смеялся ей в лицо. Сильным ударом кулака она свалила Шилингера на землю, выхватила его револьвер, выстрелами наповал убила его и еще одного эсэсовца, а одного ранила...»

В октябре 1944 года восстали заключенные в Освенциме, занимавшиеся сожжением трупов; это были греческие евреи во главе с Йосефом Барухом. Им удалось поджечь крематорий, убить несколько эсэсовцев – все восставшие, очевидно, погибли.

7

Закончились боевые действия. Германия капитулировала. Жертвами нацистов оказались граждане разных национальностей стран Европы и Северной Африки, но лишь еврейское население повсюду убивали планомерно, систематически, беспощадно – за то, что они родились евреями. Спасения не было никому. Каждый еврей, даже принявший иную веру, считался врагом от рождения и был приговорен к уничтожению. Общее количество погибших евреев принято оценивать в 6 миллионов человек (по оценкам разных исследователей – от 5,3 до 6,2 миллиона). Среди них – более 1 миллиона детей.

Из обвинительной речи генерального прокурора Израиля Г. Хаузнера на процессе А. Эйхмана (Иерусалим, 1961 год): «На кого обрушилась эта вакханалия кровожадных убийц?.. Разрушена горделивая община Амстердама, прибежище испанских маранов... Погибла община Праги, существовавшая с десятого века, с ее великолепными синагогами... Гибель постигла общину Вены, насчитывавшую более тысячи лет... Исчезли цветущие еврейские центры в Польше во главе с прославленной общиной Варшавы, средоточием польско-еврейского мира... Погибло еврейство Львова, выдающегося центра... еврейского воспитания и патриотизма... Стерта с лица земли еврейская община Лодзи, города фабрик и ремесел, искусного труда и богатой культуры. Нет больше еврейской Вильны, этого Иерусалима Литвы, столицы мудрости и учения, о которой сказал поэт: «Город духа, город правый, город в раздумье глубоко»... Нет более общины Каунаса... Нет еврейской общины Одессы, духовной колыбели Менделе Мойхер-Сфорима, Ахад га-Ама и Бялика. Истреблена еврейская община Киева... Погибла древнейшая община Салоник, где евреи прожили два тысячелетия... Уничтожено еврейское местечко Восточной и Южной Европы... в котором теплился огонек еврейского духа, передаваемый из поколения в поколение до последнего дня... Их больше нет...»

Катастрофа лишила еврейский народ неисчислимого количества погибших талантов, на долю которых пришлось то время. Она лишила его и всех тех, кто не появился на свет, так как их отцы и матери были убиты, – а ведь они могли стать учеными, композиторами, художниками, поэтами и писателями, искусными мастерами своего дела с их несостоявшимися открытиями во всех областях науки и техники. Катастрофа уничтожила еврейские культурные и духовные ценности – разрушены синагоги, сожжены свитки Торы, старинные книги и рукописи, разорены повсеместно еврейские кладбища с могилами великих раввинов, праведников, евреев многих и многих поколений, похороненных на той земле.

Шесть миллионов евреев были уничтожены, и современник восклицал с болью и отчаянием: «1945 год... Неужели это всё, что от нас осталось?.. Из каждых четырех европейских евреев трое погибли. Из каждых пяти евреев мира двух уже не существует... Что ждет нас после Катастрофы? Ночи отчаяния без тени надежды? Вопли от неутихающей боли? Бесконечная печаль? Жизнь, полная горечи, история воспоминаний о погромах и резне? Неужели мир действительно потерял свою душу? Неужели Освенцим лишил нас и будущего?.. Удастся ли народу раздавленному, растоптанному, искалеченному, пронзенному мечом препоясаться силой и продолжить свое существование?..»

Р. Гесс, комендант лагеря Освенцим: «Я с детства был воспитан в безоговорочном послушании взрослым, родителям, учителям, священникам...» – «Фюрер приказывает – мы повинемся... Любой приказ фюрера, а для нас также и рейхсфюрера СС (Гимmlера) всегда был правильным и справедливым...» – «Моей семье было хорошо в Освенциме. Выполнялось каждое желание моей жены и детей. Дети могли играть, сколько хотели, у жены было так много любимых цветов, что она чувствовала себя как в раю... Самой большой радостью для детей было, когда и я купался вместе с ними. Но у меня было слишком мало времени для моих детей...»

Из дневника Гесса: «Я не испытывал чувства ненависти (к уничтожаемым)...» В предсмертном письме он завещал своим детям уважать мать, ибо «любовь и забота матери есть самое прекрасное и ценное из всего, что существует на свете». По приговору суда Гесс был повешен на территории Освенцима.

После войны одного из командиров в концлагере Равенсбрюк, отличавшегося особой жестокостью, приговорили к смертной казни. Его родственники и друзья посылали письма в его защиту, в которых указывали: «дорогой добрый Людвиг был не способен обидеть даже животное...» – «во время прогулок за городом он делал иногда странные маленькие прыжки, чтобы не раздавить попавшую ему под ногу улитку или ящерицу...» – когда у его тещи умерла канарейка, «он бережно положил птичку в коробку, прикрыл ее розой и зарыл под розовым кустом».

Гимmlер (в беседе с любителем охоты): «Как вы можете находить удовольствие в стрельбе из засады по бедным зверюшкам, которые пасутся на опушке леса, невинные, безоружные, не ожидающие никакого зла? Ведь это, по сути дела, обычное убийство... Природа так прекрасна, и каждый зверь имеет право на жизнь...»

Из стенограммы Международного военного трибунала в Нюрнберге: «При открытии первого крематория (в Биркенау)... присутствовали важные гости из Берлина. «Программа» состояла из умерщвления газом и сжигания 8000 евреев из Кракова. Гости, среди которых были офицеры и гражданские лица, остались чрезвы-

чайно довольны результатами и не отходили от смотрового окошечка, которое было специально вделано в дверь газовой камеры. Гости стремились превзойти друг друга в похвалах в адрес вновь построенных сооружений».

Из донесения Гиммлеру профессора Страсбургского университета: «Мы имеем обширную коллекцию черепов почти всех рас и народов. И только черепов евреев так мало, что их исследование не может дать надежных результатов. Война на Востоке дает нам возможность пополнить их количество... Ответственный за сохранение материала... после умерщвления еврея, чья голова не должна быть повреждена, отделяет голову от туловища и отправляет ее в консервирующем растворе... к месту назначения...»

Из «секретного документа государственной важности» – о создании коллекции скелетов: «Всего было отобрано 115 лиц, в том числе 79 евреев, 2 поляка, 4 азиата и 30 евреек... Для дальнейшей обработки необходимо этих людей немедленно перевести в концлагерь Натцвейлер...»

Из переписки фармакологической фирмы «Байер» с комендантом Освенцима: «Мы были бы благодарны Вам, если бы Вы, в связи с нашими испытаниями нового снотворного средства, передали нам некоторое количество женщин...» – «Цена 200 марок за одну женщину кажется нам всё же завышенной. Можем предложить не более 170 марок за голову...» – «Получили 150 женщин... Опыты проведены. Все женщины умерли. В ближайшее время свяжемся с Вами насчет новой доставки...»

После освобождения лагеря Берген-Бельзен британский солдат увидел на обочине дороги три трупа. Все трое были убиты выстрелами в затылок. Немка объяснила ему: «Это отставшие от колонны, проходившей здесь несколько дней назад. У них не было сил идти дальше». – «Почему их застрелили?» – спросил солдат. «А что было с ними делать? – ответила женщина. – Ведь это евреи».

Очерк шестьдесят шестой

«Почему они позволили себя убить?» Где был Всевышний?

1

Анатолий Рубин (минское гетто):

«Когда нас из гетто вели на работу через арийский район, то почти всегда идущие по тротуару, так называемые арийцы, нам вслед кричали: «А, жили двадцать лет на нашей шее, пили нашу кровь? Теперь расплачивайтесь...» Или же когда, бывало, евреи-интеллигенты рыли канавы, убирали улицы, то постоянно слышались насмешки, издевки над их неуклюжестью: «Отсидели свои толстые зады в магазинах, привыкли, чтобы русский Иван работал на вас! А сейчас поработайте и вы! Кончилось ваше время!..» Я видел ликующую толпу, когда евреев вели на расстрел. Я видел, как бывшие ученики, а нынешние полицаи вытаскивали из колонны своих учителей-евреев и сводили с ними счета за прошлые двойки...

Мне было всего пятнадцать лет, но за два года, проведенные в гетто, я начал по-взрослому осмысливать происходящее. Гетто было окружено всеобщей враждой и ненавистью. Самой страшной была не ненависть немцев, ибо это было в порядке вещей, а ненависть, как тогда казалось, «своих» – тех, с которыми жили, работали, учились и дружили десятки лет. Атмосфера всеобщей вражды сковывала инициативу, выхолащива-

ла людей духовно и физически. Многие из них, окажись они в самых тяжелых условиях, в самых опасных ситуациях, но не лишённые моральной поддержки, не отвергнутые всеми и вся, могли бы проявить чудеса героизма...

Отсутствие надежды способно сломить самых сильных, волевых людей...»

2

После освобождения оккупированных территорий заговорили о еврейской пассивности, покорности, трусости: почему они шли на смерть без сопротивления, «как овцы на заклание», отчего позволили себя убить? «Наши, русские, бывало, лопатами забивали немцев...» Выжившие отвечали немногословно: «Такой вопрос может задать лишь тот, кто там не был...»

После захвата очередного города или местечка немцы, как правило, уничтожали еврейское население в очень короткие сроки, а потому не было времени и возможности осознать надвигающуюся опасность, сговориться, предпринять совместные действия за те немногие часы, которые у них оставались с момента общего сбора до могильного рва. Даже там, где евреев запирали в гетто, прежде всего уничтожали представителей интеллигенции, а также молодых мужчин и женщин, то есть тех, кто мог организовать сопротивление и активно в нем участвовать. Первая акция в гетто Каунаса началась с того, что потребовали «пятьсот еврейских интеллигентов, хорошо одетых и знающих иностранные языки, якобы для работы в архивах. Гетто выделило пятьсот человек. Никто из них не вернулся...»

Сборы евреев в одном месте перед последующим уничтожением сопровождалась разными причинами: «проведение регистрации», «заселение малонаселённых районов Украины», «вывоз на летние сельскохозяйственные работы», а то и переселение на новое место «для улучшения условий жизни». Старикам и инвалидам говорили, что их посылают «в еврейский приют для престарелых и больных». В Новороссийске евреям приказали явиться на место сбора, откуда их отвезут «в одну из станций Краснодарского края, где уже собрано всё еврейское население Кубани». В Краматорске на Украине, в Элисте в Калмыкии, в Дубоссарах в Молдавии объявили, что их «отправляют в Палестину».

До последнего момента обречённых держали в неведении, предлагали взять с собой теплую одежду, запасы пищи на пару недель, хотя жить им оставалось два-три часа. До последней минуты они не верили, что может произойти нечто подобное; человеческий мозг отказывался это

воспринимать – хладнокровное и запланированное уничтожение целого народа, а потому расправа заставляла их растерянными, неподготовленными к каким-либо действиям. Григорий Шур (гетто Вильнюса): «Забираемые врасплох и уводимые из гетто не могли поверить, что их действительно ведут на смерть, что будут убивать абсолютно ни в чем не повинных людей, – разум не мог вместить этого... И ни у кого не было оружия».

Отбирали физически сильных мужчин, строили их в колонны, давали в руки рабочие инструменты, сообщали, что отправляют на работы, будут кормить, выделять продовольствие для семьи, – а неподалеку уже ожидали вырытые могильные рвы. Затем собирали их жен с детьми, подавали грузовые машины, пообещав отвезти к мужьям, и тоже уничтожали. Перед казнью заставляли раздеваться – голый человек чувствовал себя беззащитным и терял во многом способность к сопротивлению. После первых акций оставались в гетто в основном женщины с детьми, старики, нетрудоспособные, которые были не в состоянии бороться. Порой, по окончании очередной облавы, заверяли председателя юденрата, что «больше расстрелов не будет, так как гетто очищено от неблагоприятных элементов. Можете всех успокоить, чтобы занимались своими делами, теперь мы вас не тронем». Это вселяло надежды в измученных, отчаявшихся людей – до следующей акции уничтожения.

Каждый пытался спрятаться, переждать облаву, спасти жену, детей, родителей, спасти хоть кого-нибудь – надежда сохранялась в самые страшные периоды, и в дневнике того времени повторялось неоднократно: «Наша участь predetermined. Наше положение безнадежно. И всё же...» Религиозные люди повторяли с верой, которая сохранялась до конца: «Господь может вмешаться в самую последнюю минуту и спасти нас. Молниеносно избавление Всевышнего...»

Трудно было уйти из гетто, которое охраняли. Еще труднее было покинуть родителей, малолетних братьев и сестер, обреченных на уничтожение, – не каждый решался на это и оставался со своими близкими; семьи не желали расставаться и шли на гибель, даже если кто-то из них мог спастись. Украинская женщина предложила вывести из гетто десятилетнего Люсика Ваксельмана, но он не захотел оставить своих маленьких сестер: «Девочкам в темноте страшно. Я им сказки рассказываю...»

«Нас было пятьдесят сильных мужчин, и мы могли разоружить сопровождавших нас двух полицейских. Но это привело бы к гибели сотен евреев в местечке...»

Одни пытались сопротивляться. Другие были настолько ошеломлены потерей родителей или детей, что становились невменяемыми и не реа-

гировали уже ни на что. Это была не трусость, а нежелание жить в тех условиях, которые им создавали, ибо в гетто и в лагерях применялась изощренная система уничтожения человеческого достоинства. В одеждах неизвестной женщины обнаружили записку: «Уже в самом начале было убито около 5000 мужчин и среди них мой муж... Нет сил плакать, ты уже не человек, сердце окаменеваает, чувства притупляются. Никакие известия не трогают тебя, и совершенно спокойно идешь навстречу смерти...»

Мейлах Бакальчук-Фелин свидетельствовал: «Во время страшных потерь, находясь в тисках гетто, все были как бы в состоянии оцепенения, парализованности. Все были охвачены безнадежностью и отчаянием... Даже дети похожи были на дряхлых стариков... Моя дочурка Фелинька всё время успокаивала себя словами: «Где это сказано, что я должна жить семьдесят–восемьдесят лет, а не шестнадцать–восемнадцать?» Я слышал, как маленькие дети говорили с безразличием: «Роят ямы...»

Крым: «10 декабря началась «эвакуация» симферопольских евреев... Плач, вопли! Мы с женой решили: тоже пойдем. Мозг не выдерживал напряжения последних дней. Будь что будет, лишь бы скорее какой-нибудь конец...»

Кременец, Украина: «Люди в апатии. Лишь бы скорее кончилось, лишь бы скорей. Так действуют голод, побои...»

Минск: «Люди вели себя по-разному. Некоторые пытались бежать из колонны, но их тут же настигала пуля, некоторые снимали кольца, часы и этим пытались откупиться. Одни молились, другие плакали. Все были в панике, не знали, как лучше поступить, что делать. Почти все были связаны семьями. И даже тут опять прошел слух, что просто переселяют. И когда им это говорили, они верили. Верили, потому что хотели верить. Это была единственная надежда на спасение...»

Из показаний немецкого военнослужащего: «Евреи к моменту казни почти умирали от голода. По-видимому, они неделями не получали еды...»

Отчего же обвинения в трусости и пассивности предъявляют только евреям? В немецких лагерях находились сотни тысяч людей разных национальностей, которые покорно терпели голод, побои, рабский труд, уничтожение родных, близких, товарищей по несчастью и не восставали против своих мучителей. А миллионы жителей покоренных стран Европы, которые терпеливо ожидали освобождения? Миллионы военнопленных?..

Из воспоминаний выживших:

«Рядом с нами были военнопленные в бараках – сотни, тысячи, и их гнали на работу полицаи – несколько десятков человек охраны!.. Каждый

день из их барачков вывозили мертвых людей. Почему они не бежали? Почему эти люди, не отягощенные семьями, не бежали? Шли – голые, измученные, при них не было женщин и детей, не было стариков, а они шли...»

«Евреи знали, что если они и убегут из колонны, то им всё равно деваться некуда, так как их тут же выдаст кто-нибудь из местного населения. А пленные русские солдаты – это были молодые мужчины, пусть даже изможденные, но не связанные семьями, детьми, стариками. Были среди них и командиры с военным опытом. Если бы они одновременно по команде... разбежались, то у них было бы значительно больше шансов спастись...»

«Почти всё местное население, независимо от политических настроений, относилось к пленным сочувственно... Однако я не помню случая, чтобы пленные, десятки тысяч молодых мужчин, разбежались по своей инициативе...»

3

Так почему они шли на смерть без сопротивления, почему давали себя убивать? На это ответил Эли Визель, узник концлагерей:

«Оставьте же их в покое. Не выкапывайте их, умерших без погребения. Оставьте их там, где им следовало бы остаться навсегда, и такими, какими им следовало бы оставаться: незаживающей раной, неизлечимой болью в глубинах вашего существа. Радуйтесь, что они не проснутся, не сойдут на землю, чтобы судить живых...»

Не знаю почему, но я запрещаю вам спрашивать. Мир молчал, когда евреев убивали массами, когда их превращали в топливо; пусть он, хоть из приличия, помолчит и теперь. Вас мучают вопросы? Не дают спать спокойно? Тем лучше. Вы хотите всё узнать и понять для того, чтобы перевернуть страницу, не так ли? Чтобы иметь возможность сказать себе: с этим делом покончено, всё в порядке. Не ждите, что мертвые придут к вам на помощь. Их молчание переживет их...

Это может кому-то не понравиться, но я должен всё-таки подчеркнуть, что жертвы больше и глубже страдали от равнодушия свидетелей, чем от жестокости палачей. Жестокость врага не могла бы сломить узников, их поражала в самое сердце более подлая, более утонченная жестокость – молчание тех, кого они считали своими друзьями. Рассчитывать больше не на кого... и это отравляло желание жить. Если таков мир, в котором мы родились, то к чему за него цепляться? Если таково человеческое общество, откуда мы вышли, – к чему в него возвращаться?

В Освенциме умер не только человек. В Освенциме умерла сама идея человека. Жить в мире, где ничего не осталось, где палач действует как

бог, как судья – многие не хотели этого. Потому что в Освенциме мир сжег собственное сердце...

До чего же мы дошли, если приходится держать речь в защиту мертвых, чтобы их оставили в покое. Ведь именно в этом дело: их не оставляют в покое, их выкапывают, чтобы пригвоздить к позорному столбу. Вопросы, которые им задают, – упрек. На них сердятся, на этих мертвых: зачем они себя так вели? Им следовало играть по-другому, хотя бы ради того, чтобы успокоить живых: пусть те могли бы по-прежнему верить в величие человека...

Я защищаю мертвых и не говорю, что они были невинны: не в этом мое намерение и цель. Я просто говорю, что не признаю за собой права их судить... Я видел, как они умирали... Я видел, как они уходили, а я оставался, и очень часто я не могу себе этого простить...

Талмуд учит человека никогда не судить своего друга, пока сам не побывал на его месте. Но для вас евреи не друзья и никогда ими не были. Они оттого и умерли, что у них не было друзей. И поэтому – научитесь молчать».

4

И снова повторим:

«Фаня не верила, что это конец: «Неужели я уже никогда не увижу солнца и света?..»

«Недолго прожили Исраил Шумов и Мотя Шамес... Полицаи напились до звериного состояния и буквально разорвали свои жертвы на куски...»

«Здесь убиты... Шерман Элик, Глозман Мойша, Герцбейн Мишель, Пильч Михель, Герман Давид...»

«Папа и мама остались без младших детей. Без Эльки, Хаи, без Ерухама и маленькой Тайбы...»

«Нет моей дорогой мамы, папы, нет милого брата Зямы, Изи, Сарры, Боруха...»

«Нет больше Екатеринополя, осталась только девочка Соня...»

«Пятеро братьев и сестер погибли в минском гетто. Остались только двое – Ёха и я...»

«Зачем маленьких девочек отправляете?» – раздались крики. Гестаповец ответил по-русски: «Если их не убить, то они будут потом большими...»

«Здесь меня убили. Прошу сообщить по адресу... Миша...»

Освенцим: «Все вокруг нас плакали. Кто-то начал читать кадиш – молитву по умершим... «Да будет возвеличено и освящено Его Имя...» – шептал отец. Впервые я почувствовал, как во мне зреет

протест. Почему я должен благословлять Его Имя? Царь Вселенной, Всемогущий и Страшный, молчал. За что я должен Его благодарить?..»

Георг Фридман (гетто Риги): «Ведь Бог всё видит, всё знает. Без Его ведома ни один волос не упадет ни с чьей головы. Евреи – Его избранный народ, им Он покровительствует. Особую Его благосклонность должны заслуживать те евреи, которые Ему поклоняются, верят, выполняют все заветы и обряды, предписываемые Священным Писанием, дни напролет молятся, особенно в синагогах. Так почему же именно они были подвергнуты самым страшным мукам? Как это оправдать? Здравый смысл и логика уже не могут здесь довольствоваться трафаретным объяснением, что Бог, мол, таким образом хочет испытать Свой народ. Испытать мучительной смертью? Испытать поголовным уничтожением? Кого же испытывать, если никого уже больше нет? И каким образом испытывать? Поручить это испытание нашим смертельным врагам – гитлеровцам? Значит, быть с ними заодно?.. Эти и подобные мысли мучили меня (и, наверное, многих евреев), особенно в те дни...»

Этот вопрос действительно мучил евреев в те страшные годы и будет мучить многие поколения – в безуспешных попытках его разрешения. Был ли Бог в Освенциме? Где Он был во время Катастрофы? Почему бездействовал и не откликнулся на страдания миллионов беззащитных людей? Мыслители двадцатого века – как евреи, так и христиане, верующие и атеисты, пережившие Катастрофу или родившиеся после нее – разошлись в своих выводах.

Одни говорят: Катастрофа – это непостижимая тайна подобно прочим деяниям Всевышнего; она недоступна человеческому разуму и требует нерушимой веры в Творца. «Отцы наши оставались верными Господу и после таких страшных испытаний, как разрушение Храма в Иерусалиме. Тогда тоже находились сомневающиеся, которые говорили, что Бог оставил Свой народ... Но Бог не оставлял нас ни тогда, ни теперь! Истинно праведный человек несокрушимо верит во Всевышнего – и когда ликует, видя чудесное спасение Израиля при рассечении вод Красного моря, и когда скорбит при виде пылающих стен Дома Господня».

Другие утверждают: «За грехи наши наказаны были, за служение чужим богам». Катастрофа – это Божье наказание, так как евреи прельстились коммунизмом, сионизмом, прочими «измами», перестали соблюдать религиозные заповеди и стали грешниками, – однако из этого следует невозможный вывод, что нацисты стали исполнителями Божьей воли. Да и как же тогда объяснить гибель невинных детей? Как объяснить гибель многих и многих евреев, свято соблюдавших заповеди своей веры? «Не из-за грехов погибали евреи, но оттого, что все были

против них, и не было им спасения...» – возражают противники такого объяснения. «Каковы бы ни были грехи евреев, они не выходили за рамки человеческих слабостей и проступков. Катастрофой нельзя наказывать за грехи человека... Кощунственно искать в этом ее причины...»

Третьи считают, что Катастрофа – это современное жертвоприношение Ицхака, которое Бог потребовал от отца его Авраама. Этому испытанию Всевышний подверг Свой народ; каждый убитый является праведником, ибо отдал жизнь ради освящения Имени Всевышнего – «аль кидуш га-Шем». И приводят в пример рабби Йехезкеля, который вышел навстречу карателям в молитвенном облачении и произнес перед смертью: «Теперь я удостоился права на «кидуш га-Шем», теперь я готов». И если убийцы своей жестокостью отрицали существование Всевышнего, то жертвы своей святостью утверждали Его величие.

Четвертые не берутся обсуждать эту тему; они не желают определять свое отношение к обреченным, сумевшим сохранить веру во Всевышнего в лагерях смерти или потерявшим ее на краю могильного рва. Они считают их решения одинаково священными и возглашают: «Как могу я сомневаться в Боге, если те, в лагере, не сомневались? И как можно еще верить в Бога, если там, в газовой камере, они теряли веру?»

Пятые отрицают существование Всевышнего: «Бог не мог бы допустить Освенцима», но с ними спорят прошедшие через лагеря уничтожения: «Бог был и там. Он страдал вместе с жертвами». И цитируют слова многострадального Иова: «Неужели доброе примем мы от Бога, а злое не примем?.. Путь Он убьет меня – на Него надеюсь...»

Есть и такие, что запрещают задавать этот вопрос: где был Бог? Они говорят: «Весь вопрос в том: «Где был человек?» Где были люди, когда крики тех, кого пытали и мучили, не находили ответа? Где был человек, когда миллионы загружались в вагоны для скота за единственное преступление родиться евреем? Спрашивать: «Где был Бог?» – значит освободить людей от их ответственности...»

«Я хочу вызвать на суд цивилизацию, для которой человек так мало значит. Но вызывать на суд Бога? За что Его судить? За то, что Он дал человеку способность выбирать между добром и злом?..»

И наконец, невозможно обойти тот факт, что Катастрофа предшествовала образованию государства Израиль. В этом усматривают подтверждение союза Создателя с избранным Им народом, указанный свыше путь к сохранению, более того, непрременный долг еврейского народа – выжить после неисчислимых потерь. «Государство появилось как раз в тот момент, когда, казалось, уже ничто не могло спасти народ от уничтожения. Оно – наша спасительная нить, связывающая нас с будущим...»

Возникновение Израиля – есть акт возрождения жизни, и в этом религиозное значение этого события... После Катастрофы само существование евреев становится великим утверждением веры».

Катастрофа явилась завершением многовекового изгнания, создание государства стало началом нового исхода, и в подтверждение этого исследователи приводят строки из Книги пророка Исайи: «На малое мгновение оставил Я тебя и с милосердием великим соберу тебя. В пылу гнева сокрыл Я на мгновение лицо Свое от тебя, и милостью вечной помилую тебя, – сказал Избавитель твой, Господь».

5

Раввин Э. Беркович (из книги «Вера после Катастрофы»):

«Вопрос должен стоять так: у кого больше прав судить об этом? У того, кто перенес ад гетто и концентрационных лагерей, гибель родных и друзей в газовых камерах, или же у того, кто читал, слышал о Катастрофе, возможно, даже переживал ее в своем воображении?..

Да, многие в то время потеряли веру. Я их понимаю. Они попали в ад похуже ада Данте. Думаю, что и Сам Бог их понимает и не ставит им это в вину...

Я преклоняюсь перед памятью «кдошим» – святых, которые шли в газовые камеры с «ани маамин!» («я верю!») на устах. И я преклоняюсь перед святой памятью тех, кто шел в газовые камеры без веры, ибо то, что им пришлось пережить, было выше человеческих сил. Они не могли больше верить... В сущности, мне легче понять, почему люди теряли веру в концентрационных лагерях, чем то, почему они ее сохраняли. Сохранение веры в таких условиях – сверхчеловеческий поступок, утрата – человеческий. Я всего лишь человек, мне ближе человеческое, а не сверхчеловеческое. Вера свята, но и неверие и восстание против веры в нацистском аду святы...

Мы не были на месте Иова и не смеем отвечать так, как он отвечал Богу. Мы должны верить, поскольку наш брат Иов верил, и мы должны недоумевать, поскольку Иов недоумевал. Такая ситуация сложилась после Катастрофы. Только так мы можем подойти к правильному ответу, если он вообще имеется. Только так мы можем пробить брешь в стене нашего непонимания, не оскверняя святую веру или святую утрату веры в аду Катастрофы.

А если брешь пробить не удастся, то единственное честное решение – остаться по эту сторону стены...»

И далее: «Мы не пытаемся оправдать Всевышнего и то, как Он поступил с Израилем. Мы хотим понять, можем ли мы осмыс-

ленно верить, несмотря на ужасное молчание Бога во время Катастрофы...»

Моше Флинкеру из Бельгии было тринадцать лет, когда началась Вторая мировая война. Он записывал в дневнике: «Наши бедствия уже намного превышают наши прегрешения. Какие намерения могут быть у Всевышнего, когда Он не предотвращает такие страшные беды?..» – «Две тысячи лет мы рожали детей, обреченных на страдания. Господь, Бог наш, неужели еще недостаточно?.. Неужели Ты забудешь нас, Бог Израиля? Сжался, сжался, Боже, над Своим народом, не медли, не жди, ведь еще немного – и будет поздно...»

Моше погиб в Освенциме, но в его дневнике осталось свидетельство глубокой веры, а для кого-то и ответ на вопрос, над которым безуспешно бьются мыслители: где был Бог во время Катастрофы? «Я никогда не перестану надеяться, – написал Моше. – Ибо как только перестану надеяться, я перестану существовать...» В его дневнике сохранилось стихотворение – и вот оно:

Будь евреем, когда уходишь,
 будь евреем, когда приходишь,
Будь евреем, когда встаешь,
 будь евреем, когда садишься,
Будь евреем, когда идешь,
 будь евреем, когда стоишь,
Будь евреем, когда думаешь,
 будь евреем, когда работаешь,
Будь евреем, когда бедствуешь,
 будь евреем, когда радуешься,
Будь евреем, когда говоришь,
 будь евреем, когда молчишь...
Будь евреем, когда живешь,
 будь евреем, когда умираешь,
Будь евреем на небе,
 будь евреем за земле, –
Евреем ты родился,
 евреем ты умрешь.

Гетто Каунаса: «Отец молился дома. Он делал это ежедневно... За всё время пребывания в гетто он не возроптал на Всевышнего. Но я – я роптала. Я искала Всевышнего, но не могла Его найти. Где была в то время Его справедливость?.. Возможно, я потеряла веру,

когда мой отец был расстрелян. Как я могла верить во Всевышнего, Который допустил, чтобы убили доброго, искренне религиозного человека только за то, что он попытался спасти ни в чем не повинных детей?..»

Э. Л. Факенхейм, раввин и философ: «Нам следует ввести в закон еще одну заповедь. Она должна гласить так: «Не дай Гитлеру посмертных побед». Это значит: мы не только должны бороться за жизнь своего народа и помнить о случившемся; наш долг также – не позволить Гитлеру уже после его гибели возобладать над нашими душами, не позволить ему убить в нас веру во Всевышнего».

Раввин И. Кемельман: «Если бы каждая еврейская чета «усыновила» душу замученного малыша, произведя на свет на одного ребенка больше, чем планировалось, это было бы самым подходящим памятником полутора миллионам еврейских детей, погибших в Катастрофе... и одновременно громадным вкладом в дело выживания еврейского народа».

В библейской истории о Каине и Авеле рассказывается, что Адам и Ева не могли успокоиться после убийства своего сына, пока не родили другого сына взамен Авеля. Так же и мы, евреи, не сможем утешиться и обрести душевный покой, пока не произведем на свет еще полтора миллиона детей вместо тех, кто был истреблен в жестокую ночь Катастрофы».

Это случилось через много лет после Катастрофы. Перед смертью бывший узник концлагеря попросил раввина, чтобы его похоронили не в саване, как требует того еврейский закон, а в лагерной одежде из Освенцима. Раввин попросил объяснений, и старый еврей сказал ему: «Когда я достигну Престола Справедливости, Небесный Обвинитель выложит на чашу весов все мои преступления. И тогда я положу на другую чашу лагерную одежду; голод, страх, унижения, от которых я страдал каждую минуту в заключении, должны склонить чашу весов в мою пользу. Похороните меня, рабби, в этой одежде, она будет моим Небесным адвокатом».

Так оно и произошло: в гроб старого еврея положили полосатую одежду из Освенцима.

Очерк шестьдесят седьмой

Союзники и Катастрофа. Ватикан. Уничтожение цыган. Нюрнбергский процесс

1

Когда первые сообщения о массовом уничтожении евреев просочились через линию фронта, на Западе в это сначала не могли поверить. Британская разведка перехватывала телефонные разговоры командиров карательных отрядов; в них говорилось о «бандитах» или «комиссарах», о расстрелах «гражданских лиц», и первое время не догадывались, что речь идет о ликвидации еврейского народа. Постепенно стали ясны масштабы Катастрофы, и в ноябре 1942 года был объявлен во всем мире день траура по европейскому еврейству. В декабре Советский Союз, Великобритания и Соединенные штаты Америки опубликовали совместную декларацию – об ответственности немцев за запланированное уничтожение еврейского населения, но к тому времени огромное количество евреев СССР и стран Европы было уже убито.

Весной 1943 года проходила Бермудская конференция по проблемам беженцев, организованная странами антигитлеровской коалиции. Делегаты конференции сразу же заявили, что они занимаются общей проблемой беженцев и было бы несправедливо отдавать предпочтение беженцам-евреям. Представители еврейских организаций предлагали вступить в переговоры со странами гитлеровского блока, чтобы спасти

евреев, еще остававшихся в живых, просили наладить отправку продовольственных посылок в гетто и рабочие лагеря, но делегаты конференции решили не обсуждать эти вопросы. США не согласились на смягчение американских иммиграционных законов и не увеличили количество въездных виз; Великобритания противилась массовой иммиграции евреев в Палестину.

В мае 1943 года Шмуэль Зигельбойм, один из лидеров польского Бунда, покончил с собой в Лондоне перед входом в палату общин. Это были дни еврейского восстания в гетто Варшавы, и в предсмертной записке Зигельбойма было сказано: «Я не могу больше жить и молчать, когда уничтожают остатки польского еврейства, к которому я принадлежу. Мои товарищи в варшавском гетто погибают с оружием в руках в последнем героическом бою. Мне не дано умереть рядом с ними, но я один из них, и мое место в их братской могиле. Своей смертью я хочу выразить страстный протест против бездействия и равнодушия, с каким мир наблюдает за гибелью еврейского народа...»

Эли Визель: «Его скоро забыли, а его смерть оказалась бесполезной. Мертвый Зигельбойм, живой Зигельбойм – для каменных сердец это было безразлично. Для них это был просто польский еврей, говоривший о евреях, переживавший их агонию; мог бы погибнуть и там, вместе с другими. Он умер ни за что, этот Шмуэль Зигельбойм. Жизнь продолжалась, война тоже – война против Германии, которая тем временем вела свою войну против евреев. Мир заткнул себе уши и потупил глаза...»

Евреи умирали в гетто, депортация в лагеря уничтожения шла полным ходом, а министерство иностранных дел Великобритании сообщило в Вашингтон в конце 1943 года, что оно «обеспокоено трудностями, с которыми сопряжено устройство значительного числа евреев, если они будут вывезены с территории противника...»

«Что будет с нами, – спросил ответственный чиновник из британского министерства иностранных дел, – если немцы предложат свалить нам на голову миллион евреев?..»

Летом 1944 года увозили на уничтожение в Освенцим сотни тысяч венгерских евреев. Красная армия уже приближалась к границам Венгрии, и чтобы приостановить работу газовых камер, еврейские организации попросили союзников разбомбить подъездные пути к лагерю уничтожения. К тому времени уже существовали аэрофотосъемки лагерей смерти, у авиации стран антигитлеровской коалиции было полное превосходство в воздухе, однако американское и английское командование отказались это сделать. Х. Вейцман получил ответ от одного из британских министров: «После детального изучения данного вопроса коман-

дование наших ВВС вынуждено отклонить ваше предложение в связи со слишком большими техническими сложностями». Сионистские организации обратились за помощью к руководителям СССР, но также получили отказ.

Н. Гольдман, еврейский общественный деятель: «Я просил союзников разбомбить крематории Освенцима, чтобы хотя бы полгода не могли их восстановить. (Представитель британского командования) категорически отказал, говоря, что бомбардировать можно только военные объекты».

М. Хэй, историк (о политике союзников): «Единственный способ, которым мы можем спасти их, это выиграть войну», – говорили эти люди. Но когда война была выиграна, шесть миллионов евреев были уже мертвы».

2

Ксендз Г. Маляк (лагерь Штутгоф): «В праздник Пасхи нас погнали вместе с евреями чистить клоачные ямы... Загнанные в яму, стоя по пояс в нечистотах, евреи подают нам полные ведра, обливаясь этими нечистотами, а мы выливаем их в бочки, которые вывозят из лагеря. Так Ветхий и Новый Завет совместно отмечают праздник...»

Гитлер с небрежением отзывался о христианстве «с его тряпичной терпимостью», называл эту религию творением еврейского духа, виновной в порче древних германцев, которым привили христианскую мораль, – это, по его мнению, ослабляло волю арийцев и обезоруживало их перед еврейской угрозой. Фюрер провозглашал: «Самый тяжелый удар прогрессу человечества нанесло христианство. Большевизм – это незаконнорожденное дитя христианства. У истоков обоих этих движений стояли евреи...» – «Античность лучше современности, так как она не знала христианства и сифилиса...» – «Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать одни дураки, а слушать их будут одни старики...» – «Мы снесем христианскую облицовку и возродим религию, присущую нашей расе...»

Нацисты пропагандировали возрождение языческих культов древних германцев, предполагали построить храмы новой веры и взамен крестов водрузить на них свастики; их лозунгом было: «Национал-

социализм должен стать государственной религией немцев. Моя партия – моя церковь!» Чтобы создать особый, «германский» вид христианства, из Библии удаляли многие тексты, не соответствовавшие духу «новой Германии»; Иисуса объявили не евреем, а мучеником-арийцем, погибшим на кресте, чтобы спасти мир от еврейского влияния; новым мессией провозгласили Гитлера, который окончательно освободит человечество от евреев. Геббельс в своих дневниках и высказываниях был предельно откровенен: «Католическая церковь – банда педерастов...» – «Мы должны согнуть церковь и превратить ее в нашего слугу...» – «Неправда, что Иисус был евреем. Это даже не нуждается в доказательствах. Это факт...»

Казалось бы, Ватикану следовало выступить против политики Гитлера, но этого не произошло. В Германии было много верующих католиков, для которых слово Римского Папы могло стать призывом к терпимости, а потому один из современников утверждал: «Если бы только Папа Римский приехал в Берлин в 1933 году и сказал нацистам: «Ich bin ein Jud» («Я – еврей»), миллионы жизней были бы спасены». Тысячи священнослужителей погибли в немецких концлагерях; церковные иерархи в разных странах осуждали уничтожение еврейского народа, однако папа Пий XII сохранял нейтралитет во время Второй мировой войны.

В Ватикане знали о поголовном уничтожении евреев Европы. В конце 1942 – начале 1943 года священнослужители сообщали: «Евреев Польши убивают в газовых камерах и расстреливают из пулеметов...» – «Уничтожают почти всё еврейское население... Стало известно, что два миллиона евреев уже убиты...» Рав И. Герцог, главный раввин Эрец Исраэль, просил Папу Римского спасти европейских евреев, но тот не выступил публично против нацистских преследований.

Раввин Э. Л. Факенхейм: «Если бы многочисленные христиане – католики и протестанты – в оккупированной нацистами Европе и за ее пределами искренне, публично и без иносказаний молились за оклеветанных евреев... их молитвы сдвинули бы не только горы... (Но) слово не было произнесено, и вместо него царила мертвая, убийственная тишина».

В декабре 1942 года Пий XII не присоединился к декларации союзников об ответственности нацистов за уничтожение евреев; не вступился он и за тысячу евреев Рима, которых в октябре 1943 года отправили в Освенцим, и немецкий посол в Ватикане докладывал в Берлин: «Несмотря на давление со всех сторон, Папа Римский не выступил с публичным осуждением депортации римских евреев... Он сделал всё, что в

его возможностях в таком деликатном деле, чтобы не испортить отношений с правительством Германии и с пронемецкими кругами в Риме».

После войны Папу Римского обвинили в «заговоре молчания». И. Арад, израильский историк: «Поведение христианской церкви, особенно Ватикана... вызывает множество вопросов. Почему христианский мир молчал, когда убивали миллионы людей, созданных по образу и подобию Божьему? Почему церковь не использовала свое влияние, чтобы предотвратить уничтожение народа? Почему не призвала верующих помочь гибнущим евреям?..»

Словакия, 1942 год. Когда возникла угроза депортации евреев, один из раввинов обратился за помощью к католическому архиепископу и получил такой ответ: «Это не просто депортация. Там вы не умрете от голода и болезней. Вас преребьют всех, от мала до велика, женщин вместе с детьми. Это вам наказание за смерть нашего Спасителя».

Л. Папелу, историк, католик (из книги «Молчание папы Пия XII»): «Судьба преследуемых евреев не находилась в центре интересов Ватикана. Из-за отказа папы осудить нацистские преступления возникает вопрос: всегда ли любовь к ближнему руководит действиями католической церкви?..»

3

Нацисты считали, что цыгане – выходцы из Индии – были когда-то «чистыми арийцами», но за века кочевой жизни потеряли расовые достоинства из-за смешения с «низшими» народами. А потому специалистам поручили отделить цыган – «истинных арийцев», от тех, у кого «чистота крови» была окончательно утеряна и появилась «наследственная предрасположенность к антиобщественным преступлениям». Разработали даже классификацию: «чистые» цыгане, «более цыгане, чем немцы», «более немцы, чем цыгане», а также «немцы, которые ведут себя как цыгане».

1935 год: цыганам и неграм в Германии – одновременно с евреями и на основании Нюрнбергских законов – запретили заключать браки с лицами «немецкой крови» и вступать с ними в интимные отношения. 1936 год: группу цыган отправили в концлагерь Дахау, создали центр по изучению цыганской проблемы и начали перепись для выявления всех цыган Германии – их оказалось около 30 000 человек. 1939 год: Гиммлер приказал заключить в тюрьму цыганских гадалок. 1940 год: началась депортация цыган Третьего рейха в Польшу, на территорию Генерал-губернаторства. 1941 год: 5000 цыган вывезли из Австрии в гетто Лодзи, а оттуда многих

из них отправили в лагерь уничтожения Хелмно. Немцы преследовали в основном кочевых цыган, считая их «антисоциальными» элементами общества, которым нет места в «Новой Европе», – в отличие от оседлых цыган, образ жизни которых не считался «антисоциальным».

И. Бауэр, израильский историк: «Отношение к евреям стало центральным стержнем нацистской идеологии, и это могло быть завершено лишь тотальным убийством. Отношение к цыганам не было центральным стержнем идеологии нацистов, и, насколько я знаю, не существовало какого-либо плана уничтожения всех цыган... Страдания каждого цыгана были точно такими же, как и страдания еврея, поляка или кого-нибудь еще. Но мотивация преследований была совершенно различной...»

Из допроса А. Эйхмана, начальника еврейского отдела гестапо: «Проводилась ли вашим отделом также депортация цыган в лагерь уничтожения?» – «Так точно. Но я не знаю, всех ли цыган...»

Убийства цыган на захваченных территориях СССР начались в 1941 году. Их рекомендовали ликвидировать сразу, «не засоряя тюрьмы»; в приказе военного коменданта одной из областей Белоруссии сказано: «Евреи должны исчезнуть с лица земли, а также уничтожены цыгане...» Их убивали целыми таборами, всех без исключения, не только в Белоруссии, но и на Украине, в Крыму, Молдавии, в республиках Прибалтики; в Смоленской области сотни цыган зарыли живыми во рвах.

В начале 1943 года первый транспорт с цыганами из европейских стран прибыл в Освенцим, где их поселили с семьями в отдельной зоне; они умирали от голода и болезней, их использовали для проведения медицинских экспериментов – через некоторое время женщин, детей и стариков уничтожили, а мужчин отправили в трудовые лагеря. В Освенцим отправляли и цыган Третьего рейха, даже служивших до этого в армии и награжденных за боевые заслуги; их также поселили в отдельной зоне, а при подходе Красной армии многих убили в газовых камерах.

В уничтожении цыган участвовали не только немецкие каратели, но и жители оккупированных территорий – в Польше, Хорватии, Сербии, в Венгрии и Чехословакии. Одна из спасшихся цыганок свидетельствовала о гибели своей сестры и племянницы: «Вначале девочку заставили рыть могилу, а ее мать, беременная на седьмом месяце, стояла привязанная к дереву. Ей вскрыли живот ножом, достали ребенка и бросили в могилу. Затем туда же кинули мать и девочку, только над девочкой вначале надругались. Их засыпали землей, когда они были еще живы».

Невозможно определить количество цыган, погибших в те годы, – их убивали поодиночке и семьями, поголовно уничтожали обитателей кочующих таборов, о чем не сохранилось письменных или устных свиде-

тельств. А потому исследователи полагают, что погибло не менее 250 000 цыган, пять–десять процентов их количества в Европе; кроме того, в Германии были стерилизованы тысячи молодых цыган и цыганок, чтобы они не могли дать потомства.

Аркадий Хасин (Транснистрия): «Зимой 1943 года в Карловский концлагерь пригнали цыган из Румынии. И уже до самого освобождения нас объединяло с ними одно – горе. И разъединяло одно – смерть...»

4

Современные психологи, исследуя характер Гитлера, пришли к выводу, что в его поступках, особенно в его отношении к еврейству, проявлялась паранойя, хроническое психическое заболевание, характеризующее навязчивыми бредовыми идеями. А. Глюксман, французский философ: «Тайну следует искать не в его безумии, а в его современниках, которые наделили это безумие властью. Спрашивать, как был возможен Гитлер, значит спрашивать Европу, как она его допустила, – то есть спрашивать нас самих. В конечном счете приходишь к убеждению: я – возможность Гитлера, я и есть Гитлер».

Осуществление плана «окончательного решения еврейского вопроса» требовало участия огромного количества людей. Это были непосредственные исполнители, мужчины и женщины, из зондеркоманд и лагерей смерти. Это были правительственные чиновники различных ведомств, которые планировали карательные акции и составляли месячные и квартальные нормы уничтожения. Это были руководители концернов, служащие, инженеры, технологи, металлурги, химики, теплотехники, монтажники, которые проектировали, изготавливали, устанавливали газовые камеры и кремационные печи с вихревой тягой для полноты сгорания, поставляли газ в нужных количествах, использовали бесплатный каторжный труд заключенных. Это были врачи, проводившие опыты над живыми людьми, учителя, прививавшие своим воспитанникам нацистскую идеологию, банковские служащие, скрупулезно подсчитывавшие поступления золота и драгоценностей, отнятых у обреченных на уничтожение. Это были писатели, художники, композиторы, научные работники из университетов, прочие высокоинтеллигентные и образованные люди, поддерживавшие нацистский режим, тот самый режим, главные представители которого никогда не скрывали своих намерений по уничтожению целого народа. У всех этих многочисленных и безвестных людей были разные обязанности, роль их была неоднозначна – от малых

винтиков до основным деталей сложного механизма, но все они работали четко, аккуратно, добросовестно на благо хорошо отлаженной машины истребления. И все они, как правило, доказывали после войны, что были лишь послушными исполнителями приказов.

А. Эйхман, из показаний на допросе в Израиле: «Я был всего лишь верным, аккуратным, корректным, прилежным исполнителем. Был вдохновлен чувствами к своей родине, имел честь принадлежать к СС и служить в Главном управлении имперской безопасности... Всю свою жизнь я привык повиноваться... И что дало бы мне неповиновение? И кому пошло бы оно на пользу?..»

А. Эйнштейн: «Не раз в моей жизни я говорил, что возможности познания безграничны, и безгранично то, что мы должны узнать. Сейчас я думаю о том, что у низости и жестокости тоже нет границ...»

Одни отдавали приказы об уничтожении, но сами не стреляли. Другие планировали графики железнодорожных перевозок, но сами не заталкивали обреченных в вагоны. Третьи стояли за чертежными досками и решали чисто технические задачи – как спроектировать крематорий или газовую камеру с наилучшей эффективностью, но им не приходилось открывать краны для подачи газа. Перечень можно продолжить – вплоть до почтальонов, булочников, зеленщиков, мясников, садовников, которые поставляли почту и продукты в лагерь для охранников, обеспечивали их разными бытовыми удобствами, высаживали там цветы и подстригали газоны, а после войны каждый из них заявил, что лично он даже не догадывался о массовом уничтожении людей в том лагере. Сюда же следует добавить служащих железнодорожных станций, стрелочников, машинистов паровозов, смазчиков колесных букс и сцепщиков вагонов, в которых люди задохались в невероятной тесноте, из которых доносились крики, стоны, хрипы, сдавленные просьбы о глотке воды, – они тоже ничего не знали, не слышали? А жители окрестных городов, мимо которых провозили и прогоняли колонны живых скелетов? А женщины, любящие жены – опора и поддержка мужей, занятых важными (и не очень важными) делами на благо рейха? А девушки, милые девушки, толпами, шеренгами встречавшие фюрера, – восторг на их лицах, самозабвение, слезы радости, вплоть до обмороков, истерик, а то и полного сексуального удовлетворения при виде своего кумира?..

Среди множества исполнителей «окончательного решения еврейского вопроса» встречалось немало садистов, которым доставляли наслаждение причиняемые ими страдания. Но сотни тысяч неприметных участников массового преступления являлись самыми обычными людьми, которые

ходили на работу, получали зарплату, откладывали сбережения в банке, пили пиво с друзьями, спали со своими женами, баловали детей, почитали родителей, отдыхали после дневных трудов (или после расстрелов), а их жены, должно быть, говорили: «Тише, дети. Папа устал на работе...» Эти люди, возможно, не оказались бы убийцами или пособниками убийц, если бы годы их жизни пришлось на иные времена, а это и является самым страшным уроком Катастрофы – те зерна зла, которые дремлют в человеке и ждут своего часа, ждут своего фюрера, чтобы вырваться наружу.

А. Миллер, американский писатель: «Беда как раз в том, что они люди...»

5

Немецкие солдаты-резервисты, непригодные для боевых действий, призывались в полицейские батальоны; они охраняли гетто и рабочие лагеря, участвовали в карательных акциях, сопровождали «марши смерти», расстреливая отстающих и обессиленных. Один лишь пример. 101-й резервный полицейский батальон. Солдаты – в основном, немолодые рабочие, семейные, малообразованные, аполитичные. Перед первой карательной акцией командир батальона сообщил им, что придется расстреливать не только мужчин, но также женщин и детей, и предложил тем, кто не способен на это, выйти вперед – их переведут на другие работы. Из 500 солдат и офицеров отказались расстреливать 12 человек, остальные послушно исполнили приказ. Это случилось в Польше, в местечке под Люблином, где солдаты этого батальона убили за один день 1200 евреев. Как показал один из них после войны: «Когда мы возвращались, у некоторых мундиры были забрызганы мозгами и кровью евреев; все мы над ними потешались». 101-й резервный батальон участвовал затем в расстреле десятков тысяч польских евреев; один из солдат сообщил впоследствии: «За эти два года не было дня, чтобы каждый из нас не убил хотя бы одного еврея».

Таких полицейских батальонов было немало, их состав обновлялся время от времени, взамен отслуживших свой срок присылали новых резервистов – можно предположить, что через эти батальоны прошли сотни тысяч немцев. Из показаний германского военнослужащего о расстреле евреев (Браилов, Винницкая область): немец-полицейский «устроил себе перерыв и закурил сигарету. Я заговорил с ним и спросил, не тягостно ли ему заниматься таким делом. Он сказал, что и у него есть дети, двое, но он к этой работе привык. Казалось даже, что он делал это с величайшим удовольствием...»

Из допроса Г. Зорге, «железного Густава»: «Если человек кашлял, вы избивали его?» – «Так точно. Если человек кашлял или у него было неприветливое лицо, я бил его». – «А если у него было приветливое лицо, вы его тоже избивали?» – «Тогда я находил причину, чтобы избить его...» – «Получали ли вы от своих начальников какие-либо льготы?» – «Так точно. При повышении в должности мне всегда отдавали предпочтение...»

Из письма бывшего немецкого заключенного В. Клинга:

«В Заксенхаузене был раппортфюрер, которого называли «железный Густав». Это был кровожадный волк в человеческом обличье. Однажды я видел его плачущим перед лагерным врачом. Заболел его ребенок. Зийрес, комендант Маутхаузена, подарил сыну ко дню его 14-летия несколько заключенных в качестве мишени для стрельбы... В частной жизни он считался любящим семьянином и страстным садоводом-любителем.

Непосредственно после нашего освобождения я наблюдал добрую сотню этих «железных», для которых ежедневные массовые убийства были наскучившим делом... Они превратились в мерзко визжащих, отрицающих всё субъектов, каждый из которых был достаточно бесстыден, чтобы подсакивать с просьбой к бывшему заключенному, входящему в камеру: «Нет ли у вас сигареты?» Следующие их слова: «Во всем виноват Зийрес», а Зийрес... проклинал Эйгрубера, гаулейтера Верхней Австрии, который, мол, один виноват во всем и один якобы несет ответственность...

Неужели это правда, что «вовне» никто не знал о преступлениях за стенами лагерей? Правда состоит в том, что миллионы немцев, отцы и матери, сыновья и сестры, не видели ничего преступного в тех преступлениях. Миллионы других совершенно ясно понимали это, но делали вид, что ничего не знают...»

Дж. П. Стерн, английский историк: «Граждане Третьего рейха, по-видимому, знали ровно столько... сколько хотели знать. А то, чего они не знали, им по очевидным причинам было удобнее не знать. Но сам факт, что они не хотели чего-то знать, указывает на то, что они знали достаточно для того, чтобы не желать знать больше».

6

Т. Манн: «Знает Бог, я не рожден для ненависти, но этих развратителей людей и кровожадных дураков я ненавижу до глубины души и желаю им ужасного конца; они его заслужили...»

Судебный процесс в Нюрнберге над главными нацистскими преступниками начался в ноябре 1945 года и продолжался десять месяцев. На скамье подсудимых оказались бывшие политики, военные, промышленники, дипломаты, идеологи нацизма, которые несли главную ответственность за совершенные преступления. И. Эренбург: «Я жадно разглядывал подсудимых, как будто искал разгадку трагедии. Геринг улыбался хорошенькой стенографистке, Гесс читал книгу, Штрейхер жевал бутерброды. А в то время читали документы: убиты в застенках триста тысяч, шестьсот тысяч, шесть миллионов... Когда показали фильм о лагерях смерти, Шахт повернулся спиной к экрану – не хотел смотреть; другие глядели, а Франк плакал и вытирал глаза носовым платком... увидел на экране то, что много раз видел в действительности. Может быть, он плакал над собой – понял, что его ждет?..»

Нюрнбергский процесс. В первом ряду (слева направо): Г. Геринг, Р. Гесс, И. Риббентроп, В. Кейтель, А. Розенберг

Международный военный трибунал из представителей СССР, США, Великобритании и Франции предъявил подсудимым обвинения в военных преступлениях, а также в преступлениях против человечности – в порабощении и истреблении гражданского населения по политическим, религиозным или расовым мотивам. Трибунал впервые признал геноцид – физическое уничтожение народов по национальным признакам – тягчайшим преступлением; СС, СД и гестапо были объявлены преступными организациями.

В. Кейтель сказал на суде в свое оправдание: «Я был лояльным, верным и покорным солдатом своего фюрера».

Суд приговорил к смертной казни через повешение 12 человек: рейхсмаршала Г. Геринга, министра иностранных дел И. Риббентропа, начальника штаба верховного командования армии В. Кейтеля, шефа Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннера, министра по делам восточных территорий А. Розенберга, генерал-губернатора оккупированных польских территорий Г. Франка, министра внутренних дел В. Фрика, одного из руководителей нацистской партии и идеолога антисемитизма Ю. Штрейхера и других. Трех подсудимых приговорили к пожизненному заключению, троих оправдали, четверых – к тюремному заключению на срок от десяти до двадцати лет.

Приговоренных к смерти казнили 16 октября 1946 года, трупы сожгли, пепел рассеяли с самолета над Германией. За несколько часов до казни Геринг покончил жизнь самоубийством, приняв яд; это он сказал однажды: «Если мы проиграем войну, то помоги нам Бог...»

Рейхсфюрер Г. Гиммлер переоделся в форму солдата, бежал, но был опознан англичанами и принял яд (незадолго до поражения Германии он признался своему адъютанту: «Шелленберг, я страшусь будущего...»).

Министр пропаганды Й. Геббельс покончил жизнь самоубийством в Берлине, в бункере Гитлера, 1 мая 1945 года; это он записывал в дневнике перед началом войны с СССР: «У нас и без того столько на совести, что мы должны победить. Иначе наш народ, мы во главе со всем, что нам дорого, будем стерты с лица земли...» Вместе с ним завершила счеты с жизнью Магда Геббельс, его жена, но перед этим она велела дать яд своим детям – пяти девочкам и одному мальчику. «Я рожала их для фюрера и Третьей империи... – заявила она. – Мир, который наступит после фюрера и национал-социализма, уже не стоит того, чтобы в нем жить».

7

Из рассказов детей нацистских преступников (Германия послевоенных времен):

«В тринадцать лет я узнала, что мой отец... во время войны был не на фронте, а работал в концентрационном лагере. Мать рассказывала мне, как она постоянно ждала от него вестей с фронта. Отец же каждый вечер приходил домой, садился за стол и ел суп, приготовленный матерью для тяжело работающего мужа. Он делал свою работу, она – свою...»

«Однажды, один-единственный раз, отец был настолько пьян, что проговорился, как это ужасно добывать детей из пистолета, – «эти иди-

оты-солдаты целились из пулеметов слишком высоко, по взрослым». Господи, любимый папа! Каким хорошим человеком он был! Он плакал, рассказывая об этом. «Это были ужасные времена, – причитал он. – Слава Богу, что они уже прошли...»

«Мой отец был государственным служащим на железной дороге. Перед войной, во время войны и после нее. Маленький чиновник высокого ранга... Приличный, сдержанный, неподкупный. Сначала член компартии, затем – нацистской партии и под конец – социал-демократ... Он всегда примыкал к тем, кто мог быть угрозой для него... У него был талант предугадывать запросы возникающей новой власти и готовиться к этому... Один из тех, кто подает веревку палачу, предварительно осмотрев ее и признав пригодной...»

«Меня зачали в 1944 году. Вероятно, в то время, когда твоя бабушка была уничтожена в каком-нибудь концлагере... Когда я подросла, отец часто повторял: «Уже в сорок третьем году мы знали, что войну против союзников проиграем. Но евреи должны были умереть...» Виноватым он себя никогда не чувствовал. Ни разу не сказал о том, что совершил ошибку или участвовал в преступлениях. Он был жертвой обстоятельств. И я ему верила...»

«Став врачом, отец сразу же пошел работать в СС... До конца жизни он гордился ролью, которую исполнял во время войны. Любил повторять: «Врач защищает, оберегает и продлевает жизнь людей. Врач, обладающий национальным сознанием, делает это – если нужно – за счет жизни другого. Этим он отличается от врача, лишённого национального чувства...» Мой отец убивал – да, это так. У него на совести сотни заключенных... Но не забывайте: он делал это из убеждений, а не из жадности убивать... Немецкий народ был для него организмом, единым телом. И его задачей было защищать этот организм от болезней и несчастий, устранять тех, кто является источником страданий, вести исследования ради подготовки этого тела к будущему...»

Справка: 45% врачей и студентов медицинских факультетов Германии были членами нацистской партии, 7% врачей состояли в СС.

«Бабушка еще жива. Старая, злая женщина с волосами на подбородке... Она и сегодня восторженная национал-социалистка. Ее любимая фраза: «При следующем Гитлере такого конца не будет. Он не допустит поражения ни от кого...» Дедушка также был убежденным нацистом. Он только терпеть не мог СС. Считал, что они виновны в поражении. Одно из его изречений: «Если бы они меньше воевали в тылу, а больше на фронте, Иван был бы сегодня мертв...»

«Даже сейчас, когда заходит речь о прошлом отца, у меня начинаются судороги. Он служил в войсках СС... Если я пыталась говорить с ним на эту тему, отец всегда уходил от ответа... Однажды в приступе ярости он впервые рассказал, что жил в поселке караульного персонала рядом с Бухенвальдом. Из его слов следовало, что там жили сытые и прилично одетые люди из лагеря... Убийств не было. Лагерь уничтожения не существовало. Личная вина – это миф...»

«Примирение с родителями было возможно. Но они упустили свой шанс. Если бы моя мать сказала один только раз: «Дочка, я всё обдумала. То, что случилось, это самое худшее из того, что могло произойти. С чувством вины я буду лежать в гробу. Но надеюсь, ты станешь другой, извлечешь уроки из моей жизни». С такой матерью я могла бы примириться. Даже если бы она служила надзирательницей в концлагере...»

Сразу после прихода Гитлера к власти еврея Эриха Зелига лишили звания чемпиона Германии по боксу в среднем весе. Вскоре после этого цыган Иоганн Трольман выиграл матч у немецкого боксера, стал чемпионом Германии в этой весовой категории, но его лишили почетного звания, заставили выйти на матч-реванш с тем же противником и дать возможность «арийцу» себя нокаутировать. Во время войны Трольман воевал в пехоте на Восточном фронте; в 1942 году его арестовали и после многих издевательств расстреляли в концлагере.

Первые сведения об уничтожении евреев Европы стали поступать в Палестину в 1942 году. Однако многие считали, что эта информация явно преувеличена и является частью антинацистской пропаганды, которую проводили союзники. В ноябре 1942 года приехала в Палестину группа евреев, которые прошли через польские гетто, – их рассказы потрясли всех. Через месяц Геббельс записал в дневнике: «Евреи Иерусалима устроили шумную демонстрацию протеста. Объявили пост. У Стены плача читали проклятия из Ветхого Завета против фюрера, Геринга, Гимmlера и меня... Они пытаются настроить весь мир против нас, против национал-социалистического Рейха и против наших антисемитских убеждений. На это у нас один ответ – продолжать то, что мы делаем сейчас, и без компромиссов. Малейшее проявление слабости – и ты погиб».

Х. Вейцман: «В последние годы войны... трагедия европейского еврейства разворачивалась перед нами во всем ее помрачающем рассудок объеме. Это была не только трагедия физических страданий... но также трагедия унижения и предательства... Тысячи жизней... можно было спасти, если бы демократические страны и их правительства действительно были в том заинтересованы.

Я напоминаю об этом не для того, чтобы обвинять: наша трагедия слишком велика для сведения счетов. Я просто хочу быть понятым. Как и во всех человеческих трагедиях, мысль о том, что всё могло быть по-другому, если бы меры приняли вовремя, делает горечь нестерпимой».

После войны Альберту Эйнштейну вновь предлагали стать членом Германской академии наук в Берлине и членом Баварской академии наук, но он неизменно отклонял приглашения. Из его писем: «Немцы убивали моих еврейских братьев; я не хочу более иметь с ними ничего общего, даже если речь идет о сравнительно безобидной академии... Поведение немецкой интеллигенции – в целом как группы – было ничем не лучше, чем поведение черни... Я не желаю, чтобы труды, автором которых я являюсь, выходили в Германии – из чувства еврейской солидарности...»

И это Эйнштейн написал такие слова: «Мир слишком опасен, чтобы в нем жить, – и не по вине творящих зло, а из-за тех, кто стоит рядом и ничего не делает».

Голда Меир, глава правительства Израиля: «Евреи больше не могут и не должны зависеть от кого бы то ни было, чтобы им разрешили оставаться в живых... К глубокому моему огорчению, есть еще люди, не понимающие, что мы обязались жить и вести себя так, чтобы евреи, погибшие в газовых камерах, были последними евреями, которые умерли, не обороняясь».

Очерк шестьдесят восьмой

Судьбы страшного времени

1

Из письма сержанта С. Грутмана (город Ковель в Западной Украине, 1944 год):

«Приехал я в Ковель ночью. С рассветом начали вырисовываться развалины города. Сердце сжалось от тоски и боли... Я прошел в кварталы, где жили ремесленники, где жил и я, где осталась моя мать, но этого места не нашел... Не видно никаких следов от домов: пустырь, заросший бурьяном в человеческий рост. Только одна большая синагога... огромное, пустое, двухэтажное помещение на тысячу человек. Свитки Торы сожжены, скамеек нет, а стены испещрены дырками от автоматных очередей...

Подошел к стенам и ужаснулся! Стены заговорили... Оказывается, все они исписаны карандашом. Нет пустого места. Это последние слова обреченных. Это прощание с белым светом. Сюда гитлеровцы сгоняли людей, отсюда они их, обобрав до нитки, голыми уводили на расстрел куда-то за Ковель, на ковельское кладбище, в леса и болота, а может быть, и в Майданек, с которым Ковель имеет прямое железнодорожное сообщение...

Я начал внимательно перечитывать надписи... Ноги подкашивались, слезы душили и мешали читать. Три с половиной года войны я крепился, крепился – и заплакал. Мне было стыдно стен, как будто они говори-

ли: «Ты ушел и не взял нас с собой; ты знал, что с нами так будет, и оставил одних».

Надписи были густо написаны, и каждый старался обвести их рамочкой, чтобы лучше выделить свой крик... В каждой надписи четко вырисовывались слова: «Некоме!» (евр.), «Помсты!» (польск.), «Отомстите!..»

На еврейском языке:

«Лейбу Сосна! Знай, что всех нас убили. Теперь иду я с женой и детьми на смерть. Будь здоров. Твой брат Аврум. 20.8.1942».

«Дорогая сестра!.. Я нахожусь в синагоге и жду смерти. Будь счастлива и переживи эту кровавую войну. Помни о твоей сестре. Поля Фридман».

«Ида Сойфер, Фридман Зейлик, Фридман с женой и детьми, Церун Лейзер с дочерьми и Кац Сруль погибли от рук немецких убийц. Отомстите!»

«Гитл Зафран, Рива Зафран погибли от резни в четверг 19.8.1942 г. К мести!»

На польском языке:

«20.8.42. Погибли Зелик, Тама, Эла Козен. Отомстите за нас!»

«Невинная еврейская кровь пусть прольется на всех немцев. Мечь, мечь! Пусть гром их прильет. Курва их мать. Сруль Вайнштейн. 23.8.42 г.»

На русском:

«Лиза Райзен, жена Лейбуша Райзена. Мечта матери увидеться с единственной дочерью Бебой, проживающей в Дубно, не осуществилась. С большой болью уходит в могилу...»

2

Аркадий Иоселев, Бобруйск:

«Она, по теперешним понятиям, была бы матерью-героиней: десять сыновей и двух дочерей родила и вырастила моя бабушка Мира. Все сыновья были как на подбор: высокие, широкоплечие, физически сильные... А дочери Белла и Фаня росли красивыми и статными.

Бабушка Мира и дедушка Берл жили в деревянном доме, в Рабочем переулке города Бобруйска. При доме был большой огород, который бабушка очень любила. Она выращивала там овощи, поливала и полола гряды. Чтобы бабушке не трудно было копать огород, это делали сыновья – ребята здоровые и работающие. Они же вырыли на краю огорода колодец, чтобы ей издалека не таскать воду для полива. Хороший был огород у бабушки Миры. Чего только там не росло: лук и чеснок, помидоры и огурцы, редиска и клубника! Я и мой брат Эдуард любили «пасть» в бабушкином огороде, но она никогда не сердилась.

Но вот началась война. В Бобруйск ворвались фашисты... И когда враги начали хозяйничать в огороде, захотели увести корову, бабушка рас-

сердилась и стала с ними ругаться. Ее оглушили ударом приклада по голове и бросили в колодец. И стал колодец, вырытый ее детьми, могилой.

Все сыновья бабушки защищали Родину. Вернулся, и то без обеих ног, только мой дядя Миша... остальные погибли в боях с фашистами. На Балтике – дядя Давид, под Сталинградом – Мишара, в Югославии – Файтель, в Белоруссии погиб мой отец, без вести пропал дядя Авре... От остальных не осталось следов.

Когда я старшим лейтенантом вернулся из армии, то в первую очередь навестил дом бабушки. Он уцелел, только показался мне сиротливым. О страшной ее судьбе рассказали соседи. Ровное место было на месте колодца, из которого я когда-то помогал бабушке доставать воду... Ни холмика, ни памятника.

На глубине восьми метров покоится вечным сном моя дорогая бабушка Мира. Никого не осталось от большой еврейской семьи. Не обозначена и страшная ее могила. Знаю только, что колодец был в пятишести метрах от юго-западного угла дома...»

3

Раввин Цви Гирш Мазелиш (из книги вопросов и ответов по еврейскому религиозному праву):

«Предстал передо мной еврей, простой еврей из Подолии – судя по прямоте, с которой он изложил свое дело:

– Рабби! Мой единственный сын, который дороже мне зеницы ока, находится там, среди молодых людей – их ждет крематорий. Я мог бы выкупить его, но тогда полицаи возьмут другого взамен него. Об этом я и пришел спросить у рабби, как быть и как поступить: вправе ли я по закону Торы выкупить сына? И как вы решите, так я и сделаю.

Услышал я такие слова и затрепетал: ведь мне предстоит решить вопрос жизни и смерти! И ответил ему так:

– Дорогой вы мой! Как же я могу дать ясный ответ на такой вопрос и в таких обстоятельствах? Ведь даже во времена Храма подобный вопрос обсуждался бы Синедрионом, – а что я могу здесь, в Освенциме, без книг Закона, без помощи других учителей, без какой-либо возможности составить ясное мнение, когда такое творится вокруг?

Но человек весь в слезах продолжал настаивать:

– Рабби! Вы должны вынести решение, вправе ли я выкупить своего сына. Теперь, когда есть еще надежда на спасение.

Я же упрашивал его:

– Уважаемый вы мой! Молю вас, не спрашивайте меня! Я не могу ответить на вопрос, не заглянув в книги, тем более в такую страшную пору.

А он не отставал:

– Рабби! Если вы не позволяете мне спасти единственного сына, так тому и быть. Я покорно принимаю ваше решение.

Я же умолял его, протестуя:

– Любимый вы мой! Я не говорю вам ни да, ни нет. Поступайте так, как сочтете нужным, будто и не задавали мне этого вопроса.

Он же не уходил и продолжал настаивать. Но когда наконец понял, что не получит ответа, то воскликнул:

– Рабби! Я поступил согласно закону Торы – задал вопрос раввину, другого же раввина здесь нет. Раз вы не можете ответить мне, вправе ли я спасти своего сына, значит, вы не желаете сказать, что по Закону это запрещено... Мне этого достаточно. Сын мой взойдет на костер – я же покорно приму это и не сделаю того, чего делать нельзя. Напротив, я поступлю так, как заповедано в Торе.

Не помогли мои просьбы, чтобы он не перекладывал на меня ответственность за это. Он снова говорил о своем – в такой простоте и таких слезах, что сердце разрывалось на куски... Так он и поступил и не выкупил сына.

Весь праздник Рош га-Шана он ходил туда-сюда и говорил себе, что довелось ему принести своего любимого сына в жертву Всевышнему. Хоть он и в состоянии выкупить его, но не делает этого, потому что Тора запрещает, – и уподоблялся тем самым праотцу Аврааму во время жертвоприношения Ицхака, которое тоже происходило в Рош га-Шана».

4

Эдуард Фридман, гетто Минска:

«Мы скрылись в пещере в октябре 1943 года. Тогда нас было двадцать восемь человек...

Пещеру вырыли на территории еврейского кладбища, под бетонным перекрытием разрушенного дома. В двух отсеках оборудовали стеллажи. Готовились к добровольному заточению несколько месяцев. Каждая семья старалась запасти побольше сухарей и других продуктов. Взяли самые необходимые вещи, для хранения воды притащили трехсотлитровые бочки. Печник Пиня Добин, чтобы замаскировать вход в наше укрытие, сделал лаз и приготовил кирпичи – замуровать его изнутри.

Первое время, чувствуя себя в относительной безопасности, люди жили дружно, не унывали и верили, что дождутся освобождения. Дети придумывали себе незатейливые игры, пела грустные еврейские песни моя мама Марьяся, много шутила неунывающая Рахель. Чтобы не выдать себя разговорами и шумом, мы избрали необычный образ жизни:

спали днем, а бодрствовали ночью. Была коптилка, свечи, лучины. Но светом старались не пользоваться...

Первой умерла самая старая женщина Хая Сора. Ее похоронили здесь же, в пещере. Потом ушел из жизни пожилой бухгалтер Берл.

Через несколько месяцев мы поняли, что можем погибнуть от жажды. В бочках кончилась вода. Мы только увлажняли пересохшие губы. Больше всего страдали дети, и тут случилось чудо. Однажды печник Пиня обнаружил недалеко от могилы, где похоронили бухгалтера, мокрый песок. Он стал разгребать это место, и из-под земли начала сочиться талая вода, по-видимому, от таяния снега. Сначала мы радовались этому, заполнили доверху бочки, пили воду до отвала... а потом испугались, что она нас затопит. Все перебрались на верхние полки стеллажей, а вода всё прибывала и прибывала. Радость сменилась отчаянием. Но есть Бог на свете: к концу недели вода стала спадать.

Прошло, наверное, уже пять месяцев. И молодежь стала роптать, проситься, чтобы их выпустили на волю из этой могилы. Парни и девушки готовы были уйти к партизанам, но наш вожак Пиня Добин не соглашался. Это означало, по его мнению, посылать людей на верную смерть. И всё-таки две девушки его уговорили. На дворе уже март, весна... Они обещали установить контакт с партизанами и вернуться, чтобы вывести всех в лес. Как ушли, так их больше никто не видел...»

Они пробыли в убежище девять месяцев – последние недели в темноте, почти без еды:

«О том, что Минск освобожден, мы узнали в пещере на вторые сутки. Большинство из оставшихся в живых выползло на свет Божий на четвереньках. Солдаты, освободившие город... вызвали военных врачей: ведь мы были ослепшими от постоянной темноты, ходить уже не могли. Меня – высохшего и скрюченного, с неразгибающимися ногами – вынесли на носилках из пещеры, чтобы отправить в госпиталь. И оказалось, что от голода и темноты у меня, девятилетнего дистрофика, выросла борода...»

5

В первые дни оккупации Каунаса собрались уважаемые люди города, чтобы выбрать председателя юденрата, который станет их представителем и защитником в те страшные времена. Предложили занять эту должность Э. Элькесу, известному в городе врачу; он отказался, и тогда раввин Шмуклер сказал: «Мы избираем вас в самый трагический для нас час, когда все мы истекаем кровью, и меч убийцы занесен над нашими головами. На вашу долю выпало принять на себя обязанности невыполной трудности, но в то же время это и особая привилегия. Это звание

даст вам возможность творить добро, и у вас нет права уклониться. Станьте нашим руководителем, защитите нас; вы будете с нами, а мы будем с вами, пока не настанет великий час избавления!» Доктор Элькес согласился и был председателем юденрата Каунаса до окончательной ликвидации гетто.

Из завещания Э. Элькеса (октябрь 1943 года):

«Дорогие мои сын и дочь!

Я пишу вам эти строки, мои любимые дети, после двух лет пребывания в гетто, в этой юдоли плача. Нам стало известно, что в ближайшие дни наша участь будет решена. Гетто, в котором мы находимся, ликвидируется. Одному Богу известно, все ли мы погибнем или кто-нибудь останется в живых...

Милые мои, я очень сомневаюсь, удастся ли мне увидеть вас, обнять и прижать к сердцу, и перед расставанием с этим миром и с вами мне хочется сказать еще и еще раз, насколько вы нам дороги и как мы вас любим.

Любимый Йозель! Будь верным сыном своего народа. Думай о нем, береги его – и не думай о гоях! В нашем долгом галуте (изгнании) они не дали нам даже десятой доли того, что мы дали им. Размышляй об этом, сын мой, размышляй об этом постоянно.

Постарайся жить в Эрец Исраэль. Это естественно для сына еврейского народа. Может, жизнь там будет трудна, полна тягот, но зато богата содержанием... Иди прямо, не оглядывайся по сторонам, если иногда встретишь своих братьев в неприглядном виде, в грехе и даже мерзости, – не расстраивайся, сын мой. Не они виноваты в этом, а их горькая галутная судьба...

Моя любимая дочь Сарра, прочти внимательно мои слова, обращенные к Йозелю... Идите по жизненной стезе вместе, не расставайтесь... и не забывайте того, что причинил нам современный Амалек. Помните это до последнего дня своего и передайте как священный завет будущим поколениям. Немцы убивали нас, резали, уничтожали с полным спокойствием и равнодушием... Они с аппетитом ели свой утренний бутерброд, одновременно следя за тем, чтобы машина уничтожения действовала безотказно, и насмехались над нашими мучениями. Я видел их, как они возвращались с места казни, с ног до головы обрызганные кровью наших близких и родных. В прекрасном настроении они садились за стол, ели, пили, слушали по радио легкую музыку. Настоящие профессиональные палачи!

Литовская земля пропитана еврейской кровью, пролитой литовцами, с которыми мы жили много сотен лет и которым помогали создавать независимое государство... С особым рвением, не нуждаясь в приказах, рыскали они по лесам, полям, пещерам и домам, чтобы разыскать последних прячущихся евреев и передать их властям. Дети мои, никогда

не желайте им добра! Да будут они прокляты, они и их дети, в ваших глазах и в глазах будущих поколений!

Я пишу в то время, когда несчастные вдовы и сироты, обездоленные и голодные люди валяются у порога моего дома и умоляют о помощи. Но силы мои истощены, а душа опустошена. Дорогие мои, вы поймете, что я испытываю в эти минуты и что я хочу сказать вам. Обнимаю и целую вас и до последнего вздоха остаюсь любящим вас отцом. Эльханан».

Эльханан Элькес погиб в лагере Дахау в октябре 1944 года.

6

Лидия Гойхман, местечко Терновка Винницкой области (к началу войны ей исполнилось пять лет):

«Никакой еды не было вообще. Наступала зима. Мама попросилась к одной крестьянке на чердак. Брат жил отдельно в какой-то заброшенной конюшне. Вечерами он приходил, мама раздвигала снопы и сбрасывала меня с чердака прямо в снег. Снег ударял мне в глаза, начиналась резь, боль в глазах, дикая головная боль. Я падала на колени, а брат волоком тащил меня за руку и показывал, куда ползти; я подползала к двери, стучала и просила: «Дайте кусочек хлеба». Кто давал, кто собаку натравливал.

Мы погибали. И тут мама упросила одну женщину взять меня. Месяца три эта женщина прятала меня в чулане, на чердаке, иногда на холодной печи. Что ела, я не упомяну. У ней самой нечего было есть, да еще двое своих детей. Эта женщина хотела меня завести в церковь и крестить. Но я отказалась. Откуда это было во мне? И сейчас я, женщина в возрасте, не пойму, откуда это у маленького измученного, несмышленного, полудикого ребенка? Как это объяснить?

И так мы мытарствовали, пока не пришли спасители. Первые наши солдаты, увидевшие меня, спросили у крестьянки: «Чем болеет эта девочка? Она скоро умрет».

Не умерла. Но в итоге – длительная тяжелая болезнь с двенадцати до двадцати лет, безрадостная тяжелая жизнь, исковерканная судьба...

Я иду с ярмарки, которая называется «жизнь». И вспоминая эту ярмарку, содрогаюсь от боли и обиды. Я спрашиваю у Бога, у людей: «За что?!» Можно ли назвать мое прозябание жизнью? Почему на ярмарочном маскараде мне отведена такая роль? Наверное, артисту, сыгравшему эту роль, положена оплата в многократном размере. А ведь со мной никто до сих пор не рассчитался, никто не возместил ущерб, нанесенный детскому сердечку. Кому мне предъявить иски? Фашистам, которые отняли у меня детство, отца, радость, здоровье?.. За всю жизнь я не могу вспомнить ни одного дня, чтобы могла сказать: «Этот день прожит нормально...»

В детстве я мечтала о куске хлеба, о свободе. Как бы мне хотелось подержать в руках настоящую куклу! Мечта не сбылась. Выросла без куклы, без всяких игрушек. Позже, будучи прикованной к постели, мечтала постоять на собственных ногах, подышать воздухом.

И так – всю жизнь, одни мечты, которые не сбывались. О чем теперь мечтать состарившейся несчастной женщине? О покое? Где же он... Как можно заполучить покой, сидя у разбитого корыта? Будущего уже нет, настоящее очень мрачно...»

7

Из книги Труди Биргер «Завтра не наступит никогда» («марш смерти» из лагеря Штуттоф):

«Еле живых от слабости, нас погнали пешком к побережью моря. Наш поход продолжался шесть часов. Конвоиры непрерывно орали: «Schnell, Schnell!»... Раненая нога во время марша мучила меня ужасно... Я шла и кусала губы, чтобы терпеть эту боль, ведь избавление было совсем близко, и до него следовало дожить. Мы были почти раздеты, свежий ветер с моря пронизывал до костей, никакой пищи нам не давали и не позволяли останавливаться.

В конце концов нас пригнали к трем баржам... и они двинулись прочь от берега в открытое море... Мы собирали грязную жижу, смесь морской и дождевой воды на самом дне трюма, жевали солому, чтобы наполнить наши желудки. Немецкая команда глядела на нас сверху и весело кричала: «Животные! Грязные свиньи! Чтоб вы скорей подошли!..»

Четвертого мая, едва ли не в последний день войны, британские бомбардировщики атаковали нашу баржу и подбили ее. Баржа получила большую пробоину и, накренившись, стала тонуть, на борту возник пожар... Был пронзительный ясный день. Вокруг нас виднелись другие баржи, переполненные заключенными... Британские военные корабли маячили на горизонте. Они приближались. Немцы выбросили белые флаги. Это были флаги поражения. Я обняла маму. Война закончилась, а мы остались живы.

Тем временем наша баржа, кренясь всё больше, начала погружаться в воду... По каким-то причинам главным на барже оказался немецкий кок... Он стоял на палубе, кутаясь в одеяло... у его ног быстро расплывалась темно-красная лужа. Я поняла, что кок серьезно ранен. Дико оглянувшись вокруг, он вдруг заорал: «Евреев в воду!..» Уголовники стали надвигаться на нас, собираясь привести приказ в исполнение. Мы отступали к борту. Невероятно! Баржу окружили английские корабли, немцы выбросили белые флаги, а эти «троглодиты» собираются сбросить нас в воду! Для того ли мы выжили в Штуттоффе?..

Я оказалась ближе всех к краю... Я видела под собой чистую ледяную воду. Мне было понятно, что если я туда упаду, то сразу погибну. Ветер дул прямо в лицо. Британский корабль приближался, но делал это очень медленно. И тут ко мне пришло вдохновение. Я вспомнила рассказы моего отца о древних героях, умиравших со словами: «Шма, Израэль!» («Слушай, Израиль!») Я обратилась к Богу еще раз. Он позволил свершиться ужасным трагедиям. Похоже, что Он несколько лет не смотрел на землю, но, может быть, Он услышит меня сегодня? И воздев руки в драматическом жесте, я крикнула Ему так громко, как могла: «Услышь меня, Боже!..»

И тут немец-кок сказал уголовникам: «Отставить, – и спросил меня: – Что ты кричала?» – «Я молилась моему Богу», – ответила я. «Он тебе не поможет, – засмеялся кок. – Ты сейчас упадешь в воду, и тебя сожрут рыбы». – «Не сожрут, – дерзко ответила я. – Бог хранил меня до сих пор и сейчас не даст погибнуть. А вот вы, немцы, скоро пойдете кормить собою рыб... Когда англичане увидят, что вы с нами сделали, они выбросят вас за борт...»

Мои слова заставили его задуматься. Он скомандовал: «Евреи остаются», и уголовники перестали напирать. Таким образом, никто из тридцати женщин не был выброшен за борт. Мои молитвы и уверенность в себе поколебали кока. «Девочка, – сказал кок, – это было здорово. На, – он скинул с себя одеяло и протянул мне, – возьми. Согрейся...»

Мы с мамой завернулись в это заляпанное кровью одеяло и прижались друг к другу, а кок упал и потерял сознание...»

8

И далее, из книги Труди Биргер:

«Каждый день хоть чем-то напоминает мне о Катастрофе. Чувства плохо поддаются контролю. Картины прошлого преследуют. Мне часто мерещится военный госпиталь. Стоит зайти в общественный туалет, и я внезапно вижу, что стою на коленях и чищу загаженные унитазы. Или когда муж паркует машину у «Хилтона», возле концертного зала, и на глаза попадает дым из каминных труб отеля, мне вспоминается крематорий в Штуттгофе. Тогда становится уже не до музыки, у меня в ушах звучат предсмертные стоны...

Иногда я даже сама не знаю, что именно нажимает на спусковой крючок памяти. Например, картина моста в гетто Каунаса часто является мне без всякого повода. Я вижу вереницу евреев, волокущих свои пожитки через мост, ведущий их к гибели, и мне хочется закричать: «Остановитесь, бросьте свои узлы и чемоданы – они вам не понадобятся! Не будьте покорными! Бегите отсюда прочь! Прячьтесь! Не давайте нацистам убивать себя!» Но я молчу – они не услышат меня. Даже если бы их

остановили на том мосту и сказали, что они идут на верную смерть, они не стали бы слушать. Потому что летом 1941 года у евреев не было шансов спастись от смерти. И бежать им было некуда...

У меня нет сил посещать кладбища – я делаю исключение только для могилы моей мамы, которую навещаю каждую пятницу. На кладбище мне мерещатся горы трупов... И мне хорошо известны симптомы надвигающейся депрессии. Если я, будучи в здравом уме, вдруг начинаю покупать огромное количество хлеба и припрятывать его, это самый верный признак...

Многие из бывших узников заболели шизофренией, а я отделалась «всего лишь» хронической бессонницей... Днем я чувствую себя замечательно, но ночью, особенно в кризисных ситуациях – а надо сказать, жизнь в Израиле богата такими ситуациями, – мне очень плохо, и я говорю себе: «Всё, больше не могу». Во время войны Судного дня, когда мой муж и сыновья были мобилизованы, я... чувствовала себя на краю гибели. На грани безумия. Мой сын Оded служил в танковых войсках, участвовал в одном из самых кровавых сражений той войны; я знала о грозящей ему смертельной опасности, и это было для меня совершенно невыносимо. Когда я услышала, что он возвращается невредимым, я почувствовала такую радость... которую мы испытали в момент освобождения от ужаса концлагеря...

После Войны за независимость самым сильным моим желанием стало желание родить детей. Но у меня был туберкулез, и мне сказали, что роды могут оказаться опасными. «Кому при этом грозит опасность, – спросила я врача, – мне или ребенку?» Узнав, что мне, а не ребенку, я решила пойти на риск, и мой первенец Дорон (это имя означает «подарок») родился в 1951 году... Умение и забота акушера помогли избежать кесарева сечения, сделав возможными следующие роды, которые подарили двух следующих сыновей, Одеда и Гиля. Мы с мужем не хотели, чтобы на наших детей падала тень Катастрофы. Пусть они знают, что мы прошли через концлагеря, но мы не будем рассказывать им страшные подробности. Я хотела, чтобы они восхищались нами, а не жалели за то, что мы оказались жертвами нацистского террора...

Иногда я начинаю сомневаться: какой смысл рассказывать об этом? Разве кто-нибудь, не прошедший через гетто и лагеря, сможет понять меня? Кому какое дело до боли и страха миллионов людей, уничтоженных только за то, что они были евреями, до горя их близких?.. Нет, говорила я себе, ты обязана, ты должна растопить даже самое ледяное сердце...

Огромное количество самых страшных подробностей и деталей стерлось в моей памяти, оставив только мучительные ощущения, которые уже никогда меня не покинут. Они проникли в тело, в кожу и кости – все, кто пережил Катастрофу, могут это подтвердить. Когда читатель перевернет

последнюю страницу моего повествования, он снова вернется в сегодняшний день, к своим друзьям, близким и детям, а я и все еще живые узники гетто и концлагерей останемся наедине со своим горем и болью.

И нам никогда не дано от этого уйти.

Никогда».

Местечко Монастырщина Смоленской области (из «Черной книги»):

«Исаак Розенберг был женат на русской женщине Наталье Емельяновне Розенберг. У них было двое маленьких детей; они уцелели: матери удалось убедить палачей, что это дети от ее первого мужа. Наталья Емельяновна спрятала мужа в яме под печкой. Так он провел два с лишним года. Он сидел согнувшись; нельзя было ни лечь, ни встать. Когда ночью он выходил наверх, то не мог выпрямиться. От детей скрывали, что их отец прячется в подполье. Однажды четырехлетняя девочка, заглянув в щель, увидела большие черные глаза. Она закричала в ужасе: «Мама, кто там?» Наталья Емельяновна спокойно ответила: «Я ее давно заметила – это очень большая крыса»...

Часто вода наполняла яму. Кашель душил Розенберга, но он не смел кашлянуть. (Розенберг записал на обрывке немецкой газеты: «Никогда не думал, что может быть еще такая свобода – кашлянуть...») Дом был очень хороший, он понравился немцам. Тогда Наталья Емельяновна ночью разобрала крышу. Комнаты заливало водой, зимой было холодно, зато немцы больше не желали там поселиться.

Наталья Емельяновна заболела сыпняком. Ее увезли в больницу. Детей приютила соседка. Исаак Розенберг по ночам вылезал наверх, лизал клей с обоев. Так он продержался две недели до возвращения жены – ослабевший, но живой... Части Красной армии подошли вплотную к местечку. Шли бои. У дома Розенберга стояли немцы с орудием. Наталья Емельяновна взяла детей и... убежала в лес.

Она вернулась, когда в местечко ворвались красноармейцы, увидела еще дымившуюся золу и печь: дом сгорел, Исаак Розенберг задохнулся от дыма. Он просидел в подполе двадцать шесть месяцев и умер за два дня до освобождения Монастырщины советскими частями...»

«Здравствуй, дядя Миша! Пишу из родного Йзяслава, который вы бы не узнали. От нашего местечка осталась жалкая половина.

Но зачем оно вообще осталось? Лучше бы его не было, не было бы всего, лучше бы я на свет не родился.

Теперь я уже не тот Сянька, которого вы знали. Я сам не знаю, кто я теперь. Всё кажется сном, кошмарным сном. В Изяславе я и Фельдман Кива, наш сосед – больше никого не осталось от восьми тысяч людей. Нет моей дорогой мамы, папы, нет милого брата Зямы, Изи, Сарры, Боруха...

Я три раза удирал из концентрационного лагеря, не раз видел смерть в глаза, шагая в рядах партизан. Лишь пуля фрица вывела меня из строя. Но я уже здоров – нога зажила, и буду искать врага, чтобы отомстить за всё... Дядя Миша, помни, что это наш злейший враг – фашистский людоед. Какой ужасной смертью погибли все наши! Бей его до конца, режь по кускам! Никогда не попадайся к нему в руки...

Письмо вышло бессвязное, как бессвязна моя жизнь. Но всё-таки я еще жив... Я как будто вернулся с того света. Теперь начинаю новую жизнь – жизнь сироты. Как? Я сам не знаю как.

С приветом, ваш племянник Сяня Дереш...»

Сёма Шпунгин, шестнадцать лет:

«Я уехал из Двинска (Даугавпилса) и не хотел бы возвращаться туда, потому что мне больно ходить по улицам, по которым ходили мои родные и столько погибших евреев, проходить мимо нашего сожженного дома. Больше всего я хочу учиться и найти людей, которых бы я полюбил, и они меня тоже, чтобы не чувствовать себя одиноким в мире...»

Мордехай Цирульницкий, бывший узник Освенцима:

«Мне снова удалось бежать, и после долгих мытарств я перешел линию фронта... участвовал в боях против гитлеровцев. Ранен, два месяца пролежал в госпитале. Сейчас я демобилизован. Был дома в Острине. Жизнь в городе восстанавливается, но мне там сейчас слишком тяжело. Раны в моем сердце кровоточат. Всё мне напоминает мою семью, моих дорогих детей. И я решил пожить в другом месте... Мастер я неплохой, работаю. Надо жить. Будем жить...»

14 марта 1945 года в Московской хоральной синагоге провели панихиду по жертвам фашизма; на транспаранте было написано на иврите: «Народ Израиля жив».

Из высказываний бывших узников гетто и лагерей: «Мы победили – ведь у нас растут дети...»

Очерк-приложение

От автора – дополнением к прочитанному

1

С 1935 по 1939 год, пока правители многих государств обсуждали вопрос, что делать с европейскими евреями, пока евреи еще рассчитывали на то, что беду пронесет мимо, ездил из страны в страну, от Балтики до Карпат мужчина невысокого роста и фотографировал, как одержимый, уходящий в небытие еврейский мир Восточной Европы. Звали его Роман Вишняк – удивительный человек, который после прихода Гитлера к власти углядел то, чего другие не видели, не хотели видеть, боялись увидеть. Вишняк знал, что спасти он никого не сможет, но сохранить в памяти этот мир в его силах. Германия, Литва, Польша, Чехия, Румыния – он сделал множество снимков, порой с риском для жизни, спрятал их во Франции под досками пола, – сохранились из них две тысячи фотографий.

Только в России не побывал в те годы Роман Вишняк. Граница была на замке. На границе стоял пограничник Карацупа, стояла верная его собака Индус, и они не пропускали никого. А жаль. Карацупа мог бы посторониться по такому случаю. И были бы у нас теперь фотографии евреев Украины и Белоруссии, которые погибли в Катастрофе. Были бы – но их нет...

Темный-претемный фон, как предвестие гибели, и оттуда на вас, на теперешних, смотрит женщина – прекрасное лицо, лучистые глаза, тень

озабоченности или печали. И надпись под фотографией: «Будущее ее – муки Катастрофы...»

Вильно, год 1937-й. Узкие улочки. Битые стены. Затертые камни на мостовой. Идет женщина по еврейскому кварталу. В глубину улицы... А ведь и вы, очевидно, бывали в Вильно. Точнее, в Вильнюсе. Бродили по тем улочкам. Оглядывали стены. Отчего же вы попали туда после войны, а эта женщина до нее? Каждого из евреев касалась та Катастрофа, но вам повезло, а ей нет...

Надпись проста и доступна всякому: «Идише мама». «Идише мама» – что тут объяснять? Кто не видел этих мам – в Киеве на Подоле, в Москве на бульварах, в Одессе на Успенской улице? А почему именно на Успенской? А потому, что жила там бабушка автора этих строк, «идише мама», жили его тети – «идише мамы», жили их мужья и дети, но пришли завоеватели, высокая раса, и не осталось никого на Успенской улице. Хотя нет, бабушке автора повезло: она умерла раньше, до их прихода...

Краков, год 1938-й. Улица. Снег. Обшарпанные дома. Редкий торопится прохожий. Старик бредет против ветра – с палкой, в долгополом наряде: в синагогу, из синагоги? Что он думал тогда? Отмаливал ли судьбу? Принимал покорно?.. Краков. Побывайте в Кракове. Полюбуйтесь на его красоты. Всё восстановлено, война позабыта. Всё есть – евреев нет.

Зима. Заледеневшее окно. Ребенок за стеклом, занятый своим делом. Надпись: «Без обуви – шесть зимних месяцев не выйти из дома». Быть может, это и был выход из положения? Нет обуви – не выйти на улицу – не встать в общую колонну – не уйти вместе со всеми без возврата... Не было выхода из того положения.

2

В предыдущих «Книгах времен и событий» автор выступал в роли стороннего рассказчика событий, которые, казалось, не затронули его лично. Он родился в годы коллективизации, когда существовала карточная система и недоставало для ребенка белков, жиров с углеводами, но это была не его забота о пропитании – это была забота его родителей. Он спокойно спал в детской кровати, когда в коммунальной квартире арестовывали семейную пару, но это был не его страх – это был страх родителей, родственников, соседей в годы «большого террора». Он недоедал в эвакуации, у него были явные приметы дистрофии, как и у многих вокруг, но он страдал только от голода, а его мама – от голода и беспомощности, не имея возможности накормить досыта десятилетнего сына. Так оно было прежде, но на этот раз, в этой книге автор коснулся событий, которые оказали на него, как и на всех евреев, огромное влияние;

можно сказать без преувеличения, что мы живем с тех пор в тени этих событий, а потому не обойтись без авторского отступления. Казалось бы, нет и не может быть места подобным отступлениям в историческом повествовании, но ведь и читатель, раскрывая книгу, невольно добавляет к прочитанному из своего опыта, своих наблюдений и переживаний – отчего же автора лишать этого права?..

3

Я начинаю помнить себя, помнить осмысленно, четко, хронологически с первого дня войны. Я был уже большой тогда, казалось, должен бы помнить многое, довоенное, но нет – не помню практически ничего. Наверное, потому, что сильные впечатления военных лет полностью вытеснили всё предыдущее.

22 июня, утром, на даче под Москвой мы сидели на светлой солнечной террасе и слушали еврейские песни из коллекции моего отца. Всякий раз, как собирались родственники, отец доставал новый тогда патефон, крутил ручку, менял то и дело иголки и наслаждался, пожалуй, больше всех. У него тоже был голос, и он подпевал порой, закрыв глаза, запрокинув кверху голову. А родственники слушали, и мы, дети, слушали тоже.

Мы сидели на террасе, и прошел кто-то мимо, совсем посторонний, и сказал: «Война». Нас было много на той террасе: отец родился в многодетной семье, и вечно у нас кто-то жил, кто-то гостил, кому-то посылали в Одессу мыло, сахар, прочие продукты, хотя по радио то и дело говорили, что «жить стало лучше, жить стало веселее».

Бася и муж ее Яков – неприметный бухгалтер на одесском заводе – жили небогато. Мотла-вдова жила скудно с тремя детьми на Нежинской улице. Исаак был книгоношей: выходил по утрам из дома, шел по Еврейской улице, шел по Большой Арнаутской, таскал по этажам тяжеленные связки книг, возвращаясь к вечеру с никчемной выручкой. Рива и муж ее Залман тоже жили бедно. Рива работала счетоводом в домоуправлении, Залман перебивался случайными заработками, и это про такого говорили знающие люди: «Если он надумает торговать свечами, солнце перестанет заходить». Удачи не дожидаться, парносе не добиться, обуви не купить по бедности, чтобы выйти на улицу. И снова повторим: может, это и был выход из положения? Нет обуви – не выйти на улицу – не встать в общую колонну – не уйти без возврата...

Прохожий сказал: «Началась война». Всё оставалось таким же, как минуту назад: и солнце, и светлая, уютная терраса, и музыка из нового патефона, но тень уже легла на лица, и для одних это была тень озабоченности, а для других – тень близкой смерти. Вращение пластинки за-

медлялось, голос певца густел, но никто не думал о том, чтобы подкрутить пружину патефона...

Началась война, и та война стремительно подкатывалась к Москве, к Никитскому бульвару, к дому номер пятнадцать, к девятой его квартире. Мы ехали от Москвы до Урала долго, невыносимо долго – двадцать шесть бесконечных дней. Часами ждали на разъездах, разводили костры, варили пшеничный концентрат, а рядом стояли эшелоны беженцев с Украины и Белоруссии – без вещей, без теплой одежды, сорванные с места внезапно и поспешно, ошеломленные и растерянные, как разбуженные грубым толчком от сладкого сна. Отпахнутые двери теплушек, еврейские лица посреди нееврейских, но не было среди них наших родственников, они все остались в Одессе – те, что приезжали к нам прежде, жили у нас, пили чай с пирогом, слушали голоса Шульмана и Эпельбаума, а отец крутил ручку патефона, да менял иголки, да подпевал порой, закрыв глаза, запрокинув голову:

За горами, за долами
Голуби летели,
Голуби летели.
Еще радость не пришла,
Годы улетели.
Еще радость не пришла,
Годы улетели...

Родственники погибли в Одессе.

Бася. Яков. Мотла. Ревекка. Залман. Фрима. Исаак. Люба. Еще Фрима...

4

Румыны вошли в Одессу 16 октября 1941 года. «В шесть–семь часов вечера на Большой Арнаутской появилась колонна автомашин с румынскими солдатами в кузове... На тротуарах стоят люди, смотрят и молчат. Вдруг наша старая дворничиха Максимовна падает на колени, крестит румын и причитает: «Наконец вы пришли, освободили нас...» Реакция окружающих молчаливая и настороженная...»

Евреи составляли до войны треть населения Одессы, примерно 200 000 человек, – около половины из них успели уехать или были призваны в Красную армию. После захвата города сразу же начались облавы, аресты евреев, убийства и продолжались затем непрерывно. Из воспоминаний: «Всех обязали носить на груди желтую шестиконечную звезду. Ходить разрешалось только по мостовой. Солдаты шныряли по домам и открыто грабили, а зачастую просто убивали беззащитных людей...» – «Всякие темные людишки, бывшие уголовники... нацепив

повязку со свастикой, врывались в дома и грабили, находились и такие, которые выгоняли евреев из квартир, а сами селились там, забрав всё имущество. Особенно тяжело было, когда так поступали соседи, с которыми еврейские семьи прожили рядом много лет...»

17 октября объявили о регистрации в пригороде Одессы, но явились не все; после регистрации одних отправили в тюрьму, других расстреляли – домой вернулись немногие. В тот же день «из ворот больницы выгнали врачей-евреев в изорванном нижнем белье. Их загнали на кладбище; оттуда послышались страшные вопли избиваемых людей и выстрелы...» – «Профессор Я. С. Рабинович, невропатолог, выбросился из окна, но, к несчастью, не убился насмерть. Он получил тяжелые увечья, он еще дышал и находился в сознании... Ему плевали в лицо, в него кидали камни...» – «Евреи, погибшие в первые дни, были наиболее счастливыми из всех своих собратьев. Они погибли сразу, не испытав всего ужаса преследования, травли и унижения, не опустившись до скотского состояния жалкого, голодного животного, заедаемого паразитами и утратившего облик человека. Другие ждали еще своей очереди...»

Первые дни оккупации Одессы: «Лурье Александр, 15 лет, школьник, повешен румыном на пионерском галстуке...» – «Абрам Сирота, 74 года, портной, выброшен с четвертого этажа по доносу дворника...» – «Старикова Малочка, 13 лет, изнасилована четырьмя ээсовцами и расстреляна...» – «Карачинский Соломон, 15 лет, соседи убили во дворе...»

Румынское коمانование расположило свой штаб в помещении НКВД; 22 октября здание было взорвано с помощью зарядов, заложенных при отступлении Красной армии. Погибли десятки солдат и офицеров, и в ответ последовал приказ: за каждого погибшего офицера расстрелять «двести большевиков», за каждого солдата – сто. На улицах Одессы совершали показательные казни: хватали прохожих, вешали и расстреливали, – среди них оказалось немало евреев. «Ройтблит Генрих, 15 лет, повешен на Соборной площади вместе со своим отцом, Ройтблитом Давидом...» – «Кругом виселицы. Их тысячи. У ног повешенных лежат замученные, растерзанные и расстрелянные. Наш город – город повешенных...» – «После взрыва здания НКВД солдаты угнали из тюрьмы несколько тысяч евреев и всех убили...» – «В этот же день евреи, запертые в артиллерийских складах, были заживо сожжены... Среди них оказался мой дядя Иосиф Эрлихман, маленький, слабенький мужчина, всю жизнь проработавший маляром и не обидевший даже муху...» (По немецким данным, в артиллерийских складах погибло 19 000 евреев; советские исследователи называют иное количество – 25 000.)

Кое-кому из арестованных удалось уцелеть в те дни: «Мы вернулись домой, но на дверях своей квартиры увидели крест и надпись: «Здесь живет русская, православная христианка Ольга Нехлюдова». Это была дочь дворника. При виде нас она растерянно спросила: «Разве вас не убили?..»

Затем началась массовая высылка одесских евреев в свиновхоз Богдановку на берегу Южного Буга. Богдановка входила в состав Транснистрии; туда же пригоняли евреев из Бессарабии и Буковины, всех размещали в свинарниках, конюшнях, сараях: «Где раньше помещалось двести свиней, находилось около двух тысяч человек. На прелой соломе лежали люди, а остальные, в том числе старики и дети, оставались во дворе под открытым небом...»

В декабре 1941 года в Богдановку прибыл карательный отряд, и началось уничтожение: «Смертников раздевали догола, потом подводили к яме, ставили на колени лицом к Бугу. Стреляли разрывными пулями в затылок. Трупы сбрасывали вниз. Рядом стояла бочка вина, которым убийцы подкреплялись...» – «Многие сопротивлялись, пытались бежать, но их пристреливали на месте...» – «Полицейские под руководством Андрусенко подожгли четыре свинарника, откуда люди не хотели выходить на расстрел. Выскочивших из огня – расстреливали. Большинство сгорело...» – «Так происходило ежедневно до 24 декабря, затем был сделан перерыв на три дня ввиду рождественских праздников...» (В праздничные дни заключенных заставили построить плотину на дне оврага, чтобы кровь убитых не стекала в реку.)

Убийством в Богдановке занимались румынские жандармы, украинские полицейские и немцы из окрестных сел. В ямы с трупами набрасывали солому с бревнами, обливали бензином и поджигали; в огонь кидали живых детей. Жители Богдановки вспоминали после освобождения: «Целыми днями слышались выстрелы, пламя было видно днем и ночью, ветер доносил в село запах человеческого мяса...» Среди немцев особым изуверством отличалась одна женщина: «Она как бы пьянела от жестокости, с дикими криками хватала детей и с такой силой разбивала прикладами их головки, что мозги разбрызгивались на большие расстояния... Затем проверяли, не остался ли кто в живых, грузили вещи на машины и с криками «Хайль Гитлер!» уезжали в свои села, оставив часть вещей румынам.»

5

Румыны провозгласили Одессу столицей Транснистрии. Евреям в столице не нашлось места, и в начале января 1942 года уцелевшим от

уничтожения приказали собраться на окраине города, в Слободке. «Исключений не было никаких: в гетто должны были явиться и парализованные, много лет не встававшие с постели, и калеки, и тяжелые инфекционные больные, и психические больные, и роженицы... Одни шли, других вели их близкие, третьих несли на руках. Немногие имели счастье умереть на своей постели. Кто не шел, тех выгоняли бдительные жильцы, доносившие о них в полицию...»

Зима. Снег. Ледяной ветер с моря. Температура доходила до тридцати градусов мороза. Не все добрались до Слободки, а в гетто лежали вповалку в промерзлых домах, валялись на улицах, голодали, болели – первыми замерзали дети. Александра Подлегаева: «Жителям Слободки запретили давать приют евреям под страхом смерти. Зима была лютая. Сугробы двух-трех метров. Люди погибали, замерзая на снегу... У меня в доме пряталась семья евреев: мать, отец, дочь и двое маленьких детей. Об этом не знал никто...»

Аркадий Хасин: «Увозили нас со Слободки последним этапом. Был яркий солнечный день... Свистели и бросали в нас камни бежавшие за подводами мальчишки. Останавливались на тротуарах, глядели вслед прохожие...»

Гетто в Слободке просуществовало недолго. Его обитателей собирали в партии и отправляли из Одессы в те места, где – по уверениям румынского командования – их ожидала работа «для общественной пользы... с вознаграждением пищей и содержанием». Их гнали пешком, в мороз, до станции Сортировочная; стариков, инвалидов и обессиленных убивали в пути. На станции всех загоняли в теплушки, вбивали до невероятной тесноты, утрамбовывали до невозможного.

«Перед посадкой на поезд налетает откуда-то куча хищников – мальчишек-воров, грабителей; они набрасываются на незащитных, измученных людей... вырывают из рук корзинки с остатками продуктов...»

«Замерзшие старики не могут подняться в вагоны и стонут тихо, жалобно, матери теряют детей, дети – матерей, крики, вопли, выстрелы...»

«Поезд движется медленно и, кажется, бесконечно. Куда он идет – неизвестно... Люди коченеют от холода, застывают без движения, мучаются жаждой. Дети плачут, просят есть, пить. Сначала дети, а потом и взрослые начинают отправлять тут же свои естественные потребности...»

«Очередная остановка – прибыли. Ночь. Нас вышвыривают вниз, в жижу, в снег с ледяной водой. Темно. Люди ломают ноги при падении, теряют детей. Крики, вопли, стоны...»

Их привозили на станцию Березовка Одесской области. Туда приходили эшелоны с евреями из Одессы, Бессарабии, Буковины и других

мест; многие замерзали в пути и из вагонов выгружали трупы. На станции собирали партии: одних сразу же отправляли на расстрел, других гнали дальше в снежную пургу, по открытой степи. Из Одессы выходили партии по две-три тысячи человек – до места добирались немногие.

«Нас погнали из Березовки на Доманевку. Когда проходили Мостовое, местные жители набрасывались на людей, у которых было кашне, курточка или платок: «Навыщо вам оцэ потрибно? Вас же зараз будуть вбиваты». И вырывали из рук...»

Дороги были усеяны трупами евреев, и по окрестным селам разослали циркуляр: «Принять следующие меры к предотвращению тифа: все трупы лошадей, скота и евреев закапывать на глубину не менее двух метров...»

В Доманевке их загоняли в разрушенные дома и сараи; обреченные на смерть теряли рассудок, бредили, на навозе, рядом с трупами, рожала женщина, чтобы скончаться к вечеру; голод, грязь по колено, нечистоты, тиф, дизентерия, агония – смерть. «Постепенно образовывались такие горы трупов, что страшно было смотреть!.. Мертвая мать сжимала в объятиях мертвого ребенка. Ветер шевелил седые бороды стариков... Днем и ночью со всех сторон сбегались собаки. Доманевские псы разжирили, как бараны. Днем и ночью собаки грызли человеческое мясо, грызли человеческие кости. Запах стоял невыносимый... Один из полицейских, лаская своего пса, говорил: «Ну что, Полкан, наелся жидами?..»

Начальник полиции в Доманевке, некий Казаков, «участвовал в массовом уничтожении, но этого ему было мало. Разъезжая верхом на лошади, он стрелял в попадавших на его пути людей и видно было, что ужас, который он сеял вокруг себя, приносил ему большое удовольствие...» – «Спасаясь от расстрела, многие пытались бежать, но скрыться было некуда. По дорогам шныряли фашисты и полицейские, которые вылавливали и на месте уничтожали беженцев. А те, кто не попадал в руки фашистов, всё равно погибали...»

В селе Градовка Одесской области немцы-колонисты убивали евреев, заполняли телами печи для обжига известняка, обкладывали их соломой, обливали керосином и поджигали. В трех печах сожгли около 7000 человек.

6

Лагерь возле села Ахмечетка размещался в бывшем свинарнике, в сараях без крыши; его обитателей не выводили на работу и не кормили.

Давид Стародинский: «Страшнее Ахмечетки трудно что-либо придумать. Тысячи людей, изолированные от внешнего мира, без пищи, обреченные на голодное вымирание. Первыми умирали мужчины, их выносливость уступала женской...» – «Утром, когда люди хотели выйти из бараков (ночью это запрещалось под страхом смерти), полицейские не разрешали до тех пор, пока им не дадут какие-нибудь вещи... Нас держали так часами. Люди, которым нужно было выйти по естественным надобностям, буквально прыгали от боли. Оправляться внутри барака никто не смел – это каралось смертью...» – «Я видел... как в лагерь возвращались, торопясь, двое мальчишек, чтобы поделиться с родителями раздобытым хлебом. Полицейский застрелил обоих у самого лагеря, на глазах их родителей. Из карманов мальчиков выпали куски хлеба, которые полицейский тут же растоптал ногами...»

В Ахмечетке погибли от голода тысячи евреев. «Охранявший лагерь полицейский сказал, что месяц назад он готовился остаться без работы, так как в лагере было всего несколько десятков человек. Но «к счастью», подбросили «свежих», и он не остался без работы...»

А в столице Транснистрии жизнь шла своим чередом. Румыны старались убедить жителей Одессы, что они являются частью населения «великой Румынии», а потому в городе работали рестораны, магазины, театры и кабаре, дома терпимости и игорные залы, гастролировали знаменитые артисты, пел на эстраде П. Лещенко; диктатор Румынии Й. Антонеску появлялся в царской ложе оперного театра и раскланивался на аплодисменты. Работали школы, в которых обязательным предметом стал румынский язык; сотни студентов заполняли аудитории университета, консерватории, Академии изящных искусств, Сельскохозяйственного и Политехнического институтов; выходили в свет газеты и журналы, «печатали статьи и брошюры, имевшие целью доказать, что Одесса – в сущности, румынский город (чуть ли не по недоразумению попавший к русским)».

В «Одесской газете» написали к концу 1942 года: «Вошли в город румынские войска... и еврейский гвалт умолк... Вы идете по улице и слышите перезвон колоколов, напоминающий вам о том, что есть еще горный мир, чуждый всяких пакостных дел человеческих отбросов». Уменьшилась жилищная проблема – одесситы заняли комнаты и квартиры уничтоженных евреев, освободилось немало рабочих мест; на рынке и в магазинах торговали еврейскими вещами – одеждой, мебелью, книгами, картинами и драгоценностями.

Евреев, скрывавшихся в Одессе, вылавливали все годы – вплоть до дня освобождения. Из доносов румынским властям: «Несознательные

граждане не желают выдавать евреев полиции. Надо разъяснять этим людям, что честный патриот не должен стоять в стороне при очищении нашей жизни от жидовско-большевистской заразы...» – «Прошу принять меры и забрать жида Рехбиндера как злейшего борца за прошлую большевистскую власть...»

Зоя Бакман: «Нас прятала старая женщина-дворник. Но настало время, когда она больше не хотела рисковать... И вот мы решили покончить со своей несчастной жизнью. Мама вышла с шестилетней сестричкой из дома, бросилась с ней под трамвай. Обе погибли! Разве можно забыть слова ребенка, которая спросила: «Мама, куда мы идем?..»

«Рейзеров Юрий, 1913 г. р., выдан немцам сокурсником по институту, расстрелян в августе 1943 года...» – «Гринфельд Лева, 1928 г. р., школьник, пришел попросить хлеба в дом, где жил, расстрелян у ворот...» – «Медведовская Маня, 1923 г. р., пряталась в русской семье, незадолго до освобождения города была выдана дворником дома и убита...»

В апреле 1944 года Красная армия вошла в Одессу, и подошло время подсчитывать еврейские жертвы. Их убивали на улицах города. Они гибли в степи, умирали от голода и жажды в свинарниках, замерзали в наглухо заколоченных вагонах, которые подолгу стояли на запасных путях; их вешали, расстреливали, сжигали живьем, топили в соленой воде лимана, гнали на минные поля для обезвреживания мин, убивали при попытке к бегству; баржи, груженные одесскими евреями, выходили в открытое море и вскоре возвращались пустыми, чтобы взять на борт очередную партию смертников. Их запирали в бараках, обкладывали соломой, обливали нефтью, сжигали стариков, больных, малых детей, которые не могли дойти до смертной ямы, – жители окрестных деревень бежали из домов от ужасного запаха.

После войны подсчитали примерное количество жертв. В Дальнике было уничтожено около 5000 евреев, в Сортировочной и Сухих Балках – 20 000, в Березовке и Ахмечетке – по 4000, в Доманевке – до 18 000, в Богдановке – 54 000 евреев Одессы и других районов страны. Исследователи полагают, что погибло не менее 90 000 одесских евреев, в живых остались немногие – те, кому удалось спрятаться и пережить ужасное время.

Из воспоминаний: «Бабушка после войны не могла жить в Одессе. Ей в 1944 году рассказали, что видели дедушку повешенным за ноги. Тогда она и сказала: «Буду скитаться по углам, но в Одессу не вернусь...»

«Я выступала по радио в Израиле, рассказывала о том, как спаслась в Богдановке. Позвонила женщина, сказала: «У меня

сожгли в Богдановке двух моих детей. Ты моя дочь». После освобождения она не могла родить ребенка, и я стала ее дочерью, называла мамой. Я ее и похоронила – ведь она тоже из Богдановки...»

7

Из семейной памяти:

Бася и Яков жили на Земской улице, дом 17, и оттуда ушли в Слободку. Их путь лежал, быть может, мимо того здания, где некогда располагался «Унионъ» – фотография с цинкографией, и братья Померанц сделали всё возможное, чтобы остались они у меня, плечом к плечу, в зрелые свои годы, строгие, с уважением к себе, в невозможном сходстве с будущими внуками. Вскоре Бася вернулась за вещами, а затем уже не появлялась.

Ривочка – совсем еще юная, явно до замужества – смотрит на меня со снимка с обещанием во взоре: жить скромно, любить верно, поднимать детей своих, которые непременно у нее появятся. Рива, Залман, дочка их Фрима ушли в Слободку и исчезли.

Исачок на снимке, младшенький, любимец матери – с молодой женой, голова к голове, в лучшие свои годы, а в глазах у него нерастраченная печаль. Исаак, Люба, дочка их Фрима тоже ушли в гетто и тоже исчезли: ни следа, ни могилы, ни камня надгробного. Какой путь прошли? Какую муку приняли? Какие собаки растаскали их кости?..

А Мотлу спрятали знакомые – на Молдаванке или на Пересыпи. В одну из ночей она вышла подышать воздухом, и встретился ей старый знакомый, настройщик роялей, который приходил к ним прежде и обедал в гостях. Он узнал Мотлу, выследил ее укрытие и выдал полиции. Ее взяли, водили по улицам с табличкой «Jude», а потом Мотлу повесили – в славном городе на море, который называли «маленьким Парижем», «Южной Пальмирой», «красавицей Юга».

После войны мой отец приехал в Одессу. Вышел из вагона, прошел по Успенской улице, постоял на Земской: голову кружило, сердце рвало когтями – первым же поездом вернулся в Москву, на Никитский бульвар, в девятую квартиру, и больше уже в Одессу не приезжал. Была когда-то большая, шумная, дружная и хлебосольная семья, но вот пришли немцы и не осталось никого. Только отец, да мы с братом, да несколько племянниц с племянником.

И собираться стало некому.

Слушать песни – некому.

И изредка лишь, вечерами, отец вставал у окна и пел те самые песни, пел – подражал Шульману, Эпельбауму. Чаще всего Шульману. Голос

высокий, с переливами, мелодии печальные, тоскливые. А мы лежали в постелях и слушали. И люди под окном, на московском бульваре, в центре города, слушали, быть может, тоже...

За горами, за долами
Голуби летели,
Голуби летели.
Еще радость не пришла,
Годы улетели.
Еще радость не пришла,
Годы улетели...

8

В начале двадцатого века в учебниках иврита для младших классов был помещен крохотный рассказ – и вот он. Жил на свете мальчик, маленький мальчик, который вечно опаздывал в школу, потому что постоянно забывал, куда он положил перед сном одежду свою и учебники. Каждое утро он тратил время на поиски и потому не успевал в класс к началу занятий. Но однажды вечером мальчик взял листок бумаги и написал: «Одежда на стуле, шапка в шкафу, книжки на столе, туфли под стулом, а я в кровати». Утром он проснулся и стал собирать вещи, заглядывая в этот список. Всё было на месте: одежда висела на стуле, шапка лежала в шкафу, книжки ожидали его на столе, а туфли – под стулом. В конце списка было написано: «а я в кровати». Мальчик начал искать самого себя – долго и безуспешно, никого в кровати не нашел, но потерял при этом много времени и снова опоздал в школу.

К чему этот рассказ? Трудно сказать. Возможно, к тому, что порой мы очень хорошо знаем, где находится наше имущество, сколько его, в какой оно нынче цене, но ничего не знаем о том, где находимся мы сами. А находимся мы – извините за напоминание – в начале нового века и вглядываемся в него с беспокойством, а порой и страхом, наученные опытом ушедших лет. Век прежний, как губка, насыщен кровью, его уже не изменить: таким он получился, таким ему и оставаться в памяти. Наша надежда на век новый, не захватанный пока что грязными руками.

По окончании той войны, году в сорок восьмом, примерно, на пустынном и заброшенном берегу Средиземного моря случайно обнаружили человека, который жил в одиночестве многие годы. Это был современный Робинзон Крузо, и он понятия не имел о том, что случилось в мире. Не знал ничего о Гитлере, не слышал такое имя – Сталин, не подозревал даже, что прошла по Европе мировая война с ее жертвами.

Не знал – и не желал знать. Одиночка может, конечно, спрятаться и отсидеться в укромном месте, но что делать целому народу? Где отсидеться и в какой глуши?..

9

Сорочицы, Украина: «Врач-гинеколог Любовь Михайловна Лангман пользовалась любовью населения, и крестьянки долго скрывали ее от немцев. С ней пряталась ее дочь одиннадцати лет... Пришла повитуха и рассказала, что у жены старосты трудные роды... Верная своему долгу, Лангман пошла в избу старосты, спасла мать и ребенка. После этого староста сообщил немцам, что в его хате находится еврейка. Немцы повели женщину и девочку на расстрел. Сначала Лангман просила: «Ребенка не убивайте», но потом прижала дочь к себе и сказала: «Стреляйте! Не хочу, чтобы она жила с вами». Мать и дочь были убиты...»

Сотни книг написаны на эту тему. Тысячи научных статей. Всё собрано, систематизировано, разложено по параграфам, выделено в столбцы и пронумеровано. Жгучая боль и невыносимые страдания прячутся за колонками цифр и процентов. Детские слезы и старческие рыдания скрываются за беспристрастным анализом ученого. И чем дальше мы удаляемся во времени, чем меньше остается непосредственных свидетелей Катастрофы, тем больше будет недоставать частных, деталей, вот этого, например: «Не хочу, чтобы она жила с вами...», если, конечно, пожелаем и в будущем проникнуться болью и ужасом тех лет.

Сколько времени прошло с той поры? Сколько свидетелей осталось? Сколько народилось новых и новых, что ничего не знают о той трагедии? Сколько таких, что не желают знать?.. Само время, казалось, услужливо освобождает от необходимости знать и помнить. Хотим мы того или нет, сопротивляемся или покорно поднимаем руки, время смывает и зализывает прошлое, затушевывает страдания и зарубцовывает раны. Уходят в небытие палачи, уходят их жертвы, уцелевшие чудом; наши трагедии уплывают в прошлое, наши мученики растворяются в общей толпе бесчисленных жертв, рассеянных в веках. Оно уже стало историей, это прошлое, достоянием ученых-специалистов – так, может, не держать в памяти ту Катастрофу, передать в архивы, передоверить историкам? Пусть они теперь занимаются, пишут статьи-рефераты...

Пройдут годы, не останется в живых ни одного участника той трагедии, ни одного свидетеля, но кто-то должен помнить, кто-то обязан помнить, и напоминать, и предупреждать: вот был народ, культурный и образованный народ в сердце Европы, и будто чумой заболел, холерой или проказой – повальная эпидемия, что привела к таким чудовищным ре-

зультатам. Эта Катастрофа нас научила, эта Катастрофа нас многому научила: не пренебрегать самыми первыми симптомами болезни того или иного народа, чтобы не оказалось потом слишком поздно, чтобы не подводить затем очередной баланс неисчислимых жертв.

Хмельник, Украина: «Мать доктора Абрамсона, глухая старая женщина, не слышала приказа и не сразу вышла из подвала, где она ютилась. Гестаповец схватил ее за седые волосы и саблей отрубил голову. Так, с седой старушечьей головой в руках, он стоял перед людьми...»

10

Со стесненным сердцем начинал автор этот рассказ. Со стесненным сердцем заканчивает...

В те далекие, двадцатые–тридцатые годы, когда Катастрофа уже стояла на пороге, догадывались ли наши деды о том, что на них надвигалось? Догадывались или не догадывались?.. Мы же не легкомысленная нация. Мы дали миру пророков, которые предостерегали при многих бедствиях. Так были ли у нас пророки в те годы, кто это знает? Возможно, и были, но надо еще их выслушать, надо им поверить и не отмахнуться с небрежением, когда всё вокруг спокойно и устойчиво на первое усмотрение. В те предкатастрофные годы мы не предполагали, что один народ способен уничтожить народ другой – педантично, со знанием дела, но теперь мы этому научены, и никто не сможет оговориться незнанием. Это было. Один народ уничтожал народ другой, и гигантские рвы с расстрелянными – граница между нашим и тем временем, между невежеством и знанием.

Мир это принял. Обсудил. Осудил. И занялся очередными проблемами. Шесть миллионов жертв – их хватило ненадолго. По миллиону на десятилетие? Если бы... Подросли новые поколения, которым тоже хочется маршировать, и вскидывать руку для приветствия, и стучать пивными кружками по столу: ведь это так упоительно, особенно в молодые годы! Их деды отмаршировали в свой срок и сгнили затем на полях той войны. Наши деды ушли в газовые камеры...

Что же остается сказать напоследок? Что, как и кому?..

Мы – небольшой народ на этой земле. Мы хорошо заплатили в прошлые тысячелетия – кровью своей – за право жить на свете; нам ничего не давали бесплатно: за всё платили и платим по сей день. Повсюду, в веках, мы отдавали себя под чужое покровительство, под прихоть толпы и случайные капризы очередных властителей, и не было нам пощады ни

в погромах прошлых столетий, ни в ужасающей Катастрофе двадцатого века. Сегодня мы уже научены. У нас есть такой опыт, которого нет, пожалуй, у иных народов. Мы не смеем заблуждаться в намерениях наших врагов, не имеем права. Кто может гарантировать спокойную жизнь в этом изменчивом мире? Никто не может. Только мы. Только сами.

И последнее. Мы много говорим на эту тему. Со стороны покажется – слишком много. Но это у нас болит. Это оказалось в человеческих возможностях – шесть миллионов жизней: как же теперь уберечься? Нам скажут: вы больные, евреи, вы травмированы той Катастрофой и вечно ее поминаете, на всех перекрестках. Ответим на это: мы не больные. Мы опытные. Нас уже уничтожали в том веке. И с нас достаточно.

Библиография

А. Абрамович, «В решающей битве. Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма». Изд. «Деан», С.-Петербург, 1999 г.

А. Айзеншарф, «Стихи». Калуга, 2004 г.

И. Альтман, «Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг.» Изд. фонда «Ковчег», коллекция «Совершенно секретно», Москва, 2002 г.

М. Альтман, «Отрицание Холокоста: история и современные тенденции». Москва, 2001 г.

П. Антокольский, «Третья книга войны». Изд. «Советский писатель», Москва, 1946 г.

И. Арад, «Холокост. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Сборник статей». Изд. Яд ва-Шем, Иерусалим, 1990 г.

«Архив гетто», «Борьба за выживание в концлагерях», «От антисемитизма к Катастрофе» – сборники учебных материалов. Изд. «Массуа», Израиль, 1995 г.

С. Атамукас, «Евреи в Литве». Изд. «Литуанус», Вильнюс, 1990 г.

«Бабий Яр. К пятидесятилетию трагедии». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1991 г.

М. Бакальчук-Фелин, «Воспоминания еврея-партизана». Изд. «Возвращение», Москва, 2003 г.

А. Бергман, «Записки недочеловека». Рига, 2005 г.

Л. Беренштейн, «Люди из легенды». Израиль, 2003 г.

Э. Беркович, «Вера после Катастрофы». Изд. «Амана», Иерусалим, 1991 г.

Т. Биргер, «Завтра не наступит никогда». Изд. «Лимбус Пресс», С.-Петербург, 2001 г.

А. Блюм, «Еврейский вопрос под советской цензурой». Изд. Петербургского еврейского университета, С.-Петербург, 1996 г.

Я. Боас, «Мы свидетели. Дневник пяти подростков – жертв Холокоста». Изд. «Оптима», Киев, 2001 г.

«Богословие после Освенцима и ГУЛАГа. Материалы Международной научной конференции». С.-Петербург, 1997 г.

«Богословие после Освенцима и его связь с богословием после ГУЛАГа: следствия и выводы. Материалы Второй международной научной конференции». С.-Петербург, 1998 г.

С. Боровой, «Воспоминания». Изд. Еврейский университет – «Gesharim», Москва–Иерусалим, 1993 г.

М. Ботвинник, «Памятники геноцида евреев Беларуси». Изд. «Беларуская навука», Минск, 2000 г.

С. Брухфельд, П. А. Левин, «Передайте об этом детям вашим... История Холокоста в Европе. 1933–1945». Изд. «Текст», Москва, 2000 г.

Л. Бычков, «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны». Изд. «Мысль», Москва, 1965 г.

Х. Вейцман, «В поисках пути». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1983 г.

«Вестник Еврейского университета в Москве», выпуски 1–21. Москва–Иерусалим, 1992–2000 гг.

А. Вивверка, «Как я объяснила моей дочери, что такое Освенцим». Изд. «Лимбус Пресс», С.-Петербург, 2001 г.

Б. Волкович, Д. Олехнович и другие, «Холокост в Латгалии». Изд. Еврейской общины Даугавпилса.

Э. Вольф, «Воспоминания бывших узников Жмеринского гетто». Иерусалим, 2001 г.

А. И. Гешель, «Израиль – эхо вечности». Изд. «Амана», Иерусалим, 1982 г.

«Говорят погибшие герои». Государственное издательство политической литературы, Москва, 1963 г.

М. Гонтмахер, «Евреи на донской земле». Изд. «Ростиздат», Ростов-на-Дону, 1999 г.

В. Гроссман, «На еврейские темы. Избранное в двух томах». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1985 г.

Р. Гуль, «Я унес Россию», том 1. Изд. «Мост», Нью-Йорк, 1981 г.

И. Гутман, Х. Шацкер, «Катастрофа и ее значение». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1990 г.

Б. Двинов, «Власовское движение в свете документов». Нью-Йорк, 1950 г.

«Десять років єврейського національного відродження в пострадянських країнах». Изд. Института иудаики и Национальной библиотеки Украины, Киев, 2001 г.

С. Дубнов, «Книга жизни», том 3. Изд. Союза русских евреев, Нью-Йорк, 1957 г.

«Дубновские чтения. Сборник статей». Изд. «Четыре четверти», Минск, 2001 г.

С. Дудаков, «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России». Изд. Российского государственного гуманитарного университета, Москва, 2000 г.

«Евреи Беларуси. История и культура», выпуски 3–6. Минск, 1998–2001 гг.

«Евреи в Риге. Краткий путеводитель». Издание музея и документационного центра Латвийского общества еврейской культуры, Рига, 1992 г.

«Евреи Гродно. Очерки истории и культуры». Гродно, 2000 г.

«Евреи Украины. Краткий очерк истории», часть 2. Киев, 1995 г.

«Еврейские народные песни». Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1947 г.

«Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история». Изд. «Международные отношения», Москва, 1996 г.

«Еврейский мир», сборник. Изд. Союза русских евреев, Нью-Йорк, 1944 г.

«Еврейский народ в борьбе против фашизма». Государственное издательство «Дер Эмес», Москва, 1945 г.

С. Елисаветский, «Бердичевская трагедия. Документальное повествование». Киев, 1991 г.

«Если забуду...», документальная повесть о гибели Бутримониса, еврейского местечка в Литве. Составители В. Райз и Я. Шехтер. Изд. «Шамир» – «Амана», Иерусалим, 1985 г.

«Живыми остались только мы. Свидетельства и документы». Изд. «Задруга», Киев, 2000 г.

«Забвению не подлежит». Изд. «Полиссия», Житомир, 2000 г.

«Запорожские еврейские чтения», выпуски 1–4. Изд. Запорожского государственного университета, Запорожье, 1998, 2000 г.

В. Захаров, В. Кулишов, «Анатомия Холокоста. Начало начал. Германия 1933–1939 годы». Изд. «Коллекция «Совершенно секретно», Москва, 2000 г.

Э. Иоффе, «По достоверным источникам. Евреи в истории городов Беларуси». Изд. «Четыре четверти», Минск, 2001 г.

Э. Иоффе, «Страницы истории евреев Беларуси». Минск, 1996 г.

А. Итай, М. Нейштат, «Через три подполья»: Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1976 г.

Э. Йонес, «Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства. 1939–1944». Изд. Российской библиотеки Холокоста, Москва, 1999 г.

А. Кауфман, «Лагерный врач». Изд. «Ам овед», Тель-Авив, 1973 г.

В. Киселев, «Партизанская разведка». Изд. Белорусского университета, Минск, 1980 г.

А. Кларк, «План «Барбаросса» Крушение Третьего рейха. 1941–1945». Изд. «Центрополиграф», Москва, 2002 г.

«Книга о русском еврействе. 1917–1967». Изд. Союза русских евреев, Нью-Йорк, 1968 г.

Б. Ковалев, «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944». Изд. «Транзиткнига», Москва, 2004 г.

А. Ковнер, «Книга свидетельств». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1989 г.

«Корни. Вестник Народного университета еврейской культуры в Центральной России и Поволжье», выпуски 5–6. Изд. «Еврейский мир», Саратов – Нижний Новгород, 1996 г.

Р. Корчак, «Пламя под пеплом». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1977 г.

Я. Корчак, «Дневник». Изд. «Став», Иерусалим, 1982 г.

Г. Костырченко, «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм». Изд. «Международные отношения», Москва, 2001 г.

И. Котлер, «Очерки по истории евреев Одессы». Иерусалим, 1996 г.

Краткая еврейская энциклопедия, тома 1–11, дополнительные тома 1–3. Изд. Общества по исследованию еврейских общин, Иерусалим, 1976–2005 г.

«Кто был кто в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Краткий справочник». Изд. «Республика», Москва, 1995 г.

Й. фон Ланг, «Протоколы Эйхмана. Магнитофонные записи допросов в Израиле». Изд. «Текст», Москва, 2002 г.

«Литва. Краткая энциклопедия». Главная редакция энциклопедий, Вильнюс, 1989 г.

Э. Литвинов, «Путешествие по малой планете». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1978 г.

«Литовский Иерусалим в иллюстрациях и документах», в двух томах. Нью-Йорк, 1974 г.

- Л. Лурье-Клебанова, «Дети Катастрофы». Иерусалим 1988 г.
- «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне». Изд. Российской академии наук, С.-Петербург, 1995 г.
- Ю. Ляховицкий, «Желтая книга. Свидетельства, факты, документы», выпуск 3. Изд. библиотеки газеты «Бенсиах», Харьков, 1994 г.
- Ц. Г. Мазелиш, «Респонсы освящающих Имя Всевышнего». Чикаго, 1955 г.
- Т. Манн, «О немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1990 г.
- П. Маркиш, «Стихотворения и поэмы». Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1945 г.
- «Материалы Девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы». Москва, 2002 г.
- Г. Меир, «Моя жизнь». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1985 г.
- А. Мише (А. Кардаш), «У черного моря». Иерусалим, 2004 г.
- А. Мише, «Черновой вариант». Иерусалим, 1994 г.
- «Мой путь в Израиль». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1977 г.
- «На одной волне. Еврейские мотивы в русской поэзии». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1974 г.
- «Неизвестная «Черная книга». Изд. Яд ва-Шем и Государственный архив РФ, Иерусалим–Москва, 1993 г.
- А. Некрич, «Наказанные народы». Изд. «Хроника», Нью-Йорк, 1978 г.
- Б. Непомнящий, «Черная книга Херсонщины». Изд. «Персей», Херсон, 1999 г.
- С. Орлянский, «История евреев Запорожья», выпуск 5. Изд. Запорожского государственного университета, 1999 г.
- «Одесский мартиролог», т. 2. Изд. ОКФА, Одесса, 1999 г.
- «Очерк истории еврейского народа. Под редакцией проф. Ш.Эттингера», том 2. Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1976 г.
- Э. Ошри, «Вопросы и ответы из бездны», в 2-х томах (на иврите). США, 1959 г.
- «Партизанская дружба». Изд. «Дер Эмес», Москва, 1948 г.
- И. Пилат, «Из истории еврейства Молдовы». Кишинев, 1990 г.
- «Подольский еврейский альманах», выпуски 1–2. Винница, 2001–2002 гг.
- Л. Поляков, «Арийский миф. Исследование истоков расизма». Изд. «Евразия», С.-Петербург, 1996 г.
- Г. Померанц, «Записки гадкого утенка». Изд. «Росспэн», Москва, 2003 г.
- «Православная церковь и евреи: 19–20 вв.», сборник материалов. Изд. «Рудомино», Москва, 1994 г.
- «Процесс Эйхмана. 6 000 000 обвиняют». Издание информационного отдела министерства иностранных дел Израиля, Иерусалим, 1961 г.
- Е. Ржевская, «Геббельс. Портрет на фоне дневника». Изд. «Слово», Москва, 1994 г.
- Е. Розенблат, И. Еленская, «Пинские евреи. 1939–1944 гг.» Брест, 1997 г.
- М. Рольникайте, «Я должна рассказать». Издательство политической литературы, Москва, 1965 г.

Д. Роскес, «Вопреки апокалипсису». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1989 г.

«Россия и СССР в войнах 20 века. Потери вооруженных сил». Изд. «Олма-пресс», Москва, 2001 г.

А. Рубенчик, «Правда о минском гетто». Тель-Авив, 1999 г.

«Русская идея и евреи. Роковой спор», сборник статей. Изд. «Наука», Москва, 1994 г.

Ф. Свердлов, «В строю отважных. Очерки о евреях – Героях Советского Союза». Изд. «Книга и бизнес», Москва, 1992 г.

Ц. Сегаль, «Утерянные ключи. Книга воспоминаний». Библиотечка газеты «Тарбут», Самара, 1999 г.

И. Сельвинский, «Избранные произведения». Изд. «Советский писатель», Ленинград, 1972 г.

Е. Сергеев, «Новейшая история. Подробности. 1945–1999». Изд. «Олимп, Астрель», Москва, 2000 г.

П. Сихровски, «Рожденные виновными. Исповеди детей нацистских преступников». Изд. «Комплекс-прогресс», Москва, 1997 г.

Г. Смоляр, «Мстители гетто». Изд. «Дер Эмес», Москва, 1947 г.

«Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943–1966». Изд. Еврейского университета в Иерусалиме и Яд ва-Шем, 1993 г.

Б. В. Соколов, «Оккупация. Правда и мифы». Изд. «Аст-пресс книга», Москва, 2002 г.

Б. Н. Соколов, «В плену». Изд. «Цитадель», С.-Петербург, 2000 г.

«СС в действии. Документы о преступлениях СС». Изд. «Светотон», Москва, 2000 г.

Д. Стародинский, «Одесское гетто». Изд. «Друк», Одесса, 2002 г.

Д. Стефан, «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945». Изд. «Слово», Москва, 1992 г.

«Сто еврейских местечек Украины», вып. 1. Иерусалим–С.-Петербург, 1997 г.

«Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации. 1941–1944. Сборник материалов и документов». Минск, 1995 г.

«Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сборник документов и материалов». Изд. Яд ва-Шем, Иерусалим, 1991 г.

Э. Файн, «По дорогам, не нами выбранным». Изд. «Overseas Publications», Лондон, 1990 г.

А. Файтельсон, «Непокорившиеся. Летопись еврейского сопротивления». Тель-Авив, 2001 г.

И. Финкельштейн, «Книга мужества и скорби. Евреи Винницы в годы Великой Отечественной войны», выпуск 1-й. Винница, 1999 г.

Г. Фридман, «Что с нами случилось». Рига, 2004 г.

«Холокост. Доклады на Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудайке». Москва, 2001 г.

«Холокост. Убийство евреев в 1933–1945 гг. Документы. Свидетельства. Литература». Составитель А. Кардаш. Изд. «Даат/Знание», Москва–Иерусалим, 2003 г.

- Я. Хонигсман, «Катастрофа львовского еврейства». Львов, 1993 г.
- Ч. Е. Хоффман, «Красный штетл». Изд. «Pontos», Кишинев, 2004 г.
- М. Хэй, «Кровь брата твоего. Корни христианского антисемитизма». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1991 г.
- Б. Цин, «Выжить, чтобы вернуться». Тель-Авив, 1997 г.
- «Черная Книга», под редакцией В. Гроссмана и И. Эренбурга. Изд. Яд ва-Шем, 1980 г.
- «Черная Книга», под редакцией В. Гроссмана и И. Эренбурга. Изд. «Йад», Вильнюс, 1993 г.
- С. Шварц, «Антисемитизм в Советском Союзе». Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1952 г.
- А. Шнеер, «Плен», в двух томах. Иерусалим, 2003 г.
- «Штетл» як феномен єврейської історії», матеріали конференції 1998 г. Киев, 1999 г.
- «Штурм власти», из серии «Третий рейх. Трагедия народов». Изд. «Терра-Тегга», Москва, 1997 г.
- Г. Шур, «Евреи в Вильно. Хроника 1941–1944 годов». Изд. «Образование-культура», С.-Петербург, 2000 г.
- «А. Эйнштейн о сионизме». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1991 г.
- Я. Элиах, «Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы». Изд. «Gesharim»–«Мосты культуры», Москва–Иерусалим, 2005 г.
- И. Эренбург, «Люди, годы, жизнь», т. 2–3. Изд. «Советский писатель», Москва, 1990 г.
- И. Эренбург, «Стихотворения». Изд. «Советский писатель», Ленинград, 1977 г.
- Ирина Эренбург, «Разлука. Воспоминания. Дневник». Израиль, 1998 г.
- «Эхо Бабьего Яра. Поэтическая антология». Изд. «Риф», Киев, 1991 г.
- С. Яров, «Новейшая история России. 1917–1991». Изд. «Неотэкс», С.-Петербург, 1998 г.
- «Encyclopedia of the Holocaust» в 4 томах. Macmillan Publishing company, New-York, Collier Macmillan Publishers, London, 1990 г.
- A. Greenbaum, «Rabbis in the Soviet Union during the interwar period. 1917–1939» (на иврите). Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1994 г.
- D. Levin, «Baltic Jews under the Soviets. 1940–1946». Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1994 г.
- «The Holocaust encyclopedia». Yale University Press, США, 2001 г.

Газеты, еженедельники и журналы:

- «Вести», Израиль, 1996, 2002–2004 гг. «Винницкая Иерусалимка», № 11–12, 2002 г. «Егупець» № 10, Киев, 2002 г. «Иерусалимский журнал» № 9, Иерусалим, 2001 г. «Лехаим», Москва, 2000–2001 гг. «Мишпоха» № 4, Витебск, 1998 г. «Новости недели», Израиль, 1996–1998, 2002–2003 гг. «Русская мысль», Париж, 1998, 2001–2004 гг. «Шалом» № 6, Москва, 2001 г. «Nota Bene» № 7, Иерусалим, 2005 г.

Содержание

Часть девятая

Очерк сорок третий	
Расовая теория	9
Очерк сорок четвертый	
Приход Гитлера к власти. Первые концлагеря на территории Германии	20
Очерк сорок пятый	
Антиеврейские законы. Положение евреев в Германии	37
Очерк сорок шестой	
«Хрустальная ночь»	52
Очерк сорок седьмой	
Бегство евреев из Германии. Конференция в Эвиане	67

Часть десятая

Очерк сорок восьмой	
Начало войны и эвакуация населения. Методы уничтожения на оккупированных территориях	81
Очерк сорок девятый	
Первые месяцы войны. Латвия, Литва, Эстония	98
Очерк пятидесятый	
Бердичев. Киев. Харьков. Крымский полуостров	113
Очерк пятьдесят первый	
Конференция в Ванзее. Немецкое наступление летом 1942 года и уничтожение евреев захваченных территорий	131

Часть одиннадцатая

Очерк пятьдесят второй	
Создание гетто и рабочих лагерей на оккупированных территориях. Львов. Витебск. Минск	145
Очерк пятьдесят третий	
Создание гетто на территории Прибалтики. Транснистрия	157
Очерк пятьдесят четвертый	
Жизнь в гетто	171
Очерк пятьдесят пятый	
Юденраты. Еврейская полиция	185

Очерк пятьдесят шестой	
Ликвидация гетто на территории СССР	198

Часть двенадцатая

Очерк пятьдесят седьмой	
Дети Катастрофы	215
Очерк пятьдесят восьмой	
Еврейское сопротивление	227
Очерк пятьдесят девятый	
Духовное сопротивление	244
Очерк шестидесятый	
Еврей-партизаны	258

Часть тринадцатая

Очерк шестьдесят первый	
Оккупация. Антисемитская пропаганда на захваченных территориях	277
Очерк шестьдесят второй	
Местное население и евреи	292
Очерк шестьдесят третий	
Праведники народов мира	304
Очерк шестьдесят четвертый	
«Черная книга». Деятели культуры и Катастрофа	321

Часть четырнадцатая

Очерк шестьдесят пятый	
Освобождение. Жертвы Катастрофы	337
Очерк шестьдесят шестой	
«Почему они позволили себя убить?» Где был Всевышний? ...	354
Очерк шестьдесят седьмой	
Союзники и Катастрофа. Ватикан. Уничтожение цыган. Нюрнбергский процесс	365
Очерк шестьдесят восьмой	
Судьбы страшного времени	380
Очерк-приложение	
От автора – дополнением к прочитанному	392
Библиография	407

В издательстве «МОСТЫ КУЛЬТУРЫ/ГЕШАРИМ»

в серии «ИСТОРИЯ» ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Н.ГОЛЬ, О. ПРИЦАК. Хазарско-еврейские документы X века. М., 2003. С. 240

С.М. ДУБНОВ. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени.

Г. КАЗОВСКИЙ. Художники Культур-Лиги. М., 2003. С. 344

Ф. КАНДЕЛЬ. Книга времен и событий.

Том первый. История российских евреев. Части первая и вторая. М., 2002. С. 472

Том второй. История российских евреев. Часть третья. М., 2002. С. 400

Том третий. История евреев Советского Союза (1917–1939). М., 2002. С. 488

Том четвертый. История евреев Советского Союза (1939–1945). М., 2004. С. 328

Е. МАКАРОВА, С. МАКАРОВ, Е. НЕКЛЮДОВА, В. КУПЕРМАН. Крепость над бездной. Терезинские дневники, 1941–1943. М., 2003. С. 408.

Е. МАКАРОВА, С. МАКАРОВ. Крепость над бездной. Я – блуждающий ребенок. Дети и учителя в гетто Терезин. М., 2005. С. 424.

Д. ТРАХТЕНБЕРГ. Дьявол и евреи. М., 1999. С. 256.

ТРИ ЕВРЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКА. М., 2004. С. 332.

В. ШПИЛЬМАН. Пианист. Варшавские дневники 1939–1945. М., 2003. С. 184.

М. ШТЕЙНБЕРГ. Евреи в войнах тысячелетий. М., 2004. С. 560.

Феликс Кандель

Книга времен и событий
История евреев Советского Союза

Том пятый
Уничтожение еврейского населения
(1941–1945)

Верстка
В. Рохлин

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (095) 792-3856
E-mail: gesharim@e-slovo.ru

Gesharim, Jerusalem
Tel./fax: (972)-2-624-2527
Fax: (972)-2-624-2505
E-mail: house@gesharim.org
www.gesharim.org

Издательство «**Мосты культуры**»
ЛР № 030851 от 08.09.98
Формат 70 × 100/16
Печ.л. 26,0. Заказ № 3251

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов

в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

OCR Давид Титиевский, март 2021 г., Хайфа

Пятый том «Книги времен и событий» посвящен трагической теме – уничтожению еврейского населения Советского Союза (1941–1945 годы). Расовая теория. Приход Гитлера к власти. Первые концлагеря на территории Германии и антиеврейские законы. «Хрустальная ночь». Бегство евреев из Германии. Конференция в Эвиане. Начало советско-германской войны и эвакуация населения. Методы уничтожения на оккупированных территориях. Первые месяцы войны – Латвия, Литва, Эстония. Бердичев. Киев. Харьков. Крымский полуостров. Конференция в Ванзее. Немецкое наступление летом 1942 года и уничтожение евреев захваченных территорий. Создание гетто – Львов, Витебск, Минск. Гетто на территории Прибалтики и Транснистрии. Жизнь в гетто. Юденраты. Еврейская полиция. Ликвидация гетто на территории СССР. Дети Катастрофы. Еврейское сопротивление. Евреи-партизаны. Антисемитская пропаганда на захваченных территориях. Местное население и евреи. Праведники народов мира. «Черная книга». Деятели культуры и Катастрофа. Освобождение. Итоги Катастрофы. «Почему они позволили себя убить?» Где был Всевышний? Союзники и Катастрофа. Ватикан. Уничтожение цыган. Нюрнбергский процесс. Судьбы страшного времени. От автора – дополнение к прочитанному.

